

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ПРАВОСУДИЯ

Под редакцией Н.А. Колоколова

История российского правосудия

Под редакцией
доктора юридических наук **Н.А. Колоколова**

*Рекомендовано Учебно-методическим центром
«Профессиональный учебник» в качестве учебного пособия
для студентов высших учебных заведений, обучающихся
по специальности 030501 «Юриспруденция»*

Закон и право • Москва • 2015

УДК [94:347.9](470+571)(075.8)"8/20"
ББК 67.71(2Рос)-1+63.3(2)-36
И90

К о л л е к т и в а в т о р о в :

*А.А. Воротынцева, А.А. Демичев, О.В. Исаенкова, Н.А. Колоколов,
Ю.К. Краснов, А.В. Потапова, И.П. Слободянюк*

Р е ц е н з е н т ы :

доктор юридических наук, профессор *В.М. Баранов*;
доктор юридических наук, профессор *Л.А. Воскобитова*;
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ *А.И. Экимов*

Главный редактор издательства *Н.Д. Эриашвили*,
кандидат юридических наук, доктор экономических наук, профессор,
лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники

И89 **История** российского правосудия: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [А.А. Воротынцева и др.]; под ред. Н.А. Колоколова. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. — 447 с.
И. Колоколов, Никита Александрович, ред.

ISBN 978-5-238-01560-6

Агентство СІР РГБ

В пособии представлена хронология развития суда в России в IX—XXI вв. Изложены взгляды на сущность судебной власти, предложена периодизация ее развития. Даны историография суда и исполнительного производства.

Для студентов юридических вузов, аспирантов и преподавателей. Издание будет полезно студентам, обучающимся по специальностям «История» и «Политология».

ББК 67.71(2Рос)-1+63.3(2)-36

ISBN 978-5-238-01560-6

© ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНИТИ-ДАНА, 2009

Принадлежит исключительное право на использование и распространение издания. Воспроизведение всей книги или какой-либо ее части любыми средствами или в какой-либо форме, в том числе в интернет-сети, запрещается без письменного разрешения издательства.

© Оформление «ЮНИТИ-ДАНА», 2009

Введение

В советский период марксизм с присущей ему парадигмой государства — аппарата классового насилия исповедовался обществом на уровне религии, а суд рассматривался всего лишь как один из инструментов единой командно-административной системы. В этой связи исследование правосудия в качестве самостоятельного способа разрешения разнообразных социальных конфликтов в число приоритетных научных изысканий не входило. Отвержение по идеологическим соображениям концепции разделения властей полностью лишило ученых возможности правильно определить природу суда, его значимость в общественном развитии. Поэтому неудивительно, что в эпоху перемен, закономерно грянувших на рубеже второго и третьего тысячелетий, российская правовая наука вошла без необходимой суммы теоретических знаний о власти вообще и о государственной и судебной власти в частности.

Результат длительной информационной самоизоляции нашего общества проявился и в рамках судебной реформы. Начавшись в 1991 г., она вскоре сама по себе приостановилась, так как суд по инерции трансформировали «по образу и подобию» структур исполнительной власти. При этом из вида было упущено то, что судебно-властные отношения, в отличие от административных, по команде сверху в «правильную пирамиду» не выстраиваются, следовательно, традиционным для наших управленцев подбором и расстановкой кадров в становлении институтов судебной власти не обойтись.

Реформаторам судебной системы пришлось ограничиться поспешным копированием апробированных в других странах законоположений, численным увеличением судейского корпуса, укреплением его материально-технического обеспечения. Некоторые утверждают, что за 15 лет судебной реформы сделано немало, однако настоящего состязательного судопроизводства в России до сих пор нет. Судья россиянами по-прежнему воспринимается не как самостоятельный и независимый арбитр в споре равных сторон, а как заурядный чиновник, которого «слабый» униженно просит защитить от «сильного», несмотря на то, что стороны в состязательном процессе уравнивает не стоящая за ними физическая или экономическая мощь, приближенность к правящей элите, а право.

Причин сегодняшнего, весьма далекого от идеала состояния российской судебной власти много, однако в их иерархии особое место занимает дефицит фундаментальных общеправовых научных знаний о судебной власти и правосудии. Несмотря на то, что в научное и массо-

вое правосознание пришло понимание того, что знания о судебной власти и правосудии нуждаются не только в серьезном переосмыслении, но и в обобщенном изложении в рамках единой доктрины, тем не менее, они до сих пор разбросаны по целой группе гуманитарных наук, отраслевым правовым наукам, многие из которых перегружены задачами прикладного характера. В то же время, очевидно, что без соответствующей общетеоретической базы эффективное решение проблем судебной власти и правосудия невозможно.

Объективные причины интереса к проблеме судебной власти, истории российского правосудия — это глобальные изменения в мире, управление которым требует принципиально новых инструментов власти, в том числе и судебной. Изменение мира, изменение конструкции власти с неизбежностью влечет модификацию сущности судебной власти и правосудия.

Субъективные причины интереса к проблемам судебной власти и правосудия — это распространившийся в обществе опасный стереотип, состоящий в отождествлении судебной власти с судом, судебной системой, а то и личностью судей. Вместе с тем суды лишь потенциальные носители судебной власти, институты которой базируются на объективных естественных законах, и их суды как органы государственной власти обязаны правильно применять. Судьи лишь получают право воздействия на систему судебной власти, с которой у них самих складываются весьма сложные многоплановые отношения. Система власти вынуждает их действовать в рамках осуществления правосудия только так, как эта объективная система судебной власти им позволяет. В то же время лица, наделенные судейскими полномочиями, получают право на их совершенствование, для чего «строителям» судебных систем требуются научные знания о закономерностях судебной власти, возможных направлениях ее модернизации.

Российская правовая наука в настоящий период времени только лишь приближается к пониманию феноменов судебной власти и правосудия во всей их глубине, сложности и многообразии. Следует согласиться с М.Н. Марченко, что «среди нерешенных проблем судебной власти в настоящее время по-прежнему остаются вопросы, касающиеся общего понятия судебной власти, определения ее юридической природы и характера, установления свойственных судебной власти как родовому явлению и соответствующему ему понятию признаков и черт, вопросы определения характера и особенностей взаимоотношения судебной власти с другими ветвями государственной власти»¹.

Открытия в области государственной, в том числе и судебной, власти интересуют всех членов общества, классы, группы, слои населения. Механизмы власти — самые ценные продукты, вырабатываемые политическим обществом, которое является ее исследователем, проектировщиком и ее строителем. Научное совершенствование «организма»

¹ Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судебное право. М., 2007. С. 8.

судебной власти и правосудия в значительной мере определяет судьбу всего народа и государства.

Число желающих разобраться в таинствах власти (в том числе и судебной) во все времена было значительно. Определенных успехов в этом направлении достигли представители русской правовой науки «века серебряного» — отцы и дети первой судебной реформы: С.И. Викторский, Н.В. Давыдов, Г.А. Джаншиев, Н.А. Захаров, П.Е. Казанский, А.Ф. Кони, П.И. Люблинский, Л.И. Петражицкий, К.П. Победоносцев, Н.Н. Полянский, В.Д. Спасович, И.Я. Фойницкий и другие. Им, в частности, удалось систематизировать знания о судебной системе, суде, месте и роли последнего в социальном и государственном управлении, накопленные к тому времени мировой цивилизацией.

В то же время «переступить» в своем учении через ошибочный тезис: государственная власть, в том числе и судебная, исходит от государя императора — субъекта, расположенного «вне» объекта властеотношения — общества, российские ученые в большинстве своем так и не смогли. Несмотря на обилие работ, опубликованных в конце XIX — начале XX в. по избранной нами тематике, говорить о действительно серьезных «прорывах» в сфере понимания судебной власти не приходится.

Особняком стоят политико-юридические исследования о государстве Г.Д. Гуревича, И.А. Ильина, Ф.Ф. Кокошкина, П.А. Сорокина. Использование ими нетрадиционной для своего времени совокупности методов познания социальной действительности позволило получить качественно новые знания об отдельных сторонах судебной власти как о разновидности общественных отношений.

В советский период исследованиями суда, судопроизводства занимались А.Я. Вышинский, М.С. Строгович, М.В. Кожевников, А.Д. Кокарев, М.И. Чельцов-Бebutov и многие другие видные ученые. Несмотря на то, что теоретики того времени на любой объект познания смотрели исключительно через призму марксистско-ленинского учения о государстве, многие из них смогли вплотную приблизиться к правильному пониманию некоторых аспектов сущности судебной власти. Однако, по вполне понятным причинам, судебная власть как самостоятельная и независимая ветвь государственной власти ими не выделялась и комплексно не исследовалась.

К анализу судебной власти как автономного социально-правового явления отечественные, да и зарубежные ученые приступили лишь в последнее десятилетие XX столетия (Т.Е. Абова, Е.Б. Абросимова, А.И. Алексеев, Б.В. Андреев, В.И. Анишина, Г.В. Атаманчук, П.Д. Баранбойм, В.Г. Бессарабов, А.Д. Бойков, Н.С. Бондарь, А.А. Власов, В.В. Власов, Л.А. Воскобитова, С.И. Герасимов, К.Ф. Гуценко, И.Ф. Демидов, В.В. Ершов, И.А. Исаев, Л.М. Карнозова, Д.А. Керимов, М.И. Клеандров, А.И. Ковлер, А.А. Леви, Г.В. Мальцев, М.Н. Марченко, Э.Б. Мельникова, И.Б. Михайловская, Т.Г. Моршакoва, Э.М. Мурадян, С.Г. Павликов, И.Л. Петрухин, В.А. Ржевский, В.П. Рябцев, В.М. Савицкий, Н.Г. Салищева,

К.Ф. Скворцов, Ю.И. Скуратов, А.Б. Соловьев, Ю.И. Стецовский, А.Я. Сухарев, Ю.А. Тихомиров, М.Е. Токарева, Н.Ю. Хаманева, Н.М. Чепурнова, С.П. Щерба, Б.С. Эбзеев, Н.Я. Якубович и др.).

Особый интерес представляют научные труды о судебной власти и правосудии М.В. Баглая, В.Д. Зорькина, В.М. Лебедева, В.А. Туманова, В.Ф. Яковлева, поскольку это не только видные ученые, но еще и руководители высших судебных инстанций, роль которых во второй российской судебно-правовой реформе трудно переоценить.

В то же время нельзя не отметить, что судебно-властные отношения многими российскими учеными воспринимаются формально, преимущественно в институциональном плане, в рамках, закрепленных законодательством, в результате чего такое сложное явление, как судебная власть, получает чисто нормативное, а порой и схоластическое толкование. Судебная власть для них — данность, а не проблема, подлежащая разрешению.

На постсоветском пространстве судебную власть изучали в странах СНГ и Балтии (В.Д. Брынцев, Ю.М. Грошевой, И.Е. Марочкин и Е.Г. Мартынич и др.).

Важное значение для правильного понимания происходящих в России процессов имеют исследования судебно-властных отношений, предпринятые зарубежными учеными (П. Арчер, А. Барак, В. Бернхем, А. Гарапон, Д. Зусмэм, Б. Кардозо, А. Кох, М. Ландау, Е. Маквинней, Р. Познер, С. Роз-Акерман, П. Соломон, Р. Страусс, Т. Фоглесонг, Ф. Франкфуртер, И. Шихата, Р. Эдвардс, М. Эллон и др.).

Явные пробелы в теории власти, правосудия и судопроизводства, появление в наши дни возможности для обращения к государственно-правовой тематике на качественно новом уровне исторического, социологического и правового знания, использование новых подходов и методов — все это позволяет исследователям современности по-иному ставить вопросы в поиске структурообразующих связей в обществе, государстве, судебной системе.

Изучающий правосудие должен обладать весьма разнообразным арсеналом способов научного познания. С учетом характера объекта и предмета познания это в первую очередь *историческим методом*. Описание и исследование развития судебной власти, ее аппарата — судебной системы, а равно их свойств в хронологическом порядке позволит проследить эволюцию судебной власти от ее зарождения до современного состояния, что, в свою очередь, обеспечит глубокое понимание ее природы, содержания, способствовало правильной оценке перспектив развития.

Сравнительно-правовой метод позволит выявить основные тенденции развития судебной власти в мировом масштабе (например, расширение перечня судебных функций), а также оценить состояние судебной власти в той или иной отдельно взятой стране, в том числе и России.

Социологический и психологический подходы в познании судебной власти позволяют раскрыть механизм ее генерации обществом, уяснить предопределенность правовых основ судебной власти различными общественно-политическими явлениями.

Метод диалектического познания в процессе постижения истины о суде позволяет рассматривать предмет познания — судебную власть в ее развитии. Все сопутствующие ей правовые явления должны быть рассмотрены во взаимной связи между собой и общественной жизнью, в их взаимообусловленности. Кроме того, они исследуются не только в статике, но и в динамике.

Нельзя забывать о *методах абстрагирования, анализа и синтеза, индукции и дедукции*. Особую роль в понимании правосудия играют *статистические методы*, с их помощью получают, обрабатываются и анализируются данные, отражающие количественные характеристики работы судов.

Ценность настоящего учебного пособия определяется комплексностью подхода к анализу сущности, содержания и форм реализации судебной власти. Впервые в российской правовой науке судебная власть анализируется не только как самостоятельная и независимая разновидность социально-политической и государственной власти, но и как совокупность уникальных общественных отношений. Судебная власть рассматривается не только как способность суда (судебной системы) на выполнение каких-либо действий, но и как качество, присущее развитию обществу, посредством суда разрешать социально-политические и экономические конфликты.

Обращается внимание на то, что выбор способа модернизации судебной системы в России всегда осложнялся борьбой двух тенденций. В соответствии с первой из них — при реформировании необходимо было учитывать принцип преемственности, национальную специфику, менталитет народа. В соответствии со второй — предлагается заимствовать готовые зарубежные модели.

Судебная реформа — это совокупность взаимосвязанных, системных, нормативно закреплённых на общегосударственном уровне изменений в области судоустройства и судопроизводства, принятых с целью достижения максимальной эффективности функционирования судебной системы и осуществленных в исторически ограниченный период.

На протяжении XVIII—XX вв. в Российском государстве проведено шесть крупных судебных реформ, носивших комплексный характер (1717—1723 гг.; 1775 г.; 1864 г.; 1922 г.; 1956—1964 гг.; 1992 г.), однако ни одна из них не привела к созданию судебной системы, полностью удовлетворяющей интересам государства и общества.

Российским судебным реформам были присущи не только положительные, но и негативные моменты. Последние связаны с пробелами и коллизиями, просчетами и ошибками, допущенными законодателем в

процессе разработки реформ, повлекшими за собой недостатки и негативные последствия в функционировании судебной системы.

Главной причиной неудач судебных реформ в России в XVIII—XX вв. является отсутствие четко разработанной концепции судебных преобразований. Только при подготовке судебных реформ 1864 г. и 1992 г. были разработаны соответствующие программы: «Основные положения преобразований судебной части в России» и «Концепция судебной реформы». Однако обе они далеки от совершенства, содержат в себе ряд противоречий.

Типичными факторами, оказывавшими отрицательное влияние на реализацию судебных реформ в России в XVIII—XIX вв., являются: неумение законодателя разумно сочетать отечественный и зарубежный опыт реформирования судебной системы; абсолютизация либо принципа самобытной русской преемственности, консерватизма, либо принципа заимствования зарубежных образцов; отсутствие системы специальной подготовки кадров для судебных органов; несовершенство цензовой системы, механизма назначения и технологии выборов в судьи.

Одной из основных задач судебных реформ в России XVIII—XX вв. выступало отделение суда от исполнительной власти. Однако коллизия в реализации принципа разделения властей в функционировании судов так и не была преодолена.

Неудачи судебных реформ в России XVIII—XX вв., под которыми следует понимать несоответствие созданной судебной системы замыслу реформаторов, интересам государства и общества, обусловлены тем, что реформаторы, как правило, не рассматривали судебные преобразования как самостоятельные, а осуществляли их в рамках административных реформ или в связи с общим переустройством государственного аппарата.

Структура учебного пособия обусловлена целью и задачами спецкурса «История российского правосудия»; оно состоит из двух разделов. В первом — освещаются общетеоретические проблемы суда, судебной системы, судебной власти, правосудия и судопроизводства. Здесь же читатель найдет и главу по библиографии древнерусского суда.

Второй раздел состоит из курса лекций по истории российского правосудия. Особое внимание в данной части учебного пособия уделено становлению суда с участием присяжных заседателей, истории исполнительного производства.

Завершает книгу обширный список литературы, наличие которого позволит существенно ускорить подготовку к написанию курсовых, дипломных работ и диссертаций.

Судебная власть:
история возникновения и развития

Суд, судебная власть: генезис и эволюция

Способность к саморегуляции является важной социальной составляющей, свидетельствующей об уровне развития конкретного общества. Оптимальной является ситуация, когда максимальное количество возникающих споров урегулируется без применения мер государственного воздействия, которое является внешним по отношению к сторонам конфликта. Если же при разрешении той или иной спорной ситуации собственных стабилизирующих ресурсов все же недостаточно, то члены социального образования вправе в установленном законом порядке инициировать внешнее управляющее воздействие государства на вышедший из-под контроля гражданских институтов объем отношений.

Более того, действующее законодательство в развитых странах всегда конструируется таким образом, чтобы заинтересованные в рассмотрении спора с привлечением независимого арбитра субъекты имели возможность реального выбора между различными структурами государственной власти (в России, например, прокурором, районной администрацией, судом и третейским судом).

Общеизвестно, что одной из важнейших форм государственного управления, призванных разрешать социальные конфликты на основе норм права, является правосудие. Однако суды как государственные органы и судебная власть прошли в своем развитии значительную эволюцию.

Социальная и экономическая эффективность судебного способа разрешения конфликтов стала ясна человечеству достаточно рано, а его открытие постепенно привело к формированию в обществе специальной социальной подсистемы — судебной власти, основная функция которой согласно теории немецкого социолога и юриста Н. Лумана заключается в том, чтобы и государство и субъекты правоотношений, опираясь на соответствующие формы коммуникации, имели реальную возможность предотвратить насильственное разрешение споров¹.

¹ Анализ взглядов Н. Лумана по данному вопросу см.: *Лейст О.Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. С. 85.

Предпосылок генезиса, а также факторов, влияющих на дальнейшую эволюцию суда и судебной власти, достаточно много. В целом они оставляют достаточно сложную совокупность, каждый из компонентов которой обуславливается конкретно-исторической ситуацией.

В этом контексте интересен вопрос: «Как, когда и при каких обстоятельствах произошло выделение, обособление, «отпочкование» судебного способа разрешения социальных конфликтов (иными словами правосудия, судопроизводства) от прочих видов государственной деятельности, и как судебное разрешение споров, осуществляемое самостоятельной и независимой судебной властью, соотносится с такими основными внутренними функциями государства, как правоустановительная, правореализаторская и правобеспечительная?»

Поскольку правосудие, действительно, является одним из основных, важнейших направлений, присущих государственной деятельности, то подавляющее большинство специалистов в области истории и теории государства и права, отвечая на первый вопрос, обычно сходятся на мысли о том, что правосудие — ровесник как государства, так и права.

Данный теоретический вывод является верным следующим основаниям. Во-первых, судебное разбирательство в принципе невозможно без существования сколько-нибудь определенной правовой базы, именно ее наличие и побуждает стороны искать защиты у государства, в том числе и в суде, в случае нарушения какого-либо конкретного субъективного права. Действительно, нет права, не нужен и суд, а если нет суда, то нормально не может функционировать и право.

Во-вторых, положение, что суд является ровесником права и государства, достаточно основательно подтверждено дошедшими до нас историческими памятниками, согласно которым любая правовая система немыслима без государственного суда, института, предназначенного для восстановления нарушенного права.

Обозначенная позиция относительно момента зарождения судебно-властных отношений зачастую подвергается критике. Можно даже сказать, что в отечественной науке сложились школы как «омоложения», так и «удревнения» судебной власти.

Некоторые ученые считают, что судебная власть сравнительно «молода», поскольку качественные характеристики «суда», существовавшего «на заре цивилизации», и «судебной власти», свойственной, например, США в третьем тысячелетии, несравнимы настолько, что говорить о существовании полноценных судебно-властных

отношений на этапе возникновения государства и права бессмысленно. Судебная власть, по их мнению, порождение куда более поздних эпох правового и государственного строительства. В этой связи апологеты данной точки зрения появление судебной власти как самостоятельной властной силы датируют XVIII—XIX столетиями.

Причина подобного заблуждения состоит в том, что критики обозначенной выше позиции забывают, что «судебная власть (как, впрочем, и иные виды государственной власти) исторически изменчива: в процессе ее развития меняются типы ее организации в системе государственной власти, изменяется и тип осуществления судебной власти»¹, в то время как ее базовые, сущностные характеристики неизменны на всем протяжении существования государства и права.

Что касается авторов, считающих, что судебный способ разрешения конфликтных ситуаций в обществе куда более древняя социальная категория, чем само государство², то занимаемая ими позиция обычно мотивируется тем, что разрешение споров специально созданным органом на основе общепризнанных правил поведения (например, советом старейшин племени), встречается у народов, еще не приобретших своей государственности.

Согласится с такими доводами нельзя, так как в данном случае сторонники «удревнения» понятия «суд» под судопроизводством понимают любую форму разрешения конфликтов независимым арбитром, а не конкретный орган государства, специально уполномоченный на разрешение пусть тех же самых споров, но уже от имени государства и на основе признанных им и обеспечиваемых им норм права.

Особо следует отметить гипотезу П.М. Баренбойма, развивающего идею о божественной природе судебной власти и обосновывающего мнение о том, что доктрина разделения властей насчитывает три тысячи лет: от Ветхого Завета до наших дней³. В подтвер-

¹ Воскобитова Л.А. Суд и борьба с преступностью // Российский криминологический взгляд. 2005. № 1. С. 94—99.

² Например, заместитель председателя Ростовского областного суда В.В. Золотых в своем исследовании, посвященном становлению правосудия на Дону, анализируя методы разрешения социальных конфликтов у донских казаков, выделяет общественную судебную власть (самосуд, суд станичного круга), а также частную судебную власть. См. подробнее: Золотых В.В. История судов на Дону. Ростов-н/Д, 2004. С. 36—38, 41—44.

³ См.: Баренбойм П. Божественная природа судебной власти // Российская юстиция. 1996. № 1. С. 21—23; Он же. 3000 лет доктрины разделения властей. Суд Сьютера. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2003. С. 9—57.

ждение своих взглядов ее автор приводит целый ряд аргументов, в том числе взятых из Библии, различных научных трактатов, в которых изложены соответствующие положения и выводы.

Заместитель председателя Верховного Суда Израиля Менахем Элон отмечает, что «идея суда, правосудия, справедливости красной нитью проходит через всю Тору¹, являясь частью веры»².

Как видим, речь идет всего лишь о подмене понятий «право», «государственный суд» понятиями «религиозная мораль» и «религиозный суд». Никто и не отрицает роли религии в умиротворении социальных конфликтов. Более того, в отдельные периоды истории на данном поприще она весьма успешно конкурировала с государством.

Тем не менее, очевидно и другое: поставив перед собою цель исследования судебной власти — элемента государства и только государства, нельзя подменять один предмет исследования другим, в данном конкретном случае религией, даже несмотря на то, что для кого-то она привлекательнее³. Суда без государства не бывает — это аксиома!

Приняв за отправную точку рассуждений положение, что суд — ровесник и государства, и права, подчеркнем, что нельзя смешивать

¹ Тора (учение) включает в себя пять книг: Берешит (Бытие), Шмот (Исход), Вика (Левит), Бэмитбар (Числа), Дварим (Второзаконие).

² Менахем Элон. Еврейское право. СПб., 2002. С. 20.

³ Действительно, евреи, утратив не только национальную государственность, но и землю, сохранили свою веру, в том числе и в результативность известного им религиозного, корпоративного квазиправосудия. Более того, оно существовало в еврейских общинах в разных точках земного шара до тех пор, пока «приютившие» иудеев государства в начале позапрошлого столетия не установили своей монополии на отправление правосудия. До этого момента еврейские общины на протяжении двух тысячелетий, тщательно оберегая свою «судебную автономию», успешно выкупали у официальных властей право на использование при разрешении споров между своими членами норм религиозной морали. Случай в истории человечества — уникальный! Поэтому неудивительно, что он вновь и вновь вдохновляет многих исследователей права на идеализацию характерных для него институтов. Тем не менее, все сказанное о них относится не к праву и не суду, а всего лишь к религии. Ведь миф, несмотря на всю свою красоту, не более чем миф. Почему же корпоративное правосудие в еврейских общинах просуществовало так долго? Думається, ответ на данный вопрос содержится не только в набожности еврейского народа. Например, Менахим Элон прямо упоминает и о более прозаических обстоятельствах. Оказывается «еврейские мудрецы (талмудисты) провозгласили принцип — «дина демалхута — дина» (государственный закон имеет силу религиозного постановления и он обязателен для евреев)» (Менахем Элон. Еврейское право. СПб., 2002. С. 31). Подобная толерантность еврейских общин вкпе с их согласием платить властям за сохранение за ними права на корпоративное «судопроизводство» — вполне достаточное объяснение явлению, которое некоторые романтики поспешили причислить к разряду феноменов.

судебный способ разрешения социальных конфликтов, известный практически любому государственному образованию, с функционированием самостоятельной и независимой судебной власти.

Остановимся на вопросе, что отличает самостоятельный род (ветвь) власти от системы государственных органов, осуществляющих единую функцию и имеющих самостоятельную сферу деятельности?

Трансформация суда в самостоятельную и независимую властную структуру обусловлена ни закреплением концепции разделения властей в конституции, ни финансовой самостоятельностью судебной системы, ни наличием хорошо подготовленного судебного корпуса, члены которого свято верят в то, что разрешение всех социальных конфликтов исключительная прерогатива судов. Перечисленные факторы — не более чем предпосылки для того, чтобы они стали носителями самостоятельной и независимой судебной власти.

Суть всякой власти, в том числе и судебной, в ее коммуникативных возможностях, которые реализуются исключительно в процессе судебно-властных отношений, последние в анализируемом нами случае неизбежно приобретают еще и характер правоотношения между соответствующими субъектами. Следовательно, возникновению судебно-властного правоотношения должно предшествовать формирование необходимой совокупности субъектов, которые среди прочих вариантов разрешения конфликтных ситуаций свое предпочтение отдают судебному способу.

Выбор в пользу судебного способа разрешения конфликтов предполагает наличие следующих базовых составляющих в системе общества.

1. Наличие высокого уровня правосознания у большинства членов общества.

2. Отсутствие в нем непримиримых противоречий по вопросам социального, экономического и государственного устройства, поскольку возможности суда в данном случае весьма ограничены.

3. В обществе должна существовать совокупность элит, которые в своих притязаниях согласны довольствоваться правилами судопроизводства.

Понятия «суд», «судебный способ разрешения конфликтов, споров», «правосудие», «судопроизводство» понятию «судебная власть» далеко не тождественны.

«В древности правосудие осуществлялось фараонами, царями, королями, императорами. Судебные решения не только выносились их именем, но и сами они лично разрешали наиболее важные дела, были надзорной инстанцией для подчиненных им в

административном порядке судей. Следовательно, суд был лишь инструментом в руках самодержавных правителей, которым наряду с правосудием принадлежала законодательная и исполнительная власть»¹.

Иными словами, правосудие, то есть разрешение конфликтных ситуаций на основе норм права, осуществляемое специально уполномоченными на то органами, хотя и возникло одновременно с государством и правом, но с момента их зарождения пройдет не одно тысячелетие, пока суды сначала обособятся от структур исполнительной власти организационно, а затем образуют сравнительно самостоятельные системы, которые постепенно выйдут из зоны сплошного административного контроля.

Чтобы убедиться в этом, достаточно проанализировать ряд исторических памятников. Например, Менахем Элон, цитируя Тору (Второзаконие), Агаду и Галаху², пишет, что «у царя обширные полномочия в области законодательства, судебной и исполнительной власти. Полномочия эти касаются не только налогового обложения и вопросов экономики, связанных с этим интересов государства (например, мобилизацией людей, скота и другого имущества для военных целей и нужд государства или потребностей царского двора), но и уголовного права. Царю разрешалось в некоторых вопросах законодательства и судебной практики выходить за рамки Галахи. Так, царь мог потребовать осудить убийцу к смертной казни, хотя по формальным причинам (дефекты следствия, сомнительность свидетельских показаний и т. д.) этого нельзя было сделать судьям.

Судья находился в гораздо большей зависимости от законов Торы, чем царь, последний в библейском наставлении только предупрежден, что он не в праве отклоняться от них более чем это позволяет Всевышний. Судья в подобных предупреждениях не нуждается, так как возможности его ограничены законами Торы, поэтому царский суд приходил на выручку, когда нужно были учесть веление времени и нужды общества»³.

Аналогичное положение мы наблюдаем и в Средневековой Европе. Так, согласно городским и графским статутам, судебным протоколам в Средневековом Провансе (XIII—XIV вв.), в котором, подчеркнем особо, правовая и судебная деятельность были основаны на Римском праве по Дигестам, «судьи, как и прочие куриалы, были подчинены консулу (ректору), но наряду с клавирами-

¹ Петрухин И.Л. Введение // Судебная власть / Под ред. И.Л. Петрухина. М., 2003. С. 3.

² Агада и Галаха — нормативная часть Талмуда.

³ См.: Менахем Элон. Указ. соч. С. 581.

казначейми, выделены в число главных помощников городского правителя и имели самое высокое жалование среди высших должностных лиц города. Судьи были обязаны являться по первому зову правителя, давать ему правильные советы (*consilium rectum*) и никогда не принимать решений против правителей. Роль последних в судебных делах не определялась статутами четко и однозначно и не являлась одинаковой и неизменной в разных городах Прованса. Например, в Арле в XII в. консул не только признавался верховным судьей, но и мог исполнять рядовые судебные функции. В XIII в. во всех крупных и значительных городах непосредственная судебная деятельность была сосредоточена в курии, а правитель сохранял за собой высшее право «казнить и миловать». Статуты давали гражданам право на «апелляцию и аудиенцию» у правителя, который был обязан *audire diligenter accusatum*, если обвиняемый не соглашался с решением суда и доказывал свою невиновность (*suam innocentiam*). В ряде случаев только правителю разрешалось «лично задержать» — *capere personaliter* виновного, например, злостного должника, при его неповиновении куриалам, и изгнать нарушителя из города»¹.

В Средневековом Провансе (XIV—XV вв.) королевская власть вмешивается в процесс как по апелляциям и петициям, так и по собственной инициативе², а столетие спустя шведские короли рассматривали суды как средство укрепления своего авторитета³.

В авторитарных государствах данный процесс обособления суда, как самостоятельной и независимой властной структуры, по сути своей замирает. Хотя суд, как учреждение, имеется практически в каждом современном государстве, существует еще немало стран, в которых его становление, как института власти, занимающегося разрешением конфликтных ситуаций, по-прежнему далеко от завершения, поскольку не все функции, составляющие обязательную компетенцию суда, ему переданы. С другой стороны, передача верховным правителем компетенции по разрешению конфликтов посредникам — судьям неизбежно ведет к тому, что судебная власть монарха становится формальной, а на ее место приходит фактиче-

¹ Тушина Г.М. Человек перед судом в Средневековом Провансе XIII—XIV вв.: источники и современные исследования // Право в Средневековом мире: Сборник статей. СПб., 2001. Вып. 2—3. С. 20.

² См.: Варьяш И. Мудехары в Арагоне XIV—XV веков: некоторые аспекты судебной практики // Право в Средневековом мире: Сборник статей. СПб., 2001. Вып. 2—3. С. 82.

³ См.: Реформация и шведский суд в 20—40-е годы XVI в. // Право в Средневековом мире: Сборник статей. СПб., 2001. Вып. 2—3. С. 82.

ское полновластие бюрократии¹. В то же время образование более или менее стабильного судейского сословия — первый шаг к судебной самостоятельности. С.А. Котляревский правильно указывал, что «ее зародыши пережили абсолютистско-бюрократическое государство и более или менее широко развились в государстве конституционном»².

Поскольку для Древнего мира, Темных и Средних веков, в значительной степени и для периодов Нового времени, а то и Новейшего времени характерно разделение общества на сословия, то не удивительно, что большинство населения государств доступа к суду в классическом понимании смысла этого слова было лишено. В судебном порядке споры могли разрешаться исключительно между теми субъектами конфликтов, которые в полной мере обладали качествами самодостаточности для такого рода процедур, являлись полноценными субъектами права.

Особый интерес представляет исследование О.И. Тогоевой, установившей, что появлению светского суда в Европе в XIV—XV вв. сопутствовали определенные сложности. Раннему Средневековью был известен Божий, обвинительный суд (*accusatio*), когда в основу приговора ставились не выводы конкретных судей, а результаты ордalii — провидения божьего. Светские судьи получили реальную власть только с момента появления инквизиционного процесса (*inquisitio*). Переход от *accusatio* к *inquisitio*, например, во Франции происходил весьма болезненно. Многие юристы того времени не понимали новой процедуры, называли ее «глупой». В этой ситуации представителям светской судебной власти стоило больших усилий убедить народ в том, что суд земной — не просто тоже суд, но суд *par excellence*. Чтобы донести эту мысль до народа, использовались самые различные способы, в первую очередь, открытость судебных заседаний, чтобы зрители могли сами наблюдать за тем, как вершится правосудие. Во-вторых, введение института обязательного признания обвиняемого привело к тому, что его слова о виновности слышали все присутствовавшие на процессе. Нет основания спорить с тем, что в этом было более от желаемого, чем от действительного, а потому и в значительной степени фиктивного³.

¹ См.: Котляревский С.А. Конституционное государство. Юридические предпосылки русских Основных Законов. М., 2004. С. 193.

² Там же. С. 196.

³ См. подробнее: Тогоева О.И. «Истинная правда»: языки средневекового правосудия. М., 2006. С. 4—5.

На Руси «судебную функцию выполняли: в центре — князя¹ единолично или с боярами; от имени князя отдельные бояре или высшие представители его администрации; на местах — посадники (наместники) в городах и волостели в сельской местности»². Имелись в окружении князей и «специальные должностные лица, помогавшие осуществлению княжеского правосудия: "вирник", "мешальник", "мечник", "емец" и "ябетник"»³. Обе вышеприведенные цитаты взяты из труда В.И. Власова «Судебная власть в России». Он считает, что суд в нашем Отечестве — ровесник «Русской правде», которую Ярослав Мудрый (978—1054) в 1019 году дал Новгороду. Свою точку зрения автор обосновывает тем, что «в Русской правде содержались судоустройственные элементы и исходящая из обычаев и нравов того времени процедура судопроизводства»⁴.

Составители вышедшего в 2003 г. шеститомника «Судебная власть в России: история, документы», опираясь на дошедшие до наших дней источники, считают, что точно установленной даты зарождения суда в России не существует. Тем не менее, они полагают, что его появление связано с принятием на Руси христианства, а некоторые исторические памятники позволяют датировать начало истории российского суда первым десятилетием XI в. Впервые слово «суд» упоминается в Уставе Владимира Святославовича — Князя Новгородского и Киевского «О десятинах, судах и людях церковных», провозглашенном спустя полтора десятка лет после принятия христианства. Точных данных о дате появления Устава нет, однако, авторы исследования считают, что по содержанию он может быть отнесен к первым годам XI в. Кроме того, авторы исследования считают, что сведения о праве и суде содержатся в «Повести временных лет» при описании договоров, заключенных между Русью и Византией в 911, 944 и 971 гг. Все вышеприведенные рассуждения

¹ Исключение составляет только «суд двенадцати человек» — прообраз современного суда присяжных, упоминание о котором содержится в ст. 15 Древнейшей Русской Правды. Ю.П. Титов по этому поводу считает, что речь идет о суде общины, который существовал тогда параллельно с княжеским судом, но его компетенция юрисдикционно ограничивалась членами общины. См. подробнее: *Титов Ю.П.* История государства и права. М., 1996. С. 39; *Кутафин О.Е.* Судебная власть в России: история, документы: В 6 т. / О.Е. Кутафин, В.М. Лебедев, Г.Ю. Семигин. М., 2003. Т. 1. С. 5; 80 лет Верховному Суду Российской Федерации / Под общ. ред. В.М. Лебедева. М., 2003. С. 16.

² *Власов В.И.* История судебной власти в России. Книга первая (1019—1917). М., 2003. С. 124.

³ Там же. С. 125.

⁴ Там же. С. 121—122, 124.

позволили им посвятить свой труд 1000-летию судебной власти в России¹.

Аналогичной позиции придерживалась и историография советского периода. Например, М.А. Чельцов-Бебутов в своем широко известном труде «Курс советского уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах» писал: «Сопоставление норм договоров Руси с Византией и летописных рассказов позволяет сделать вывод о том, что в X (а может быть и в IX веке) уже существовал суд как орган государственной власти. Он не был, конечно, отделен от административных органов. Это был суд либо самого князя, о чем постоянно указывают светские и церковные источники, либо суд поставленных князем судей — его тиунов, заменявших его, или посадников². «Княж двор», как место суда — обычное наименование источников. «Управление и суд составляли в древнее время доходную статью правителей»³.

Точных сведений об организации и порядке деятельности этого суда нет. Отрывочные известия из летописей позволяют, однако, сделать вывод о том, что, как и в других раннефеодальных государствах, князья часто осуществляли суд совместно со своими боярами. Источники подчеркивают, что «судебная функция являлась одной из главных обязанностей княжеской власти, что князь лично должен был осуществлять суд и отвечать за неправильные действия поставленных им для суда тиунов»⁴. Впрочем, как отмечал А. Романович-Славатинский: «Не только в княжеский, но и в царский период нашей истории государи участвовали непосредственно и лич-

¹ См. подробнее: *Кутафин О.Е.* Судебная власть в России: история, документы: В 6 т. / О.Е. Кутафин, В.М. Лебедев, Г.Ю. Семигин. М., 2003. Т. 1. С. 5; 80 лет Верховному Суду Российской Федерации / Под общ. ред. В.М. Лебедева. М., 2003. С. 7, 15—120; *Юшков С.В.* История государства и права СССР. М., 1961. С. 85, 87; *Повести Древней Руси.* М., 1983. С. 129, 131; *Антология мировой правовой мысли.* М., 1999. Т. 1; *Чистяков О.И.* История государства и права СССР. М., 1985. Т. 1. С. 28; *Амелин Г.К.* Материалы к изучению истории государства и права СССР. Русская правда. М., 1952. С. 83.

² Тиун (он же ключник) — первый человек в домашнем хозяйстве, как правило, находился в крепостной зависимости от князя. «Тиун — свободный человек, конечно, дело возможное, но это исключение; обыкновенно же тиун — раб». *Сергеевич В.И.* Древности русского права: В 3 т. М., 2005. Т. 1: Территория и население. С. 99.

³ *Сергеевич В.И.* Древности русского права: В 3 т. М., 2005. Т. 1: Территория и население. С. 99.

⁴ *Чельцов-Бебутов М.А.* Курс уголовно-процессуального права: Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995. С. 627.

но в отправлении правосудия»¹. Хотя ниже был он вынужден признать, что «цари уже не могли принимать так часто непосредственного участия в отправлении суда, как князья, для которых это была обычная функция»².

О важной роли суда в русском обществе в Средние века убедительно свидетельствует высказывание известного исследователя государственных институтов Древней России — Н. Дювернуа. Ссылаясь на барона Розенкампа («Обозрение Кормчей книги в историческом виде») и «Историю судебных институтов» Ф.М. Дмитриева, он утверждал, что наш суд в те годы был весьма «деятельной силой, которая не только давала движение и жизнь праву, но по своей продуктивности не уступал законодателю»³.

Однако если не принимать частное за общее, то организационное выделение судов из недр самых различных структур административной власти в России по сравнению с другими странами началось сравнительно поздно — во времена Петра Великого. Именно он «энергично стал отклонять от себя функции исполнения судебных обязанностей»⁴. Дореволюционные исследователи русской истории того периода А. Алексеев и А. Градовский выделяли две причины, побудившие первого российского императора принять судьбоносное для отечественного правосудия решение.

Впрочем, об одной из них прямо говорится в Указе 1718 г. самого Петра Великого. Государь писал: «Он одна персона есть и та толикими воинскими и прочими несметными трудами объята».

В качестве другой причины А. Алексеев и А. Градовский называют уже сложившееся тогда мнение, что «в интересах беспристрастного и равномерного отправления правосудия, оно не только может, но и должно быть поручено подчиненным, то есть подзаконным органам, другими словами, таким органам не предоставлено полномочий действовать свободно и по своему усмотрению и функции которых сводятся только к применению законов»⁵.

Преобразования судебной системы, начатые в начале XVII в., свое завершение получили спустя лишь полтора столетия — в период царствования Александра II. В ходе проводимой им судебной реформы в стране впервые удалось создать относительно самостоя-

¹ Романович-Славатинский А. Система русского государственного права. Киев, 1911. Ч. I. С. 250.

² Там же.

³ Дювернуа Н. Источники права и суд в Древней России. Опыты по истории русского гражданского права. СПб., 2004. С. 32.

⁴ Захаров Н.А. Система русской государственной власти. М., 2002. С. 170.

⁵ См. подробнее: Алексеев А. Русское государственное право. М., 1892. С. 184; Градовский А. Начала русского государственного права. СПб., 1872. С. 148.

тельную и независимую от большинства органов административной власти и, что немаловажно для общества только что покинувшего эпоху феодализма, внесловную судебную систему. В законодательных актах государя появился термин «судебная власть». Согласно Учреждению судебных установлений от 20 ноября 1864 г. она принадлежала: Мировым судьям, Съездам мировых судей, Окружным судам, Судебным Палатам и Правительствующему Сенату в качестве верховного кассационного суда.

Однако реальная власть, в том числе и «судебная» в государстве Российском по-прежнему всецело была сосредоточена в руках императора. Примечательно, что современники в этом ни сколько и не сомневались. Так, Н.А. Захаров, исследуя проблему власти в России, будучи совершенно уверенным в истинности им сказанного, в 1912 г. записал: «Главой судебной власти повсюду считается монарх, осуществляющий ее через специальные учреждения и в установленном законом порядке». «Отсутствие формального определения главенства Верховной власти (то есть императора) в области суда и кажущееся предоставление последнего Сенату, — по Н.А. Захарову, — не исключало, в сущности, судебной власти из общей власти монарха». Он принимал законы, назначал и увольнял судей, «высочайше утверждал» смертные приговоры, а работавшие в тисках жесткого нормативизма суды функцией полноценного нормоконтроля никогда не обладали. Не было у них и прерогатив по защите интересов человека и гражданина от произвола большинства структур административной власти. Что касается введения в законодательный оборот термина «судебная власть», то это — не свидетельство признания таковой самостоятельной и независимой, а лишь дань моде: наряду с «судебной» согласно нормативным актам того времени в стране успешно функционировали «полицейская», «земская» и прочие виды «власти». «Власть судебная» в те годы — не более чем полномочия конкретных лиц или государственных органов по разрешению дел в рамках очерченного императором-самодержцем правового поля¹.

Обратим внимание, что «самостоятельность» и «независимость» суда, а тем более судебной власти — категории весьма сложные. На заре цивилизации монарх, лично осуществляющий правосудие своей милостью, безусловно, был и самостоятелен, и независим. Означает ли сказанное, что правосудие в данной стране отличалось самостоя-

¹ М.Ф. Владимирский-Буданов писал: «В состав власти входят: князь, боярская дума и народное собрание (вече)». Они же ниже названы им и судебными властями. См.: *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. М., 2005. С. 55, 705.

тельностью и независимостью? Представляется, что утвердительный ответ на данный вопрос неверен. С другой стороны, имеются достаточные основания утверждать, что для деятельности основной массы судей в любом государстве по подавляющему большинству дел характерны и самостоятельность и независимость, поскольку предметом их разбирательства сравнительно редко бывают конфликты, имеющие более или менее важное общественное значение. Иными словами, если лицо, например, осуждается за убийство, то при наличии соответствующих доказательств дело о таком преступлении с равным качеством будет рассмотрено как в демократическом, так и тоталитарном государстве. В то же время наличие самостоятельной и независимой судебной власти само по себе не гарантирует, что суд будет таковым при рассмотрении всех без исключения дел даже в демократическом обществе.

В СССР к суду относились весьма утилитарно, как к рядовому бюрократическому учреждению. Некоторыми теоретиками той поры он рассматривался не более чем «наиболее изощренная форма расправы» в классовой борьбе. Известный историограф советского правосудия М.В. Кожевников прямо писал: «Суд есть орган государственной власти, а судебная деятельность — одна из функций государственного управления. Во всяком государстве суд играет огромную роль как орган охраны господствующего в данном обществе класса, как орган укрепления существующего государственного и политического строя»¹.

Концепция разделения властей коммунистической идеологией отвергалась полностью, ибо была буржуазной и уже в силу только качества расценивалась абсолютно как несостоятельная. Государство теоретиками коммунистической школы рассматривалось как некая «работающая корпорация», в основе которой были Советы народных депутатов. Подразумевалось, что они сами принимали решения, а исполкомы тут же проводили их в жизнь. Поскольку управленческие действия требуют от исполнителей определенной квалификации, то в условиях разделения труда деятельность Советов, а тем более исполкомов всегда подменялась работой их аппаратов. Одним из таких аппаратов был и суд. Сфера его деятельности в условиях главенства партийно-государственной машины была сужена до рассмотрения уголовных дел, а также гражданских дел, вытекающих преимущественно из брачно-семейных отношений. Иные конфликтные ситуации судами практически не рассматривались, ибо они входили в компетенцию иных государственно-партийных

¹ Кожевников М.В. История советского суда. 1917—1956 годы. М., 1957. С. 3.

структур. Особенностью советского правосудия является наделение судов обязанностью установления истины не в тех пределах, в каких этого хотели бы стороны, или это было бы нужно для принятия правильного решения по делу, а в объеме нужном государству.

Несмотря на то, что согласно ГПК и УПК советские судьи подчинялись только законам, официальная ориентация судов на «укрепление государственного и политического строя» вела к девальвации названного ключевого принципа судопроизводства. Судебные решения не выходили за рамки текущей политики государства.

Сказанное отнюдь не означает, что большинство из них при этом не соответствовало высшим интересам общества. Стабильность подавляющего большинства состоявшихся в советский период времени решений однозначно свидетельствует о том, что в основной массе они отвечали не только критериям законности и обоснованности, но и справедливости.

В данном случае уместным будет подчеркнуть и то обстоятельство, что согласно историческим данным подавляющее большинство решений, постановленных самодержцами, а равно их ставленниками тоже отличались справедливостью. И это закономерно, положительные результаты в разрешении конфликтных ситуаций просто необходимы для поступательного развития общества. Произвол и прогресс не совместимы.

Акты произвола, в принципе, не исключаются при любой системе управления. Идеальная система — это не более чем утопия, поэтому реальное государственное строительство ориентировано, в первую очередь, на обеспечение оптимальных параметров управленческой деятельности в более или менее продолжительный период времени, а уже потом на обеспечение прав и законных интересов всех членов общества или, по крайней мере, их большинства путем исключения произвола со стороны тех или иных государственных структур.

После распада СССР образовавшиеся на его территории государства получили равное наследство — практически идентичные судебные системы, которые с разной степенью интенсивности стали трансформироваться в национальные аппараты судебной власти.

Постепенно автономные судебные системы сформировались и на тех территориях, которые по каким-либо причинам «откололись» от бывших союзных республик и взяли курс на создание независимых государств. Например, несмотря на то, что Приднестровская Молдавская Республика (ПМР) является непризнанным государством, в ней вот уже более десяти лет успешно функционирует двухуровневая судебная система, возглавляемая Верховным судом ПМР.

Восстановление самостоятельности и независимости судебной системы в России началось в начале 90-х годов прошлого века. В значительной мере это связано с отказом общества от коммунистической идеологии. Сделано в данном направлении немало, однако в настоящий период времени лишь с достаточной мерой осторожности можно утверждать, что процесс этот идет успешно, а тем более — близок к завершению.

Достижения второй судебной реформы, на наш взгляд, ограничиваются в основном официальным признанием и законодательным закреплением принципа состязательности во всех видах судопроизводства, да улучшением финансирования судебной системы. В то же время очевидно и другое, что механизм сдержек и противовесов в государстве Российском (ст. 10 Конституции РФ) пока только — декларация. Да это и не удивительно, в обществе, которое знало одну лишь форму государственного устройства — пирамиду чиновников, венчаемую практически божеством, за столь короткое время корпус самостоятельных субъектов судебно-властных правоотношений сформироваться просто не мог¹. Поскольку судебная власть — это, в первую очередь, социальная ценность, а совсем не законы, некоторые из которых не стоят и той бумаги, на которой они напечатаны, россиянам еще предстоит найти ей место в ряду прочих социально значимых категорий.

В завершение данной главы отметим, в целом анализ мировой истории показывает, что генезис судебной власти в каждом отдельно взятом государстве, как правило, включает следующие стадии.

Первая стадия — выделение из совокупности прав и обязанностей главы государства (монарха) особого права и особой обязанности, особой публичной функции — разрешения социальных конфликтов. Начало течения этой стадии обычно совпадает с моментом зарождения государственности. Для данного периода развития судебно-властных отношений характерны относительная компактность государства и его малонаселенность. Все это позволяет главе государства (монарху) лично разрешать большинство более или менее значимых для общества споров. Сосредоточение в руках главы государства (монарха) всей полноты власти позволяет ему при разрешении конфликтных ситуаций наряду с судебным использовать и иные, имеющиеся в его распоряжении способы управления: законодательный и административный.

¹ Впрочем, в научной литературе нетрудно найти и иную точку зрения, согласно которой формирование в России самостоятельной и независимой судебной власти практически завершено. Однако напомним, что оценка результатов судебной деятельности в обществе пока далека от восторженной.

Особо следует подчеркнуть, что судебно-властные правоотношения разнотипны уже с момента их возникновения. Правосудие в Древнем мире вершится не только монархами. Ранним государствам известен и иной, демократический, тип осуществления судебной власти — частно-исковой. Внешне это — поединок сторон. Однако он обладает всеми сущностными характеристиками судопроизводства. Данный тип судебно-властных правоотношений окажется настолько эффективным, что он, правда, постоянно трансформируясь, просуществует до наших дней.

Вторая стадия развития судебно-властных отношений от предыдущей отличается тем, что глава государства (монарх) в силу различных причин вынужден делегировать осуществление своей личной судебной функции различным посредникам — специально на то уполномоченным органам или лицам своей администрации. Начало этой стадии развития судебно-властных отношений обычно совпадает с увеличением территории государства, резким ростом численности его населения, в силу чего закономерно и увеличение объема управленческих действий органов государственной власти, что неизбежно влечет их специализацию, разделение на центральные и территориальные; государственные служащие также разделяются по профессиональным обязанностям, а из их совокупности выделяются чиновники, которые специализируются исключительно на разрешении социальных конфликтов — профессиональные (коронные) судьи.

Увеличение возможностей государственного аппарата ведет к практически полному вытеснению частно-искового типа осуществления судебной власти ее публично-репрессивным типом, поэтому роль сторон в разрешении дел минимизируется. В уголовном процессе место потерпевшего прочно занимает государство. Беспристрастный суд практически невозможен, поскольку изначально «пристрастен» законодатель, защищающий преимущественно интересы правящей элиты¹. При таких обстоятельствах суд — инструмент политической власти, а зачастую и орудие расправы над неудобными.

Третья стадия. Для нее характерно становление национальных систем права, что позволяет профессиональным судьям при принятии решений ориентироваться не только на прямые указания глав государств (монархов), но и дает им возможность опираться на национальные законы и правовые прецеденты. Для данной стадии характерно появление в общественном правосознании убеждения в

¹ См. об этом: *Маркс К.* Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Т. 1. С. 137—158.

том, что общепризнанные национальные законы обладают большей юридической силой, чем текущие указания главы государства (монарха), публично-репрессивный тип осуществления судебной власти заменяется ее публично-состязательным. На данной стадии эволюции судебная власть монарха постепенно становится формальной, а бюрократии — реальной. Выделение самостоятельной судейской касты — зародыш будущей самостоятельности и независимости суда.

Четвертая стадия. Ее начало обусловлено привлечением населения к непосредственному принятию судебных решений. Наряду с судами, состоящими из профессиональных (коронных) судей, появляются суды шеффенов, суды присяжных. Непосредственное участие народа в отправлении правосудия гарантирует населению уверенность в том, что принимаемое судом решение будет находиться в рамках существующего уровня правосознания общества, а применение норм права не будет подменено произволом отдельных чиновников.

Выделение государственных структур, специализирующихся на разрешении социальных конфликтов, в относительно самостоятельную и независимую от верховной власти систему характерно для **пятой стадии** развития судебно-властных отношений. В данном случае речь идет уже о начальном этапе фактического ограничения прерогатив главы государства (монарха) в сфере судопроизводства. Как правило, на этом этапе отмирают и сословные суды.

Следующая, **шестая стадия**, от предыдущей отличается тем, что единая государственная власть делится на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную, одновременно с этим происходит образование самостоятельной и независимой судебной власти. Характерной чертой данной стадии является признание первыми двумя ветвями власти, находящимися у власти элитами, большинством населения права судебной власти на разрешение всех без исключения конфликтных ситуаций в обществе. Появляется совершенно новый тип судебно-властных правоотношений — осуществления судебной власти: речь идет о появлении независимого контроля, саморегулятора. Основной предпосылкой возникновения судебно-властных правоотношений является осознание обществом того, что все люди равны и свободны.

Седьмая стадия в становлении судебно-властных отношений заключается в определении эмпирическим путем места и роли судебной власти в механизме конкретного государства. От предыдущих данная стадия отличается еще и созданием органов судейского самоуправления, обладающих реальной властью в сферах кадрового и

материально-технического обеспечения судов, что трансформирует аппарат судебной власти в самодостаточную и саморегулирующуюся социальную подсистему.

Инкорпорация в национальные правовые системы общепризнанных принципов и норм права, международных соглашений, признание их приоритета над национальной правовой системой обуславливает начало следующей — **восьмой стадии** в генезисе судебной власти.

Для **девятой стадии** развития судебно-властных отношений характерно создание наднациональных судебных структур, которые являются гарантом следования национальных правовых систем общепризнанным мировым стандартам в сфере правосудия. Для данной стадии развития суда характерно также и начало консолидации органов судебного сообщества разных стран мира.

Предложенная нами классификация позволяет видеть генезис и эволюцию суда в научно обоснованном и структурированном виде, выявить взаимосвязи и соподчинения, понять части как необходимые части целого, базируясь на которую можно прогнозировать наличие недостающих звеньев в отдельных государствах, осуществлять не только диагностирование, но и прогнозирование новых явлений.

Общая тенденция в развитии судебно-властных отношений такова: от простого — единоличного разрешения главой государства рядовых споров, к сложному — относительно самостоятельной и независимой от других властных структур государства судебной системе, непосредственному участию народа в отправлении правосудия. Затем происходит организационное отделение судебной власти от законодательной и исполнительной, с этого момента их национальное единство обеспечивается исключительно посредством права. Коммуникативное свойство власти приобретает правовой характер. Инкорпорация интернациональных норм и правил в национальные правовые системы в значительной степени — результат информационной революции и глобализации.

Судебная власть: понятие, сущностные характеристики

Если под «судебной властью» понимать только власть суда — конкретного государственного учреждения, а любой суд, как элемент государственного аппарата, определенной властью, безусловно, обладает, то понятие «власть суда» легко спутать с понятием «судебная власть». Хотя понятия «власть суда» и «судебная власть» так же разительно отличаются друг от друга, как понятия «кровь с молоком» и «молоко с кровью».

Действующее российское законодательство не дает прямого ответа на вопрос, что такое «судебная власть»¹. Большинство ученых к определению понятия «судебная власть» пытается подойти через уяснение таких давно устоявшихся категорий, как «суд», «правосудие», «судебная система» и т. п. Вместе с тем содержание этих институтов в течение последнего столетия трактовалось совсем неоднозначно, а имеющиеся на этот счет в научной литературе определения четкостью никогда не отличались.

Так, в начале XX в. известный русский процессуалист И.Я. Фойницкий писал: «Суд — это беспристрастный посредник в споре между двумя заинтересованными лицами (сторонами)»². При этом он

¹ Глава VII Конституции РФ называется «Судебная власть». Авторы нашего основного закона не стали (скорее всего, не смогли) раскрыть этого понятия. В соответствии с зафиксированной в Конституции РФ (ст. 10) чистой теоретической моделью разделение властей означает, что законодательство в своем функциональном смысле идентично законодательству в его организационном смысле, что функциональный критерий правосудия идентичен организационному критерию правосудия, а административная деятельность в функциональном смысле идентична административной деятельности в смысле организационном. Согласно данной модели законодательная власть должна заниматься только законодательством и ничем иным. Исполнительная власть должна заниматься исполнением и только исполнением. Судебная власть должна заниматься правосудием и только правосудием. Однако ни в одной из современных систем подобная чистая теоретическая модель не существует. Сам Монтескье не верил в эту модель. (См. подробнее: Барак А. Судейское усмотрение. М., 1999. С. 269—272.) Все это свидетельствует о неоднозначности понятия «судебная власть». Раскрытие его истинного содержания возможно только через призму отношения народа к власти вообще в конкретное время и в конкретном месте.

² Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 1. С. 7.

подчеркивал, что суд «служит не частным интересам отдельных лиц, отдельных общественных кружков или отдельных ведомств, а общим государственным интересам правосудия»¹, «все судебные решения постановляются именем государства»², поэтому «в современном государственном строе суд — есть функция государственной власти»³. Как видим, даже именитые авторы в тот период времени не проводили четкой границы между понятиями «суд», «правосудие», «функция правосудия». Вместе с тем, несмотря на кажущуюся функциональную схожесть, различия между этими категориями существенны, так как наличие суда (имеется в виду учреждения) в государственном устройстве всего лишь предпосылка к тому, что правосудие, как одна из разновидностей государственной деятельности, будет осуществляться в рамках судебной функции государства⁴. Иными словами, изначально мы имеем как бы исходную материально-правовую субстанцию «суд», овеществленную в конкретных органах государственной власти — судах, и производную от этого процессуально-правовую субстанцию материального характера «правосудие» как одну из многих форм государственного регулирования общественных отношений.

Современник И.Я. Фойницкого — другой выдающийся русский теоретик процесса С.И. Викторский к определению сути судебной власти подходил гораздо смелее. Недаром в его книге «Русский уголовный процесс» проблемам судоустройства отведен целый раздел, а первый параграф «Судебная власть и ее отличительные черты» начинается с конкретизации места судебной власти в государственном устройстве. Однако, хотя «власть судебная наряду с законодательной и правительствующей является составной частью того, на что распадается власть верховная», по мнению автора, оказывается, что она все же «подзаконна, так как ее задача — применение закона в каждом отдельном случае нарушения благ и интересов, защищаемых государством, и притом — в указанных законах порядке»⁵.

Более того, С.И. Викторский не исключает наличие особого судебного верховенства высшей власти по отношению к судебной

¹ Фойницкий И.Я. Указ. соч. С. 8.

² Там же.

³ Там же.

⁴ И это неудивительно: понятие «правосудие» в современном значении этого слова совершенно не знакомо читателям того времени и отсутствует в распространенных тогда энциклопедических словарях Брокгауза и Эфрона, Южакова, Граната и др.

⁵ Викторский С.И. Русский уголовный процесс: Учеб. пособие. М., 1997. С. 84.

власти, действующей ее именем и ей подчиненной¹. Это, по его мнению, выражается в следующем:

- 1) праве помилования;
- 2) утверждении законов, касающихся судопроизводства и судопроизводства;
- 3) назначении судей непосредственно верховной властью;
- 4) праве высшего надзора за деятельностью судебных мест².

Отметим, что С.И. Викторский рассматривает судебную власть не как равноценную и совершенно независимую в принятии отдельных решений равновеликую ветвь государственной власти, а как некую форму делегирования монаршей милости в принятии решений народу и организованным определенным образом чиновникам. По этой причине С.И. Викторский не утруждает себя определением судебной власти как самостоятельной властной категории, а ограничивается перечислением ее отличительных черт. Несмотря на то, что автор постоянно подчеркивает социальную значимость и независимость судебных властей в деле управления судебными установлениями³, читателю понятно, что они в данном случае не более чем возведенная в закон «монаршая воля», как свидетельствует история, порой граничащая с произволом.

Подобные суждения о сущности судебной власти среди современников С.И. Викторского в те времена были весьма распространены. Например, Н.А. Захаров писал, что «вопрос о судебной власти нам достаточно ясен, а поэтому он не может давать оснований к особым толкованиям, ибо ее главой повсюду считается монарх, осуществляющий судебную власть через специальные учреждения в установленном законом порядке»⁴.

Как видим, многие авторы, творившие в России в начале прошлого века, еще не догадывались о том, что источником судебной власти (равно как и прочих видов государственной власти) является не монарх, а подвластный ему народ, поэтому легко смешивали судебную власть с судебной функцией монарха и отдельных государственных учреждений. Чтобы убедиться в том, что это было действительно так, процитируем еще несколько фраз из книги Н.А. Захарова. «На практике до Петра Великого судебная власть не отделялась от общих функций монарха, и лишь последний стал энергично отделять от себя функции исполнения судебных обязанностей»⁵.

¹ Викторский С.И. Указ. соч. С. 85.

² См. там же. С. 86.

³ См. там же. С. 88.

⁴ Захаров Н.А. Система русской государственной власти. М., 2002. С. 170.

⁵ Там же.

Далее Н.А. Захаровым высказываются суждения о том, что записи, в частности, «в ст. 178 Учреждения министерств, о том, что судебная власть в России во всем ее пространстве принадлежит Сенату и местам судебным», а равно и «Датской конституции от 5 июня 1849 года о том, что судебная власть принадлежит судебным учреждениям», в корне неверны, поскольку: «Власть судебная осуществляется от имени Государя Императора установленными законом судами», то есть, говоря иными словами, право юрисдикции судов основано на делегации отдельных властных функций его Верховной властью. Таким образом, положение Государя Императора, выработанное постепенно практикой, подобно положению западноевропейских монархов, освобождает его от участия во всех сложностях судопроизводства и представляет ему существенные прерогативы Верховной власти: право верховного надзора за судебной деятельностью и право помилования. Считалось, что «право помилования составляет общую прерогативу главы государства: ею пользуются как наследственные монархи, так иногда и президенты республик»¹.

Однако в целом ряде случаев процессуалисты начала XX в. на роль судебной власти в организации общества смотрели гораздо шире, поскольку к функциям суда относили не только разрешение уголовных и гражданских дел от имени государства, но также и необходимость охраны прав и свобод граждан², что, по их мнению, было совершенно немыслимо без обоюдной ответственности государства и личности³. По этому поводу С.И. Викторский писал: «Еще одним видом внешней независимости судебной власти... является ее самостоятельность по *ограждению личности* против разного рода посягательств на ее свободу. Чем более развито в гражданах чувство личного достоинства, чем более завоевано ими политической свободы и чем более совершенен политический строй самого государства, тем шире и тверже и права, предоставленные судебной власти для ограждения личной свободы от посягательства на нее»⁴.

После октябрьского переворота 1917 г. по отношению к судебной системе возобладал утилитарный подход. Суды стали рассматривать в качестве составного элемента единой административной машины. Давая определение суду, В.И. Ленин писал: «Это орган привлечения именно бедноты поголовно к государственному управ-

¹ Захаров Н.А. Система русской государственной власти. М., 2002. С. 170—171.

² См.: Котляревский С.А. Власть и право. М., 1915. С. 17.

³ См., например: Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1912. С. 193.

⁴ Цит. по: *Хрестоматия по уголовному процессу России* / Авт.-сост. Э.Ф. Куцова. М., 1999. С. 124.

лению, орган власти пролетариата и беднейшего крестьянства, оружие воспитания к дисциплине»¹. С этого момента полностью исчезает даже фасадная самостоятельность судебной системы, она превращается в заурядное «принудительное учреждение государственного аппарата», орган «классового насилия и господства»².

Некоторые идеологи того времени к разновидности суда относили даже ничем не урегулированную расправу толпы над классово-неугодными лицами. Позже они сожалели, что «с отступлением в нэпу пришлось и народный суд снабдить законами»³. Для них суд в лучшем случае был устройством для «розничного отпуска гражданам права и справедливости»⁴. Потешаясь над ролью суда в буржуазном обществе, такие как П. Стучка, они не могли понять для чего это демократы дошли до того, что изобрели особый административный суд для наблюдения за законностью действий исполнительной власти. Не понимая истинной сути правосудия, П. Стучка поспешил расценить это как обычное буржуазное лицемерие. Дескать «Советская власть до сих пор правильно уклонялась от позоимствования этого органа». Образцом же контроля за органами исполнительной власти он видел в РКК и ЦКК, радуясь, что этот «более гибкий аппарат» действует «не столько по букве закона, сколько по революционной целесообразности». Сохранение суда в коммунистическом обществе расценивалось не более чем «праздные разговоры»⁵.

Вполне естественно, что такой подход к определению функций суда в настоящий период времени вызывает критику со стороны сторонников некой особенной⁶ и даже божественной природы судебной власти⁷. Некоторым⁸ особенно не нравится высказывание А.Я. Вышинского о том, что «суд во всяком государстве есть орган управления, основной задачей которого является проведение поли-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 197.

² См. подробнее: Вышинский А.Я. Курс уголовного процесса / А.Я. Вышинский, В.С. Ундревич. М., 1936. Т. 1: Судостроительство. С. 7.

³ Стучка П. Термин «суд» // Энциклопедия государства и права. Т. 3. Колонка 1083.

⁴ Стучка П. Термин «суд» // Энциклопедия государства и права. Т. 3. Колонка 1082.

⁵ См. подробнее: Стучка П. Термин «суд» // Энциклопедия государства и права. Т. 3. Колонка 1084.

⁶ См., например: Савицкий В.М. Организация судебной власти в Российской Федерации: Учебное пособие для вузов. М., 1996. С. 3.

⁷ См., например: Баренбойм П. Божественная природа судебной власти. Три тысячелетия доктрине разделения властей: от Ветхого Завета до наших дней // Российская юстиция. 1996. № 1. С. 21—23; Он же. «И судили они народ во всякое время...» // Российская юстиция. 1997. № 3. С. 13—15.

⁸ См., например: Дмитриев Ю.А. Судебная власть в механизме разделения властей и защите прав и свобод человека / Ю.А. Дмитриев, Г.Г. Черемных // Государство и право. 1997. № 8. С. 45.

тики господствующего класса по укреплению и защите основ его политического и экономического господства»¹. Естественно, что судебная власть, как, впрочем, и иные ветви в целом единой государственной власти, обладает определенной спецификой, что и было отмечено основателями концепции разделения властей Д. Локком, Ш.Л. Монтескье и Ж.-Ж. Руссо. Но в то же время это отнюдь не означает, что осуществление судебной власти в государстве должно идти в разрез с текущей государственной политикой².

Подчиненность всех государственных органов единым политическим целям явление столь же закономерное, как и организация государственного управления вообще. Отрицание участия судебной власти в государственном управлении пусть и в весьма специфической форме противоречит не только здравому смыслу, но и действующему законодательству, в силу которого суды обязаны строго выполнять все возложенные на них функции, в том числе и социально-экономического и политического характера³.

Однако, к сожалению, нашей истории известны и отрицательные примеры в определении функциональной сущности структур судебной власти. Так, в начале 1920-х годов Н.В. Крыленко утверждал, что «суды — есть не более чем упорядоченная форма расправы»⁴, причем по своей сути это всего лишь «одно из самых утонченных, наиболее совершенных и в то же время замаскированных средств охраны порядка»⁵.

¹ *Вышинский А.Я.* Курс уголовного процесса / А.Я. Вышинский, В.С. Ундревич. М., 1936. Т. 1. Судоустройство. С. 22.

² См. подробнее: *Колоколов Н.А.* Роль судебной власти в достижении социально-политических целей государства // Социально-политическая безопасность: федеральный и региональный аспекты (по материалам межрегиональной научно-практической конференции). Курск, 1999. С. 94—97.

³ Следует отметить, что период абсолютизации места судебной власти в государственном устройстве в нашей юридической науке постепенно уходит. Все большее число авторов склоняется к тому, что все органы власти должны быть подчинены единой политической воле народа. По этому поводу Н.Г. Слащева и Н.Ю. Хаманева указывают: «В повседневной деятельности органов государственной власти важное место занимает проблема взаимодействия исполнительной и судебной властей. Отношения этих ветвей единой государственной власти проявляется в разнообразных формах, которые отражают их свойства как субъектов государственной власти в рамках единой политической системы. Основные задачи, стоящие перед Российским государством, в конечном счете являются общими для всех ветвей власти» (*Салищева Н.Г.* Исполнительная и судебные ветви власти: соотношение и взаимодействие / Н.Г. Салищева, Н.Ю. Хаманева // Государство и право. 2000. № 1. С. 5).

⁴ *Крыленко Н.В.* Судоустройство. М., 1924. С. 16.

⁵ Там же. С. 9.

По идеологическим причинам не стремились раскрыть сущности судебной власти и в более позднее время. Поэтому в учебниках по судоустройству, как правило, содержались дефиниции типа: «Советский суд является органом государства, осуществляющим правосудие и применяющим предусмотренные законом меры в отношении тех, кто преступает нормы закона, мешает жить и работать советским людям, наносит ущерб обществу и государству»¹.

Другие авторы того времени утверждали, что «суд — орган правосудия, призванный обеспечить строжайшее проведение дисциплины и самодисциплины трудящихся»², поскольку он «способствует повышению правосознания советских людей, укреплению государственной дисциплины, предупреждению и искоренению правонарушений»³. Получается, что в тот период времени правосудие в значительной степени подменялось пресечением правонарушений, в лучшем случае воспитанием граждан.

Как показали проведенные авторами социологические исследования о роли суда в жизни российского общества, многими нашими современниками суд и до сих пор воспринимается как карательный орган⁴ (88% опрошенных). При этом большинство респондентов обосновывают подобный вывод тем, что суды все еще являются составной частью государственной репрессивной машины (85% опрошенных).

Начало демократических перемен в жизни российского общества было ознаменовано попыткой наполнить судебную деятельность новым содержанием. В учебниках по судоустройству стали писать, что суд превратился в «орган призванный защитить установленный конституцией общественный и государственный строй, права и законные интересы граждан, предприятий, учреждений и организа-

¹ Зайчук В.И. Советская судебная система и ее демократическая сущность. Киев, 1977. С. 6.

² Суд и правосудие в СССР / Под ред. М.П. Шаламова. М., 1974. С. 51.

³ Добровольская Т.Н. Правосудие, арбитраж и прокурорский надзор в социалистическом общенародном государстве / Т.Н. Добровольская, С.Г. Новиков, М.Ю. Рагинский. М., 1977. С. 6.

⁴ Подобное отношение имеет и определенные исторические корни. Например, накануне реформы 1864 г. по Своду законов наша судебная система включала в разряд судебных структур волостные и сельские расправы (см.: *Хрестоматия по уголовному процессу России* / Авт.-сост. Э.Ф. Куцова. М., 1999. С. 29). Такой же позиции придерживаются Ю.А. Дмитриев и Г.Г. Черемных, которые пишут: «Широкими массаами граждан суд воспринимается как карательный орган, «судилище», место расправы, наказания, в лучшем случае — сутяжничества» (Дмитриев Ю.А. Судебная власть в механизме разделения властей и защите прав и свобод человека / Ю.А. Дмитриев, Г.Г. Черемных // Государство и право. 1997. № 8. С. 45).

ций»¹. Воспитательная функция суда большинством авторов относится к разряду второстепенных. Несмотря на то, что отношение к суду как к органу воспитания правосознания всегда было присуще большинству российских ученых-юристов², данный вид судебной деятельности отдельными представителями отечественной юридической науки почему-то принимается в штыки³. По их мнению, постепенно должно возобладать нейтральное отношение к суду как «средству разрешения споров о праве и устранения юридических неопределенностей»⁴.

Хотя понятия «суд» и «судебная система» тесно связаны с таким понятием, как «правосудие», отношение к этому виду государственной деятельности также неоднократно менялось. Например, Б.Н. Чичерин по этому поводу писал, что правосудие — «воздаяние каждому должного на основании закона»⁵. Чуть позже, рассуждая на эту тему, Н.Н. Полянский утверждал, что «уголовное правосудие имеет своей целью защиту власти и объективного порядка путем репрессии, которая следует за обвинительным приговором»⁶.

В советский период времени правосудие представлялось либо как «особый вид применения закона», либо как форма государственной деятельности, имеющая в своей основе правоприменительную юрисдикционную составляющую⁷. В таких случаях правы были те критики, которые указывали, что «норма права и закон не равнозначны, а уж тем более не синонимы. Если исходить из лингвистического смысла термина «правосудие», то это — деятельность суда, направленная на применение права. В то же время суд применяет не само право, а лишь его норму. В лучшем

¹ *Правоохранительные органы в СССР* / Под ред. К.Ф. Гуценко. М., 1991. С. 235.

² Например, крайне трудно не согласится с мнением Н.Н. Полянского о том, что «именно местные суды внедряют право в жизнь, воспитывают общественное правосознание» (*Полянский Н.Н. Уголовный процесс, уголовный суд, его устройство и деятельность: Лекции.* М., 1911. С. 51).

³ По этому поводу Ю.А. Дмитриев и Г.Г. Черемных, на наш взгляд, совершенно обосновательно утверждают, что прежнее сознание довлеет в сознании ученых нового времени (См.: *Дмитриев Ю.А. Судебная власть в механизме разделения властей и защите прав и свобод человека* / Ю.А. Дмитриев, Г.Г. Черемных // *Государство и право.* 1997. № 8. С. 45), поскольку функция воспитания присуща деятельности любой государственной структуры и это очевидно.

⁴ *Концепция судебной реформы в Российской Федерации.* М., 1992. С. 44.

⁵ *Чичерин Б.Н. Курс государственной науки.* М., 1894. Ч. 1: Общее государственное право. С. 319.

⁶ *Полянский Н.Н. Очерк общей теории уголовного процесса.* М., 1927. С. 66.

⁷ См., например: *Суд и правосудие в СССР* / Под ред. Б.А. Галкина. М., 1981. С. 15.

случае суд может применить ее по аналогии, дает закону казуальное толкование»¹.

Постепенно большинство ученых советского периода сошлось на мысли о том, что «правосудие есть государственная деятельность, осуществляемая судом в специальной процессуальной форме путем рассмотрения в судебных заседаниях уголовных дел об общественно опасных деяниях и иных правонарушениях, влекущих применение (или отказ от применения) путем принятия общеобязательного решения (акт правосудия) существенных мер государственного принуждения, и гражданских дел, связанных с защитой нарушенного или оспариваемого права или охраняемого законом интереса в целях борьбы с правонарушениями и преступностью, укрепления правопорядка, защиты интересов государства, прав и свобод граждан»².

Как видим, авторы этого периода утверждают, что правосудие это деятельность: во-первых, специально на то уполномоченных органов — судов; во-вторых, данный вид деятельности жестко регламентирован процессуальным законодательством; в-третьих, эта деятельность всегда направлена на рассмотрение и разрешение по существу спора и обвинения гражданских и уголовных дел на основе применения норм материального права; в-четвертых, акты правосудия являются основанием для применения существенных мер государственного принуждения в целях защиты и охраны прав граждан, общества и государства³.

Несмотря на то, что к этому времени большинство составляющих понятия правосудия учеными было найдено, достигнуть четкости и ясности в уяснении сущности этого явления все же не удалось. Более того, некоторые известные авторы рассматривают правосудие как разновидность правоохранительной деятельности государства. В частности, К.Ф. Гуценко по существу предлагает рассматривать правосудие как «правоохранительную деятельность» суда в целях обеспечения законности⁴.

¹ *Дмитриев Ю.А.* Судебная власть в механизме разделения властей и защите прав и свобод человека / Ю.А. Дмитриев, Г.Г. Черемных // Государство и право. 1997. № 8. С. 46.

² *Курс советского уголовного процесса. Общая часть* / Под ред. А.Д. Бойкова и И.И. Карпеца. М., 1989. С. 26—27.

³ См. подробнее: *Филиппов П.М.* Судебная защита и правосудие в СССР. Саратов, 1987. С. 29; *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 14; *Семенов В.И.* Суд и правосудие в СССР. М., 1976. С. 21; и др.

⁴ См.: *Правоохранительные органы в СССР* / Под ред. К.Ф. Гуценко. М., 1991. С. 36.

Естественно, данный подход к решению проблемы вызвал справедливую критику, так как правоохранительная функция суда носит не прямой, а опосредованный характер. Отнесение же суда к числу правоохранительных органов не только ставит его в один ряд с такими классическими правоохранительными структурами, как прокуратура, милиция, госбезопасность, но и не соответствует закону, в силу которого перечисленные органы являются составной частью исполнительной власти¹.

С не меньшим количеством сложностей столкнулась отечественная наука и при определении сущности судебной власти. Мы уже указывали, что С.И. Викторский, не отрицая ее наличия, писал о ней как о некоей форме монаршей милости. Столь же несовершенными были дефиниции и других авторов того времени. Так, С.В. Познышев, в частности, утверждал, что «судебная власть есть ветвь власти государственной, которая должна быть осуществляема отдельными органами, не несущими функций административных или законодательных, и которая призвана осуществлять закон, утверждать его господство в жизни и бороться с насилием»². По смыслу данного определения получается, что судебная власть это то, что осуществляется судебными органами. Выше мы установили, что они осуществляют правосудие. Если и дальше следовать его логике, то судебная власть есть ни что иное, как правосудие.

Кстати, подобное определение существовало даже в советский период времени. В некоторых учебниках по теории государства и права писали: «Судебная власть — специфическая независимая ветвь государственной власти, осуществляемой путем гласного, состязательного, как правило, коллегиального рассмотрения и разрешения в судебных заседаниях споров о праве»³.

Процессуалисты определяют судебную власть несколько иначе. Например, как «предоставленные специальным органам государства — судам — полномочия по разрешению отнесенных к их компетенции вопросов, возникающих при применении права и реализации этих полномочий путем конституционного, гражданского, уголовного, административного и арбитражного судопроизводства с соблюдением процессуальных норм, создающих гарантию законности и спра-

¹ См.: *Дмитриев Ю.А.* Судебная власть в механизме разделения властей и защите прав и свобод человека / Ю.А. Дмитриев, Г.Г. Черемных // Государство и право. 1997. № 8. С. 46.

² *Познышев С.В.* Элементарный учебник русского уголовного процесса. М., 1913. С. 87.

³ *Общая теория государства и права* / Под ред. В.В. Лазарева. М., 1994. С. 284.

ведливости принимаемых судами решений»¹. Это вторая существенная ошибка в определении сущности судебной власти, поскольку к этому вопросу авторы пытаются приблизиться, как и раньше С.И. Викторский, через перечисление форм ее осуществления.

Выдающийся русский специалист в области уголовно-процессуального права, историк М.А. Чельцов-Бебутов понимал судебную власть как «обязанность определенных государственных органов по требованию заинтересованных лиц или по собственной инициативе принимать необходимые меры для приложения общей нормы закона к отдельным случаям в особом, установленном законом порядке»². В данном случае автор не только смешивал функции власти судебной с функциями власти контрольной, но и определял само понятие «власть» как некую «обязанность», но разве государство не обязано по заявлению заинтересованных лиц осуществлять иные виды деятельности, той же административной (розыск преступника) или законодательной (по приказам избирателей). Наконец, власть не может быть просто обязанностью, поскольку применительно к государству обязанность — это его цель, задача (к примеру, задача защитить гражданина), а власть — это всегда публичная воля и публичная функция, которые реализуются при достижении социально значимых целей и задач, которые ставятся и решаются всем народом.

По этой причине нельзя рассматривать судебную власть и как некую форму «самоограничения государства», к чему в свое время призывала Е.Б. Мизулина³. Государство в момент осуществления своих властных, в том числе и судебных функций, себя не ограничивает, а возвеличивает. Участие же в осуществлении правосудия простого населения никого не должно смущать, поскольку народ, государство и власть в данном случае выступают как неразделимые структуры общественного сознания. Народ организован в государство, поскольку это закономерная и высшая форма проявления общественной воли. Государство не может не выполнить воли своего народа (иначе оно просто рухнет), поэтому оно всегда заинтересовано в единении волеизъявлений максимально большего числа своих граждан (политический и организационный аспекты проблемы), устранению противостояния между проводниками государственной воли —

¹ *Правоохранительные органы Российской Федерации* / Под ред. В.П. Божьева. М., 1996. С. 33.

² *Чельцов-Бебутов М.А. Советский уголовный процесс*. Харьков, 1928. Вып. I. С. 115.

³ См. подробнее: *Мизулина Е.Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства*. Тарту, 1991; *Она же. Технология власти: уголовный процесс*. Ярославль, 1992.

администраторами и населением на местах. Только участие народа (лучших его представителей) позволяет обеспечить своеобразный «технологический» прорыв в разрешении социальных конфликтов. Для этого и существуют отдельные элементы судебной системы, например: шеффены, суды присяжных. Иначе функцию «воздаяния» по заслугам отдали бы чиновникам: это проще, лучше и дешевле.

В то же время правы те ученые, которые прежде чем дать определение понятию «судебная власть» анализируют ее основные признаки. Это позволяет им приблизиться к его уяснению посредством изучения общей теории государственной власти¹, трактующей ее саму как систему особых государственных отношений². Обычно в таких случаях начинают с публичности, которая является основным признаком как государства, так и его воли и власти. Действительно, судебной власти всегда также присущ публичный характер. Это происходит потому, что осуществление правосудия невозможно без процесса (возведенного в ранг закона порядка разрешения спора). Процесс же — всегда есть институт публичного права, на который возложено поддержание правопорядка путем защиты субъективных прав отдельных граждан³, их сообществ. Помимо данного признака (характерного, впрочем, и иным институтам государственной власти) теоретики выделяют и такие признаки судебной власти, как: безынициативность (суд не наделен контрольной функцией); и то, что она служит арбитром (разрешая спор, высказывается только в отношении отдельных казусов, никогда в отношении общих начал)⁴.

Исключительно важное значение для уяснения природы и сущности судебной власти, определению ее места в общественной жизни имеет то обстоятельство, что народ, в целом, и государство, в частности, предоставляют ей право в определенных спорных ситуациях устанавливать так называемую юридическую истину, которая в сознании многих граждан приравнивается к истине абсолютной и, как известно из философии, совершенно недостижимой. Но для

¹ См., например: *Байтин М.И.* Государство и политическая власть. Саратов, 1972; *Витченко А.М.* Теоретические проблемы исследования государственной власти. Саратов, 1982; *Кейзеров А.М.* Власть и авторитет. М., 1973; *Чиркин В.Е.* Контрольная власть // Государство и право. 1993. № 4. С. 10—19; и др.

² См.: *Старилов Ю.Н.* Судебная власть в России: модель конституционно-правового регулирования // Российское государство и правовая система: Современное развитие, проблемы, перспективы / Под ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж, 1999. С. 229.

³ См.: *Рязановский В.А.* Единство процесса: Пособие. М., 1996. С. 15.

⁴ См.: *Дмитриев Ю.А.* Судебная власть в механизме разделения властей и защите прав и свобод человека / Ю.А. Дмитриев, Г.Г. Черемных // Государство и право. 1997. № 8. С. 48.

упрощения задач управленческого характера, а именно для скорейшего умиротворения общественного сознания, такая правовая конструкция, как «преюдиция судебного решения перед иными актами управления», оказалась жизнеспособной и совершенно необходимой. Иными словами, реальное установление истины судом вовсе не обязательно, просто для достижения конкретных управленческих целей все готовы согласиться, что юридический факт установлен судом. Его решение обязательно для всех и ни один другой орган власти не имеет права на совершение подобных действий¹. Такой подход к разрешению конфликтных ситуаций значительно упрощает решение многих чисто управленческих задач. В противном случае общество могло бы скатиться к поиску чего-то абсолютного, заведомо недостижимого. Как правило, ему, а тем более государству в определенный момент времени это совершенно не требуется.

Классический пример: нашумевший в свое время поиск хозяина 500 000 долларов, которые выносились из правительственного учреждения в «коробке из-под ксерокса». В данной ситуации установление истины вело к конфронтации, а не к успокоению общественного сознания. Поэтому розыск поспешили прекратить, а дело до суда не доводить.

Впрочем, организация правосудия такова, что она не исключает возврата к старому спору: по вновь открывшимся обстоятельствам, в порядке надзора и др. На определенных этапах истории общество бывает не готово к восприятию какой-то истины. Позже, успокоившись, оно в состоянии спокойно оценить ее с новых позиций². Критиковавшиеся нами сторонники «особой» или «божественной» роли суда в жизни народа склонны считать, что суд в решении таких вопросов не должен зависеть от сиюминутного желания общества и даже от его состояния. Он должен быть полностью самостоятелен. Это — очередная утопия. К полной самостоятельности суда можно стремиться, но достичь ее невозможно. У общества всегда будет желание упростить проблему, а у суда — разрешить ее по всем правилам. В таком случае, если суд будет полностью автономной от общества системой, то ему неизбежно грозит устранение из властных структур, как это не раз происходило в нашей и мировой истории³.

¹ Дмитриев Ю.А. Указ. соч.

² За подобными примерами ходить далеко не нужно, достаточно вспомнить взгляды русского народа в 1930-е и 1980-е годы.

³ Достаточно вспомнить краткую историю отечественного конституционного правосудия, чтобы понять, что нашему обществу не нужен принципиальный суд, особенно в тот момент, когда оно само еще не определилось относительно своих ближайших целей.

Если суд будет за одно с обществом, оно поменяет правила, которым, как показывает история, никто навечно не присягает. Следовательно, проблема несовершенства правосудия не в суде, как в особой идее, и не в правилах его осуществления, которые, как оказывается на поверку, выработаны и опробованы тем же сознанием, а в совокупности наших мыслей и представлений о жизни в целом. Законы, регламентирующие судоустройство, от них производны.

В.А. Ржевский и Н.М. Чепурнова заявили, что выработка общего понятия «судебная власть» все еще ждет своего решения¹. Тем не менее, несмотря на отсутствие необходимого комплекса знаний о предмете, сделано множество попыток дать определение судебной власти, раскрыть ее сущность и содержание. Большинство из них трудно отнести к удачным. Рассмотрим и проанализируем наиболее характерные суждения, высказанные в последние годы.

Ю.А. Дмитриев и Г.Г. Черемных, определяя судебную власть, предпочли традиционный путь. Они охарактеризовали ее как «самостоятельное публично-правовое образование, представляющее собой систему специальных государственных и муниципальных органов»², «обладающих предусмотренными законом властными полномочиями, направленными на установление истины, восстановление справедливости, разрешение споров и наказание виновных, решения которых обязательны к исполнению всеми лицами, которых они касаются»³. При таких обстоятельствах суд ими детерминируется «как независимый от иных публично- и частноправовых структур орган судебной власти, деятельность которого направлена на установление истины, восстановление справедливости, разрешение споров и наказания виновных лиц в форме, установленной законом»⁴, а правосудие — как «специфическая, присущая только судам форма осуществления властных полномочий органами госу-

¹ *Ржевский В.А.* Судебная власть в Российской Федерации: конституционные основы организации и деятельности / В.А. Ржевский, Н.М. Чепурнова. М., 1998. С. 38.

² На наш взгляд, органы местного самоуправления судебной власти не осуществляют, а только взаимодействуют с ней в рамках обеспечения участия народа в отправлении правосудия. См. подробнее: *Колоколов Н.А.* О роли судебной власти в государственном управлении и некоторых проблемах взаимодействия органов местного самоуправления с судами // Государственная власть и местное самоуправление. 1998. № 1. С. 42—48.

³ *Дмитриев Ю.А.* Указ. соч. С. 48.

⁴ Там же.

дарственной власти, завершающаяся принятием судебных решений, обязательных для исполнения всеми лицами, в отношении которых они выносятся»¹.

Как видим, ничего принципиально нового нет. «Судебная власть» по-прежнему представляется им не более чем «система специализированных государственных органов»², которым имманентно якобы принадлежат определенные полномочия и которые в силу этого выполняют определенные функции. Иными словами, нас в данном случае пытаются убедить в правильности суждения, что судебная власть — это не более чем органы, обладающие специальными полномочиями. О том, что такой подход к решению проблемы уже использовался многими авторами³, ими тоже не скрывается⁴. Впрочем, есть ученые, которые считают, что их определение все же более содержательно, чем позиция сторонников предыдущей «механистической» школы, поскольку оно содержит указание на органы, осуществляющие судебную власть⁵.

С.А. Шейфер и В.А. Яблоков предлагают определить судебную власть «как принадлежащее судам, составляющим единую судебную систему государства, исключительное полномочие по разрешению возникающих в правовой сфере жизни общества социальных конфликтов с использованием установленной законом процедуры, реализуемое в формах конституционного, гражданского, уголовного, административного и арбитражного судопроизводства»⁶. Такой же точки зрения последовательно придерживаются не только они⁷, но

¹ Дмитриев Ю.А. Указ. соч. С. 46, 48.

² Там же. С. 48.

³ См. подробнее: *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1912. Т. 1. С. 170; *Розин Н.Н.* Уголовное судопроизводство. 3-е изд. Пг., 1916. С. 96—99; *Бойков А.Д.* Третья власть: Очерки о правосудии, законности и судебной реформе 1990—1996 гг. Курск, 1999. С. 115.

⁴ См.: *Дмитриев Ю.А.* Указ. соч. С. 46.

⁵ С.А. Шейфером и В.А. Яблоковым предложена классификация попыток дать определение понятию «судебная власть». По их мнению, ряд ученых характеризует ее как систему судебных учреждений, другие сущность судебной власти видят в ее исключительных полномочиях. Причем одна часть ученых-юристов трактует полномочия весьма узко, а другая признает возможность наличия самого разнообразного судейского усмотрения. См. подробнее: *Шейфер С.А.* Понятие судебной власти и ее функции / С.А. Шейфер, В.А. Яблоков // Проблемы судебно-правовой реформы в России: история и современность: Сборник трудов. Самара, 1999. С. 185—192.

⁶ *Шейфер С.А.* Указ. соч. С. 192.

⁷ См., например: *Шейфер С.* Взаимоотношения судебной и обвинительной властей // Вестник Верховного Суда СССР. 1991. № 8. С. 31.

и А.С. Кобликов¹, В.А. Лазарева², Е.В. Кладий³, А.В. Гусев, Н.А. Петухов⁴. Если коротко, то получается, что судебная власть — это некое абсолютное «полномочие государства». Но где же в этом определении раскрытие: 1) природы судебной власти, кроющейся в соответствующей организации сознания общества, 2) ее сущности, обусловленной народной составляющей публичной функции, 3) содержания, а оно гораздо шире, чем просто судопроизводство?

Авторы коллективной монографии «Судебная власть», как отмечалось выше, претендующие на изучение проблем судебной власти в целом (!), во введении (автор которого — И.Л. Петрухин) пишут: «Судебная власть есть независимая и самостоятельная ветвь государственной власти, которая на основе права разрешает социальные конфликты, следит за соответствием нормативных и правоприменительных актов Конституции РФ и законам, а также устанавливает юридически значимые факты. Основной формой реализации судебной власти являются все разновидности правосудия»⁵. Видимо для большей убедительности практически И.Л. Петрухин данное определение ниже повторяет еще раз. Он пишет: «Судебная власть — это самостоятельная и независимая ветвь государственной власти, созданная для разрешения на основе закона социальных конфликтов между государством и гражданами, самими гражданами, юридическими лицами; контроля за конституционностью законов; защиты прав граждан в их взаимоотношениях с органами исполнительной власти и должностными лицами; контроля за соблюдением прав граждан при расследовании преступлений и при проведении оперативно-розыскной деятельности; установления наиболее значимых юридических фактов и состояний»⁶.

¹ См.: Кобликов А. Судебная власть и процессуальные гарантии // Вестник Верховного Суда СССР. 1991. № 8. С. 26; Он же. Судебная реформа и новые проблемы правосудия // Советская юстиция. 1990. № 6. С. 6.

² См.: Лазарева В.А. Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе. Самара, 1999. С. 12, 45; Она же. Судебная власть и уголовное судопроизводство // Государство и право. 2001. № 5. С. 53.

³ Кладий Е.В. Судебная власть в системе государственной власти Российской Федерации: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 9.

⁴ Организация деятельности судов: Курс лекций для вузов / Отв. ред. Н.А. Петухов. М., 2005. С. 9; Петухов Н.А. Социальные и правовые проблемы становления, развития и функционирования системы военных судов России: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. М., 2003. С. 3.

⁵ Петрухин И.Л. Введение // Судебная власть / Под ред. И.Л. Петрухина. М., 2003. С. 7.

⁶ Петрухин И.Л. Понятие и формы реализации судебной власти // Судебная власть / Под ред. И.Л. Петрухина. М., 2003. С. 81.

Как видим, «заслуга» авторов коллективной монографии «Судебная власть» и, в первую очередь И.Л. Петрухина, «изучивших проблему судебной власти в целом», сводится к констатации «Судебная власть — это самостоятельная ветвь государственной власти, которая....» и далее фрагментарно о подсудности.

Особое место в отечественной юридической науке занимают те правоведы, которые определяют судебную власть как «социально-правовой феномен», функционирующий с момента возникновения государства. Ее составными частями, по их мнению, являются две группы элементов, которые можно классифицировать как идеальные и материальные. Идеальными компонентами судебной власти являются те, которые характеризуют ее сущность и природу. Это экономически обусловленная воля класса, нации или всего народа, авторитет власти и правовая идеология. Материальными компонентами судебной власти являются элементы, которые ее оформляют организационно и делают постоянно функционирующей и общеобязательной. Это система судов и законодательство о судостроительстве и судопроизводстве¹.

Анализируя большинство из вышеперечисленных точек зрения, интересные рассуждения на этот счет юридической общественности предоставила Е.В. Рябцева. Подвергая их обоснованной критике, она, во-первых, справедливо подчеркивает, что «судебная власть не может быть понята без использования характеристик государственной власти»². Во-вторых, Е.В. Рябцева точно подметила, что определения судебной власти, содержащиеся в трудах российских ученых, «не отражают ее положение в государственном механизме»³.

Несмотря на то, статья Е.В. Рябцевой помещена в сборнике, имеющем методологическое значение, допущенная ею ошибка, впрочем, как и у подавляющего большинства других исследователей, носит как раз методологический характер!

Власть и государство, безусловно, субстанции суть специфические, ибо это — особый вид человеческих отношений. Их возникновение обусловлено необходимостью наиболее рациональной организации управления нацией. Общеизвестно, что государство

¹ *Иванников И.* От Гегеля до наших дней // Российская юстиция. 1998. № 5. С. 6.

² *Рябцева Е.В.* Определение правосудия через призму судебной власти // Конституционные чтения / Под ред. Т.Д. Зражевской. Воронеж, 2003. Вып. 2: Понятийно-категориальный аппарат для решения научных задач в конституционно-правовой науке. С. 277.

³ Там же.

является высшей формой управления и высшей формой реализации власти. Каждая форма ее реализации есть преломление традиций в человеческих отношениях по отношению к конкретной проблеме. Когда возникает спорная ситуация, человеческие отношения трансформируются таким образом, чтобы общество могло выйти из нее с наименьшими для себя социальными и экономическими потерями. Таким образом, судебная власть, хотя категория и непосредственно исследователем ненаблюдаемая, однако чем-то непознаваемым и необъяснимым она не является, поскольку представляет собой вид государственно-управленческой деятельности, т.е. принятой обществом особой формой взаимоотношений, в силу которых большинство признает необходимость наличия властных полномочий в руках правящей судебной олигархии и подчиняется ей.

Анализируя содержание судебной власти, нельзя не упомянуть о значимости исполнительного производства, без него любой суд лишается всякого смысла. Не правы и те, кто связывают неисполнимость судебных решений только с низкой эффективностью судопроизводства¹. Проблема гораздо серьезнее, она в правильном определении роли судебной власти в государственном управлении. Жизнь в обществе должна быть организована таким образом, чтобы случаи обращения в суд свелись к минимуму. Все спорные вопросы должны решаться в согласительном или, по крайней мере, административном порядке. Суду нет смысла заседать тогда, когда народу все и так очевидно. Что касается массовой совокупности однотипных спорных ситуаций, то общество должно найти более экономичный и результативный способ их разрешения. Если это не делается, обстановка нагнетается искусственно и нужно искать политическую, а не правовую подоплеку проблемы.

Так, что же такое судебная власть?

Во-первых, судебная власть — частный случай проявления власти вообще, она — одна из форм публичной власти, а именно, государственной власти. В этой связи, судебная власть — метафизическая и историческая реальность, уникальные и в то же время закономерно возникающие *общественные отношения*, социальная природа которых заключается в потенциальной способности человечества, базируясь в своей деятельности на такую социальную ценность, как право, посредством только одному ему ведомых средств, речи, символов и знаков мобилизовать свои ресурсы для разрешения определенных категорий социальных конфликтов, а равно наличие у общества права не только принимать решения в процессе

¹ См. подробнее: *Дмитриев Ю.А.* Указ. соч. С. 48.

их разрешения, но и добиваться путем неукоснительного следования нормам права обязательного их исполнения.

Таким образом, судебная власть — это присущее социальной природе человека *средство* и необходимое *условие* функционирования высоко развитой социальной общности, а равно средство всеобщей связи (коммуникации), возникающее между высокоорганизованными людьми в процессе разрешения определенных категорий социальных конфликтов, символический посредник, обеспечивающий выполнение взаимных для граждан и государства обязательств на основе норм права. Судебная власть — институализация ожидания обществом того, что возникшим социальным конфликтам, их разрешению в соответствии с законами и на их основе будет уделено достойное внимание. Судебная власть — это принятая определенной человеческой общностью процессуально-правовая парадигма поведения субъектов права при разрешении социальных конфликтов. Судебная власть характеризуется многоаспектностью, сложностью и системностью.

Во-вторых, наличие в комплексе судебных властеотношений народа, нации, политического (гражданского) общества, в которых народ, нация, политическое (гражданское) общество одновременно и объект и специфический субъект, так как существование государственной власти, а следовательно, и судебной власти вне народа, нации, политического (гражданского) общества абсолютно невозможно, так как сами они — ее источники. Суд (судебная система) — это аппарат судебной власти, особые государственные учреждения (по сути своей уникальная особая форма государственно-властных правоотношений организационно-структурного характера), специфическим образом катализирующие процесс государственного управления при разрешении социальных конфликтов. При разрешении конкретного социального конфликта суд — государственное учреждение выступает не только носителем судебной власти, но и является субъектом процесса.

В-третьих, приказ субъекта, осуществляющего судебную власть, — фактически воля народа в редукции органов государства — судов по отношению к объекту — то есть к этому же народу, в обязательном порядке сопровождается угрозой применения санкции в случае неповиновения.

Угроза может быть выражена в самых различных формах. Особенность применения силы государством в данном случае заключается в том, что она исходит не только от государства (изнутри), а и от его аппарата, то есть для общества, как бы извне! При удачном ходе судебного разбирательства в обществе быстро вызревает уве-

ренность в том, что установившийся характер судебно-властных правоотношений для него благо, поэтому необходимость во внешней силе отпадает или минимизируется. Социальные конфликты разрешаются судом не посредством внешней силы, а путем совершенствования, специализации властеотношений. Именно результатом такого развития властеотношений является появление самостоятельной и независимой судебной власти — судебно-властного правоотношения.

В-четвертых, подчинение народа, субъекту, то есть фактически господствующему в нем мнению, есть подчинение воле осуществляющего власть субъекта, в реальной жизни это выглядит как подчинение решению суда — решению конкретного государственного учреждения.

В-пятых, правовые нормы, устанавливающие, что отдающий «приказы» субъект — суд имеет на это право, а объект — народ (как участники конкретного судебного разбирательства, так и общество в целом) обязан подчиниться его приказам. Таким путем судебная власть легитимизируется и распадается на совокупность рядовых правоотношений власти — подчинения процессуального характера.

Безусловно, судебная власть — ресурс, который необходим для осуществления каких-либо определенных целенаправленных действий. Конечно же, судебная власть в этом случае в умах людей предстает как мощь, сила, воля, в основе которых лежат почитаемые ими право, законы.

В организации судопроизводства используется все, что может быть конвертировано в судебную власть, конечно же, и богатство, и влияние, и культура. При этом судебной властью как ресурсом народ обладают, он ее передает (делегирует) судам (судьям), которые по общему признанию выступают как носители судебной власти.

В то же время судебная власть — устойчивые человеческие отношения, поэтому она не располагается в конкретном государственном аппарате, в самом обществе ничего не изменится, если мы лишь сменим название судов, провозгласим состязательность процесса или, наоборот, отменим ее, а равно призовем на службу новое поколение судей. Судебная власть в данном случае есть не что иное как функция. Судебная власть в государстве в качестве функции не может быть присвоена одним лицом. Отчужденную, персонифицированную судебную власть рассматривают как судебную машину.

Наконец, судебная власть — форма творчества, она позволяет находить новые оригинальные конфигурации прежних ресурсов и функций. Надстраиваемая ею коммуникация порождает новый

смысл жизни народа, гарантирует новую увязку целей и средств, выдвигает новые критерии и основания власти и эффективность целедостижения.

В настоящее время как в отечественной, так и мировой юридической науке судебная власть иногда приравнивается к так называемой усмотрительной власти (*discretionary power*). В числе сторонников данной концепции К. Дэвис, Д. Галлиган, Дж. Венеци, О.А. Папкина. Последняя, в частности, считает, что судебная власть — усмотрение, во-первых, ограничено юридическими нормами. Во-вторых, оно осуществляется только в процессуальной форме. В-третьих, судебское усмотрение должно быть мотивированным. В-четвертых, судебское усмотрение ограничено лишь выбором варианта решения. В-пятых, судебское усмотрение не более чем разновидность правоприменительной деятельности¹.

Как видим, феномен судебной власти многогранен. В то же время для него, как и власти вообще, характерны следующие аспекты.

Директивный, в соответствии с которым судебная власть понимается как реальное господство, имеющее материальное составляющее уже в силу того, что она является знанием целого народа, целой нации.

Технологический — совокупность социальных практик, позволяющих реализовать потенцию государственной власти в рамках разрешения конфликтных ситуаций.

Коммуникативный — судебная власть — это язык, понятный всем субъектам государственно-правового властеотношения.

В научной литературе судебная власть четко отграничена от авторитета, влияния, зависимости, воздействия, принуждения, насилия, произвола суда, имеется стройная и завершенная классификация функций судебной власти.

И, естественно, судебная власть — это своеобразный язык закона, форма его жизни. Сравните *die Rechtsprechende Gewalt* (нем.) — официально судебная власть, а дословно правоговорящая власть, да и судопроизводство в немецком *die Rechtsprechung* — дословно правоговoreние.

Возникает еще один вопрос: можно ли судебную власть рассматривать как разновидность власти политической?

Судебная власть — составная часть государственной власти. Таким образом, чтобы ответить на вышеозначенный вопрос, сначала следует определиться: является ли государственная власть полити-

¹ См. об этом: Папкина О.А. Усмотрение. М., 2005. С. 202—209.

ческой? М.И. Байтин пишет: термины «политическая власть» и «государственная власть» — синонимы. В своих рассуждениях он апеллирует к К. Марксу. Оказывается, последний в данном вопросе был весьма конкретен: в статье «Морализующая критика и критикующая мораль» он прямо отождествляет оба анализируемых нами понятия¹.

Сказанное позволяет нам прийти к однозначному выводу о том, что судебная власть так же как и две другие ветви власти носит политический характер, в этой связи ей наравне с ними предстоит решать не только «чисто и правовые», но и политические проблемы. О том, что две другие ветви власти: законодательная и исполнительная — носят политический характер, спора обычно нет.

Правда, некоторые ученые (Ф.М. Бурлацкий, Н.М. Кейзеров, Л.Т. Кривушин, В.Д. Перевалов и др.) считают, что понятие «политическая власть» гораздо шире понятия «государственная власть». Ю.А. Дмитриев вообще утверждает, что политическая власть это одно, а государственное — совсем другое. Однако, как правильно отмечают М.И. Байтин и В.Е. Чиркин, государство не может быть оторвано от общества, ибо оно регулирует общественные отношения².

Судебная власть обладает своей собственной структурой. В ее основе — легитимность суда, авторитет суда. Следует отметить, что понятия «авторитет суда», «авторитет судебной власти»³ в российской юриспруденции разработаны весьма слабо. Причина этого прозаична. В советский период развития общества внимания им уделялось немного, так как для исследователей той поры не совсем была понятна природа как самого суда, так и осуществляемой им власти. Суд рассматривался в качестве составного элемента командно-административной машины, в авторитете которой до поры до времени никто особо и не сомневался. Поскольку авторитетом

¹ См.: *Маркс К.* Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Т. 4. С. 297; *Байтин М.И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. М., 2005. С. 434.

² *Байтин М.И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). М., 2005. С. 436; *Чиркин В.Е.* Общечеловеческие ценности и современное государство // Государство и право. 2000. № 2. С. 11.

³ Примечательно, что Конституция Франции 1958 г. различает «судебный авторитет» и «политическую власть». Авторы данного законодательного положения исходили из того, что власть всегда инновация — программное действие, поэтому законодательная власть и исполнительная власть сами определяют «повестку дня своей деятельности», в то время как авторитет таким качеством не обладает, ибо в юрисдикции суда находятся только лишь те споры, которые отнесены к его подведомственности и за разрешением которых к нему обратились стороны.

априори обладало целое, то частное — «советский суд был авторитетен сам по себе»¹. Вместе с тем проблема авторитета судебной власти требует инициативной постановки, новых подходов и теоретических разработок.

Об уровне авторитета суда можно судить на основе оценок, исходящих как от официальных государственных органов власти, так и по тем оценкам, которые ему дают различные общественные структуры, а равно юристы профессионалы. Давно подмечено, что охрана авторитета суда является функцией верховной власти². Истоки авторитета судебной власти неразрывно связаны с общим уровнем развития права, качеством правосознания конкретного народа, сбалансированностью судебно-правовой политики, а также с порядком формирования судов, самостоятельностью, независимостью и неподкупностью судей, законностью их деятельности.

Так, например, Ж.-Ж. Руссо еще в XVIII в. в своих исследованиях вышел на факторы политической, социальной и правовой реальности, подрывающие авторитет судебной власти. В их перечне он назвал: отсутствие во Франции выборных органов правосудия, произвол судебных чиновников, выход их из-под контроля центральной власти, вследствие чего они нередко превращаются в силу, противостоящую гражданину. По этому поводу один из основателей концепции разделения властей писал: никто не сочтет, сколько же в истории отдельных стран было несправедливых и жестоких судебных расправ³.

Авторитет судебной власти обусловлен целым перечнем факторов. Вот наиболее важные из них.

1. В основе авторитета судебной власти лежит реальная, а не декларированная подсудность: перечень категорий споров, разрешение которых входит в компетенцию суда. Чем шире данный перечень, тем авторитетнее суд.

2. Об уровне авторитета судебной власти свидетельствуют частотные и количественные характеристики судебно-властных правоотношений. Чем чаще участники споров вступают в данный вид отношения, тем увереннее можно судить об их авторитетности.

3. Авторитет суда, как ни странно, обусловлен стабильностью судебно-правовой политики государства.

В то же время об авторитете судебной власти ни в коем случае нельзя судить по авторитету конкретных судебных учреждений, по-

¹ Мартынич Е.Г. Авторитет советского суда / Под ред. д-ра юрид. наук В.М. Иванова. Кишинев, 1991. С. 5.

² См.: Гоббс Т. Избранные произведения: В 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 259.

³ См.: Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 388.

скольку судебная власть это общественные отношения в целом, а об авторитете конкретного судебного учреждения судят обычно по качеству работы отдельных чиновников. Причем не исключено, что авторитет конкретных чиновников от правосудия может быть исключительно высок, в то время как уровень авторитета судебной власти в целом — низок.

О реальном существовании судебной власти в государстве можно говорить только в том случае, когда на лицо все ее главные источники, ее носители, а сама она выполняет свойственные ей функции. При этом постоянно следует помнить, что судебная власть — производная от многих иных частных случаев власти. В частности, власти законодательной, власти исполнительной, власти политической. Ослабление любой из них тут же приводит к психопатологии власти в государстве и, как следствие, к психопатологии власти судебной.

Источник судебной власти — общество, только в нем возможно возникновение и существование судебно-властных правоотношений. Поскольку речь идет о правоотношениях, то существование судебной власти не возможно без развитой системы права. Возникает вопрос: кто же в таких условиях является носителем судебной власти. На данный вопрос существует традиционный ответ: носителями судебной власти являются судьи. Так ли это?

Судьи — элемент судебной системы — аппарата судебной власти. Следовательно, категории «суд», «судья» производные от категорий «судебная власть», «судебно-властное правоотношение». На самом деле перечень носителей судебной власти гораздо шире. Нет препятствий для того, чтобы заявить о существовании судебной наукокрации, то есть власти знающих над незнающими. К числу знающих в данном случае можно отнести представителей сторон, не только обладающих специальными познаниями, а, в первую очередь, верящими в пригодность судебно-властных правоотношений для разрешения конкретных социальных конфликтов.

Для общества характерна судебная демократия, власть большинства, признающего эффективность судебного разбирательства, над меньшинством, предпочитающим самосуд.

Судебная партократия — власть организованных над неорганизованными проявляется при лоббировании законодательства, регламентирующего вопросы судебного строительства, организации судопроизводства и т.п.

Судебная автократия — власть сильных, организованных в государство членов общества над слабыми, пытающимися пренебречь общими правилами поведения.

Ключевую роль в судопроизводстве играет судебная бюрократия — власть уполномоченных (судей) над неуполномоченными (участниками процесса). Данная составляющая судебной власти в определенной степени эквивалентна власти одного индивида (судьи) над другим индивидом (например, подсудимым), то есть тому, что Б. Рассел называл «голой властью». Формирование управляющей прослойки — судейского корпуса неизбежно чревато его отрывом от общества, в результате чего управляющая прослойка трансформируется в самостоятельную корпорацию, имеющую свои узковедомственные интересы. Для судебной бюрократии, впрочем, как и для иных видов бюрократии характерны следующие недостатки:

- 1) дела рассматриваются только с позиций соответствующего чиновника;
- 2) она не склонная брать на себя ответственность за принятые решения;
- 3) она изощряется в изобретении способов обхода законов;
- 4) дела рассматриваются в зависимости от вкуса начальства;
- 5) подвержена коррупции.

В то же время судебная власть в целом — категория неперсонифицированная, ее основное отличие от исполнительной власти — скромная роль судебной бюрократии.

Разрешение конфликтных ситуаций между субъектами общественных отношений на основе норм права, осуществляемое специально на то уполномоченными органами государственной власти, во все времена рассматривалось в качестве одного из приоритетных направлений государственной деятельности. В современных обществах основным элементом структуры этого направления государственной деятельности является судебный способ урегулирования споров¹. Обычно его называют «правосудием»² или «судопроизводством»³. Некоторые специалисты считают, что приведенные выше

¹ См. подробнее: Рулан Н. Юридическая антропология: Учебник для вузов / Пер. с фр. М., 1999. С. 160—162.

² «Правосудие» — судить по правде, по закону, по совести (См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1994. Т. 3. С. 380); «правосудие» — суд, судебная деятельность государства, юстиция, суждение, решение, основанное на законах и справедливости (См.: Словарь русского языка: В 4 т. М., 1985—1988. Т. 3. С. 355).

³ «Судопроизводство» — законный и обычный порядок в судных делах, и обряд, судебное письмоводство и судебного ведения (См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1994. Т. 4. С. 356); «судопроизводство» — деятельность судебных органов по разрешению в установленном законом порядке уголовных и гражданских дел (См.: Словарь русского языка: В 4 т. М., 1985—1988. Т. 4. С. 302).

понятия далеко неравнозначны¹. Однако в данном конкретном случае нас интересуют не какие-то отдельные (порой трудно уловимые) оттенки, свойственные каждому из перечисленных терминов (да и то, в отдельные периоды развития русского языка)², а только лишь обозначаемое с их помощью содержание государственно-правового явления — разрешение конфликтных ситуаций в обществе судом (или посредством суда)³. Уяснение данного явления, а фактически — феномена, который хотя в определенной мере и дан нам в чувственном опыте, но на самом деле раскрываем исключительно в ходе особого познания, необходимо начать с анализа его сущностных качеств.

Сущностные качества судопроизводства — это свойства, которые характерны для правосудия любой страны и любой эпохи, то есть те качества, без которых суда как способа разрешения конфликтных ситуаций в обществе нет и быть не может, без которых правосудие мгновенно исчезает, ибо суд в силу ряда определенных объективных, а равно субъективных причин не в состоянии выполнить свою социальную роль. Сущностных характеристик судопроизводства юридиче-

¹ Так, некоторые утверждают, что понятие «судопроизводство» гораздо шире понятия «правосудие», поскольку первое наряду с собственно правосудием (рассмотрением и разрешением дел судами) включает в себя и несудебную деятельность, например предварительное расследование. Другие «складывают» судопроизводство из собственно правосудия и судебной деятельности. Рассуждения подобного рода привели Е.В. Кладий к мысли о том, что конституционного правосудия не бывает в принципе, а существует только конституционное судопроизводство. См. подробнее: *Кладий Е.В.* Судебная власть в системе государственной власти Российской Федерации: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 9, 19.

² Термины «правосудие» и «судопроизводство» исконно русские, дословно на другие языки неперебиваемые. Проанализировав аналогичные термины, используемые, например, в немецком языке, заметим, что дословный перевод этих слов также будет несколько необычен: *die Rechtsprechung* — судопроизводство, *судоговорение*, юрисдикция (дословно *правоговорение*), отсюда и *die Rechtsprechende Gewalt* — судебная власть (дословно получается *правоговорящая власть*) или *die Rechtspflege* — правосудие, осуществление правосудия судебными органами, осуществление права (дословно *забота о праве*).

³ «Суд» — производное от глаголов судить, понимать, мыслить и заключать, разбирать, соображать и делать вывод, доходить от данных к последствиям до самого конца, сравнивать, считать и решать, толковать, рассуждать, выслушивая мнения, советы убеждения (См.: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1994. Т. 4. С. 354); «суд» — 1) мнение, суждение, оценка; 2) государственный орган, ведающий разрешением гражданских споров и рассмотрением уголовных дел; 3) разбирательство дел таким органом; 4) общественный орган для разбирательства фактов недостойного поведения, а также разбирательство таких случаев (См.: *Словарь русского языка*: В 4 т. М., 1985—1988. Т. 4. С. 300).

ской науке известно достаточно много. Мы ограничимся упоминанием лишь тех из них, анализ которых от государства к государству, от эпохи к эпохе, от одной правовой системы к другой необходим для того, чтобы постигнуть таинство генезиса¹ суда, а затем его эволюцию² в самостоятельную и независимую властную структуру, за проявлениями которой в материальном мире иногда (пусть и с трудом), но все же угадываются контуры такого ускользающего от непосредственного наблюдения социального явления, недоступного прямому наблюдению феномена, как судебная власть.

Для судопроизводства характерно, что разрешение социальных конфликтов осуществляется, во-первых, специально на то уполномоченными органами государственной власти — судами (судьями, судебными составами³), во-вторых, на основе норм права (как материального, так и процессуального)⁴.

Впрочем, сразу оговоримся, разрешение социальных конфликтов на основе норм права — прерогатива не одних только судов, но и многих иных органов государственной власти, в том числе и специально на то уполномоченных. Более того, в любой стране нетрудно обнаружить довольно сложную и разветвленную систему «несудебных субъектов», обладающих широчайшей юрисдикцией в сфере разрешения самых разнообразных социальных конфликтов! Боль-

¹ Генезис в широком смысле — момент зарождения и следующий за этим процесс развития, приведший к определенному состоянию, виду явлению. См.: *Советский энциклопедический словарь*. М., 1985. С. 286.

² Для общества характерны два способа развития: революционный, когда качественные изменения происходят скачкообразно, и эволюционный, когда они в обществе накапливаются постепенно, порой веками. Для судебной власти характерен преимущественно эволюционный тип развития.

³ По термину «суд» понимается как судья (необязательно профессиональный), рассматривающий дело единолично, так и совокупность судей. Совокупность судей может быть простой, состоящей как из одних профессионалов (в России, например, судебная коллегия из трех человек, президиум, пленум суда), так и одновременно из профессиональных судей и судей из народа, к числу которых обычно относят народных заседателей (шеффенов). Совокупность судей может быть и сложно организованной, например суд, рассматривающий дело с участием присяжных заседателей. В этом случае последним вменяется в обязанность рассмотрение спора лишь по вопросам «факта» (доказанности), в то время как профессиональная составляющая суда компетентна только в применении норм права к решению, принятому присяжными.

⁴ Утверждение о том, что разрешение социального конфликта происходит исключительно на основе норм права, базируется в том числе и на тех ситуациях, когда нормы права формируются непосредственно в процессе судопроизводства. Прямой противоположностью судебной правоприменительной, судебной правоустановительной деятельности, с нашей точки зрения, является произвол, дискреционные полномочия отдельных руководителей.

шинство из них, как правило, — элементы аппарата административной ветви государственной власти, например административная юстиция в США¹. Несудебные субъекты, осуществляющие квазиправосудие, создаются порой и в структурах законодательной ветви государственной власти. К таковым следует отнести различные виды парламентских расследований, конечно, при условии, что их результатом будет общеобязательное решение. На основе норм права разрешают порой социальные конфликты и органы, не входящие в перечень государственных, например, некогда в СССР так работали товарищеские суды.

Анализ деятельности вышеперечисленных «несудебных субъектов» предметом настоящего исследования не является. Об их существовании упоминается лишь тогда и постольку, поскольку это необходимо для отграничения правосудия (судопроизводства) от прочих самостоятельных видов государственной деятельности и негосударственной деятельности, в первую очередь, от тех, которые целью своего существования (также как и суды) имеют разрешение социальных конфликтов. Несудебные субъекты, занимающиеся такого рода деятельностью, в отличие от судов, сущностными качествами последних в достаточной совокупности не обладают.

В-третьих, от вышеупомянутой деятельности несудебных субъектов (тем более от несудебных форм разрешения социальных споров²) судебный выгодно отличается тем, что государство в данном случае соглашается на максимально полное удовлетворение потребности каждой из сторон — обосновать перед самостоятельным, независимым и поведенчески предсказуемым судом (судьей) правильность избранной ею позиции. В результате этого социальный конфликт трансформируется в состязание³, особенностью которого яв-

¹ См. подробнее: *Старилов Ю.Н.* Административная юстиция: Проблемы теории. Воронеж, 1998. С. 138—143; *Лав М.К.* Административное право в Соединенных Штатах Америки // *Верховенство права*. М., 1992. С. 185—201; *Лафитский В.И.* Административная юстиция в США // *Журнал российского права*. 1997. № 7. С. 117—125; и др.

² К последним относятся, в частности, поединки, месть, террор, войны, а равно: двусторонние переговоры, различные формы посредничества (арбитраж). См. подробнее: *Le Roy E.* *Introductions aux institutions politiques Africains*. Paris, 1975. P. 148—167.

³ Правосудие, основанное на принципах состязательности и диспозитивности, не универсально. Весьма жизнеспособен «инквизиционный» процесс, в котором инициатива в сборе доказательств принадлежит судье. В данном случае стороны (в том числе и их профессиональные представители) играют второстепенную роль. Если принять за допущение, что частный сектор эффективнее государственного, то «инквизиторская» не только переносит ответственность за результат судебного разбирательства на государство, но и ведет к увеличению числа судей по отношению к числу адвокатов, а следовательно, и увеличение судебных расходов. См. подробнее материалы настоящего исследования, специально посвященные организации судебных систем и эффективности судопроизводства.

ляется то, что оно проводится в соответствии с общепризнанными, апробированными временем процессуальными правилами и под контролем государства. Особо следует подчеркнуть, что сущность правосудия как состязательного процесса неизбежно извращается, если тяжущиеся стороны (а равно одна из них) необходимыми качествами самостоятельных субъектов судебно-властного правоотношения не обладают. В числе этих качеств: знание норм права по существу спора и признание их главенства, способность реализовать свою процессуальную позицию, отказ от злоупотребления своим правом. В-четвертых, государство в лице суда (судьи) не только самостоятельно, публично¹, то есть от имени народа, порой и *ex officio*², принимает в широком смысле этого слова общеобязательное решение в споре обратившихся к нему за помощью сторон, но еще и, в-пятых, как правило, гарантирует им, а равно и всему обществу его исполнение. В-шестых, судебный способ разрешения социальных конфликтов позволяет сторонам избежать неоправданного применения силы, и самоуправства. Наконец, в-седьмых, наличие суда экономически выгодно сторонам, поскольку в этом случае расходы по разрешению конфликта в значительной степени распределяются между всеми членами общества.

Завершая данную главу четко выделим сущностные характеристики судебной власти.

1. Судебная власть реальна, она обладает всеми видовыми, родовыми признаками и чертами, свойственными любой иной власти.

2. Судебная власть как любое иное социальное явление существует только в динамике — процессе.

3. Судебная власть в пределах своей компетенции сильнее любой организации или индивида, обладающих той же компетенцией на территории конкретного государства, то есть речь идет о верховенстве судебной власти, ее непререкаемости.

4. Судебная власть одновременно носит частноправовой и публично-правовой характер.

5. Судебная власть проявляется в правоприменительной сфере, правотолковательной сфере, правотворческой сфере, участвуя, таким образом, в управлении обществом.

6. Судебная власть не существует вне нормативного регулирования.

¹ По мнению В.А. Рязановского, процесс, в отличие материального права, всегда публичен. См. подробнее: *Рязановский В.А.* Единство процесса. М., 1996. С. 15.

² По обязанности (лат).

7. Судебная власть опосредуется в правосудии (процессах), его результатах (судебных актах).

8. Судебная власть является животворящим источником права. Ей, в частности, характерны особые способы формирования процедурных норм (судебный прецедент) и их трансформации (судебная практика). Правотворческая потенция судебной власти противоречива: ей под силу как оживлять «мертворожденные нормы», так и умиротвлять реально действующие предписания.

Наконец, главным назначением судебной власти является разрешение политических, социальных, экономических и прочих видов конфликтов.

В заключение главы попробуем дать определение судебной власти. Итак, судебная власть — разновидность власти вообще, государственной власти в частности. Судебная власть — это особые общественные отношения, возникновение и существование которых обусловлено способностью социума при необходимости генерировать механизм разрешения конфликтов на основе норм права, обеспечиваемый мощью государства.

Судебно-властное отношение: критерии эффективности

Любая ветвь власти, любой институт имеют практическое значение, если они эффективно функционируют. Однако функционирование любой системы возможно только при условии взаимодействия ее компонентов. В рамках затронутой в учебном пособии проблематики следует говорить о наличии судебно-властных отношений, которые и являются основой судебного взаимодействия. А если брать шире — всего судопроизводства и правосудия в целом.

Судебная власть проявляется в специфической форме властного вмешательства государства в конфликтную ситуацию в социуме, в особом властном воздействии государства на участников конфликта, отношения между ними. В процессе такого вмешательства (воздействия) государство вступает с участниками конфликта, а равно с третьими лицами в многочисленные и разнообразные властеотношения. Подавляющая часть этих властеотношений возникает и существует как правовые. Они порождают у государства (в том числе и в лице суда), прочих участников процесса состояние, связанное с их правами и обязанностями. В рамках этого состояния государство в лице суда, самостоятельные и независимые члены общества, их объединения, а также юридические лица (в число которых входит и государство), стремятся к цивилизованному достижению своих интересов.

Складывающиеся при этом властеотношения, как правило, приобретают юридическую форму, их содержание конкретизируется, они становятся судебно-властными отношениями, юридически закрепленной взаимосвязанностью поведения суда и сторон. В основе судебно-властного отношения в большинстве случаев лежит идея удовлетворения посредством судебного разбирательства жизненной потребности сторон, общества, государства.

Судебно-властное отношение — обычное властное отношение веления подчинения по урегулированию конфликта, только регламентированное совокупностью норм права. Судебно-властные отношения, как отношения веления-подчинения, а равно правоотношения вообще не могут быть сведены только к их правовой стороне (юридической форме), так как они определяются не только норма-

ми права, но и законами физики и психологии, нормами морали и нравственности, имеют свою теорию, статистику, историю. В то же время судебно-властные отношения не могут существовать вне правильно устроенного общежития. Только в нем они определяются общими для всех обязательными правилами, ограждаются от нарушений, восстанавливаются в случае нарушения. Ценность судебно-властного отношения заключается в том, что оно предсказуемо, поскольку облечено в правовую форму и является результатом реализации норм права. Судебно-властные отношения не только регулируются исходящими от государства правовыми нормами, но еще и обеспечиваются угрозой государственного принуждения, а при необходимости и его силой. Следовательно, сущность судебно-властного отношения заключается в том, что оно выполняет определенную роль в процессе урегулирования социальных конфликтов, при его посредстве нормы права регулируют отдельные отношения между конфликтующими сторонами. При этом судебно-властное отношение может рассматриваться как всего лишь орудие, посредством которого достигается проведение в жизнь того, что и так живет в народе.

Государство вмешивается в отношения сторон, во-первых, только тогда, когда спор между ними уже возник, развивается, обостряется. Во-вторых, разрешение этого спора без вмешательства государства по каким-то причинам либо невозможно, либо нежелательно. При этом в разрешении спора иными, внесудебными средствами, могут быть не заинтересованы как сами спорящие стороны, так и общество, а равно государство, иные социальные силы. В-третьих, как показывает практика, в некоторых исключительных случаях судебно-властные отношения возникают по инициативе государства в лице суда, который в данном случае действует в режиме *ex officio*, то есть по обязанности.

Для судебно-властных отношений, по нашему мнению, характерны следующие признаки:

- 1) возникают в процессе реализации органами судебной власти (судами, судьями) своих функций;
- 2) имеют в качестве обязательного субъекта судебную власть — один (или сразу несколько) ее носителей — органов судебной власти — суд, суды, судью, судей;
- 3) всегда публичны, поскольку все виды судопроизводства осуществляются только от имени государства;
- 4) являются отношениями власти и подчинения, а поэтому характеризуются юридическим неравенством суда и сторон, участвующих в деле;

- 5) их цель — разрешение конфликтов путем применения суда-ми, судьями норм права;
- 6) отличаются особой процессуальной формой;
- 7) характеризуются специфическим правовым режимом обеспе-чения законности и правовой защиты.

С учетом изложенного судебно-властным отношениям могут быть даны следующие определения.

Во-первых, самое простое и короткое, оно выдержанно в духе классического нормативизма: судебно-властное отношение — это разновидность правоотношений, которые возникают в процессе разрешения конфликтов между субъектами права и особыми субъ-ектами — судами.

Во-вторых, если признаем факт обособления судебного права в самостоятельную отрасль права, то определение анализируемому нами объекту может быть изложено в следующей редакции. Судебно-властные отношения — это регулируемые нормами судебного права общественные отношения, складывающиеся в процессе вы-полнения органами судебной власти ее функций.

Наконец, в-третьих, наиболее емкое и точное определение, со-гласно которому судебно-властные отношения — это общественные отношения, возникающие в процессе реализации судами в установ-ленных законом случаях и в установленной законом форме госу-дарственной власти при разрешения конфликтов, возникающих в процессе взаимодействия между субъектами права.

Круг участников судебно-властных отношений обширен. Пол-ного перечня их нет.

Субъект судебно-властных отношений характеризуется соответ-ствующим правовым статусом: комплексом прав, обязанностей, ог-раничений, запретов, ответственности. В данном случае речь идет о наличии у субъекта:

1) правоспособности в области судебно-властных отношений, то есть способности иметь установленные в нормах судебного права и обязанности;

2) дееспособности в области судебно-властных отношений — способности приобретать и осуществлять права, исполнять обязан-ности, соблюдать ограничения и запреты, установленные нормами судебного права, а также нести ответственность за их нарушения.

Объектом судебно-властных отношений в широком смысле это-го понятия является деятельность участников конфликта, разреше-ние которого отнесено к компетенции судебной власти.

Объектом судебно-властных отношений в узком смысле этого понятия является конкретный социальный конфликт, за разреше-нием которого участники правоотношения обратились к суду.

Содержание судебно-властного отношения характеризуется фактической и юридической его составляющими.

Наряду с общими признаками, характерными для всех видов правоотношений, судебно-властные отношения имеют и свои особенности.

В отличие от гражданско-правовых и ряда других правоотношений судебно-властные отношения построены на началах «власть — подчинение», в которых отсутствует юридическое равенство сторон, так как обязательным участником каждого из них выступает суд (судья) — носитель самостоятельной, независимой ветви государственной власти. В этой связи знак равенства между судом, с одной стороны, иными участниками судебно-властного отношения, с другой стороны, пусть в их перечне будет глава государства или даже само государство, поставлен быть не может.

В средствах массовой информации, в различных социологических исследованиях суды, нередко ошибочно именуемые судебной властью, весьма часто упрекают в плохом качестве работы. При этом о результатах их работы судят в основном лишь по количеству логических ошибок¹, то есть несоответствию выводов суда требованиям материального и процессуального законодательства, реже нравственным нормам.

Правда, встречаются и иные подходы к оценке качества судебной деятельности. Судей (как правило, голословно) обвиняют в коррумпированности, волоките, грубости. Анализ подобных оценок судебной деятельности показывает, что в значительной мере они носят вкусовой характер, ибо научно обоснованных критериев результатов судебной деятельности, ее эффективности в настоящее время просто не существует.

Кроме того, корректно ли рассуждать о качестве работы судов, эффективности судебной власти в отдельно взятом государстве в конкретный период времени, если государство в данный момент его истории неэффективно само по себе, так как и оно, и управляемое им общество поражены системным кризисом? Немаловажное значение в теории управления имеют и вопросы, а что именно следует понимать под эффективностью государства в целом, отдельных ветвей государственной власти в частности?

¹ Логическая ошибка — непреднамеренный алогичный результат, не соответствующий цели правоприменения, в его основе лежат добросовестное заблуждение либо неосторожность в деятельности субъектов правоприменения. Подробнее о сути данного явления см.: Казгериева Э.В. Логические ошибки в судебном правоприменении: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2006.

С учетом избранной темы первостепенное значение приобретает вопрос: в каких понятных для большинства членов общества категориях может быть выражена эффективность правосудия как самостоятельного вида государственной деятельности?

Чтобы правильно ответить на перечисленные выше вопросы, вспомним, что и государство, и элементы его механизма — явления сами по себе системные, следовательно, на них в полной мере распространяются правила теории социально-правовых систем. Общеизвестно и то, что «система в процессе функционирования выступает как целостное образование, в котором между ее структурой и функциями существует взаимосвязь и взаимообусловленность»¹. В этой связи нам следует согласиться с Ю.Г. Марковым, который утверждает, что «функция реализуется структурой и объясняется с помощью структуры»².

В данном случае происходит то, что А.А. Богдановым называлось «сложением активностей»³. При этом давно установлено, что активности элементов социальной системы «складываются», но не арифметически, а системно, под воздействием системообразующих факторов. Особо следует обратить внимание на то, что работа системы представляет собой постоянное воспроизводство функционального эффекта, который сводится к способности системы делать то, что принципиально не может сделать каждый ее отдельный элемент. Функциональный эффект базируется на родственности и различии свойств элементов, на многообразии взаимодействий между ними, их интегрированности.

Иными словами, функциональный эффект системы государственного управления может быть обусловлен как эффективной работой сразу всех элементов системы, так и способностью одних элементов системы компенсировать сравнительно низкую эффективность других.

С одной стороны, государство как система в целом легко может осуществить то, чего не под силу добиться составляющим его элементам. С другой — элементы целого могут быть весьма самостоятельны, а эффективность одних структур легко компенсирует неэффективность или полное отсутствие других. Чтобы убедиться в том, что это, действительно, так, достаточно вспомнить период из

¹ *Сурмин Ю.П.* Теория систем и системный анализ: Учебное пособие. Киев, 2003. С. 138.

² *Марков Ю.Г.* Функциональный подход в современном научном познании. Новосибирск, 1982. С. 20.

³ См. подробнее: *Богданов А.А.* Всеобщая организационная наука (тектология). М., 1925. С. 85—88.

нашей недавней истории, когда исполнительной власти ведомое ею общество «досталась в лаптях», а спустя всего три десятилетия оно стало претендовать на статус сверхдержавы!

Сказанное означает, что ни от отдельных судей, ни от отдельных судов, а равно их систем руководство государства, общество не вправе требовать более того, на что отдельные судьи, суды способны в текущий момент времени как элементы аппарата государственного управления. В то же время общество, его лидеры, а равно отдельные граждане для повседневной оценки результатов судебной деятельности должны владеть определенными критериями эффективности их деятельности.

Очевидно, что в решении задач повышения эффективности судебных систем значительная роль принадлежит правовой науке, в первую очередь, ведущей ее отрасли — теории государства и права. Именно она обязана вооружить как «созидателей» судебных систем, так и их руководителей конкретными рекомендациями о рациональных путях организации судебной власти, судебного строительства, методах улучшения всех видов и форм судебной деятельности. Характерной чертой проводимых в данном направлении исследований является то, что в них находит самое широкое применение системный подход к изучению социально-правовых явлений, в результате чего детально анализируются не только соответствующие правовые установления, регламентирующие функционирование судебных систем, работа конкретных правовых образований, но и социально-правовая среда их существования.

Из сказанного следует сделать однозначный вывод о том, что к определению понятия «эффективность» функционирования такого социально-процессуального института, как правосудие, необходимо подходить с системных позиций, при которых организационная и процессуальная деятельность судебной системы, регулирующие ее нормы, рассматриваются как единое целое установление, функционирующее в интересах достижения заранее запланированной социально-политической цели. Ибо «власть только тогда может быть действенной, когда она связана со своим народом общностью происхождения и представлений о законе и беззаконии»¹.

При разработке критериев эффективности правосудия для начала важно разобраться в этимологическом и философском значении самого термина «эффективность». Слово это берет свое начало от латинского понятия *effectus* (эффект, результат), что в переводе на русский язык звучит как «действенность», «результативность».

¹ См. об этом подробнее: *Исаев И.А.* *Politica hermetica: скрытые аспекты власти.* 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 459.

Иными словами, эффективность — не сам эффект, результат действия, а свойство системы. Наличие данного качества в ее характеристиках свидетельствует о способности системы достигать определенной цели. Применительно к суду, как к способу разрешения социальных конфликтов, российские ученые-юристы под «эффективной» традиционно также понимают только ту деятельность системы, которая гарантирует достижение результата, заранее задуманного как цель, решение системой поставленных перед ней задач¹. Если следовать этой простой логике, то максимальное соответствие достигнутого результата поставленной цели и есть искомое — наивысшая эффективность работы анализируемой системы.

В то же время следует отметить, что понятие «эффективность» применительно к судебной деятельности так трактуется далеко не всегда и не всеми. Например, А.М. Ларин под эффективностью судопроизводства понимал не только соотношение цели и результата, но «качество деятельности самой по себе, ее производительный характер»². Безусловно, рациональное зерно в данном рассуждении есть, поскольку порой, особенно в правосудии, важен не только результат, но и способ, каким он был получен. Так, например, признание виновного, полученное под пыткой, вряд ли одинакового положительно будет приветствоваться всеми членами нашего общества.

Однако всегда ли даже 100%-ное достижение поставленной цели субъектами судебной деятельности свидетельствует об эффективности системы?

Рассмотрим данную проблему на конкретном примере. Как известно, в основе уголовного судопроизводства лежит алгоритм, состоящий, как правило, всего лишь из трех действий, осуществляемых органами государственной власти: во-первых, преступление регистрируется; во-вторых, лицо, его совершившее, выявляется органами предварительного расследования; в-третьих, оно осуждается судом за совершение конкретного преступления к лишению свободы.

Однако возникает вполне закономерный вопрос, достигнуты ли в данном случае цели правосудия?

Даже допустив, что нарушений материального и процессуального права по уголовному делу допущено не было, то исследователь государственной деятельности все равно не в праве утверждать о

¹ См., например: *Котарбинский Т.* Тратат о хорошей работе. М., 1972. С. 121; *Петрухин И.Л.* Теоретические проблемы эффективности правосудия (по уголовным делам): Дис... д-ра юрид. наук. М., 1997.

² *Ларин А.М.* Повышение эффективности расследования // Советское государство и право. 1973. № 3. С. 106—113.

высокой, тем более 100% эффективности уголовного судопроизводства, как самостоятельного вида государственной деятельности, тем более достижении целей правосудия. Ответ на вышеперечисленные вопросы положительным может быть только в одном случае: когда уголовное судопроизводство рассматривается как закрытая система, полностью изолированная от общества.

Если в этом ключе и дальше абстрагироваться от реалий жизни, то только в рамках вышеозначенной схемы (осужден за преступление — цель достигнута) нетрудно прийти к весьма распространенному выводу: преступность искоренима, для чего достаточно¹ число осужденных за преступления приблизить к количеству лиц, их совершивших. Идея о значимости неотвратимости наказания в уголовной политике со времен Ч. Беккариа на удивление широко распространена в юридической науке. Лицами, уверенными в скорой победе в борьбе с преступностью, временами она даже вводится в число базовых принципов уголовного судопроизводства. Вместе с тем, еще в XIX в. известный немецкий криминолог Франц фон Лист совершенно справедливо отмечал, что «уголовный приговор получает свое содержание и значение только через приведение его в исполнение»², а вот достижениями в этой сфере деятельности современные общества похвастать пока не в состоянии. По этому поводу В.Н. Кудрявцев совершенно обоснованно отмечал, что цена изоляции от общества лица, совершившего преступление, неоправданно велика, лишение виновного свободы уже давно не самоцель, с задачей исправления преступника оно никак не связано, да и вообще противоречит современным нравственным представлениям³.

Действительно, государство, поставив перед собой высокую цель — разрешение социального конфликта, возникновение которого обусловлено противоправным поведением только одного из членов управляемого им общества, затратив значительные человеческие и материальные ресурсы путем временной изоляции преступника от общества, на самом деле конфликта не только не разрешает, а порождает целый ряд новых конфликтных ситуаций, обу-

¹ Например, директор НИИ аналитического моделирования в юриспруденции Тюменского государственного нефтегазового университета, Тюменского научно-го центра СО РАН, профессор С.Г. Ольков, ссылаясь на В.В. Лунеева, утверждает, что «УПК РФ, бесспорно, создает почти идеальные условия для преступников всех мастей», а затем выводит формулу, согласно которой «сердцем государственного контроля является уголовно-процессуальный закон». См.: *Государство и право*. 2006. № 3. С. 121—122.

² Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление. М., 2004. С. 28.

³ См.: Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2003. С. 168—169.

словленных разрывом социальных связей между обществом и осужденным. Приходится констатировать, что цель государством перед судом была поставлена, скорее всего, неверно, а достижение им этой ложной цели привело к появлению целого комплекса новых конфликтных ситуаций.

Таким образом, прежде чем говорить о конкретных критериях эффективности правосудия, следует определиться с содержанием понятия эффективности государственной деятельности в целом. По этому поводу Г.В. Атаманчук пишет, что «нужны объективные критерии, на основании которых можно было бы измерять эффективность государственного управления, высказывать по этому поводу достоверные и обоснованные суждения»¹. Критерий — это признак, на основе которого оценивается факт, определение, классификация, мерило»².

Критерий эффективности — признаки, грани, стороны проявления управления (управленческой системы), посредством анализа которых можно определять уровень и качество управления, его соответствие потребностям и интересам общества³. Предлагает Г.В. Атаманчук также и свою классификацию критериев эффективности. По его мнению, первостепенное значение имеют критерии общей социальной эффективности. Полагаем, данное обстоятельство наглядно было продемонстрировано в вышеприведенном примере. Не секрет, в России нет ясной и четкой уголовной политики. Чтобы убедиться, что это действительно так, достаточно проанализировать изменения, вносившиеся в отечественное уголовное законодательство в последние два десятилетия. За эти годы судами общей юрисдикции Российской Федерации осуждено свыше 20 млн человек, из них к лишению свободы на определенный срок — около 7 млн. Данные цифры, с одной стороны, свидетельствуют, что цели, поставленные государством перед органами предварительного расследования, прокуратуры и судами в сфере борьбы с преступностью, в какой-то мере были достигнуты. С другой стороны, нельзя забывать, что значительная часть осужденных до 2000 г. включительно в России амнистировалась. Однако, чтобы восстановить социальную справедливость, порожденную официальным правосудием, этого оказалось недостаточно.

В 2002 г. была проведена «тайная» амнистия, которая позволила исключить из числа осужденных в 1996—2002 гг. многих лиц, со-

¹ Атаманчук Г.В. Теория государственного управления: Курс лекций. 2-е изд., дополненное. М., 2004. С. 480.

² См.: Марков М. Технология и эффективность социального управления / Пер. с болг. М., 1982. С. 112.

³ См.: Атаманчук Г.В. Теория государственного управления. М., 2004. С. 480—481.

вершивших хищение чужого имущества на сумму менее пяти минимальных размеров оплаты труда.

Следующий этап демократизации уголовного судопроизводства начался 8 декабря 2003 г. За истекший с того времени период времени судами было скорректировано свыше 3 млн приговоров. Не будет преувеличением констатация, что вышеприведенные явные и «теневые» массовые амнистии есть не что иное, как признание ошибок в организации уголовного судопроизводства на официальном уровне.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что эффективность правосудия напрямую зависит не от количественных показателей судебной деятельности, а от достижения ими социально значимых целей.

Поскольку суды могут стремиться к достижению заведомо ложных целей, то даже 100%-ное их достижение совершенно не влияет на эффективность судебной политики государства в целом. Прежде чем приступить к соотнесению результатов деятельности судебных систем с некогда стоявшими перед ними целями, сначала следует проанализировать разумность и обоснованность постановки конкретных целей перед судами. Немаловажное значение имеет и исследование наличия у судов (судебных систем) реальных возможностей для достижения поставленных перед ним целей. Таким образом, анализ эффективности правосудия следует начинать, как это принято, не с оценки статистических результатов судебной деятельности, а с исследования разумности и обоснованности наделения судов той или иной предметной подсудностью.

Предметная подсудность категория — переменная, ее изменения происходят как в исторической плоскости, так и географической. Например, суды в США в начале XX в. были в состоянии эффективно разрешать те виды социальных конфликтов, об отнесении которых к компетенции судов россияне несколько десятилетий назад и не помышляли.

К сожалению, в современных книгах, специально посвященных проблемам судебной власти, вопросу ее эффективности за последние три десятилетия не посвящено ни одной самостоятельной главы, ни одного самостоятельного параграфа. Последнее не означает, что эффективность правосудия отечественной наукой не исследовалась вообще. Напротив, исследования судебной деятельности производились всегда, в отдельные периоды нашей истории даже достаточно интенсивно. Проблемами эффективности права вообще, правосудия в советский период занимались, в частности, А.Б. Венгеров, В.П. Казимирчук, М.П. Лебедев, В.И. Никитинский, А.С. Пашков, И.С. Самощенко, Д.М. Чечот, Е.П. Шикина и др.

В конце 1960-х годов проблема эффективности правосудия стала предметом изучения Академия наук СССР. В 1967—1972 гг. по данной тематике было проведено комплексное, полномасштабное

исследование, результатом которого было появление в 1975 г. коллективной монографии в двух частях: «Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок»¹. О солидности данного исследования свидетельствует состав участников авторского коллектива монографии. В него вошли такие крупные специалисты в области права, как М.И. Авдеев, В.Б. Алексеев, Г.З. Анашкин, А.Д. Бойков, Ю.А. Лукашов, К.С. Макухин, Т.Г. Морщакова. Авторский коллектив возглавил И.Л. Петрухин, В.Н. Кудрявцев выступил ответственным редактором.

Авторы монографии впервые в советской литературе основательно изучили некоторые критерии и показатели эффективности правосудия. На основе обширных социологических исследований и судебной статистики им удалось определить: 1) распространенность, 2) структуру, 3) динамику судебных ошибок, наметить пути их устранения. Было изучено влияние на эффективность правосудия: 1) социально-психологических факторов, 2) научной организации труда в судах, 3) состояние судебных кадров, а также основных тенденций уголовной политики, практики вышестоящих судов, прокуратуры и адвокатуры.

Можно только сожалеть, что эта монография не только вышла относительно небольшим тиражом (1500 экз.), но и была предназначена исключительно для служебного пользования. Иными словами, за пределами некоторых «специальных» учреждений о ее существовании практически никто не знал.

К сожалению, это не единственный недостаток, безусловно, солидной в целом работы. Так, несмотря на то, что она была посвящена эффективности правосудия в целом, ее авторы по идеологическим причинам были вынуждены свести исследование важнейшей проблемы в основном к анализу причин судебных ошибок в уголовном судопроизводстве.

Авторскому коллективу, во-первых, пришлось отказаться от анализа целей судебной политики СССР — составной части советского государства в целом, ибо в те годы анализ такого уровня был в исключительной компетенции руководства КПСС. Практически не обсуждалось ими и фактическое состояние законодательства, регламентирующего судебную деятельность, работу прокуратуры, адвокатуры, преследуемые законодателем цели. В те годы *a priori* считалось: законодатель всегда прав.

¹ См.: *Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок* / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1975. Ч. I; Ч. II.

Во-вторых, авторы книги были лишены возможности исследовать эффективность гражданского судопроизводства¹.

В-третьих, правосудие советского периода по своей социальной значимости несравнимо с важностью комплекса судебно-властных правоотношений, характерных для современного развитого государства. Поскольку судебная власть в СССР в 1960—1970-х годах не рассматривалась, да и по идеологическим причинам не могла рассматриваться в качестве самостоятельной властной силы, то ее, естественно, не существовало и в качестве объекта научного исследования.

В-четвертых, научный коллектив, сосредоточившийся на анализе эффективности правосудия, был ограничен в выборе методов исследования.

В-пятых, для советского общества в целом, его интеллигенции в частности были значимы совершенно иные, чем ныне, социальные, экономические и правовые ценности. Все это подтверждает сказанное выше: проблемы эффективности правосудия в частности, судебной власти в целом пока еще ждут своего исследователя.

В то же время надо отдать должное И.Л. Петрухину, перу которого в монографии принадлежит первая глава части первой — «Наука об эффективности правосудия — теоретическая основа изучения судебных ошибок». Несмотря на вышеперечисленные препятствия, свое исследование проблемы он предвосхищает анализом общих начал результативности судебной деятельности, пишет о «значении целей правосудия для определения его эффективности», и даже посвящает данному вопросу весь первый параграф.

Трудно спорить с И.Л. Петрухиным, когда он, рассуждая о целях правосудия, предлагает не забывать об их а) гносеологической и б) управленческой природе². Ссылаясь на В.Х. Багдасаряна, И.Л. Петрухин, размышляя о сущности цели любого вида социальной дея-

¹ Вместе с тем, в юридической литературе того времени признавалось, что «одной из важнейших задач науки гражданского процесса является изучение эффективности процессуального законодательства и путей ее повышения. Бесспорна актуальность научной разработки критериев эффективности применения норм гражданского процессуального законодательства, что дает возможность определения эффективности судебной защиты прав и охраняемых законом интересов» (*Мельников А.А. Теория гражданского процессуального права как наука* // Курс советского гражданского процессуального права. М., 1981. Т. I: Теоретические основы правосудия по гражданским делам. С. 35). См. также: *Чечот Д.М. Эффективность норм гражданского процессуального права и способы ее повышения* // Курс советского гражданского процессуального права. М., 1981. Т. I: Теоретические основы правосудия по гражданским делам. С. 104—113.

² *Петрухин И.Л. Наука об эффективности правосудия — теоретическая основа изучения судебных ошибок* // Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1975. Ч. I. С. 22.

тельности, отмечает следующее: «Цель — явление материального мира, которое: а) не существует в настоящем, но предполагается, что может существовать в будущем, следовательно, б) отражается в сознании человека, причем, естественно, отражается заранее, то есть заранее учитывается; в) рассматривается как возможный результат возможной деятельности; г) является желательным для данного человека; д) человек стремится практически достичь ее»¹.

Далее И.Л. Петрухин совершенно обоснованно подчеркивает, что «цели правосудия — цели всего советского народа»². Еще ниже он приводит высказывание Г. Клауса, определяющего «кибернетику как науку о планомерном достижении целей с помощью настройки систем на такие цели»³. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что цель это — «опережающее отражение действительности»⁴, «идеальная модель будущего»⁵.

Кроме того, существует самостоятельная наука, которая позволяет настроить судебные системы на планомерное достижение некоторых определенных целей, выдвигаемых большинством населения конкретного государства. Завершает свои теоретические рассуждения И.Л. Петрухин также совершенно правильным выводом о том, что характер цели предопределяет выбор средств⁶. Впрочем, данная мысль И.Л. Петрухиным истолковывается и совершенно иначе: «средства детерминируют цель»⁷, иными словами, отсутствие или недостаток средств существенно влияют на выбор цели. И наоборот, наличие сил и средств позволяют настраивать системы, в том числе и судебные, на достижение действительно грандиозных целей. Не будем также забывать, что в системе правосудия существует не одна цель, а их иерархия⁸. Еще важнее помнить о том, что иерархия целей свойственна не только судебной деятельности, но и государственной деятельности в целом.

Что же может быть отнесено к критериям эффективности правосудия общей социальной направленности?

Безусловно, в первую очередь, речь идет о способности судов гарантировать соблюдение принципа социальной справедливости при рассмотрении подавляющего большинства разрешаемых ими дел.

¹ Цит. по: *Петрухин И.Л.* Указ. соч. С. 22—23.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ *Петрухин И.Л.* Теоретические основы эффективности правосудия / И.Л. Петрухин, Г.П. Батуров, Т.Г. Моршачова. М., 1979. С. 73.

Во вторую очередь, есть смысл говорить о способности судов регулярно обеспечить нарастающий позитивный результат в сфере разрешения социальных конфликтов.

Наконец, в-третьих, об эффективности судопроизводства в определенной мере свидетельствует соотносимость уровней производительности труда в наших судах с мировыми стандартами.

В любом случае судопроизводство должно быть организовано таким образом, чтобы создание нового качества в общественных отношениях (например, лишение миллионов человека свободы) не вело бы к утрате ранее уже имевшегося качества общественных отношений. При этом повседневное соотнесение результатов правосудия с критериями общей социальной эффективности позволяет видеть смысл и значение судебной деятельности, ее социальную ценность и актуальность.

Представляется, что понятие «эффективность» правосудия, а тем более ее критерии должны конструироваться исходя из задач, определенных законом о судебной власти. Как правило, закон возлагает на судебную систему задачу разрешения социальных конфликтов. Задачи такого рода разрешаются судами при рассмотрении ими конкретных дел. При этом нельзя забывать, что помимо их рассмотрения на судебную власть как на особую форму социальных отношений возложены и иные задачи, а, следовательно, перед судебной властью поставлены и иные цели. К их достижению направлена не только деятельность судов, рассматривающих конкретные дела, но и всего государственного механизма, многих других правовых и социальных институтов.

Поэтому при определении рассматриваемого понятия необходимо различать эффективность правосудия в узком его понимании, когда речь идет о выполнении судами задач по рассмотрению и разрешению конкретных дел, и о понятии эффективности правосудия в широком смысле понимания данного термина, когда речь заходит о вкладе судебной власти в достижение целей государства в целом.

Анализ трудов российских авторов свидетельствует, что исследование эффективности правосудия в широком его значении, к сожалению, им представляется весьма малопродуктивным занятием. В основной массе они считают, что при современном развитии науки невозможно измерить вклад судебных систем в достижение глобальных целей государства. При этом они обычно ссылаются на высказывание Ф. Энгельса о том, что в науке об обществе царит такое многообразие взаимоотношений и причинных связей, что не только каждый отдельный вопрос поднимает огромное множество новых вопросов, но и каждый отдельный вопрос может быть решен в большинстве случаев только по частям, путем ряда исследований, которые часто требуют столетий¹.

¹ См.: *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. М., 1948. С. 83.

Поскольку в механизме государства рассматривается судебная власть в целом, а не деятельность какой-то отдельно взятой судебной системы, тем более одного конкретного суда (группы судов), то в настоящем исследовании рассматриваются проблемы как эффективности судебной власти в целом, так и таких связанных с ней установлений, как судебная система, ее базовый элемент суд.

Поскольку анализ эффективности работы конкретных государственных учреждений находится за пределами вопросов, затрагиваемых в настоящем учебном пособии, остановимся лишь на тех аспектах проблемы, правильное разрешение которых позволит выбрать верный курс в понимании эффективности судебной власти в целом.

Приступая к решению этой задачи на базе системного анализа, прежде всего отметим, что в понятие входят следующие элементы:

- задачи правосудия;
- деятельность судов по их достижению;
- результаты этой деятельности.

Причем достижение результатов правосудия связано не только с деятельностью судов (судей). В ней наряду с ними принимают участие стороны (истец, ответчик в гражданском судопроизводстве; прокурор и адвокат — в уголовном; заявитель и государство — в конституционном и административном). В то же время в основе правосудия лежит не их деятельность, а деятельность именно суда (судьи), как центральной фигуры судопроизводства.

Власть — форма взаимоотношений между людьми. Она — многолика, судебная власть государства не более чем одно из уникальных ее проявлений. Судебно-властные правоотношения на заре человеческой цивилизации зародились наряду с другими видами властных, в том числе и государственно-властных, отношений, в рамках естественного отбора выдержали с ними жесткую конкуренцию, весьма распространены в наши дни, чем уже сами по себе доказали свою эффективность.

Вместе с тем конкуренция эта весьма далека от завершения, если вообще есть смысл говорить о перспективах завершения селекции взаимоотношений между людьми. История неопровержимо свидетельствует, что удельный вес судебно-властных правоотношений, вместе с этим и реальная власть судов, роль правосудия в разрешении социальных конфликтов — величины суть переменные. В этой связи анализ критериев эффективности правосудия как одного из основных направлений государственной деятельности следует начать с уяснения места и роли судебно-властных правоотношений в конкретном государстве.

Основным предназначением судебной власти в целом, ее носителя суда является разрешение конфликтных ситуаций в обществе. Разрешение конфликтов органами судебной власти может осуществляться как в различных видах, так и формах. Более того, способы и методы достижения целей, стоящих перед органами судебной

власти, могут быть весьма далеки от традиционно признанного правосудия. Тем не менее, если стороны в конфликте сделали выбор в пользу судебного способа его разрешения, то в интересах государства в целом, судебной власти в частности обеспечить максимально возможное в каждом конкретном случае восстановление нарушенных прав всех участников процесса.

Подводя итоги главы, сделаем следующие выводы.

Основой функционирования судебной власти, судебной системы является взаимодействие ее компонентов, которое проявляется в судебно-властных отношениях.

Судебно-властные отношения — это общественные отношения, возникающие в процессе реализации судами в установленных законом случаях и в установленной законом форме государственной власти при разрешения конфликтов, возникающих в процессе взаимодействия между субъектами права.

Признаками судебно-властных отношений являются следующие:

- 1) возникают в процессе реализации органами судебной власти (судами, судьями) своих функций;
- 2) имеют в качестве обязательного субъекта судебную власть — один (или сразу несколько) ее носителей — органов судебной власти — суд, суды, судью, судей;
- 3) всегда публичны, поскольку все виды судопроизводства осуществляются только от имени государства;
- 4) являются отношениями власти и подчинения, а поэтому характеризуются юридическим неравенством суда и сторон, участвующих в деле;
- 5) их цель — разрешение конфликтов путем применения судами, судьями норм права;
- 6) отличаются особой процессуальной формой;
- 7) характеризуются специфическим правовым режимом обеспечения законности и правовой защиты.

Без наличия судебно-властных отношений невозможно осуществление правосудия. Можно выделить комплекс основных сущностных характеристик правосудия.

1. Разрешение социальных конфликтов осуществляется специально на то уполномоченными органами государственной власти — судами (судьями, судебными составами).

2. Социальные конфликты разрешаются на основе норм права (как материального, так и процессуального).

3. От несудебных форм судебную отличает то, что государство в данном случае соглашается на максимально полное удовлетворение потребности каждой из сторон — обосновать перед самостоятельным, независимым и поведенчески предсказуемым судом (судьей) правильность избранной ею позиции.

4. Государство в лице суда (судьи) самостоятельно и публично принимает общеобязательное решение в споре обратившихся к нему за помощью сторон.

5. Государство, осуществляя правосудие, гарантирует сторонам в споре, а равно всему обществу его исполнение судебного решения.

6. Судебный способ разрешения социальных конфликтов позволяет сторонам избежать неоправданного применения силы и самоуправства.

7. Наличие суда экономически выгодно сторонам, поскольку в этом случае расходы по разрешению конфликта в значительной степени распределяются между всеми членами общества.

Осуществление правосудия в обществе должно быть эффективным. Ясно, что критерии эффективности правосудия динамичны во времени и разнообразны в пространстве. Тем не менее, можно выделить следующие критерии эффективности правосудия.

Судебно-властные отношения эффективны уже потому, что, несмотря на присущий им комплекс недостатков, в разрешении определенного рода конфликтов альтернативы им нет. Суд эффективен тогда, когда неэффективны иные методы разрешения конфликтов. Суд гарантирует достижение тех целей, достижение которых иными методами заведомо невозможно.

Считается, что суд — дорог. Данное суждение неверно, ибо судебные процедуры в конечном итоге гораздо дешевле иных форм разрешения конфликтов. Суд эффективен потому, что он приемлем тогда, когда иным путем определить цену иска невозможно, например, при взыскании в пользу потерпевших сумм компенсации морального вреда при убийстве.

Суд эффективен потому, что принимаемые им решения отвечают социальным ожиданиям.

Суд эффективен потому, что он уводит конфликт из повседневной реальности в сферу апробированных временем таких стабильных социальных постулатов, как право.

Суд эффективен потому, что он при необходимости в состоянии дополнить право нормами морали, нравственности, обосновать необходимость данного дополнения, убедить в этом стороны и общество.

Суд эффективен потому, что в отличие от других органов в состоянии оперировать комплексом таких категорий, как законность, обоснованность и справедливость.

Суд эффективен потому, что данная инстанция — последняя.

Историография древнерусского судебного права

В течение последних двух столетий отечественными исследователями собран и издан обширный комплекс документов и материалов научной литературы, посвященный становлению и развитию древнерусского права и судебных органов Русского государства IX—XII вв., а также Новгородской и Псковской феодальных республик XII—XV вв. В целом его можно разделить на следующие группы: 1) источники; 2) российская историография конца XVIII — начала XX в.; 3) советская историография (1917—1991 гг.); 4) современная российская историография 90-х годов XX — начала XXI в. К тому же, каждая из данных групп может в свою очередь подразделяться на другие составляющие на основе хронологического или проблемно-тематического принципа. Естественно, такое деление всегда предполагает определенную степень условности. Тем не менее оно необходимо для структурированного анализа довольно большого объема источников и научной литературы.

4.1. Основные источники древнерусского судебного права

В отечественной историко-правовой науке определению понятия «источники права» уделяется значительное внимание. Так, М.Ф. Владимирский-Буданов полагал, что к ним прежде всего относятся обычай и закон, а рецепцию «чужих законов и договоры с иноземцами» он называл «приемами законодательства»¹.

Под источником права М.А. Дьяконов подразумевал наряду с обычаем и договором и саму форму права. Что же касается древних исторических эпох, то для них «преобладающими формами права являются обычай и договор». Только несколько позже «появляются и зачатки законодательной деятельности»².

¹ Владимирский-Буданов Н.Ф. Обзор истории русского права. Петроград: Киев, 1915. С. 88—89.

² Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1912. С. 7—8.

Для углубленного исследования вопросов становления и развития судебных органов в Древней Руси важно отметить, что в связи с возникновением классового общества и государства древнерусское право формировалось вначале из видоизмененных общинных обычаев, из решений административных и судебных учреждений, которые возводились в общую норму. Для нас важно, не вникая в разнообразные споры теоретиков и историков права относительно определения термина «источники права», рассматривать их как формы закрепления правовых норм, обеспечивавших функционирование государственных и судебных органов и учреждений в Древней Руси. К ним относятся в первую очередь обычаи, судебные прецеденты, нормативные правовые акты и международные договоры. Естественно, когда обычай санкционируется государством, он становится нормой обычного права. Следует отметить, что осуществить подробный анализ основных источников древнерусского права в рамках данной работы не представляется возможным. Поэтому будет в основном дана их общая характеристика и акцентировано внимание на отдельных статьях и нормах данных источников, обеспечивавших становление и развитие судебных органов и процесса в Древней Руси.

К наиболее ранним письменным источникам древнерусского права следует отнести договоры Руси 911, 944 и 971 гг. с Византией. В их текстах нашли отражение нормы византийского и русского права. Наряду со статьями, посвященными международному и торговому праву, они содержат и нормы процессуального и уголовного права. Уже в тексте договора 911 г. упоминается термин «закон русский». По мнению исследователей, он отражал совокупность правовых обычаев, представленных в устной форме. И даже в следующем договоре, заключенном князем Игорем с триумвиратом византийских императоров Романом, Константином Багрянородным и Стефаном, несколько раз упоминается «закон русский». Что касается термина «покон», употреблявшегося иногда наравне с термином «закон русский», то он судя по всему использовался в значении обычая.

Необходимо отметить, что в текстах договоров Древней Руси с Византией широко применяются такие термины, как «вина», «казнь», «закон», «покон», «убийство», «убой», «татба» и т.д. В целом следует согласиться с утверждением В.А. Томсинова о том, что «лексика русского языка в начале X в. была развита настолько, что позволяла описать те или иные преступления и наказания, не прибегая к заимствованиям из греческого или других языков»¹.

¹ Томсинов В.А. Юриспруденция Древней Руси (X—XIII вв.). Статья первая // Законодательство. М., 2003. № 7. С. 86.

Характеризуя тексты договоров Руси с Византией Н. Хлебников приводит первые пять статей, в которых были определены основные виды преступлений и право наследования. В этих статьях, по его мнению, «заключается все право первобытного народа»¹. Очевидно, он имел в виду не право, присущее первобытному обществу, а формировавшуюся достаточно примитивную систему права древнерусского государства. К тому же Н. Хлебников относил данные статьи к обеспечивающим права личности славян на чужбине, подчеркивая при этом, «что на родине они в некоторых пунктах были во многом изменены, согласно обстоятельствам и условиям государственного порядка»².

Отмечая особенности применения некоторых статей, Р.Л. Хачатуров указывал: «Анализ норм процессуального права, содержащихся в рассматриваемых договорах, свидетельствует о том, что в случае совершения правонарушения, если в нем не было состава преступления, предусмотренного договорами, действовал принцип территориальности»³. Другими словами, расследование дела и наказание преступников осуществляло государство, на территории которого произошло преступление.

«Договоры сии имеют, — писал И.Д. Беляев, — важное значение в истории русского законодательства; они служат верным и ясным свидетельством того юридического и административного состояния, в котором находилось русское общество в конце IX и в первой половине X века, т. е. в первый век существования русского государства»⁴.

В связи с использованием в договорах Древней Руси с Византией норм ее права возникает проблема так называемой «рецепции» византийского права по аналогии с рецепцией римского права в Западной Европе. Очевидно, что данное явление необходимо рассматривать как объективный процесс преемственности новой цивилизацией части правовой культуры, сложившейся в предшествующую историческую эпоху в соседней цивилизации. Следует согласиться с утверждением В.А. Томсинова, подчеркивающего, что «восприятие византийско-древнеримского правового наследия в Западной Европе сопровождалось приданием ему особого авторитета», поскольку «римское право трактовалось западноевропейскими

¹ *Хлебников Н.* Общество и государство в домонгольский период Русской истории. СПб., 1872. С. 115.

² Там же. С. 118.

³ *Хачатуров Р.Л.* Уголовно-правовое содержание договоров Киевской Руси с Византией // Государство и право. М., 1987. № 8. С. 128.

⁴ *Беляев И.Д.* История русского законодательства. СПб., 1999. С. 74—75.

правоведами как «ratio scripta» (писанный разум)»¹. В то же время в Древней Руси «византийско-древнеримское правовое наследие воспринималось, — отмечает он, — общественным сознанием иначе, без преклонения, и это позволяло древнерусским переводчикам при переработке текстов во многом отступать от источников»².

Важнейшее значение для исследования истории судебных органов Древнерусского государства имеют прежде всего такие источники права, как Русская Правда, «Устав князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных», «Устав князя Ярослава о церковных судах», Уставная грамота князя Ростислава Мстиславича, «Устав новгородского князя Святослава Ольговича о церковной десятине 1137 года», «Новгородский устав великого князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых», «Рукописание князя Всеволода», Новгородская и Псковская судные грамоты, Двинская уставная грамота, другие нормативные акты.

Русская Правда является важнейшим источником древнерусского права, так как она содержит различные нормы отдельных отраслей права. Необходимо особо отметить, что Русская Правда представляет собой прежде всего светский судебник. Она ни в коем случае не вмешивается в дела церковных судов, деятельность которых была регламентирована специальными уставами великих князей. Хотя достаточно четкого разграничения между светской и церковной юрисдикцией в ней еще не было. Особенно это заметно в статьях, затрагивающих отдельные вопросы наследственного права.

Особенностью данного источника права является то, что он дошел до нас в различных списках, составленных в более позднее время, чем та историческая эпоха, в период которой он был создан и получил широкое применение. Данное обстоятельство способствовало тому, что после его первого обнаружения в 1738 г. В.Н. Татищевым появилось большое количество исследований и публикаций, содержащих различные ее редакции и списки, многочисленные комментарии. На наш взгляд, важнейшими из них являются «Правда роськая»³ (краткая редакция, академический список) и «Суд Ярославль ВолодимERIC. Правда русьская»⁴ (пространная редакция).

¹ Томсинов В.А. Юриспруденция Древней Руси (X—XIII вв.). Статья первая // Законодательство. М., 2003. № 9. С. 91.

² Там же.

³ См.: Российское законодательство X—XX веков. М., 1984. Т. 1. С. 47—49.

⁴ Там же. С. 64—73.

Следует отметить, что краткая редакция Русской Правды состоит из Правды Ярослава или Древнейшей Правды (статьи 1—18), Правды Ярославичей (ст. 19—41) и двух отдельных установлений: Покон вирный (ст. 42) и Урок мостникам (ст. 43). Очевидно, статьи Древнейшей Правды произошли из старинных обычаев и трансформировались в правовые нормы еще до образования Древнерусского государства. Вторая часть краткой редакции Русской Правды была составлена и принята сыновьями великого князя Ярослава Мудрого — Изяславом, Святославом и Всеволодом. В Правду Ярослава включены нормы о побоях и убийстве, о нарушении права собственности и способах его восстановления, о возмещении потерпевшим за порчу их вещей. Статьи Правды Ярославичей дополняют первую часть краткой редакции Русской Правды и вводят нормы судебных пошлин.

Пространная редакция Русской Правды возникла в период правления великого князя Владимира Мономаха (1113—1125 гг.) и подразделяется на Суд Ярослава (ст. 1—52) и Устав Владимира Мономаха (ст. 53—121).

В Русской Правде нашла отражение система судоустройства, состоявшая из трех основных групп судебных органов: суд князя, церковный и вотчинный суды. Хотя в редакциях Русской Правды и нет сведений об организации вотчинного суда, из данного источника следует, что крупные бояре, получив независимость от князя, выполняли функции управления и суда в своих вотчинах. Очевидно, что по аналогии с судом князя они осуществляли правосудие в своих вотчинах или сами, или при помощи своих тиунов и отроков.

К юрисдикции церковного суда относились прежде всего бракоразводные дела, судебные дела между родителями и детьми, дела о наследстве и опеке, о духовных завещаниях и разделе наследуемого имущества, дела о преступлениях против нравственности и церкви. Кроме того, рассмотрению церковного суда подлежали гражданские и уголовные дела между священнослужителями и церковными учреждениями.

Судебный процесс по Русской Правде являлся сугубо состязательным и начинался по инициативе истца. Необходимо особо отметить, что истец и ответчик имели равные права, а сам процесс был гласным и устным. Важное значение в системе доказательств играли «ордалии», присяга и жребий.

Следует отметить, в Русской Правде различаются три стадии процесса: «заклич», «свод» и «гонение следа».

Говоря о большом значении Русской Правды как источника права, Н. Хлебников указывал, «хотя Русская Правда дошла до нас

в разных списках, но это разнообразие списков может быть для нас лишь подтверждением жизненности Правды и служить для определения постепенности ее развития»¹.

Анализируя этот важнейший источник древнерусского права, А.В. Васильев указывает: «Русскую Правду можно определить как кодекс частного права — все ее субъекты являются физическими лицами, понятие юридического лица закон еще не знает»².

«Устав князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных»³ дошел до нас в семи редакциях и более чем в 200 списках. Остановимся вкратце на некоторых статьях Оленинской и Синодальной редакций, отражавших особенности древнерусского судостроительства и процесса. Первая редакция относится к XII — первой половине XIII в. и содержит 11 статей, вторая — ко второй половине XIII — началу XIV в. и включает 19 статей. Особый интерес представляет статья 4 Оленинской редакции данного устава, вводившая церковное судопроизводство и ограничивавшая компетенцию светской юрисдикции. В ней указывается на нормы греческого Номоканона, который был основным источником византийского церковного права и применялся в Древней Руси XI—XII вв. в виде Кормчей (Ефремовская редакция)⁴. В ст. 6 говорится о том, что потомки великого князя, располагавшие правом на наследование престола, отказываются от вмешательства в деятельность церковных судов: «А ты не ступають ни дети мои, ни внуци мои, ни род мой в люди церковныя и во все суды»⁵. В ст. 9 дается перечень дел, которые находились в компетенции церковной юрисдикции: разводы, споры между мужем и женой, дела о наследстве и опеке, изготовление лекарств и приворотных зелий, чародейство, изготовление талисманов и т.д.

В статье 10 говорится о категории людей, на которых распространялось особое церковное судопроизводство. К ним, в частности, относятся и некоторые представители светского населения: холопы, отпущенные на волю по завещанию; люди, находившиеся под патронатом церкви, и др. Статья 11 исключает участие светских людей в рассмотрении дел в церковном суде: «Аще их кто внидет вину, судити тех митрополиту и епископом опрочи мирян»⁶.

¹ Хлебников Н. Общество и государство в домонгольский период Русской истории. СПб., 1872. С. 331.

² Васильев А.В. Законодательство и правовая система дореволюционной России. Якутск, 2003. С. 27.

³ См.: *Российское законодательство X—XX веков*. М., 1984. Т. 1. С. 139—140; С. 148—150.

⁴ Там же. С. 140.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Синодальная редакция Устава князя Владимира Святославича составлена на основе списка Синодального извода из приложения XIV в. к Новгородской Синодальной кормчей последней четверти XIII в. Следует особо выделить ст. 8, в которой князь Владимир дает указание своим тиунам не вмешиваться в дела церковного суда и даже не начинать рассмотрение дел, относившихся прежде к компетенции княжеских судей, без присутствия наместника владыки: «И своим тиуном приказываю церковного суда, не обидети ни судити без владычня наместника»¹. В ст. 9 называются проступки, которые рассматриваются в качестве преступлений. Однако здесь не определены меры наказания за их совершение. В соответствии с данной статьей церковный суд рассматривал дела, связанные с семейными спорами, с волхвами, чародеями и зелейниками, с неуважением к церковной символике, нарушением порядка вероисповедания и т.д. В ст. 13 указано требование великого князя, адресованное его тиунам, чтобы они непременно передавали десятую часть доходов светского суда церкви. Статья 14 затрагивает вопросы вмешательства тиунов и других светских лиц в дела церковного суда. В ст. 16 перечислены представители духовенства и лица, находившиеся под патронатом церкви, включая и некоторые категории светского населения: лечцы, хромцы, слепцы, прощеники и др. В следующей статье подчеркивается, что названные выше лица подсудны только церковному суду в контексте соответствующих категорий дел: «Митрополит или пискун ведает межи или суд, или обида или котора, или вражда, или задница»². В ст. 18 говорится о рассмотрении отдельных категорий дел, в которых стороны представлены церковными и светскими людьми общим судом, т.е. судом князя и епископа. В заключительной статье подчеркивается о необходимости строго соблюдать принцип невмешательства представителей светской власти в дела церковного суда.

Уставная грамота³ князя Ростислава Мстиславича была непосредственно связана с учреждением в 1136 г. в Смоленске епископской кафедры. Данная уставная грамота является ценным источником древнерусского права, так как она практически не претерпела существенных изменений в процессе неоднократной переписки и сохранилась в одном списке, датируемом первой половиной XVI в. Для нас представляют прежде всего большой интерес ст. 11 и 13 Уставной грамоты князя Ростислава Мстиславича, в которых затрагиваются некоторые вопросы судоустройства и процесса. Так, в

¹ *Российское законодательство X—XX веков.* М., 1984. Т. 1. С. 149.

² Там же.

³ Там же. С. 213—216.

ст. 11 представлены дела, находившиеся в компетенции церковного суда. Выделяются 9 категорий таких дел: самовольные разводы, двоеженство, браки среди близких родственников, похищение невесты, предположительно оскорбление женщины словом и действием, применение трав и лекарств для совершения убийства, драка между женщинами, тяжбы и споры между церковнослужителями и дела о наследстве, связанные с представителями церкви¹. В ст. 13 подтверждается неподсудность категорий дел, изложенных в ст. 11 данной грамоты, светским судебным органам в пределах Смоленского княжества: «Да се яз, князь Ростислав с первым епископом своим Маноилом, да се уставляю яз: аже будеть или тяжа, или продажа епископля, да не надобе ни князю, ни посаднику, ни тивуну, ни иному никому же от мала до велика, и по всей волости смоленской»².

В «Уставе новгородского князя Святослава Ольговича о церковной десятине 1137 года»³ центральное место занимают статьи, посвященные вопросам регулирования отчислений от судебных доходов князя в пользу епископии Новгорода, а также разграничения юрисдикции между князем и боярскими органами власти. Так, в ст. 2 подчеркивается, что порядок взимания церковной десятины с податей был определен прежними князьями. В то же время указывается, что необходимо более четко определить процедуру отчислений от судебных пошлин и штрафов: «Толико от вир и продаж десятины зрел, олико днии в руце княжи и в клетъ его»⁴. В ст. 3 и была зафиксирована сумма ежегодной судебной десятины, которая напрямую не связывалась с конкретными доходами, получаемыми князем в процессе осуществления правосудия. В ней, в частности, указывалось, что епископу ежегодно необходимо было выплачивать «от вир и продаж» 100 «гривен новых кун», а если сумма выплат составляла лишь 80 гривен, то оставшиеся 20 гривен епископия должна была получить из княжеской казны⁵. Фиксированная сумма судебной десятины в пользу церкви могла очевидно явиться результатом победы властей Новгорода над княжеской администрацией или, как указывал в свое время Н.М. Карамзин, объяснялась стремлением князя Святослава «обезоружить Нифонта своею щедростию, возобновив древний устав Владимиров о церковной дани, определив Епископу брать, вместо десятины от вир и

¹ *Российское законодательство X—XX веков.* М., 1984. Т. 1. С. 215.

² Там же.

³ Там же. С. 224—225.

⁴ Там же. С. 225.

⁵ Там же.

продаж, 100 гривен из казны Княжеской, кроме уездных оброков и пошлин с купеческих судов»¹. Анализ статей данного устава и ссылки на признание прежнего порядка взимания десятины свидетельствуют о том, что он может рассматриваться как продолжение «Устава князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных».

В «Новгородском уставе великого князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых»² нашли отражение вопросы разграничения компетенции основных органов власти Новгородской феодальной республики — епископа, князя и выборных представителей городской верхушки. Необходимо отметить, что данный устав дошел до нас в двух списках: Археографическом (вторая половина XIV в.) и Соловецком (вторая половина XV в.). Важно подчеркнуть, что после основной части устава³, состоящего из 23 статей, следуют две дополнительные части: 2 статьи «О прелюбодейной части»⁴ и 3 статьи «О наследовании дочерей»⁵. В целом в большинстве статей данного устава воспроизводятся в несколько измененном виде статьи «Устава князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных». Особое место в Уставе великого князя Всеволода занимают дополнительные статьи «О прелюбодейной части», посвященные вопросам наследственного права. В частности, в них вносятся изменения в существовавший ранее порядок наследования незаконных детей. Так, например, богатый человек мог оставить незначительную часть имущества своим детям от третьей и четвертой жен: «Аще будет полн животом, ино дать детям третьей жене и четвертой по уроку, занеже те и от закона отлучене, а человеку ся получать по грехом, занеже прелюбодейнии, а не благословении богом»⁶. Кроме того, важно отметить, что суд, имевший право рассматривать дела о наследовании незаконных детей, оставался за епископом.

В трех дополнительных статьях Соловецкого списка Устава Всеволода устанавливался особый порядок наследования дочерей и сыновей, принципиально отличавшийся от традиционного древнерусского права, в соответствии с которым при наличии сыновей дочери не имели прав на наследство. В данных же статьях указывается, что наследуемое имущество должно делиться в равной степени

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1993. Кн. 1 (Т. 2). С. 283.

² См.: Российское законодательство X—XX веков. М., 1984. Т. 1. С. 250—253.

³ Там же. С. 250—252.

⁴ Там же. С. 252—253.

⁵ Там же. С. 253.

⁶ Там же. С. 252—253.

между сыновьями и дочерьми: «Иже есть останутся сынове и дщери у коегождо человека, братии со сестрами равная часть от своего имения»¹. К тому же, если братья использовали ложь для того, чтобы лишиться законного наследства сестру, то они подвергались суровому наказанию: «Или братия имения ради лжу составлять на сестру, а будет познано дело их лжа, таковой по закону камением да побиен будет»².

«Рукописание князя Всеволода»³ рассматривается в качестве важного источника, сохранившего фактически основные положения устава новгородской купеческой организации. Для нас данный документ представляет значительный интерес, так как он содержит порядок регулирования отношений между князем, епископом и городской администрацией с церковью Ивана на Петрянином дворище, перечень судебных дел, находившихся в компетенции тысяцкого и купеческих старост. По мнению большинства исследователей, «Рукописание князя Всеволода» относится ко второй трети XIII в. Данный памятник дошел до нашего времени в Троицком и Археографическом изводах. Причем первый, сохранившийся в единственном списке (третья четверть XVI в.), наиболее полно соответствует оригиналу. Археографический извод существует в 23 списках.

Важно отметить, что на основании анализа данного источника можно проследить динамику изменения права в Новгородской феодальной республике, судебные функции тысяцкого и старост. Так, в статье 5 указывается: «И яз, князь великий Всеволод, поставил есми святому Ивану три старосты, от житых людех и от черных тысяцкого, а от купцев два старосты, управливати им всякие дела иванская, и торговая, и гостинная, и суд торговли»⁴. Таким образом в данной статье определены дела, относившиеся к компетенции тысяцкого и старост: «иванские дела», очевидно, были связаны с разрешением внутрицерковных противоречий; «торговые дела» затрагивали проблемы, возникавшие между новгородскими купцами; «гостинные дела» касались, по всей видимости, споров, связанных с иногородними и иностранными купцами. Кроме того, в статье четко указано, что в компетенции «иванских старост» находился и весь комплекс дел, относившихся к тоговому суду.

В ст. 6 говорится о том, что посаднику и новгородским боярам запрещается вмешиваться в дела иванской торговой корпорации.

¹ *Российское законодательство X—XX веков.* М., 1984. Т. 1. С. 253.

² Там же.

³ Там же. С. 262—266.

⁴ Там же. С. 263.

Этот же запрет практически повторяется в статье 19 только с некоторыми дополнениями. В частности, к посаднику и боярам добавлены город и владыка: «А городу, ни владыце, ни боярам весу не отимати у святого великого Ивана, ни продавати моего данья, великого князя Всеволода»¹.

В заключительной статье вместо представления конкретных наказаний за названное выше вмешательство в дела церкви Ивана на Петрятином дворище указано, что нарушителям данных установлений будет «казнь божия»².

Новгородская судная грамота является важным источником права Древнерусского государства и отражает особенности функционирования органов власти в Новгородской феодальной республике. Она дошла до нашего времени в виде неполных списков XV в. в сборнике новгородских и двинских актов. Следует отметить, что Новгородская судная грамота имеет свое название «О суде и закладе на наездщики и на грабешики»³ и практически полностью посвящена вопросам судопроизводства. Она состоит из небольшой вводной части и 42 статей. Кратко охарактеризуем некоторые из них.

Вводная часть содержит описание процедуры принятия грамоты на вече в присутствии архиепископа Великого Новгорода и Пскова, посадников, тысяцких, бояр, житых людей, купцов, черных людей всех пяти районов (концов) Новгорода. Кроме того, она включает также перечень основных должностных лиц Новгорода и слоев населения.

В статье 1 говорится о компетенции владычного суда (суда архиепископа Новгорода), юрисдикция которого распространялась не только на всех церковнослужителей, но и на некоторые категории светских людей. В частности, ему были подсудны бояре, житы люди и даже низшая категория городского населения (молочии). В статье указывается, что правосудие должно осуществляться на основе действовавших в Новгороде церковных уставах, а также с применением «манакануна», т.е. норм церковного, канонического права⁴.

В статье 2 представлены судебные функции посадника и показана возросшая роль в этом суде наместника великого князя Московского государства, стремившегося включить в свой состав Нов-

¹ *Российское законодательство X—XX веков.* М., 1984. Т. 1. С. 264.

² Там же.

³ Там же. С. 304—308.

⁴ Там же. С. 304.

городскую феодальную республику. В ней подчеркивается: «А посаднику судити суд свой с наместники великого князя, по старине; а без наместников великого князя посаднику суда не кончати»¹.

Статья 3 посвящена вопросам повторного рассмотрения дел в судах высшей инстанции, в которых принимали участие наместник великого князя Московского государства и представитель новгородских органов власти — тиун.

В статье 4 нашли отражение судебные функции тысяцкого, хотя и не определены конкретно дела, подсудные данному суду. В ней он называется «свой суд», которому в соответствии со статьей 5 «Рукописания князя Всеволода Мстиславича» очевидно были подсудны преимущественно торговые дела². В статье 4 содержится также особая процедура принесения присяги тысяцким (крестное целование).

В статье 5 говорится о введении в состав новгородского суда института представительства, когда интересы сторон могли представлять по два боярина и два житых человека. Важно также, что в статье вводится запрет на вмешательство в суд посадника со стороны тысяцкого и владычного наместника, юрисдикция которого распространялась не только на дела церковнослужителей, но и на имущественные споры представителей других слоев населения.

В целом в соответствии с сохранившимися статьями Новгородской судной грамоты судебными функциями в республике обладали все органы власти и управления: вече, архиепископ, посадник, тысяцкий, князь, боярский совет, сотский и староста. Должностными лицами, участвовавшими в подготовке и рассмотрении дел, были дьяки, приставы, позовники, писцы, межники, подверники и др.

Псковская судная грамота³ является важнейшим источником русского права, так как некоторые ее нормы получили широкое распространение в последующие века за пределами Псковской феодальной республики. Она дошла до нас в Воронцовском и Синодальном списках. Большинство исследователей относят создание Синодального списка к концу XVI — началу XVII в., а Воронцовского — к середине XVI в. Однако первой редакцией Псковской судной грамоты являлся Свод 1397 г., в который входили выписки из грамоты Александра Невского и нормы о взимании псковских пошлин. Очевидно, затем данный Свод дополнялся новыми статьями и к середине XVI в. в систематизированном виде сформировался дошедший до нас Воронцовский список Псковской судной грамоты.

¹ *Российское законодательство X—XX веков.* М., 1984. Т. 1.

² Там же. С. 263.

³ Там же. С. 331—342.

Как же выглядела система судоустройства и судопроизводства в соответствии с Псковской судной грамотой? Псковская феодальная республика включала следующие виды судебных органов: суд князя, суд посадника, суд выборных судей, суд владычного наместника, суд веча и суд братчины. Однако уже в статье 1 указывается основной принцип судоустройства — дуализм, в соответствии с которым князь в системе правосудия хотя и был поставлен на первое место, но практически на одном уровне с ним находился и посадник. Как отмечается в ст. 1, — «да 4 денги князю и посаднику»¹.

В статье 2 центральное место отводится разграничению духовного и светского судов: «И владычню наместнику суд и на суд не судить, ни судиям ни наместнику княжа суда не судите»². Более того в ней подчеркивается, что дела, находившиеся в компетенции суда князя, не подлежали рассмотрению или пересмотру в духовных или других судах.

Важное значение имеет также ст. 4, в которой заметно ограничиваются функции веча Пскова в сфере судопроизводства: «А князь и посадник на вечи суду не судять, судити им у князя на сенех, взираа в правду по крестному целованию»³. Как видим, суд должен вершиться не на вече, а в доме князя вместе с посадником. Кроме того, в статье осуждается взяточничество («А тайных посулов не имати ни князю, ни посаднику»⁴).

Следует отметить, что сам процесс в Псковской судной грамоте регламентировался более четко, чем в Русской Правде. Он носил состязательный характер, хотя роль суда при этом значительно усилилась. Так, например, применялась процедура вызова в суд по повестке («позывнице») или при помощи судебного исполнителя («позовника»)⁵.

Необходимо подчеркнуть, что наряду с сохранением основных видов доказательств, применявшихся в Русской Правде, в Псковской судной грамоте появились и новые: судебный поединок («поле») и письменные доказательства («доски» и «записи»). Кроме того, в Псковской судной грамоте впервые упоминается об институте представительства в суде, которым разрешалось пользоваться женщинам, монахам и монахиням, глухим, подросткам и пожилым людям⁶.

Даже краткая характеристика Псковской судной грамоты подтверждает справедливое утверждение Ю.Г. Алексеева о том, что ее

¹ *Российское законодательство X—XX веков.* М., 1984. Т. 1. С. 332.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 334.

⁶ Там же. С. 337.

необходимо выдвинуть «в первый ряд источников по истории русского права»¹.

Важное значение в качестве источника права приобретает и Двинская уставная грамота², созданная в 1397 или 1398 г. для Двинской земли в период правления в Московском княжестве великого князя Василия Дмитриевича. Именно в это время данная территория Новгородской республики входила в состав Московского княжества. С одной стороны, данная грамота была отражением законодательной деятельности московских князей на этапе уже начавшегося процесса централизации Русского государства, с другой стороны, она была во многом основана на нормах, представленных в Русской Правде и в некоторой степени на правовых актах Новгородской феодальной республики. Двинская уставная грамота состоит из преамбулы и 16 статей.

В преамбуле Двинской уставной грамоты указывается, что великий князь Московского княжества может назначать наместников в Двинскую землю не только из московских, но и двинских бояр. Далее подчеркивается, что наместники совместно с сотскими управляют данной территорией и обеспечивали на ней судопроизводство.

Нет необходимости указывать на схожесть многих статей Двинской уставной грамоты по вопросам судоустройства и судопроизводства с соответствующими нормами Русской Правды и Псковской судной грамоты и повторять их. Важно отметить, что в связи с необходимостью заручиться поддержкой двинских бояр великий князь московский строго запрещает своим приставам въезжать в Двинскую землю и осуществлять там судебные функции, вмешиваясь в деятельность наместников: «А приставом моим, великого князя, в Двинскую землю не въездити, всему оуправу чинят мои наместници»³. Более того в ст. 13 указывается, что в случае произвола и злоупотреблений со стороны кормленщиков местное население имеет право направлять жалобы на их действия в Москву и получит соответствующую поддержку: «А над кем учинят продажу силно, а ударят ми на них челом, и мне, князю великому, велети наместнику стати перед собою на срок; а не станет, ино на того грамота безсудная и пристав мои доправит»⁴.

¹ Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота. Текст. Комментарий. Исследование. Псков, 1997. С. 3.

² См.: *Российское законодательство X—XX вв.* М., 1985. Т. 2. С. 181—182.

³ Там же. С. 182.

⁴ Там же.

Следует также отметить, что в Двинской уставной грамоте впервые в известных источниках права указывается на клеймение воров. Так, в ст. 5 подчеркивается, что «татя всякого пятнिति»¹.

Среди новых видов исторических источников необходимо выделить берестяные грамоты, которые впервые были обнаружены в 1951 г. в Новгороде во время археологических раскопок. В последующие годы берестяные грамоты были обнаружены в Витебске, Пскове, Смоленске, Старой Руссе и даже в Москве. Грамоты содержат сведения о деятельности Совета господ Новгорода, о внутренней и внешней торговле, об аренде земли, о сборе урожая и его распределении. Кроме того, среди сотен разнообразных по своему содержанию грамот можно встретить и те, в которых нашли отражение жалобы крестьян и сообщения об убийстве. К ним относятся прежде всего грамота № 301 «Крестьянская жалоба на тяжесть боярских податей» и грамота № 466 «Полицейское донесение — начало следствия об убийстве»².

Берестяные грамоты предоставляют нам данные о некоторых досудебных процедурах и особенностях судебного процесса. Так, например, в грамотах № 25, 531 и 744 говорится о «закличе» как досудебной процедуре и, по мнению В.В. Момотова, впервые используются такие юридические термины, как «обвинять», «извета-ти» и «отатьбити»³. Процедуре «свода» отводится значительное место в грамотах № 25 и 724. Кроме того, в последней грамоте употребляется термин «доводка», включающий, очевидно, процесс дознания и расследования обстоятельств дела.

В грамотах упоминается о таких видах доказательства, как поручительство, испытание водой, о доске (письменном виде доказательства)⁴ и др.

Таким образом краткая характеристика основных источников древнерусского права позволяет нам сделать вывод, что они в полной мере способны были обеспечить функционирование высших и местных органов власти и управления Русского государства на первом этапе его развития. Русская Правда, Новгородская и Псковская судные грамоты, уставы великих князей и другие правовые акты способствовали формированию и развитию судебных органов Древней Руси, совершенствованию процесса.

¹ *Российское законодательство X—XX веков.* М., 1984. Т. 1. С. 181.

² См.: *Дубов И.В.* Новые источники по истории Древней Руси. Л., 1990. С.175.

³ См.: *Момотов В.В.* Судебный процесс в Древней Руси: (На основе анализа берестяных грамот). Краснодар, 1998. С. 7.

⁴ См.: *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 234, 332.

4.2. Историография древнерусского судебного права XVIII — начала XX в.

Проблемы истории становления и развития Древнерусского государства и права занимали в XVIII — начале XX в. одно из важных мест в отечественной историографии. Следует согласиться с утверждением В.В. Пузанова, что «вопрос о характере княжеской власти и государственных формах Древней Руси являлся дискуссионным в дореволюционной исторической науке»¹, оставаясь, по существу, таким и в наши дни.

Многочисленные научные публикации данного периода представлены в основном работами общеисторического и историко-правового характера, посвященными вопросам становления и развития Древнерусского государства и права, в которых в той или иной степени нашли отражение проблемы судоустройства и судопроизводства. Что касается специальных исследований, центральное место в которых занимали бы вопросы становления и развития судебных органов и процесса в Древней Руси, то они практически отсутствуют.

В работах общеисторического и историко-правового характера, изданных в XVIII в., ощущается скудость источниковой базы. Хотя в этот период уже начался процесс публикации и ввода в научный оборот Краткой и Пространной редакций Русской Правды, исследования известных историков В.Н. Татищева², М.М. Щербатова³ и И.Н. Болтина⁴ опирались в основном на известную тогда «Повесть временных лет», в соответствии с которой началом русской государственности было «призвание варягов». Из этого следует и ошибочность их концепции, практически совпадающей с основателями норманской теории Г.З. Байера, Г.Ф. Миллера, А.Л. Шлецера и др. Эти немецкие ученые, обосновавшиеся в Российской академии наук, утверждали, что восточные славяне в силу своей отсталости и низкой культуры были не в состоянии самостоятельно создать свое государство. По их мнению, государственность у восточных славян

¹ Пузанов В.В. Княжеская власть и государственное устройство в Древней Руси в русской историографии XVIII и XIX вв. // Актуальные проблемы истории дореволюционной России. СПб., 1992. С. 34.

² См.: Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. М., 1768. Кн. 1. Ч. 1.

³ См.: Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. СПб., 1770. Т. 1.

⁴ См.: Болтин И.Н. Примечания на: «История древняя и нынешняя России» Г. Леклерка, соч. И. Болтиным. СПб., 1788. Т. 1—2.

была создана норманнами. Они полагали, что варяги создали первые государственные учреждения, законы и правовые институты.

Необоснованность и антинаучность норманской теории в настоящее время является очевидной. Тем не менее в XVIII—XIX вв. эта теория имела значительное число сторонников. Даже известный русский историк Н.М. Карамзин указывал, что до «призвания варягов» восточно-славянские племена имели достаточно низкий уровень развития и культуры. Он подчеркивал при этом, что «Варяги или Норманы должны были быть образованнее Славян и Финнов, заключенных в диких пределах Севера, могли сообщить им некоторые выгоды новой промышленности и торговли, благодетельные для народа»¹. К тому же, Н.М. Карамзин отмечал, что «Варяги принесли с собою общие гражданские законы в Россию, известные нам по договорам Великих Князей с Греками, и во всем согласные с древними законами Скандинавскими»². Для обоснования данного утверждения он приводит примеры некоторых заимствованных норм, свидетельствовавших о том, «что родственник убитого имел право лишить жизни убийцу, что гражданин мог умертвить вора, который не захотел бы добровольно отдаться ему в руки, что за каждый удар мечем, копием или другим орудием, надлежало платить денежную пеню»³.

Известный русский историк права И.Д. Беляев, рассматривая вопрос о влиянии скандинавов на создание и развитие Древнерусского государства, указывал, «что при первых варяго-русских князьях до Владимира еще сохранялось старое устройство славянских племен в русской земле, т. е. рядом с князем участвовали в общественных делах лучшие люди, держащие землю, и вся земля или народное вече»⁴. Определяя главную задачу, стоявшую перед создававшимся государством, И.Д. Беляев подчеркивал, что в этот период «ни верховная власть великого князя, ни государственное устройство не имели иного смысла, кроме объединения племен»⁵.

В рамках данной работы нет возможности подробно рассматривать аргументы и недостатки норманнской теории, выявлять степень влияния варягов на происхождение Русского государства и права соседних народов и культур. Решением этих вопросов в течение предшествующих веков занимались многочисленные ис-

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1993. Кн. 1 (Т. 1). С. 94—95.

² Там же. С. 167.

³ Там же.

⁴ Беляев И.Д. История русского законодательства. СПб., 1999. С. 88.

⁵ Там же.

следователи, имеются и специальные работы, опубликованные в последние годы¹. Следует согласиться с мнением С.Э. Цветкова, посвятившим в своей работе «варяжскому вопросу» более 100 страниц, о том, что «норманизм давно уже является своего рода научной мифологией, на поверку не имеющей подтверждения ни в одном источнике»².

Многие историки и юристы пытались обосновать определяющее влияние зарубежного права на русское, отыскать корни русского права в скандинавском или германском праве. К.Д. Кавелин справедливо по этому поводу заметил: «Нет исторической возможности, очевидной нелепости, через которую храбро не перепрыгивали, только чтобы вывести наш древний обычай за тридевять земель, из тридевятого царства, все равно какого: была бы тень сходства, слабая аналогия»³.

Такое положение объяснялось, с одной стороны, отсутствием в России в первой половине XVIII в. университетов и соответствующей юридической школы. После создания первого университета, а затем и юридических факультетов в других высших учебных заведениях первоначально юриспруденцию преподавали иностранные профессора, которые могли читать только зарубежное право.

Первым против такого положения выступил М.В. Ломоносов. Его критика была в основном направлена против норманнской теории происхождения Русского государства, а вопрос об основах древнерусского права в XVIII в. не получил еще должного развития.

М.В. Ломоносов в замечаниях на диссертацию Г.Ф. Миллера о «Происхождении имени и народа российского» подверг критике

¹ См.: *Толочко П.П.* Спорные вопросы ранней истории Киевской Руси // *Славяне и Русь: (В зарубеж. историографии)*. Киев, 1990. С. 99—121; *Образование Древнерусского государства: Спорные пробл.: Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В.Т. Пашуто*, Москва, 13—15 апр. 1992 г. / Редкол.: Новосельцев А.П. (отв. ред.) и др.; РАН. Ин-т рос. истории. М., 1992; *Носов Е.Н.* Современные археологические данные по варяжской проблеме на фоне традиций русской историографии // *Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей*. СПб., 1999. С. 151—163; *Русь и варяги: Новый взгляд на историю Европы и Руси* / Сост. Андреев Д.А. М., 1999; *Максимов С.А.* «Варяжский вопрос» и ментальные основы русской и советской историографии (к проблеме мифологизации исторического сознания) // *Проблемы истории России и зарубежных стран*. Нижневартовск, 2000. Вып. 1. С. 3—15; *Фомин В.В.* Варяжский вопрос в современной историографии // *Бартеневские чтения*. Липецк, 2000. С. 37—45; *Петухов Ю.Д.* Норманны. Русы Севера. М., 2003 и др.

² *Цветков С.Э.* Русская история. М., 2003. Кн. 1.

³ *Кавелин К.Д.* Сочинения. М., 1900. Т. 4. С. 43.

основные положения норманнской теории. По его мнению, государственные образования существовали у восточных славян и до прихода варягов в виде отдельных племенных союзов и княжеств. М.В. Ломоносов указывал, что основной причиной призвания варягов были не слабость и неспособность восточно-славянских племен к государственному управлению, на чем настаивали представители норманнской теории, а внутренние междоусобицы, которые и привели к обращению к норманнам¹.

Необходимо особо отметить, что М.В. Ломоносов впервые в русской историографии использовал достаточно обширный корпус источников о славянских племенах и их первых государственных образованиях, включая свидетельства античных и других зарубежных авторов.

С.Е. Десницкий, ставший первым русским профессором юриспруденции в Московском университете в 1767 г., считается основоположником истории русского права. В своих работах он представил свою концепцию по основным вопросам теории и истории государства и права².

В начале XIX в. вопрос о происхождении древнерусского права нашел отражение в исследованиях Н.А. Полевого, который указывал, что на русское право оказывали влияние как скандинавское и германское право, так и греческое и «церковное» право. «Русская Правда в том виде, как она дошла до нас, есть смешение, — отмечал он, — законов скандинавских и германских, древних славянских обычаев, даже греческих и церковных законов». Однако при этом Н.А. Полевой подчеркивал, что «это смешение произошло под сильным влиянием народа-победителя, варягов, и князя, повелевавшего безусловно и безотчетно..., что «ни один народ никогда не списывал вполне и не брал целиком законов другого..., а «законодательство нигде не ограничивалось одним источником»³.

В первой половине XIX в. в контексте так называемой теории «официальной народности» последователем норманнской теории

¹ См.: *Ломоносов М.В.* Древняя российская история от начала российского народа до великого князя Ярослава Первого или до 1054 года. СПб., 1766.

² См.: *Десницкий С.Е.* Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции. М., 1768; *Он же.* Слово о причинах смертных казней по делам криминальным... М., 1770; *Он же.* Юридическое рассуждение о пользе знания отечественного законодательства и о надобном возобновлении оного в государственных высокопокровительствуемых училищах. М., 1778; *Он же.* Представление об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи. СПб., 1905 и др.

³ *Полевой Н.А.* История русского народа. М., 1830. Т. 2. С. 189—190.

происхождения Русского государства был М.П. Погодин, основные взгляды которого на вопрос о влиянии варягов на происхождение государства и права у восточных славян представлены в трехтомной издании «Исследования, замечания и лекции о русской истории»¹. М.П. Погодин считал, что влияние варягов на государственный строй и право Древней Руси было решающим. Он даже назвал первый период русской истории с 862 по 1054 г. норманнским, отразив свои взгляды в специальной монографии².

В историографию происхождения русской государственности и права внесли заметный вклад славянофилы и западники как представители двух исторических школ. К славянофилам следует отнести прежде всего братьев К.С. и И.С. Аксаковых, братьев И.В. и П.В. Киреевских, А.С. Хомякова и И.Д. Беляева, которые полагали, что западноевропейские государства были созданы на основе насилия, а в России же власть князей базировалась прежде всего на призвании их народом.

В частности, И.Д. Беляев подчеркивал, что лишь «немного изменилось государственное устройство с прибытием варяго-русских князей»³. Что же касается законодательства и в частности гражданского права, по его мнению, изменений было выявлено еще меньше. «Да не было и надобности в каких-либо изменениях в этом разделе обычного права, ибо власть великого князя нисколько не касалась, — указывал он, — старых юридических обычаев, относящихся к частному праву»⁴. Великий князь, выполнявший функции верховного судьи, обязательно должен был судить, подчеркивал И.Д. Беляев, «по старым исконным обычаям», причем на суде должны были присутствовать судьи, «представленные тяжущимися сторонами, называвшиеся судными мужами, а они всегда были хранителями юридических преданий старины и врагами нововведений в деле суда»⁵.

Представители западников, включая и так называемую государственную школу, хотя и имели определенные различия во взглядах на основные проблемы истории возникновения русского государства и права, они имели общие взгляды, направленные против концепции славянофилов. К представителям данного направления следует прежде всего отнести историков права К.Д. Кавелина

¹ *Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1846. Т. 1—3.

² См.: *Погодин М.П.* Норманнский период русской истории. М., 1859.

³ *Беляев И.Д.* История русского законодательства. СПб., 1999. С. 88.

⁴ Там же. С. 88—89.

⁵ Там же.

и Б.Н. Чичерина, а также известного русского историка С.М. Соловьева¹.

Во второй половине XIX — начале XX в. вопросы истории русского права получили развитие в исследованиях В.И. Сергеевича, М.В. Владимирского-Буданова, Д. Самоквасова, А. Филиппова и др. Они нашли также отражение в работах известных русских историков В.О. Ключевского, Н.А. Рожкова, историка права М.А. Дьяконова и др.

В.И. Сергеевич², являвшийся сторонником «договорной теории» происхождения государства, в соответствии с которой Русское государство образовалось в результате заключения договора между вече и князем. Следует отметить, что В.И. Сергеевич преувеличивал влияние Византии на Русь, объясняя сходство отдельных норм и институтов византийского и русского права прямым заимствованием их русскими у византийцев. Естественно, что в его теории в основу формирования древнерусского права была положена рецепция византийского права.

М.Ф. Владимирский-Буданов сформулировал «земскую теорию», в соответствии с которой в Древнерусском государстве существовало только три органа власти: князь, боярская дума и вече³. М.Ф. Владимирский-Буданов, рассматривая вопрос о происхождении Древнерусского государства, в целом отвергал позицию предшественников норманнской теории, указывая при этом, что «князья-варяги застали везде готовый государственный строй»⁴. Тем не ме-

¹ См.: *Кавелин К.Д.* Взгляд на историческое развитие русского порядка законного наследования и сравнение теперешнего русского законодательства об этом предмете с римским, французским и прусским: Речь, произнесенная в торжеств. собрании Санктпетерб. ун-та 8-го февр. 1860 года. СПб., 1860; *Он же.* Права и обязанности по имуществам и обязательствам в применении к русскому законодательству: Опыт систематического обозрения. СПб., 1879; *Он же.* Собрание сочинений. СПб., 1897—1900. Т. 1—4; *Он же.* Что есть гражданское право и где его пределы: Один из современных юридических вопросов. СПб., 1864; *Чичерин Б.Н.* Опыты по истории русского права. М., 1858; *Он же.* История политических учений. М., 1869. Ч. 1. Древность и Средние века; *Он же.* Политические мыслители древнего и нового мира. М., 1897; *Соловьев С.М.* Взгляд на историю установления государственного порядка в России до Петра Великого. Б. м. и г.; *Он же.* История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М., 1847; *Он же.* История России с древнейших времен. М., 1851. Т. 1; *Он же.* Лекции по русской истории. М., 1868; *Он же.* Сочинения: В 18-ти тн. / Отв. ред.: И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. М., 1988. Кн. 1 (Т. 1—2).

² См.: *Сергеевич В.И.* Древности русского права. СПб., 1909. Т. 1.

³ См.: *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. 7-е изд. Пет-роград-Киев, 1915.

⁴ Там же. С. 13.

нее по некоторым вопросам становления русского государства и права взгляды М.Ф. Владимирского-Буданова находились под влиянием норманнской теории. Так, он считал, что Древнерусское государство начиная с X в. под воздействием варяжских дружин было втянуто в вооруженные конфликты с соседними государствами. «Отсюда возникли, — как отмечал он, — первые приемы законодательства: договоры с иноземцами и рецепция чужих законов»¹.

Известный русский историк В.О. Ключевский рассмотрел проблемы возникновения и развития Древнерусского государства и права в контексте так называемой «торговой теории». Он полагал, что на первом этапе существования Древнерусского государства «господствующим фактором экономической жизни является внешняя торговля с вызванными ею лесными промыслами, звероловством и бортничеством (лесным пчеловодством)»², и указывал при этом, что в это время «учреждения, социальные отношения, нравы... были прямыми или отдаленными последствиями совокупного действия двух указанных факторов, волостного торгового города и внешней торговли»³.

Большой интерес представляют исследования М.М. Ковалевского о первобытнообщинном строе и историко-сравнительном методе в юриспруденции, изданные в конце XIX — начале XX в. Так, в его работе «Первобытное право»⁴ содержатся важные сведения об обычаях и обычном праве восточных славян. М.М. Ковалевский, применяя сравнительный метод, предупреждал, что простое сравнение между законодательством двух стран даже при выявлении случайного сходства или незначительного различия может привести к неверным выводам. «Сопоставлять законодательства нескольких народов по тому или другому вопросу может быть очень интересно, — но делать на основании этого сопоставления вывод, что одно поэтому должно быть всюду введено, а другое отовсюду вытеснено — значит ни больше ни меньше, как наглядно доказывать, — подчеркивал М.М. Ковалевский, — полнейшую неспособность видеть причинную связь между законодательством известного народа и суммой тех общественных явлений, при которых оно развивалось»⁵.

Таким образом М.М. Ковалевский стремился показать самобытность «славянского права», хотя он иногда и преувеличивал

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 89.

² См.: Ключевский В.О. Сочинения. М., 1956. Т. 1. С. 110.

³ См.: Там же. С. 33.

⁴ См.: Ковалевский М.М. Первобытное право. М., 1886. Вып. 1—2.

⁵ Ковалевский М.М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права. М., 1880. С. 8—9.

значение заимствованных одними народами у других норм и институтов права.

Проблемам развития Древнерусского государства и права уделяя значительное место в своих исследованиях и А.А. Кизеветтер¹. Так, в работе «Местное самоуправление в России, IX–XIX ст.» Он посвятил два раздела вопросам развития древнерусских княжеств, взаимоотношений князя и вече, возникновению системы удельного управления².

Следует отметить, что в конце XIX — начале XX в. были изданы учебные пособия и курсы по истории русского права И.Д. Беляева, Н.П. Загоскина, В.И. Латкина, М.М. Михайлова, Д.Я. Самоквасова, В.И. Сергеевича, А.Н. Филиппова и др.³

Центральное место в работах К.А. Неволлина, И.Д. Беляева, О. Ланге, В. Никольского, А. Рязановского, А. Загоровского и др. занимали важнейшие вопросы становления и развития гражданского права в Древней Руси⁴.

Проблемам истории общественного строя Древнерусского государства были посвящены исследования И.Д. Беляева, Х.И. Буслаева, Ясинского М.Н. и др.⁵

¹ См.: *Кизеветтер А.А.* Исторические очерки. М., 1912; *Он же.* Местное самоуправление в России, IX–XIX вв.: Исторический очерк. М., 1910 и др.

² *Кизеветтер А.А.* Местное самоуправление в России, IX–XIX вв.: Исторический очерк. М., 1910. С. 8–31.

³ См.: *Беляев И.Д.* Лекции по истории Русского законодательства. М., 1879; *Грибовский В.М.* Древнерусское право (Краткий обзор чтений по истории русского права). Петроград, 1915. Вып. 1; *Загоскин Н.П.* История права русского народа. Казань, 1899; *Латкин В.И.* Лекции по внешней истории русского права. СПб., 1888; *Леонтович Ф.И.* История русского права. Варшава, 1902; *Малиновский Г.* Лекции по истории русского права. Томск, 1907; *Михайлов М.М.* История русского права. СПб., 1871; *Радин И.М.* История русского права. СПб., 1910; *Самоквасов Д.Я.* Курс истории русского права. М., 1908; *Сергеевич В.И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910; *Филиппов А.Н.* Учебник истории русского права. М., 1912; *Филиппов А.Н.* Конспект истории русского права. М., 1912; *Числов П.И.* Курс истории русского права. М., 1914 и др.

⁴ См.: *Неволин К.А.* История российских гражданских законов. СПб., 1845–1851. Т. 1–3; *Ланге О.Ф.* О праве собственности супругов по древнерусскому праву. СПб., 1886; *Цитонич П.П.* Исходные моменты в истории русского права наследования. Харьков, 1870; *Беляев И.Д.* Анализ некоторых пунктов древне-русского завещания. М., 1897; *Соколов А.* Историческое изложение договора мены недвижимых имуществ по русским законодательным памятникам. Киев, 1880; *Никонов С.* Поручительство в его историческом развитии по русскому праву. СПб., 1895; *Мейер Д.* Древнерусское право залога. Казань, 1855; *Морошкин Ф.Л.* О владении по началам русского законодательства. М., 1837 и др.

⁵ См.: *Беляев И.Д.* Крестьяне на Руси. М., 1903; *Буслаев Ф.И.* Новые свидетельства об изгойстве и изгоях. М., 1854; *Ясинский М.Н.* Закупы Русской Правды и памятников Западно-Русского права. Киев, 1904 и др.

Особо следует отметить, что в данный период были также изданы специальные работы по истории уголовного права Древнерусского государства¹.

В работах В.Г. Демченко, Н. Дювернуа, М. Михайлова и др. нашли отражение вопросы процессуального права².

Достаточно подробному анализу договоров Руси с Византией посвящены работы А.Н. Лонгинова, Н. Лавровского, В.И. Сергеевича и др³.

Особое место в отечественной историографии занимают работы, посвященные вопросам становления и развития древнерусского церковного права. Прежде всего следует назвать исследования Е.Е. Голубинского и Н. Суворова⁴.

Таким образом, даже краткий обзор отечественной историографии дооктябрьского периода свидетельствует о том, что в общеисторических исследованиях М.М. Щербатова, В.Н. Татищева, Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского и других значительное место отводилось анализу источников древнерусского права в контексте их значения для исторического процесса. А работы известных историков права К.Д. Кавелина, К.А. Неволлина, Н.В. Калачова, Б.Н. Чичерина, М.Ф. Владимирского-Буданова, В.И. Сергеевича, И.Н. Латкина, М.А. Дьяконова, не утратившие научной значимости и в нынешнее время, убедительно доказывают, что в историографии дооктябрьского периода накоплен, систематизирован и введен в научный оборот обширный документальный и фактический материал.

Рамки данной работы не позволяют подробно охарактеризовать все работы, посвященные исследованию истории Древнерусского государства и права. Поэтому наряду с ними мы уделим большее

¹ См.: *Попов А.* Русская Правда в отношении к уголовному праву. М., 1841; *Депп Ф.* О наказаниях, существовавших в России до царя Алексея Михайловича. СПб., 1849; *Богдановский А.М.* Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого. М., 1850 и др.

² См.: *Демченко В.Г.* Историческое исследование о показаниях свидетелей как доказательств по судебным делам, по русскому праву до Петра Великого. Киев, 1859; *Дювернуа Н.* Источники права и суд в древней России. М., 1869; *Пахман С.* О судебных доказательствах по древнему русскому праву, преимущественно гражданского в историческом их развитии. М., 1851; *Куницын А.* Историческое изображение древнего судопроизводства в России. СПб., 1843 и др.

³ См.: *Лонгинов А.Н.* Мирные договоры русских с греками. Одесса, 1904; *Лавровский Н.* О византийском элементе в языке договоров русских с греками. СПб., 1853; *Сергеевич В.И.* Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1903 и др.

⁴ См.: *Голубинский Е.Е.* История русской церкви. М., 1901. Ч. I; *Суворов Н.* Следы западно-католического церковного права в памятниках древнего русского права. Ярославль, 1888.

внимание прежде всего специальным работам, в которых нашел отражение процесс становления и развития судоустройства и судопроизводства в Древней Руси IX—XV вв.

К таким исследованием следует отнести работы А. Куницына, Н. Хлебникова, Г.М. Бараца, В.М. Грибовского и др.¹

Исследование А. Куницына занимает среди них особое место. Оно состоит из трех частей: 1) Об устройстве судебной власти в Новгороде; 2) О судопроизводстве; 3) О рассмотрении и решении тяжёбных и уголовных дел. Как видим, работа А. Куницына полностью посвящена вопросам судоустройства и судопроизводства Новгородской феодальной республики. Почему автор начал исследование истории древнего судопроизводства в России с Новгорода? Он дает на этот вопрос следующий ответ: «История России начинается повествованием о междоусобиях Славян, обитавших на севере, о пришествии Князей Варяжских на берега Ладоги и Ильменя, об установлении там монархии на место прежней демократии; там же являются и первые писанные законы, а не в другом каком либо Княжестве; следовательно историю, не только судопроизводства, но и других частей Права, должно начинать изъяснением древних установлений Новгородской области»². Данное утверждение не может не вызвать возражений, так как многие дошедшие до нас письменные источники права происходили из Киевской Руси, а само Новгородское княжество до начала XII в. находилось фактически в полной от киевских великих князей. Вызывает также возражение и следующее утверждение А. Куницына: «...Рассматривая судебные учреждения Новгорода, я обращал внимание на Германские законы, из которых древние Русские почерпнуты»³.

Несмотря на явный односторонний подход к исследованию вопросов судоустройства и судопроизводства Новгородской республики А. Куницын значительное место отвел в своей работе анализу таких частных средств защиты нарушенных прав, как самосуд и взаимное поручительство⁴.

Большое внимание уделил автор характеристике системы судоустройства Новгородской республики. «В Новгороде, как центре

¹ См.: Куницын А. Историческое изображение древнего судопроизводства в России. СПб., 1843; Хлебников Н. Общество и государство в домонгольский период Русской истории. СПб., 1872; Барац Г.М. Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией. Киев, 1910; Грибовский В.М. Древнерусское право (Краткий обзор чтений по истории русского права). Петроград, 1915. Вып. 1 и др.

² Куницын А. Историческое изображение древнего судопроизводства в России. СПб., 1843. С. III.

³ Там же. С. IV.

⁴ Там же. С. 1—10.

правления всех областей, подвластных сей Республике, находились, — указывает А. Куницын, — судебные места верхней инстанции и были или общенародные, *fora communia*, или особенные, *fora privilegiata*¹. К верхней судебной инстанции автор относит «Вече, Суд Княжеский, Суд Посадничий и Суд Одрин», а ко второй инстанции — «Суд Тысяцкого, Суд Сместный, Суд Порубежный, Суд Церковный, Суд Таможенный и Суд Проезжий»². Необходимо отметить, что А. Куницын рассматривает данные судебные органы в процессе их становления и развития, опираясь на достаточно обширный корпус доступных в то время отечественных и зарубежных источников.

Характеризуя судопроизводство Новгородской республики, А. Куницын особое внимание уделяет правам тяжущихся и подсудимых, убежищам, следствию и обыску, системе доказательств и «особенным средствам к открытию истины в делах судебных» (судебные поединки, испытание железом и водой)³.

Третья часть книги посвящена вопросам рассмотрения и решения тяжёлых и уголовных дел. В частности, в ней выделяются такие вопросы, как подготовка решений и апелляции по ним, об исполнении приговоров, о штрафах и судебных пошлинах⁴.

Проблемам судостроительства и судопроизводства отводится значительное место и в работе Н. Хлебникова⁵. В частности, в отделе II «Период внешнего или механического соединения племен в одно государство» он уделяет особое внимание характеристике древнейшего права и суда, включая и подробный анализ княжеских уставов Владимира и Ярослава⁶. А глава IV третьего отдела полностью посвящена вопросам развития права, суда и законодательства⁷. В работе Н. Хлебникова широко используется в качестве источника права Русская Правда. Он затронул важную проблему заимствования данного документа, рассуждая: «...была ли Правда туземным или заимствованным законодательством, то никто не решится сказать, чтобы она была исключительно туземным, или исключительно заимствованным законодательством; но все занятое было необходимо для удовлетворения потребностям времени переработано сообразно с местными потребностями и может служить, наравне с

¹ Куницын А. Историческое изображение древнего судопроизводства в России. СПб., 1843. С. 11.

² Там же.

³ Там же. С. 83—117.

⁴ Там же. С. 119—137.

⁵ См.: Хлебников Н. Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб., 1872.

⁶ Там же. С. 112—183.

⁷ Там же. С. 293—334.

чисто туземными законами, для пополнения права в это время»¹. Характеризуя церковный суд и степень влияния на него византийского права, Н. Хлебников указывает: «Я положительно сомневаюсь, чтобы во все рассматриваемые нами эпохи, в тех вопросах, где церковь судила светских людей, она часто прилагала греческие постановления, а не судила все еще по Церковному Уставу Ярослава, наказывая денежными пенями, потому что приложение таких варварских наказаний, в особенности за такие преступления, как женитьба на куме, могло бы вызвать негодование и отвращение всего общества».² Он полагает, что на основании сборников XIII в., содержащих как Русскую Правду, Устав царя Константина, так и Уставы Владимира и Ярослава, можно сделать вывод: «...такие сборники существовали и в более давние времена; тогда, вероятно, от произвола судьи зависило приложить то или другое постановление, так как эти законы часто противоположны»³.

Большое значение для изучения основных принципов судоустройства и судопроизводства Древней Руси имела книга Г.М. Бараца, посвященная сравнительному анализу первых договоров Древнерусского государства с Византией⁴. Важно то, что автор осуществляет сравнение текстов договоров с другими источниками права и в частности с Русской Правдой. Так, отдел IV полностью посвящен анализу статей о судопроизводстве⁵, а отдел V — характеристике статей, относящихся к уголовному праву⁶.

Особое место в работе Г.М. Бараца занимает четвертая глава, в которой проводятся параллели между отдельными статьями договоров и статьями Русской Правды⁷, указывается на ошибки, допущенные многочисленными переписчиками. Г.М. Барац писал: «Между тем, вникая в рассмотрение помянутых актов, нельзя не убедиться, что бессмысленность их происходит не от чего другого, как только от допущенных писцами самых разнообразных погрешностей...»⁸.

Несмотря на то, что работа В.М. Грибовского⁹ носит общий историко-правовой характер, в ней значительное место уделяется ана-

¹ Хлебников Н. Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб., 1872. С. 333—334.

² Там же. С. 356.

³ Там же.

⁴ См.: Барац Г.М. Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией. Киев, 1910.

⁵ Там же. С. 79—86.

⁶ Там же. С. 86—136.

⁷ Там же. С. 193—226.

⁸ Там же. С. VII.

⁹ См.: Грибовский В.М. Древнерусское право: (Краткий обзор чтений по истории русского права). Петроград, 1915. Вып. 1.

лизу договоров Древней Руси с Византией, церковных уставов, Русской Правды, Псковской и Новгородской судных грамот. Кроме того, много внимания уделяется вопросам судоустройства и судопроизводства Древнерусского государства.

4.3. Историография древнерусского судебного права советского периода

История становления и развития государства и права Древней Руси, эволюция древнерусского судоустройства и судопроизводства базировались в советский период на основных принципах, разработанных классиками марксизма-ленинизма. Они определяли прежде всего классовый характер общественных отношений, господствовавших в Древней Руси, в том числе и характер Древнерусского государства. Для разоблачения сторонников норманнской теории многие советские историки права часто цитировали высказывание Ф. Энгельса о том, что «выгода для исторического развития от набегов норманнов была совершенно ничтожна по сравнению с теми огромными и бесплодными даже для самих скандинавских стран смутами, которые были этими набегами вызваны»¹. На основании этого Ф. Энгельс утверждал, что вторжения скандинавов не могли бы привести к таким масштабам, которые привели бы к колонизации восточных славян и образованию государства. Кроме того, советскими историками и юристами широко использовались также характеристика Русской Правды и общины в Древней Руси, представленные Ф. Энгельсом.

В качестве методологической основы для изучения истории государства и права Древней Руси советские историки применяли многочисленные суждения В.И. Ленина. В частности, он подчеркивал: «Отработочная система хозяйства безраздельно господствовала в нашем земледелии со времен «Русской Правды» и вплоть до современной обработки частновладельческих полей крестьянским инвентарем»². В.И. Ленин указывал, что такие «отработки держатся едва ли не с начала Руси (землевладельцы кабалили смердов еще во времена «Русской Правды»)»³.

Естественно, что все советские ученые, основываясь на положениях классиков марксизма-ленинизма, сформулировали новую концепцию становления и развития государства и права у восточ-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1960. Т. 16. С. 516.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1971. Т. 3. С. 314.

³ Там же. С. 199.

нославянских народов, подчеркивая, что данные процессы напрямую зависели от особенностей социально-экономического развития общества.

К первой попытке создания марксистской концепции образования и развития Древнерусского государства можно отнести исследования М.Н. Покровского. Так, в работе, посвященной истории России с древнейших времен, которая была издана еще до Октябрьской революции¹, а также в других изданиях, опубликованных уже в советский период, М.Н. Покровский представил критический анализ прежней отечественной и зарубежной историографии, скорректировал отдельные положения своей концепции истории России, разработанные еще до 1917 г.

Следует отметить, что основные положения концепции М.Н. Покровского получили широкое распространение в 20-е годы XX в., они нашли отражение как в научных исследованиях, так и в учебных пособиях². Рассматривая проблему скандинавского происхождения Древней Руси, М.Н. Покровский подчеркивал, что «ни о каких «началах государственности», якобы занесенных к нам князьями из-за моря, не может быть и речи»³. Тем не менее подлежат сомнению его утверждения относительно важнейшего источника древнерусского права Русской Правды. Так, М.Н. Покровский считал, что Русская Правда представляет собой «сборник судебных обычаев, самые древние из которых возникли в X в., — а окончательно составила Русская Правда в XII в.»⁴. Критикуя полную несостоятельность сторонников концепции заимствования отдельных норм Русской Правды из византийского или скандинавского права, М.Н. Покровский указывал, что «этот сборник судебных решений не мог быть продуктом чьего бы то ни было законодательного творчества»⁵.

Ученые, занимавшиеся в первые годы Советской власти исследованием истории Древнерусского государства и права, еще не смогли полностью преодолеть влияние на их работы основных концепций дореволюционной историографии. Это заметно ощущается, например, в 12-томном произведении Н.А. Рожкова «Русская история в сравнительно-историческом освещении»⁶, которая представ-

¹ См.: *Покровский М.Н.* Русская история с древнейших времен. М., 1913. Т. 1.

² См.: *Покровский М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке (от древнейших времен до конца XIX столетия). 3-е изд. М. Пг., 1923. Ч. 1—2; *Он же.* Очерк истории русской культуры. 4-е изд. М., 1921. Ч. 1 (Т. 1) и др.

³ См.: *Покровский М.Н.* Избранные произведения. М., 1966. Кн. 1.

⁴ Там же. С. 30.

⁵ Там же. С. 99.

⁶ См.: *Рожков Н.А.* Русская история в сравнительно-историческом освещении. М.-Л., 1928. Т. 1—12.

ляла собой фактически расширенную и дополненную редакцию работы «Обзор русской истории с социологической точки зрения», изданную еще до Октябрьской революции¹.

Следует отметить, что в 30-е годы XX в. было опубликовано значительное количество работ, в которых центральное место отводилось вопросам становления Древнерусского государства и права, генезиса и развития феодализма. В это время доминировала точка зрения, определявшая Киевскую Русь как рабовладельческое государство. Взгляды сторонников данной концепции не получили широкого распространения в советской историко-правовой науке. Большой вклад в критику необоснованности этой теории внес академик Б.Д. Греков, который доказал в своих исследованиях закономерность перехода восточнославянских народов от первобытно-общинного строя к феодализму, минуя рабовладельческий этап. Благодаря Б.Д. Грекову в советской исторической науке утвердилась так называемая теория феодальной природы Древнерусского государства.

В 1936 г. был издан сборник документов «Памятники истории Киевского государства IX—XII вв.»², автором предисловия к которому являлся Б.Д. Греков. В сборнике представлены наряду с текстами договоров Древней Руси с Византией Русская Правда, уставы, уставные грамоты и поучения князей, а также отрывки из произведений зарубежных путешественников, другие документы. Хотя Б.Д. Греков и замечает, что подбор документов в данном сборнике позволяет документально обеспечить проведение семинарских занятий, в то же время он констатирует, что по данным «материалам мы можем изучать два периода в истории Киевского государства: 1) период вызревания феодальных отношений и оформления по тем временам мощного государства и 2) период феодальной раздробленности, т. е. период наибольшего расцвета отдельных феодалов, освоивших общинную землю и успевших поставить в зависимость от себя огромное число крестьян»³.

В 1938 г. был издан альбом наглядных пособий «История суда и уголовного процесса»⁴, который был переиздан Российской академией правосудия в 2002 г.⁵ Следует отметить, что в данном издании

¹ См.: Рожков Н.А. Обзор русской истории с социологической точки зрения. СПб., 1903—1905.

² См.: *Памятники истории Киевского государства IX—XII вв.*: Сб. док. / Сост. Г.Е. Кочин. Л., 1936. С. 219.

³ Там же. С. 15.

⁴ См.: *История суда и уголовного процесса: Альбом наглядных пособий* / Сост.: С.А. Голунский, Д.С. Карев; Под ред. А.Я. Вышинского. М., 1938.

⁵ См.: *История суда и уголовного процесса: Схемы, таблицы, документы*. М.: Российская академия правосудия, 2002.

почти 70% материалов посвящено различным вопросам развития суда и уголовного процесса в России с XII в. до середины 1917 г.

В основу первого учебника по истории СССР¹ для исторических факультетов высших учебных заведений, опубликованного в 1939 г., была положена данная теория. В 1940 г. был издан первый учебник по истории государства и права СССР для юридических институтов².

Проблемы истории Древнерусского государства и права нашли отражение в работах Б.Д. Грекова, С.В. Юшкова³ и др. В них прежде всего уделялось большое внимание вопросам разложения первобытно-общинного строя и возникновения классов, становлению феодального способа производства. Проблема выявления внутренних закономерностей, способствовавших возникновению у восточных славян государства и развитию права, являлась в то время приоритетной. Это было связано с необходимостью найти нужные аргументы для опровержения норманнской теории, в соответствии с которой процесс образования Древнерусского государства сводился только к внешним факторам. Так, Б.Д. Греков назвал второй раздел своей книги «Варяги и вопрос о генезисе феодализма»⁴. Рассматривая вопрос о сравнении Салической Правды с двумя редакциями Русской Правды, он указывает: «Если в «Салической Правде», вернее в ее последующих наслоениях, мы видим только первые признаки разложения общинного строя, то в названных «Русских Правдах» мы можем наблюдать следующую ступень: разрушение общины удалось сделать значительные успехи»⁵.

Советская историография послевоенного периода характеризовалась существенным расширением источниковой базы и появлением многочисленных монографических исследований, в которых значительное место уделялось вопросам становления и развития Древнерусского государства и права.

В конце 40-х — в 50-е годы XX в. в многочисленных работах общеисторического характера уделялось значительное место проблемам становления и развития Древнерусского государства и права. Следует выделить исследования таких авторов, как Б.Д. Грекова, В.И. Довженка, В.В. Мавродина, А.Н. Насонова, Б.А. Рыбакова, Б.А. Ро-

¹ См.: *История СССР* / Под ред. Б.Д. Грекова, С.В. Бахрушина, В.И. Лебедева. М., 1939. Т. I.

² См.: *Юшков С.В.* История государства и права СССР. М., 1940. Ч. 1.

³ См.: *Греков Б.Д.* Феодальные отношения в Киевском государстве. М.-Л., 1936; *Юшков С.В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.-Л., 1939 и др.

⁴ См.: *Греков Б.Д.* Феодальные отношения в Киевском государстве. М.-Л., 1936. С. 8—15.

⁵ Там же. С. 136.

манова, М.Н. Тихомирова, П.Н. Третьякова, Л.В. Черепнина, И.И. Смирнова, А.А. Зимина и др. Так, в книге, изданной в 1946 г., Б.Д. Греков, всецело отвергая норманнскую теорию образования Древнерусского государства, подчеркивал: «Государство делается исторической необходимостью на известной ступени развития общества — именно в то время, когда появляются классы, когда сильный экономически и политически класс берет в руки власть и организует аппарат властвования»¹. Следует отметить, что в данной книге Б.Д. Греков уделил большое внимание характеристике докиевского и раннекиевского периода, процессу создания и укрепления Киевского государства, отношениям Древней Руси с Византией, другими государствами и народами.

В 1960-е годы интерес исследователей к истории государства и права Древней Руси заметно возрос. Об этом красноречиво свидетельствовали книга Б.А. Рыбакова «Первые века Русской истории»², сборник «Древнерусское государство и его международное значение»³ и материалы научной сессии «Итоги и задачи изучения генезиса феодализма у народов СССР», опубликованные в 1969 г.⁴ Б.А. Рыбаков указывал, что «Русское государство сложилось задолго до прихода варягов без всякого внешнего воздействия», что «появление варяжских отрядов в русских землях было несравненно менее значительным эпизодом, чем появление в степях печенегов, с которыми молодому Русскому государству пришлось вести тяжелую и упорную войну»⁵. В состав авторского коллектива сборника «Древнерусское государство и его международное значение» вошли известные историки — А.П. Новосельцев, В.Т. Пашуто, Л.В. Черепнин, В.П. Шушарин и Я.Н. Шапов. В нем нашли отражение такие вопросы, как государственный строй, общественно-политические отношения, церковь и государство в Древней Руси и др. В материалах научной сессии были затронуты многие сложные вопросы, связанные с возникновением государственности и генезисом феодализма у восточных славян.

В 1971 г. был издан курс лекций В.В. Мавродина⁶, в котором рассматриваются проблемы происхождения восточных славян, становления государства и феодальных отношений в Древней Руси, образование древнерусской народности.

¹ Греков Б.Д. Славяне. Возникновение и развитие Киевского государства. М., 1946. С. 4.

² См.: Рыбаков Б.А. Первые века Русской истории. М.: Наука, 1964.

³ См.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.

⁴ См.: Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969. С. 5.

⁵ Рыбаков Б.А. Первые века Русской истории. М., 1964. С. 32.

⁶ См.: Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971.

Особо следует выделить работы А.Н. Сахарова, посвященные истории становления дипломатии Древней Руси, в которых представлен всесторонний историко-правовой анализ договоров Древнерусского государства с Византией¹.

В комплексе многочисленных работ общеоисторического характера следует выделить исследования И.Я. Фроянова по истории Киевской Руси. Так, в книге, посвященной вопросам социально-экономической истории Древней Руси IX—XII вв., нашли отражение такие проблемы, как формы общинного землевладения, роль крупного землевладения в процессе генезиса феодализма, формирование различных категорий зависимого населения, место и роль рабства в Древней Руси². В 1980 г. И.Я. Фроянов издал монографию³, в которой центральное место отводилось таким вопросам социально-политического развития Древней Руси в X—XII вв., как характер и функции княжеской власти, роль и место дружины в системе органов государственной власти и др.

В 1982 г. была опубликована книга академика Б.А. Рыбакова, посвященная проблемам истории образования и развития Киевской Руси⁴. Автор убедительно доказал, что у истоков древнерусской государственности стоял крупный союз племен Среднего Поднепровья, в котором ведущую роль играли поляне⁵.

К юридическим исследованиям, посвященным проблемам Древнерусского государства и права, необходимо отнести работы С.В. Юшкова и С.А. Покровского, М.Д. Шаргородского, М.М. Исаева, М.А. Чельцова-Бebutova, О.И. Чистякова, З.М. Черниловского и др.

Еще в 1930-е годы С.В. Юшков издал несколько монографий. Так, в 1935 г. в Киеве была опубликована «Русская Правда»⁶. В 1939 г. была издана монография С.В. Юшкова «Очерки истории возникновения и начального развития феодализма в Киевской Руси»⁷. В ней автор уделяет значительное место таким важным вопросам, как роль и место вече в системе органов государственной власти, формы феодальной зависимости и др.

¹ См.: Сахаров А.Н. «Дипломатическое признание» Древней Руси. М., 1980; *Он же*. Дипломатия Древней Руси, IX — первая половина X в. М., 1980; *Он же*. Дипломатия Святослава. М., 1982 и др.

² См.: Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974.

³ См.: Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980.

⁴ См.: Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982.

⁵ Там же. С.107.

⁶ См.: Юшков С.В. Русская Правда. Киев, 1935.

⁷ См.: Юшков С.В. Очерки истории возникновения и начального развития феодализма в Киевской Руси. Киев, 1939.

Как уже отмечалось выше, в 1940 г. С.В. Юшков опубликовал первый учебник по истории государства и права СССР для юридических высших учебных заведений¹. Данный учебник выдержал четыре издания и до 1967 г. являлся основным и единственным учебным пособием для студентов юридических вузов. Следует отметить, что в учебнике нашли отражение достаточно подробная характеристика источников Древнерусского государства и права, система преступлений и наказаний по Русской Правде, суд и процесс Киевского государства, основные черты права, судостройства и судопроизводства Новгородской и Псковской феодальных республик, Владимиро-Суздальского княжества.

В 1949—1950 гг. были изданы работы С.В. Юшкова, посвященные важнейшим вопросам истории возникновения и развития древнерусского государства и права². Так, в работе «Общественно-политический строй и право Киевского государства» С.В. Юшков по-новому рассмотрел некоторые вопросы, связанные с созданием государственности и развитием права у восточных славян, подверг критике норманнскую теорию происхождения Древнерусского государства. Большое значение имела и вторая работа С.В. Юшкова, посвященная проблемам происхождения и значения Русской Правды как важнейшего источника права Древнерусского государства.

Исследованию понятия, видов преступлений и наказаний по Русской Правде посвятил свою работу М.Д. Шаргородский³.

М.А. Чельцов-Бебутов отвел в своем курсе специальную главу, в которой достаточно подробно рассмотрел вопросы становления и развития суда и уголовного процесса в Киевской Руси⁴.

З.М. Черниловский в статье «Русская Правда в свете других славянских судебных книг», проанализировав черты сходства между Русской Правдой и другими источниками древнерусского права, отметил, что Русская Правда оказалась наиболее светской по своему содержанию. З.М. Черниловский подчеркнул также, что отмена кровной мести «как действие государственной власти есть история, растянутая на многие столетия»⁵.

В 1984 г. был начат выпуск девятитомного издания «Российское законодательство X—XX веков»⁶. Следует отметить, что предисловие к

¹ См.: Юшков С.В. История государства и права СССР. М., 1961.

² См.: Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949; Он же. Русская Правда: Происхождение, источники, ее значение. М., 1950.

³ См.: Шаргородский М.Д. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. М., 1957.

⁴ См.: Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. М., 1957. Т.1.

⁵ См.: Древняя Русь: Проблемы права и правовой идеологии. М., 1984. С. 9, 27.

⁶ См.: Российское законодательство X—XX в. / Под общей ред. Чистякова О.И. М., 1984. Т. 1. Законодательство Древней Руси. С. 432.

изданию и введение к первому тому написано О.И. Чистяковым, введение к разделу «Русская Правда» — Я.Н. Шаповым, комментарии текстов других источников древнерусского права составили также известные историки и юристы. Важно отметить, что их работы можно рассматривать в качестве самостоятельных публикаций, посвященных различным вопросам становления и развития Древнерусского государства и права, судоустройства и судопроизводства Древней Руси.

Среди учебных пособий, изданных в последние годы существования СССР, необходимо особо выделить работу И.В. Дубова¹, в которой рассматриваются различные виды источников по истории Древней Руси, обнаруженные в ходе археологических раскопок 1970 — 1980-х годов. Следует отметить такой новый вид источников, как берестяные грамоты, в которых нашли отражение и некоторые вопросы развития суда и процесса в Древнерусском государстве.

Характеризуя советскую историографию, посвященную проблемам княжеской власти и государственного устройства в Древней Руси, В.В. Пузанов отметил, что она «в определенной мере прошла те же этапы в исследовании изучаемого вопроса, что и дореволюционная», и выделил особенности, заключавшиеся в комплексном использовании «письменных, фольклорных, археологических, этнографических и лингвистических материалов, широкое применение метода сравнительно-исторического анализа»².

В значительной мере можно согласиться с точкой зрения В.В. Пузанова. Однако важно подчеркнуть, что, несмотря на ограниченные в советское время возможности исследователей широко представлять альтернативные концепции и точки зрения, отступать от жестко регламентированных идеологических установок, разработка основных вопросов происхождения Древнерусского государства и права, становления и развития судебных органов и процесса как историками, так и юристами продолжалась. В то же время следует отметить, что специальных юридических исследований особенно по проблемам судоустройства и судопроизводства Древней Руси было еще достаточно мало. Кроме того, названные выше вопросы находили, как правило, отражение в работах общеоисторического характера или в рамках учебных пособий и соответствующих курсов лекций, что объяснялось в значительной степени «вузовской формой существования науки»³ в советский период.

¹ См.: Дубов И.В. Новые источники по истории Древней Руси: Учеб. пособие. Л., 1990.

² Пузанов В.В. Княжеская власть и государственное устройство в Древней Руси в русской историографии XVIII и XIX вв. // Актуальные проблемы истории дореволюционной России. СПб., 1992. С. 41.

³ См.: Советская историко-правовая наука: Очерки становления и развития. М., 1978. С. 348.

4.4. Современная историография древнерусского судебного права

В последнее десятилетие появилось значительное количество исследований и учебных пособий по рассматриваемой теме, которые характеризуются прежде всего разнообразием используемых источников и литературы. В целом постсоветскую историографию можно подразделить на две группы:

1) исследования историко-правового и общеисторического характера, в которых в той или иной степени освещаются проблемы судоустройства и судопроизводства Древней Руси;

2) проблемно-тематические работы, посвященные судебной системе России в целом, в которых нашли отражение отдельные вопросы становления и развития суда и процесса в Древней Руси.

Нет необходимости характеризовать огромный массив литературы общеисторического характера, который появился в последние годы. В ней проблемы судоустройства и судопроизводства Древней Руси нашли лишь незначительное отражение. Прежде всего необходимо назвать работы А.А. Горского, С.А. Дубининой, В.В. Енукова, И.О. Князького, Ю.М. Лотмана, И.Н. Фалалеевой, Е.А. Шинакова и С.Э. Цветкова, в которых центральное место отводится вопросам происхождения и развития Древнерусского государства¹. К ним тематически примыкают исследования, посвященные проблемам влияния варягов на процесс становления и развития государственности у вос-

¹ См.: *Горский А.А.* Киевская Русь = империя Рюриковичей // Славяне и их соседи. М., 1995. С. 41—43; *Дубинина С.А.* К вопросу о происхождении и развитии Древнерусского государства (IX—XII вв.) / МГУ им. М.В. Ломоносова. Ин-т переподготовки и повышения квалификации преподавателей гуманитар. и социал. наук. М., 1994; *Енуков В.В.* Становление и развитие государственных структур малых земель Древней Руси в домонгольское время (на примере Посемья) // Проблемы истории государства и права. Курск, 1998. Вып. 2. С. 3—23; *Князький И.О.* Русь Киевская и Русь Московская // Российская государственность: этапы становления и развития. Кострома, 1993. Ч. 1. С. 3—8; *Лотман Ю.М.* Две концепции происхождения власти в Древней Руси (договор и награда) // Из истории русской культуры. М., 1996. Т. 4. С. 27—39; *Фалалеева И.Н.* Культурно-политический аспект становления и развития княжеской власти в Древней Руси (X—XII вв.) // Актуальные проблемы современной юридической науки: Некоторые аспекты. Волгоград, 1999. С. 62—71; *Фалалеева И.Н.* Приход и община как неформальные институты политико-правовой системы Древней Руси // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 5. Политика. Социология. Право. Волгоград, 2002. Вып. 5. С. 51—54; *Шинаков Е.А.* Генезис древнерусской государственности: (Опыт сравнит.-ист. анализа): Автореф. дис... д-ра ист. наук. Брянск, 2000; *Цветков С.Э.* Русская история. М., 2003. Кн. 1. и др.

точных славян¹. Вопросы отечественной и зарубежной историографии Древнерусского государства освещаются в работах В.В. Пузанова, А.Л. Шапиро и др.². Особое место среди данных работ занимают исследования известного историка И.Я. Фроянова³, в которых на основе обширной источниковой и историографической базы рассматриваются различные вопросы развития Древнерусского государства.

Значительный интерес представляют для нас историко-правовые исследования. Среди них особое место в современной российской историографии занимают многочисленные учебные пособия по истории отечественного государства и права, в которых отводится заметное место становлению и развитию суда и процесса в Древней Руси. В первую очередь необходимо назвать работы крупнейшего специалиста отечественной историко-правовой науки, профессора О.И. Чистякова⁴. Следует отметить, что в первую часть пособия для семинаров «Отечественное законодательство XI—XX вв.» включены тексты основных редакций Русской Правды и Псковской судной грамоты⁵, в которых нашел отражение процесс становления и развития судостроительства и судопроизводства в Древней Руси. Необходимо подчеркнуть, что тексты сопровождаются небольшими комментариями и словарями.

Важное место среди комплекса современных учебных пособий занимают работы профессоров Ю.П. Титова⁶ и И.А. Исаева¹. Особенностью

¹ См.: *Максимов С.А.* «Варяжский вопрос» и ментальные основы русской и советской историографии (К проблеме мифологизации исторического сознания) // Проблемы истории России и зарубежных стран. Нижневартовск, 2000. Вып. 1. С. 3—15; *Носов Е.Н.* Современные археологические данные по варяжской проблеме на фоне традиций русской историографии // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб., 1999. С. 151—163; *Петухов Ю.Д.* Норманны. Русы Севера. М., 2003; *Фомин В.В.* Варяжский вопрос в современной историографии // Бартеневские чтения. Липецк, 2000. С. 37—45 и др.

² См.: *Пузанов В.В.* Княжеская власть и государственное устройство в Древней Руси в русской историографии XVIII и XIX вв. // Актуальные проблемы истории дореволюционной России: Межвуз. сб. СПб., 1992. С. 34—41; *Шапиро А.Л.* Русская историография с древнейших времен до 1917 г. М., 1993. и др.

³ См.: *Фроянов И.Я.* Мятельный Новгород: Очерки истории государственности, социал. и полит. борьбы конца IX — нач. XIII столетия. СПб., 1992.; *Он же.* Рабство и данничество у восточных славян (VI—X вв.). СПб., 1996; *Он же.* Начала русской истории: Избранное. М., 2001.

⁴ См.: История отечественного государства и права: Учебник / Под ред. О.И. Чистякова. М., 2000. Ч.1.; *Отечественное законодательство XI—XX вв.: Пособие для семинаров* / Под ред. О.И. Чистякова. М., 2000. Т. 1. и др.

⁵ *Отечественное законодательство XI—XX вв.: Пособие для семинаров* / Под ред. О.И. Чистякова. М., 2000. Т. 1. С. 19—56.

⁶ См.: *История государства и права России* / Отв. ред. Ю.П. Титов. М., 1996; *Титов Ю.П.* История государства и права России: Хрестоматия. М., 1996; *Он же.* Хрестоматия по истории государства и права России. М., 2001; *История государства и права России: Учебник* / Под ред. Ю.П. Титова. М., 2001 и др.

хрестоматии Ю.П. Титова является то, что Краткая и Пространная редакции Русской Правды представлены с параллельным переводом², что значительно облегчает их использование. В учебнике Ю.П. Титова уделяется значительное внимание развитию системы органов государственного управления и права Древней Руси. В то же время лишь незначительное место отводится характеристике судебных органов, которых «как особых учреждений, — как отмечается в учебнике, — не существовало»³. Вряд ли можно согласиться с данным утверждением. Можно говорить о том, что суд тогда еще не был отделен от административных органов, однако правосудие осуществляли и отдельные учреждения, и должностные лица: князья, посадники, волостели и др. В учебнике И.А. Исаева значительно больше внимания уделяется анализу древнерусских источников права, а также становлению и развитию судостроительства Древней Руси. Так, судебному процессу и влиянию на него церкви автор посвятил отдельные разделы⁴.

Следует также назвать учебник под редакцией С.А. Чибиряева, учебные пособия Т.Е. Новицкой, В.А. Рогова, Т.В. Кашаниной, Ю.К. Краснова, Л.А. Стешенко и Т.М. Шамбы, В.К. Цечоева и др.⁵ В учебнике под редакцией С.А. Чибиряева выделено также незначительное место суду и процессу в Древнерусском государстве⁶. Кроме того, в нем кратко рассматриваются также отдельные вопросы развития права и судостроительства в Новгороде и Пскове⁷. Учеб-

¹ См.: *Исаев И.А.* История государства и права России: Полный курс лекций. М., 1995; *Он же.* История государства и права России: Учебник. 2-е изд. М., 2001; *Он же.* История государства и права России в вопросах и ответах: Учеб. пособие. М., 1999 и др.

² *Титов Ю.П.* Хрестоматия по истории государства и права России. М., 2001. С. 4—27.

³ *История государства и права России: Учебник* / Под ред. Ю.П. Титова. М., 2001. С. 23.

⁴ *Исаев И.А.* История государства и права России: Учебник. 2-е изд. М., 2001. С. 48—51.

⁵ См.: *История государства и права России: Учебник* / Под ред. С.А. Чибиряева. М., 2001; *Новицкая Т.Е.* История отечественного государства и права. М., 1992; *Рогов В.А.* История государства и права России IX — начала XX вв. М., 1993; *Кашанина Т.В.* Происхождение государства и права: Современные трактовки и новые подходы: Учеб. пособие. М., 1999; *Краснов Ю.К.* История государства и права России: Учеб. пособие. М., 1997; *Стешенко Л.А., Шамба Т.М.* История государства и права России: Академический курс. М., 2003. Т.1; *Цечоев В.К.* История государства и права России с древнейших времен до 1861 г. Ростов-н/Д, 2000; *Цечоев В.К., Власов В.И., Степанов О.В.* История отечественного государства и права: Учеб. пособие. М., Ростов-н/Д, 2003 и др.

⁶ См.: *История государства и права России: Учебник* / Под ред. С.А. Чибиряева. М., 2001. С. 32—33.

⁷ Там же. С.39-42.

ник Л.А. Стешенко и Т.М. Шамбы отличается от названных выше тем, что в нем дан довольно глубокий анализ древнерусских источников права, в процессе которого затрагивались и отдельные вопросы судопроизводства и судоустройства Древней Руси. Еще меньше места отведено истории судебных органов Древней Руси в учебнике Б.Т. Безлепкина «Судебная система, правоохранные органы и адвокатура России»¹. В кратком очерке истории российской судебной системы приводится только часть фразы. Более того, автор относит период становления судоустройства в Древней Руси к первому этапу, характеризующемуся обособлением «судебной власти от власти княжеской, царской, церковной, воеводской, боярской и т.д.»².

Следует также кратко охарактеризовать и хрестоматию А.В. Стадникова³, посвященную истории церковного суда в России X — начала XX вв. В первый раздел издания включены древнерусские уставы о церковных судах (IX—XII вв.), которые предваряет достаточно подробный обзор⁴. «Церковный суд в средневековой России, разбиравший широкий круг уголовных и гражданских дел, как духовных, так и светских лиц, играл, — подчеркивает автор, — огромную роль в функционировании и развитии судебной системы в целом»⁵. Учитывая то, что по вопросам становления и развития церковного суда в Древней Руси научной литературы очень мало, данный материал представляет значительный интерес.

В целом необходимо отметить, что появившиеся в последние годы многочисленные учебники по истории отечественного государства и права в контексте рассмотрения структуры государственного устройства и развития права дают нам определенное представление о судоустройстве и судопроизводстве в Древней Руси.

Среди проблемно-тематических исследований необходимо выделить серию статей профессора В.А. Томсинова⁶, посвященных важным проблемам развития юриспруденции в Древней Ру-

¹ См.: *Безлепкин Б.Т.* Судебная система, правоохранные органы и адвокатура России: Учебник. М., 2001.

² Там же. С. 42.

³ См.: *Стадников А.В.* Церковный суд в системе российского правосудия в X — начале XX веков: документы и материалы: Хрестоматия. М., 2003.

⁴ Там же. С. 4—46.

⁵ Там же. С. 4.

⁶ См.: *Томсинов В.А.* Юриспруденция Древней Руси (X—XIII вв.). Статья первая // Законодательство. М., 2003. № 7. С. 85-89; *Он же.* Юриспруденция Древней Руси (X—XIII вв.). Статья вторая // Законодательство. М., 2003. № 8. С. 87—91; *Он же.* Юриспруденция Древней Руси (X—XIII вв.). Статья третья // Законодательство. М., 2003. № 9. С. 87—91.

си X—XIII вв. В первой статье автор анализирует тексты договоров Древней Руси с Византией, их язык, значение и разнообразие использованных при их составлении юридических терминов. Так, например, В.А. Томсинов проводит следующее различие между терминами «закон» и «покон»: «закон» — это обычное право территориального действия, а «покон» — обычаи персонального характера действия или, иначе говоря, обычаи, связанные не с государственной территорией, а с определенной этнической общностью»¹.

Во второй статье автор характеризует византийские источники права, получившие широкое распространение на территории Древней Руси особенно после принятия христианства, а также роль духовенства в становлении юриспруденции. В.А. Томсинов в этой связи указывает: «В лице православного христианского духовенства древнерусская юриспруденция получила социальную силу, которая могла стимулировать ее развитие. Священники были образованными людьми, в их распоряжении имелся правовой материал, вобравший в себя достижения византийской юриспруденции»². Говоря при этом о привнесении в юриспруденцию основных принципов христианской этики, автор подчеркивает, что «благодаря участию православного духовенства в составлении законов в древнерусской юриспруденции возникла традиция мотивировать ту или иную норму»³.

Третья статья В.А. Томсинова посвящена вопросам влияния византийского права на древнерусское. Автор отмечает, что степень влияния римского и византийского права на западноевропейское и древнерусское была различной: «Восприятие византийско-древнеримского правового наследия в Западной Европе сопровождалось приданием ему особого авторитета... На Руси же византийско-древнеримское правовое наследие воспринималось общественным сознанием иначе, без преклонения, и это позволяло древнерусским переводчикам при переработке текстов во многом отступать от источников»⁴.

Проблемы взаимоотношений Византии и Древней Руси, а также влияния византийского права на процесс становления и развития

¹ Томсинов В.А. Юриспруденция Древней Руси (X—XIII вв.). Статья первая // Законодательство. М., 2003. № 7. С. 89.

² Томсинов В.А. Юриспруденция Древней Руси (X—XIII вв.). Статья вторая // Законодательство. М., 2003. № 8. С. 90.

³ Там же. С. 91.

⁴ Томсинов В.А. Юриспруденция Древней Руси (X—XIII вв.). Статья третья // Законодательство. М., 2003. № 9. С. 91.

древнерусского права занимают центральное место в работах А.А. Вишневского, Э.В. Еремяна и Р.Л. Хачатурова¹.

Вопросы применения смертной казни в Древней Руси и правового обеспечения данного вида наказания нашли отражение в исследованиях С.В. Жильцова и Н.А. Шелкопляса².

В контексте данной группы научной литературы важное место занимает работа Ю.Г. Алексеева³, посвященная исследованию Псковской судной грамоты как одного из важнейших источников древнерусского права. Она предоставляет нам богатый материал по вопросам судоустройства и судопроизводства Псковской феодальной республики. В книге наряду с публикацией текста данного источника имеется довольно обстоятельный комментарий каждой статьи грамоты⁴, а также отдельный раздел⁵, в котором затрагиваются вопросы палеографического исследования двух списков Псковской судной грамоты, истории и структуры ее текста.

Заслуживает особого внимания работа В.В. Момотова⁶, в которой он предпринял попытку рассмотреть судебный процесс в Древней Руси на основе анализа берестяных грамот — вида источника, не получившего еще должного применения в историко-правовых исследованиях.

Журнал «Отечественные записки», полностью посвященный проблемам истории российского правосудия и судебных реформ, смог уделить только несколько страниц вопросам истории судебных органов и процесса в Древней Руси⁷.

Следует отметить, в последние годы украинские историки и правоведы стали уделять определенное внимание вопросам влияния христианства на правовую культуру Киевской Руси, роли права в

¹ См.: *Вишневский А.А.* Киевская Русь: Введение христианства и пробл. рецепции византийского церковного права // Изв. вузов. Правоведение. СПб., 1992. № 5. С. 62—67; *Еремян Э.В.* Древнеславянская кормчая на Руси как часть византийского правового наследия // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Юрид. науки. М., 2000. № 1. С. 197—200; *Хачатуров Р.Л.* Византия и Русь: государственно-правовые отношения. Тольятти, 1995.

² См.: *Жильцов С.В.* Смертная казнь в праве Древней Руси и юрисдикция Великого князя в ее применении // Изв. вузов. Правоведение. СПб., 1997. № 4. С. 47—52; *Шелкопляс Н.А.* Смертная казнь в России: История становления и развития (IX — середина XIX в.). Минск, 2000.

³ См.: *Алексеев Ю.Г.* Псковская судная грамота: Текст. Комментарий. Исследование. Псков, 1997.

⁴ Там же. С. 49—85.

⁵ Там же. С. 87—137.

⁶ См.: *Момотов В.В.* Судебный процесс в Древней Руси: (На основе анализа берестяных грамот) / Краснодар: Куб. гос. ун-т, 1998.

⁷ Отечественные записки. М., 2003. № 2. С. 158—159, 161, 183—184.

управлении государством, отдельным проблемам уголовного права Древнерусского государства¹.

Таким образом в современной российской историографии появилась возможность шире использовать источниковую и историографическую базу, альтернативные точки зрения и концепции для проведения глубокого исследования различных вопросов судоустройства и судопроизводства Древней Руси. Однако до сих пор нет специальных научных публикаций по проблемам становления и развития суда и процесса в Древней Руси. Кроме того, на наш взгляд, требуются углубленные историко-правовые исследования по следующим вопросам:

- 1) роль и место византийского права в процессе формирования судебных органов в Древней Руси;
- 2) влияние варягов на становление и развитие древнерусского судоустройства и судопроизводства;
- 3) влияние права и обычаев Золотой Орды на судебный процесс отдельных русских княжеств во второй половине XIII—XV вв.;
- 4) анализ источников, отечественной и зарубежной историографии по данной теме.

¹ См.: *Бочарников Д.* Чи дійсно юридичне право було єдиним інструментом державного управління суспільством в Київській Русі? // *Право України*. Київ, 1997. № 11. С. 109—110, 115; *Кудин С.* Поняття злочину в кримінальному праві Київської Русі // *Право України*. Київ, 2000. № 7. С. 101—104; *Рогожин А., Сташис В.* Ярослав Мудрий видатний державний діяч, великий князь Київської Русі // *Право України*. Київ, 1996. № 4. С. 54—56; *Федоренко Т.* Вплив християнського світогляду на правосвідомість та правову культуру Київської Русі (кінець X перша третина XIII ст.) // *Право України*. Київ, 2001. № 8. С. 114—116 и др.

II

Курс лекций по истории правосудия России

Судебные органы в Древнерусском государстве

1.1. Восстановление нарушенных прав на Руси в период возникновения государственности

По мере того, как создавалась Русская земля, усложнялись общественные отношения и возникало государство, постепенно вырабатывались и те правила общежития, которыми определяется отношение людей друг к другу, всех к каждому и каждого, ко всем, на основе общей пользы и выгоды ради всеобщего мира и тишины; создавалось, другими словами, право страны, которое, прежде всего и больше всего, выражается в суде, разбирающем те столкновения отдельных лиц друг с другом, которые эти лица не в силах помирить своими средствами, и им приходится обращаться к той силе, власти и значению которой они признают. Пока государства не было и люди жили отдельными родами и племенами, судьей всех споров и разногласий, карателем всех преступлений и проступков был в роду старейшина рода, в племени — старейшина племени, один или сообща с наиболее старейшими главами отдельных семей. Этот суд творился на виду у всех и сводился к тому, что устанавливал вину преступившего обычай человека и отдавал его в распоряжение того, кто потерпел от обиды. Обычай установил и степень взыскания с виновного. Если виновный нанес кому-либо материальный ущерб, то должен был возместить сделанную им кражу, потраву, порчу скота или оружия равноценным из своего запаса; если виновный был убийцей, то сам платил жизнью, падая от руки родственников убитого. Таким образом, в суд древних времен участвовали и лица, всеми признаваемые за судей, и сами судившиеся, потерпевшие, получавшие от суда право взыскать свой ущерб с обидчика.

Когда земли восточных славян распались на городовые области и в каждом городе во главе власти стали князья и веча, то князь и вече сделались источниками суда и расправы. С появле-

нием варяжских князей суд делается даже более княжеским, чем вечевым. И наша летопись, когда рассказывает о призвании князей, отмечает как главное назначение князя держание суда людям. «Поищем себе князя иже бы владел нами и судил по праву», — говорили новгородцы, посылая гонцов к Рюрику и его дружине. Суд становится доходной статьей князя, потому что за суд он получает особые взносы с ищущих суда, и потому, конечно, всячески старается это свое право суда сохранить только за собой и оградить его от всяких покушений со стороны веча. Это удастся князьям; о судах в XI, XII вв. мы читаем в летописях, как явлении княжеского обихода. Владимир Мономах в своем «Поучении» приказывает своим детям каждый день держать суд людям. Князь Ростислав хотел постричься в монахи, и Печерский игумен уговаривает его не делать того, а лучше делать свое княжеское дело — «в правду суд судит».

Князь сам, конечно, не мог судить все дела во всем княжестве и поручал обыкновенно вместо себя держать суд по городам своим наместникам — посадникам и управителям — тиунам. Эти доверенные князя, его тиуны, оставили после себя недобрую память. То обстоятельство, что суд являлся доходной статьей князя, которую он поручал в заведывание своими тиунами, за что давал им часть дохода, распяляло в них хищничество. Летопись, как только заговорить о тиунах, больше всего рассказывает о том, как «начаша тиуны грабити, людей продавати, князю не ведущу». Такое поведение тиунов было столь обычно, что возникали вопросы: где им быть на том свете за их несправедное житие и поступки? Конечно, на тиуна можно было жаловаться князю; но, во-первых, частенько и сам князь был лаком до «кун», а во-вторых, это нам теперь легко говорить, что можно жаловаться князю, когда к нашим услугам организованный порядок жалобы, пути и средства сообщения, а ведь тогда часто за дверь своего дома нельзя было выйти без топора или рога-тины в руках, всякое же путешествие являлось подвигом.

Каждую зиму князь отправлялся обыкновенно на «полюдь», т.е. за сбором дани с подвластных ему городов и местностей. Остановившись на погостах, куда отдельные семьи и роды свозили дань, князь тут же и творил суд. Дома, в том городе, где считалась резиденция, князь творил суд у себя на дворе, сидя на своем крыльце. Кругом собирались дружинники. На дворе задолго до появления князя толпились тяжущиеся и обвиняемые, свидетели и просто любопытные.

Один за другим подходили тяжущиеся и обвиняемые к крыльцу, рассказывали князю, в чем заключается тяжба, или какое преступле-

ние совершил обвиняемый, и князь, поговорив с дружинниками, выслушав хорошо знающих старые обычаи людей, стариков и свидетелей — «видоков» и «послухов», ставил свой приговор «по старине и по пошлине», т.е. по обычаю, какой пошел от предков. Кроме наказания виноватая сторона платила штраф в пользу князя.

Писанного закона тогда не существовало, и приговор ставился на основании обычая, устно передававшегося от отца к сыну, из поколения в поколение. Обычай основывался на естественных побуждениях человеческой природы и мало считался с какими-либо нравственными ограничениями. Убьет кто-нибудь человека — близкие родичи убитого из естественного чувства мести стремились убить погубителя; побьют кого — побитый чувствует злобу и добивается возможности выместить ее на обидчика; украдут у кого-либо — потерпевший, понятно, старается отыскать вора, отобрать у него похищенное да еще постарается причинить вору какое-либо зло, чтобы отвести его от воровства.

Такого рода побуждения и легли в основу судебных обычаев древности. «Око за око, зуб за зуб, кровь за кровь» — вот основной смысл их.

Принятое и распространенное христианство нанесло решительный удар такому положению дела. Христианство учило людей любить друг друга, воздавать добром за зло, прощать врагов. Христианское учение говорило, что преступление — зло, нанесенное брату — человеку другим человеком, и есть не только ущерб, наносимый другому, и нарушение обычая людей, но и грех перед Богом.

Возник затем ряд житейских явлений, в которых с языческой точки зрения не было ничего злого или преступного, не было видимого ущерба или убытка, причиняемого злой волей, но по христианскому взгляду был грех; к числу таких проступков относятся многоженство, обида слабого, развод, несоблюдение церковных правил, возвращение в язычество новокрещенных и др.

Судьями по такого рода делам стали епископы. Они, во-первых, судили всех людей по всем церковным делам; им подведомственны были, например, такие дела, как святотатство, развод и т.п.; во-вторых, их суду подлежали по всем делам все люди церковные, т.е. священники, монахи, клирошане, словом, все те, кто находился под покровительством церкви.

Первые епископы на Руси были греки, не знавшие русских судебных обычаев, а меж тем им приходилось судить по чисто светским делам целые разряды людей. Вот тогда-то и потребовалось записать судебные обычаи.

Наиболее крупным памятником древнерусского права является Русская Правда, сохранившая свое значение и в более поздние пе-

риоды истории и не только для русского права. История Русской Правды достаточно сложна. Вопрос о времени ее происхождения спорен. Некоторые авторы относят древнейшую часть этого документа к VII в. К этой части относятся такие обычаи, как месть, выкуп, рабство, суд послухов. Однако основная часть документа, по мнению большинства исследователей, связана с именем Ярослава Мудрого. Сборник дополнялся и позднее, что отразилось как на его редакциях, так и в разнообразии сохранившихся списков.

Первоначальный текст Русской Правды до нас не дошел. Однако известно, что сыновья Ярослава во второй половине XI в. существенно дополнили и изменили его, создав так называемую Правду Ярославичей. Объединенные потом переписчиками Правда Ярослава и Правда Ярославичей составили основу так называемой Краткой редакции Русской Правды. Владимир Мономах еще существеннее переработал этот документ. В результате появилась Пространная редакция Правды. В последующие века создавались новые редакции Русской Правды, которых С.В. Юшков насчитывал в общей сложности до шести. Но наиболее известны три редакции Русской Правды. Все редакции дошли до нас в составе летописей и различных юридических сборников, разумеется, рукописных. Таких списков Русской Правды найдено свыше ста. Им обычно присваиваются названия, связанные с наименованием летописи, местом находки, лицом, нашедшим тот или иной список (Академический, Троицкий, Карамзинский и др.). Большинство списков относятся к XV—XVI вв. Древнейшим из них является Синоидальный (название происходит от Синоидальной библиотеки, где этот список хранился), датируемый около 1282 г. Троицкий список (из Троице-Сергиева), близкий по тексту к Синоидальному, относится ко второй половине XVI в.

Сравнение сохранившихся редакций убеждает в том, что Правда — отнюдь не официальный сборник. Внешняя форма памятника (от лица князя нигде не говорится и князья упоминаются в 3-м лице), переработка отдельных статей в смысле постепенного обобщения, содержащихся в них правил, разнообразие статей в разных списках позднейшей редакции, характерные комментарии к некоторым статьям — все это не оставляет сомнения в том, что «Правда» — разновременный труд многих частных лиц. Кроме обычаев, в нее вошли записи отдельных судебных решений (первоначально во всей конкретной обстановке), княжеские уставы или уроки и заимствованные из Византии правовые нормы.

Если бы Русская Правда была официальной записью закона, в нее, конечно, вошли бы статьи о таких судебных обычаях, которые

являлись необходимой принадлежностью древнего суда даже в московское время. Одним из таких обычаев было «поле», т.е. «судебный поединок тяжущихся», их драка оружием до смерти или тяжелой раны одного из бойцов, причем победивший выигрывал тяжбу. Об этом обычае у русских знают греки и арабы X в., знает наше предание и позднейшая судебная практика московского времени. Но Правда молчит об этом обычае. Дело в том, что духовенство всегда возражало против этого языческого обычая; церковь даже наказывала епитимьей и наказанием поединщиков. Понятно, что она не могла в свое судебное руководство включить этот осуждаемый ею обычай и присуждать к нему тяжущихся.

Не найдем мы в Русской Правде и указаний на существование пыток и смертной казни. Тем не менее, и пытка, и смертная казнь были известны нашей древности. Только церковь, памятуя начала любви и всепрощения, лежащие в основе ее и вне ее, не могла самостоятельно прибегать к этим кровавым обычаям и потому не включила их в свое судебное руководство. К тому же самое тяжкое преступление, как душегубство, татьбу с поличным, церковный суд разбираал всегда с согласием княжеского суда, который, вероятно, и произносил, когда этого требовал обычай, смертный приговор.

В летописи есть, что христианские епископы первые указали князю Владимиру, только что оставившему язычество, на его право казнить разбойников. Эти разбойники были, вероятно, те, которые отказались принять крещение и скрылись в лесах около Киева, откуда и повели борьбу. Летопись рассказывает об этом так. Когда умножились разбои около Киева, то епископы пришли к князю Владимиру и сдавали ему: «Вот умножились разбойники, отчего не казнишь их?» Владимир ответил: «Боюсь греха!» Епископы же сказали ему: «Ты поставлен от Бога на казнь злым, а добрым на милованье; следует тебе казнить разбойников. Но, конечно, испытывая вину их!»

Владимир отверг тогда виры, так назывался штраф за преступление, и стал казнить их. Но это новшество вызвало недовольство в народе. Пришли тогда к князю опять епископы, но уже в сопровождении старцев градских, и сказали: «Рать многа; пусть лучше будет по-прежнему вира». И Владимир сказал: «Пусть так будет!» — и восстановил обычай отцов и дедов.

С течением времени обычай забывался, самих обычаев накопилось так много, что трудно стало держать их в памяти; было и так, что давно возникшие обычаи не согласовались ни с позднейшими, ни с новыми условиями жизни. При судопроизводстве происходила от всего этого путаница. Тогда и княжеский суд начал пользоваться записями судебных обычаев.

В дошедших до нашего времени списках Русской Правды, кроме записей старинных судебных обычаев, находим уставы и узаконены князей киевских — Ярослава, его сыновей, Владимира Мономаха.

Князья давали свои уставы, когда возникала в жизни такая потребность, которую в судебном отношении нельзя было подвести ни под один обычай. Так, например, сыновья Ярослава отменили под влиянием христианского учения кровавую месть; отменили они также убийство раба за оскорбление свободного человека; Владимир Мономах дал устав о взимании процентов по займам, более милостивый к одолжившим.

1.2. Судопроизводство в Древнерусском государстве

Общая форма процесса с древнейших времен заключала в себе три стадии: 1) установление сторон, 2) производство суда и 3) исполнение решения. Но наряду с общей существовали и другие формы, в которых недоставало той или другой из указанных частей процесса.

Стороны. Обе стороны именовались «истцами», «суперниками», или «сутяжниками»¹. Таковое одинаковое наименование сторон указывает на отсутствие процессуальных преимуществ и для истца, и для ответчика, с некоторыми, впрочем, исключениями для исков уголовных.

Понятие о государстве как истце (в делах уголовных) еще не существует; следовательно, нет различия между уголовным и гражданским, следственным и обвинительным процессом. Но уже со времен довольно ранних государство помогает частному истцу в преследовании обвиняемого², возлагает преследование преступлений на общины и активно защищает интересы сторон, запрещая потерпевшему лицу освобождать преступника от наказания по мировой³. Есть известия, что уже в XII в. государственная власть преследовала преступления даже тогда, когда частный истец отказался от иска, и что ближайшая причина этого явления заключалась в том, что органы власти не хотели отказаться от следуемого им уго-

¹ Псковская судная грамота, ст. 53 // Российское законодательство X—XX вв. Т. 1. М., 1984.

² Новгородская судная грамота, 36; Псковская судная грамота, 65, 98 и др. // Российское законодательство X—XX вв. Т. 1. М., 1984.

³ Уставная двинская грамота, 6 // Российское законодательство X—XX вв. Т. 1. М., 1984.

ловного штрафа. Но думать, что денежный интерес был единственным, который руководил тогда государственной властью в его уголовно-полицейской деятельности, было бы ошибочно.

Сторонами, по общему порядку, во всех делах являются частные лица. Но под частными лицами в древнейшее время разумеются не лица физические: тогда истцами и ответчиками выступали семья, род и община. Впоследствии появилось ограничение этого и было установлено, кто именно может мстить за отца, сына и брата. По русскому праву первоначальная обязанность общины отвечать по искам об убийстве не подлежит сомнению; из нее возникла круговая порука (при которой община является уже не только ответчиком, но и судьей по преступлениям).

Кроме семьи, рода и общины, истцами и ответчиками являлись юридические лица в собственном смысле, обычно в полном составе своих членов — физических лиц. Причем их правоспособность имела безграничные пределы: иски могли выдвигать женщины, как замужние, так и вдовы, дети¹ и даже рабы². Отстранив от участия в суде толпы родственников и соседей, закон должен был определить, кто должен непременно лично являться на суд и кто мог выслать за себя представителя («ответчика», «пособника»). Вероятно, первоначально личное присутствие сторон в суде было общим правилом, так как процесс должен совершаться личными средствами (например, испытания огнем и водой, клятвой и полем) с помощью семьи и рода. Поэтому Русская Правда молчит о представительстве вовсе. В эпоху же Новгородской и Псковской судебных грамот судебное представительство получило широкое развитие. Кто мог иметь представителей? По Новгородской грамоте, поверенных, которые в ней называются ответчиками, мог иметь всякий (ст. 15, 19, 82; по Псковской — это право принадлежало только женщинам, детям, монахам и монахиням, дряхлым старикам, глухим). Кто мог быть представителем? Прежде всего, люди, связанные с истцом или ответчиком семейными узами.

Кроме естественных представителей, можно было выслать как ответчика всякое стороннее лицо с одним исключением: лица, облеченные общественной (административной) властью, не могут быть частными поверенными³. Это, очевидно, делалось для того, чтобы предотвратить невольное давление на совесть судьи.

¹ Новгородская судная грамота, 16.17; Пск. судн. гр., ст. 21 // Российское законодательство X—XX вв. Т. 1. М., 1984.

² Новгородская судная грамота, ст. 22 // Российское законодательство X—XX вв. Т. 1. М., 1984.

³ Псковская судная грамота, 68 // Российское законодательство X—XX вв. Т. 1. М., 1984.

Установление отношений сторон до суда. Процессуальные отношения сторон устанавливаются, по общему правилу, договором между ними. Содержание этого договора составляли следующие вопросы: предмет спора, судья, к которому следует идти за решением, и срок явки в суд. Впрочем, второй из этих трех предметов входил в договор лишь в эпоху Русской Правды.

В более позднее время существенным условием договора становится срок. Важное значение этого условия определяется тем, что сторона, не выполнившая его, т.е. не явившаяся в установленный срок, тем самым проигрывала иск. Между тем в тех случаях, когда установленный срок отменяется судом и переносится на другое время, эти строгие последствия исчезают: к неявившемуся посылается троекратный вызов, после которого взыскивается штраф за неявку.

В более позднюю эпоху договор совершался при участии судебной власти, к которой истец обращался за содействием уже по общему правилу. Судебная власть дает пристава. Те из приставов, которые исправляют свои обязанности внутри города, называются подвойскими. Деятельность этих лиц не есть, впрочем, государственно-служебная: истец должен нанять их (там же). Для облегчения сторон введена постоянная такса, за хождение и езду приставов во Пскове на 10 верст — деньга; в Новгороде эта плата называлась погонь и была различна, смотря по тому, от какого суда шел пристав: если от суда владыки, то на 100 верст 4 гривны, от князя — по 5 кун, от его тиуна — по 2 кун¹.

Особенные виды установления отношения сторон до суда составляют: а) свод, б) гонение следа.

Свод состоит в отыскании истцом надлежащего ответчика посредством закличи, свода и присяги. Каждый, у кого пропала вещь, объявляет об этом на торгу — закличь — того «мира», где это произошло в продолжение трех дней. Если истец найдет свою вещь по истечении трех дней после закличи, то тот, у кого она найдена, признается ответчиком, который не только возвращает вещь, но и уплачивает уголовный штраф — 3 гривны за обиду. Если же закличь еще не была сделана или если собственник нашел вещь в руках другого до истечения узаконенных трех дней после закличи, или, наконец, он нашел ее не в своем городе (или «миру»), то начинается свод. Человек, у кого найдена вещь, отнюдь не признается еще ответчиком: он мог законным путем приобрести ее от третьего

¹ См.: *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Ростов-н/Д, 1995. С. 581.

лица, ему известного. Вот почему закон, оставляя вещь во владении купившего ее, обязывает его вместе с первоначальным хозяином идти к тому лицу, у кого первый приобрел ее. Если это третье лицо ссылается также на законный способ приобретения вещи, то свод продолжается дальше всеми заинтересованными лицами. Тот, до кого дойдет третий свод, должен вручить истцу деньгами цену, равную вещи, а сам уже ведет свод дальше.

Свод может кончиться трояким образом: или последний владелец не докажет, что приобрел вещь законным образом от кого-либо, или если он в состоянии доказать это, но не знает человека, у которого купил, или, наконец, свод приведет к границам государства. В первом случае последний владелец признается вором и подлежит уголовному штрафу и частному взысканию, которое идет на удовлетворение тех, кому он продал краденую вещь. Во втором и третьем случае последний владелец должен доказать, что он купил, а не украл вещь. Доказать это можно только присягой двух свидетелей покупки. Присяга двух свободных мужей может быть заменена присягой одного мытника. В Уставной двинской грамоте конец свода определяется количеством сводов, именно десятью (если ранее этого не найден настоящий вор; Уставная двинская грамота, 5)¹.

След. Если преступник не был застигнут на месте преступления, то начинается разыскание следов. Предполагалось, что там, где лежит «лицо», там скрывается и преступник. Отсюда, если найдена «голова» — труп убитого, то та вервь, где лежит голова, должна разыскивать виновного и выдать, после чего уже обвиняемый не пользуется никакими процессуальными средствами защиты, или сама вервь должна платить дикую виру. Если поличное — украденная вещь — найдена в чьем-либо доме, то хозяин дома отвечает за татьбу, как предполагаемый вор.

Затем понятие о «лице» расширяется еще более: лицом признается самый след, оставляемый преступником или вещью. Разыскивая покражу по «следу», истец может всегда потерять эти следы. Там, где они теряются, там предполагается преступник. Если же след потерян на большой дороге или в пустой степи, то всякий иск оканчивается.

В судах Древнерусского государства использовались следующие основные средства установления истины: послухов, суды божии и акты.

Послухи и видоки. В литературе существует двоякое объяснение названий «послух» и «видок». По первому, видок есть очевидец совершившегося факта; послух — человек, свидетельствующий

¹ См.: *Владимирский-Буданов М.Ф.* Указ соч. С. 589.

по слуху. По второму, видок и послух означают две процессуальные роли, совершенно различные друг от друга. Видок есть простой свидетель в нашем смысле слова, а послух — пособник, на которого «послался» истец и ответчик.

Число послухов. Лучшее указание на отличие послухов от свидетелей в нашем смысле слова в том, что закон прямо требует определенного числа их в различных родах дел: для дел о личных оскорблениях требуется два свидетеля, или, правильнее (как и увидим ниже), по два с каждой стороны. Вероятно, столько же требовалось при исках о татбе. При исках об убийстве обвинитель должен выставить семь послухов и т.д.

Все эти разнообразные требования к количеству послухов упрощаются в эпоху Псковской и Новгородской грамот, когда во всех делах, требующих послушества, выступает только один послух.

Качества, требуемые от послухов. Послух должен быть свободный человек — «муж». Но из этого допускалось и прямое исключение: а) холопы высшего рода, именно дворские тиуны боярские (которые сами осуществляли суд в боярских вотчинах) и люди полусвободные — закупы — могут, по требованию необходимости (т.е. за недостатком послухов-мужей), быть признаны к послушеству; б) холоп всякого рода может быть допущен к послушеству в несобственном смысле, т.е. по словам холопа может быть начат процесс, но не окончен его показаниями; в самом процессе холоп не играет роли послуха, не принимает присяги.

Наконец, постановляется, что «холоп на холопа послух, т.е. в исках против холопа послухом может быть выставлен холоп же»¹.

Второе качество, требуемое от послуха, есть то, что он должен быть гражданином государства, а не иноземцем². Из этого принципа делается исключение в исках граждан с иноземцами.

Наконец, из понятий о послухе, как муже, следует, что послухом не могла быть женщина.

Роль послуха на суде. Послух а) должен быть на суде: неявка его к суду ведет за собою проигрыш иска для стороны, его выставившей³; б) должен подтвердить словесно все, что говорила сторона, выставившая его. Тожество показаний должно быть буквальное: «слово противу слова»; в) в эпоху Русской Правды, если судоговорение кончилось тем, что послухи обеих сторон показали согласно со словами тех, кто их поставил, то послухи должны идти на роту, присягать. В эпоху же судебных грамот послух должен выступать на судебный поединок с ответчиком.

¹ Новг. судн. гр., 22 // Российское законодательство X—XX вв. Т. 1. М., 1984.

² Новг. судн. гр., 22 // Российское законодательство X—XX вв. Т. 1. М., 1984.

³ Пск. судн. гр., 22 // Российское законодательство X—XX вв. Т. 1. М., 1984.

Суды божьи. В Древнерусском государстве формами божьего суда были: жребий, рота, ордалии и поле.

Жребий. Древнейший способ решения всяких сомнительных дел. Однако совершенно самостоятельного значения жребий не имеет. И применяется в сочетании с другими доказательствами.

Рота. Слово «рота» не вполне соответствует нынешнему понятию присяги (заимствованному из Польши): рота, по древним толкователям, означает спор, битву. Она служила первоначальным источником, из которого развились впоследствии ордалии и судебные поединки. В наших древнейших памятниках она является в виде клятвы перед богами или перед Богом. В последующее, христианское время она называется крестным целованием.

В судебном смысле рота имеет двоякое значение: самостоятельное и вспомогательное. Рота, имеющая самостоятельное значение, совершается самими сторонами иска при неимении послухов.

Рота становится вспомогательным средством при свидетельских показаниях и при судебном поединке. Показания свидетелей (послухов) в эпоху Русской Правды всегда оканчиваются ротой. При судебных поединках рота предшествует полю, составляя как бы его необходимую первую часть¹.

Кто приносил присягу? По Русской Правде и истец, и ответчик. Хотя во многих местах Русской Правды упоминается только о присяге одной стороны, или истца, или ответчика, но из этого отнюдь не следует, что здесь же не подразумевается само собою и право присяги для другой стороны.

В эпоху судных грамот присягали уже не обе стороны вместе и не жребий решал выбор между ними, а следующее общее правило: ответчику предоставлялось или самому принести присягу, или предоставить присягу истцу².

Ордалии. Ордалиями называются испытания посредством огня и воды. У нас первое известие о них дает Пространная Русская Правда, а в договорах с немцами они упоминаются в последний раз. Вообще принято думать, что с XIII в. ордалии у нас исчезают; но судебные акты даже XVI в. указывают, что еще и в то время испытание водой производилось. Форма этих испытаний у нас остается мало известной; известно только, что испытание огнем производилось через раскаленное железо. О форме испытаний водой получаем сведения из поучения Серапиона, проповедника XIII в.: «Правила божественные повелевают многими послухи осудити на смерть

¹ Пск. судн. гр., 36 // Российское законодательство X—XX вв. Т. 1. М., 1984.

² Пск. судн. гр., 92, 101, 20 // Российское законодательство X—XX вв. Т. 1. М., 1984; *Владимирский-Буданов М.Ф.* Указ соч. С. 593.

человека. Вы же воду послухом поставите и глаголите: аще утопати начнет, неповинная есть, еще ли поплывет, волхвов есть. Не может ли дьявол, видя ваше маловерие, подержати да не погрузится, дабы върещи в душегубство? Яко оставивше послушество боготворенного человека, идосте к бездушну еству — к воде, приясте послушество на прогневание Божие»¹.

В чем был смысл этих испытаний и каковы могли быть их последствия? Источники свидетельствуют, что если испытания сопровождалась долговременными следами (ранами) и страданиями, то человек признавался виновным. При этом испытания имели окончательную решающую силу.

Поле (судебный поединок). Все изложенные выше средства борьбы тесно связаны между собой: если есть послухи, то дело решается ими; если нет послухов, то следует (смотря по ценности иска) рота или жребий, испытание водой или железом. Совершенно вне этой системы средств стоит поле. Поле в наших источниках не упоминается до XIII в. (т.е. когда из законов исчезают ордалии), но потом непрерывно существует до XVII в. Первое упоминание о нем содержится в договоре с немцами 1229 г. (ст. 15 и 16). Здесь судебные поединки сопоставлены рядом с ордалиями. Несомненно, что судебные поединки зарождаются в глубокой древности из самих свойств первоначального процесса (личной борьбы); они столь же древни у нас, как война, и, следовательно, отнюдь не заимствованы нами извне. Надо думать, что судебные поединки, существуя рядом с ордалиями как их замена, зависящая от произвола сторон, к XIII в. начали вытеснять собою ордалии.

Существенное условие судебного поединка есть равенство сторон, которое понималось преимущественно в смысле физического равенства.

Отсюда следующие положения: на поединок могут выходить только мужчина против мужчины, женщина против женщины, но не мужчина против женщины (Пск. суд. гр., 119). Старые, дети и монахи не обязаны выходить на поединок взрослых и здоровых. В обоих случаях сторона слабейшая может иметь «наймитов», наемных борцов. Но так как в этом случае равенство положений нарушалось, то и другая сторона получала право иметь наймита. Дальнейшее условие поединка — равенство оружия: у нас оружием могли быть мечи и дубины. Третье условие поединка — время и место его. По Новгородской судной грамоте, поединок может последовать не раньше двух недель после того, как дело рассматрива-

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ соч. С. 594—595.

лось в суде; если поединок в этот срок не состоялся, то обвиняется та сторона, которая уклонилась от него. Местом поединка было специально назначенное для того «поле», особый театр битвы за городом. При поединке должны были присутствовать чиновники суда.

В каких делах имело место поле? Сфера применения поединка совпадает со сферой применения ордалий. Далее, поле имело применение в тех исках о поземельной собственности, в которых право обеих сторон утверждается равносильными письменными актами. Наконец, поле применяется в исках, возникающих из таких договоров, которые не требовали формального заключения сделки. Во всех других случаях поле запрещено¹.

Кто должен выходить на поле? С одной стороны — ответчик, с другой — или послух, или истец. Ответчик предъявляет вызов послуху; если послух уклонился от вызова, то вызывается истец².

Последствия судебных поединков те, что победитель в любом случае признается правым.

Акты. К концу существования Древнерусского государства в суд представляются письменные доказательства (акты) в большей части исков, возникающих из договоров, которые прежде решались послухами, и в тяжбах о недвижимом имуществе. Эти акты или неформальные — доски, или формальные — записи. Первые — домашние акты, вторые укрепленные. Укрепление во Пскове происходило через оставление копии в ларе Св. Троицы. Первые не исключали возможности ни свидетельских показаний, ни судов Божьих; вторые решали дело безусловно.

Приговор и его исполнение. Процесс в Древнерусском государстве начинается, ведется и оканчивается силами самих сторон. Решение суда в древнюю эпоху давалось сначала словесное, затем имеет форму грамоты — или «правой», если суд состоялся, или «бессудной», если сторона обвинена по неявке. Документ выдается правой стороне для удовлетворения ее. Удовлетворение, хотя и на основании закона, составляет, однако, предмет новых условий между сторонами, «переговор» между ними³. Новгородская судная грамота постановляет, что если в течение одного месяца обвиненный не удовлетворяет судью и противную сторону, то позволяется взять пристава от веча и арестовать его в городе или в селе; а если он будет скрываться от пристава, то казнить его всем Великим Новгородом (ст. 31⁴).

¹ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Указ. соч. С. 596—597.

² Новг. суд. гр., 35 // Российское законодательство X—XX вв. Т. 1. М., 1984.

³ Новг. суд. гр., 31 // Российское законодательство X—XX вв. Т. 1. М., 1984.

⁴ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Указ соч. С. 598.

Особенности суда в Новгороде и Пскове

2.1. Судные грамоты Новгорода и Пскова

Судные грамоты Новгорода и Пскова были приняты вечевыми собраниями городов в середине XV в. Они являлись основным источником права для этих городов до их присоединения к Москве. Новгородская судная грамота дошла до нас в виде отрывка в московской редакции конца 70-х годов XV в., содержащем только нормы процессуального права. Псковская судная грамота также известна в единственном списке из сборника, составленного в 1638 г. Находящаяся там копия Псковской судной грамоты была сделана, по всей видимости, с очень древней рукописи, так как уже переписчик XVII в. не мог воспроизвести некоторые места оригинала. Этим объясняется неясность многих статей Грамоты. Грамота была составлена в 1467 г. «по благословению отец своих попов всех 5 соборов». Грамота состоит из 120 статей, 108 из которых были приняты в 1467 г., а остальные были дописаны позже по решению веча. Некоторые из этих статей были приняты и выполнялись еще задолго до появления Судной грамоты: «Ся грамота выписана из великаго князя Александровы грамоты и из княж Костянтиновы грамоты...» Князь Александр — это князь Александр Михайлович Тверской, изгнанный из Твери и княживший в Пскове с 1327 по 1337 г., а «Костянтин» — Константин Дмитриевич, брат великого князя московского Василия I Дмитриевича, княживший в Пскове в 1407 и 1412 гг. Кроме грамот этих князей, Псковская судная грамота основывалась на судебной практике и вечевых документах, принятых ранее: «... и изо всех приписков псковьских пошлин.» Псковская судная грамота возможно вобрала в себя еще один памятник права — Псковскую Правду. Об этом памятнике упоминается в договорной грамоте 1440 г. Казимира Польского с Псковом: «аже вчинитись пеня нашим... кончати по Псковьской Правде и по целованию».

Псковская судная грамота, свод законов Псковской феодальной республики, составленный на основании отдельных постановлений псковского веча, господы (совета бояр), княжеских грамот, норм

Русской правды и обычного права. Отражает важнейшие черты социально-экономической и политической жизни Псковской земли в XIV—XV вв. Псковская судная грамота охраняла права феодальной собственности на землю; регламентировала порядок оформления прав собственности на землю, ход разбирательств споров о земле; определяла положение крестьян-изорников. Много статей Псковской судной грамоты посвящено торгово-ремесленным отношениям (купля-продажа, залог, дарение, заем, ссуда, имуществ, и личный наем и т.д.). За политические и уголовные преступления полагалась смертная казнь. Псковская судная грамота содержит материал, показывающий характерное для Псковской феодальной республики сращивание светского и церковного управленческого аппарата. Псковская судная грамота стала одним из важнейших источников Судебника 1497 г.

Три обстоятельства выдвигают Псковскую судную грамоту в первый ряд источников по истории русского права, а следовательно, и русской государственности.

Во-первых, и это самое главное, чрезвычайное богатство ее содержания. Грамота освещает такие стороны русской жизни XIV—XV вв., какие не отразились ни в одном другом памятнике. Организация суда, взаимоотношения между должностными лицами, конкретные нормы уголовного и особенно гражданского права, социальная стратификация и ее развитие — все это, и не только это, находит свое место в статьях Грамоты. В силу особенностей истории своего текста Грамота является памятником многослойным — она складывалась на протяжении длительного времени и отражает социальную реальность не в статике, применительно к какому-то одному моменту, а в динамике, позволяя тем самым проследить тенденции ее развития.

Во-вторых, Грамота является связующим звеном между древнерусским правом домонгольского времени и правом возрожденной России, сплотившейся вокруг своей новой столицы. Сопоставление Грамоты с важнейшим памятником Древней Руси — Русской Правдой — показывает, что право вечевых городов-земель есть органическая часть общерусского права. Грамота как бы отталкивается от Правды, принимает ее за основу, но видоизменяет, а главное — дополняет ее. Катастрофа XIII в. не привела к разрыву традиции — живая нить преемственности, нить исторической жизни уцелела, несмотря на нашествие, потерю независимости и ослабление общерусских связей.

В-третьих, продолжая и развивая русскую государственно-правовую традицию, Грамота занимает в ней особое место. В отли-

чие от Русской Правды и позднейших судебников, она — памятник княжеско-вечевого законодательства. Характерная, и даже определяющая черта права Средневековой Руси (впрочем, как — в большей или меньшей мере — и других обществ Средневековой Европы) — симбиоз княжеского права, создаваемого «сверху», волей князя, и права обычного, хранимого народной «пошлиной» и вырастающего «снизу», выражена в Грамоте сильнее, чем в каком-либо другом законодательном памятнике.

Все эти обстоятельства делают Грамоту уникальным источником по истории России. Сложившаяся в северо-западном углу Русской земли в вечевом городе, Грамота — памятник далеко не «местного значения». В Грамоте отразились коренные проблемы государственно-правового и социально-экономического развития нашей страны на протяжении веков, и без привлечения ее материала эти проблемы не могут быть сколько-нибудь успешно поставлены. Шестисотлетний юбилей Грамоты — событие не только псковского, но и прежде всего общерусского масштаба.

В историографии Грамоты можно наметить два основных этапа. На первом этапе Грамота изучалась главным образом как юридический памятник, и основными исследователями ее были историки-юристы. Заслуга открытия и первой публикации Грамоты принадлежит Н.Н. Мурзакевичу, а честь первого обстоятельного исследования — И.Е. Энгельману. М.Ф. Владимирский-Буданов включил Грамоту в первый выпуск своей многократно переиздававшейся «Хрестоматии по истории русского права», разбил ее текст на пронумерованные статьи и снабдил комментарием, введя, таким образом, в широкий научный оборот.

По единодушному мнению дореволюционных исследователей, Грамота — памятник выдающегося историко-юридического значения, сравнимый с Русской Правдой и превосходящий по содержательности и уровню правового мышления позднейшее московское законодательство. Хотя это последнее утверждение, основанное на модной в то время односторонне-либеральной трактовке русского исторического процесса, не может быть принято, к высокой оценке Грамоты как таковой нельзя не присоединиться. Наша дореволюционная историография поставила и разработала ряд важных сюжетов содержания Грамоты, трактуя их по преимуществу в юридическом аспекте.

К дореволюционному периоду относится и наиболее технически совершенное воспроизведение текста Грамоты, изданное под наблюдением Н.Д. Чечулина. При этом, однако, после Энгельмана не создавались труды, посвященные Грамоте в целом как источнику —

ее категории рассматривались, как правило, в связи с другими историко-юридическими сюжетами. Тем не менее, были поставлены и вопросы социально-экономического содержания Грамоты.

В советской историографии Грамоты, как и при исследовании других исторических источников, отразились как позитивные, так и негативные тенденции развития русской исторической мысли этого периода. К числу последних следует отнести преувеличение значения классовой борьбы как основного (если не единственного) фактора исторического процесса, упрощенное толкование феодальной формации как времени безраздельного господства крепостнических отношений, одностороннее представление о роли и значении государства как орудия, используемого господствующим классом для порабощения трудящихся масс, недооценка самостоятельного значения нравственного фактора в развитии общества. Несмотря на эти недостатки, вызванные отчасти идеологическим диктатом, отчасти искренними заблуждениями исследователей, советский период изучения Грамоты был весьма плодотворным. Позитивная тенденция развития исторической мысли, основанная на принятии концепции общественно-экономических формаций как последовательных закономерных этапов истории человеческого общества, оказалась в целом плодотворной и конструктивной и позволила при изучении истории России прийти в ряде случаев к научно-содержательным результатам.

Концепция истории русской государственности, развиваемая И.Я. Фрояновым и его школой, ставит вопрос об общинном государстве в Средневековой Руси, основанном не на антагонизме, а на определенном единстве княжеских и общинных институтов в форме княжеско-вечевой власти в городских волостях или городах-государствах. Дальнейшее развитие этой концепции поможет прийти к новым интересным результатам и уточнить общую картину социально-политического развития Древней и Средневековой Руси.

К числу наиболее важных результатов, достигнутых при изучении Псковской судной грамоты, в настоящее время относится определение места ее социально-экономических и правовых реалий в общем контексте истории Средневековой России. Как и в других странах Европы, генеральной линией социально-политического развития России в Средние века был переход от свободной общины к феодальной вотчине. Этот переход, растянувшийся на несколько столетий и далеко не однозначный по своему содержанию, характеру и формам, проявился и в категориях Псковской судной грамоты.

Общество, рисуемое Грамотой — это общество по преимуществу свободных людей, членов городской вечевой общины. Как и во

времена Русской Правды, отношения свободы преобладают над отношениями зависимости, однако в отличие от Правды социальная дифференциация выражена заметно сильнее. Хотя признаки разложения городской общины отразились в Грамоте гораздо слабее, чем в памятниках Великого Новгорода, Господин Псков идет в принципе по тому же пути, что и его «брат старейший». Другого пути не существует. При всех своих индивидуальных особенностях, псковская городская община с необходимостью расслаивается, и вечевого город (как на Руси, так и в Европе) оказывается, подобно сказочному витязю, на распутье трех дорог — к боярской олигархии, к захвату чужеземцами или к включению в единое государство своего народа. Судьба была милостива к древним русским городам. Они не попали ни в руки мелких местных князьков как города Италии, ни под власть чужеземного короля, как города Фландрии. Влившись в возрожденное Российское государство, они сохранили свою веру, свой язык, свою культуру. Эта культура, одним из ярких памятников которой является Псковская судная грамота, — органическая часть наследия, доставшегося нам, сегодняшним гражданам России, от наших предков и составляющего основу нашего национального и государственного самосознания.

Этот памятник — один из замечательнейших после Русской Правды, но, к сожалению, он дошел до нас только в одном списке и то с большими пропусками, так что цельного представления о нем мы не можем составить. Псковская грамота представляет последующую за Русской Правдой ступень в развитии русского законодательства. Хотя в ней есть много узаконений, указывающих на сходство ее с Русской Правдой, но, тем не менее, между этими двумя памятниками видна уже значительная разница. Время появления Псковской грамоты определить с точностью невозможно. В заглавии ее сказано, что она была написана на псковском общем вече в 1397 г. «по благословению попов всех пяти соборов и священноиноков и дьяконов и всего божьего священства». Но здесь год появления грамоты, очевидно, показан неверно. Известно, что в 1397 г. в Пскове было не пять, а только четыре собора. Псковские соборы имели значение церковно-политическое; в Пскове не было архиерея, а только его наместник, не пользовавшийся никаким значением, — поэтому псковское духовенство нуждалось в единении, для чего и явились соборы. Несколько церквей составляли собор — церковную общину, имевшую свое управление и своих представителей в лице старост, избираемых как из духовных, так и из светских лиц; так до XV в. было утверждено четыре собора. Появление же пятого псковского собора относится уже к XV в., именно к

1462 г.; поэтому и время появления Псковской грамоты никак нельзя отнести к 1397 г., как сказано в ее заглавии, а необходимо предположить, что она появилась не раньше 1462 г. или 1463 г. Из самой Псковской грамоты видно, что она есть не что иное, как только окончательная редакция узаконений, изданных в разное время псковскими князьями; так в заглавии ее сказано: «Сия грамота выписана из великаго князя Александровы грамоты, из княж Костянтиновы грамоты, и из всех приписков псковских пошлин (обычаев)».

2.2. Изменение Псковской судной грамоты

В Псковской судной грамоте в статье 108 закреплена возможность изменения содержания статей и дополнение ее новыми статьями: «А которой строке пошлинной грамоты нет, и посадником доложить господина Пскова на вечи, да тая строка написать. А которая строка в сей грамоте нелюба будет господину Пскову, ино та строка волно выписать вонь из грамоты.» В этой статье закреплено, что статьи из грамоты можно изъять, изменить или дополнить только по представлению посадника с согласия веча. Статьи 109—120 считаются именно такими, написанными позднее статьями, потому что находятся после статьи, говорящей о возможности изменения грамоты, которая, по идее, должна была завершать всю грамоту.

2.3. Структура судебных органов в Новгороде и Пскове

По Псковской грамоте суд, кому бы он ни принадлежал — князю ли с посадником или другим, пользовался таким уважением, что каждое дело, решенное им, не подлежало апелляции и всякий приговор его всегда был окончательным; в грамоте сказано: «А которому посаднику сести на посадничество, ино тому посаднику крест целовати на том, что ему судит право по крестному целованию, а городскими кунами не корыстоватися, а судом не мстится ни на кого-ж, а судом не отчитись, а праваго не погубити, а виноватаго не жаловати; а без исправы человека не погубити, ни на суду, на вечи... А не всудят в правду, ино Бог буди им судия на втором пришествии Христове. А тайных посулов не имати ни князю, ни посаднику». Неприкосновенность того или другого суда так сильно высказывается в Псковской грамоте, что по ней посадник или судья, оставляя свою должность, должны были предварительно окон-

чить все дела, начавшиеся во время их службы, и новый посадник не имел права вступаться в дела своего предшественника. Но псковский закон, признавая неприкосновенным суд властей, в то же время требовал, чтобы судьи были правдивы и беспристрастны. Обеспечение этого требования псковский закон находит в присяге; а посему по Псковской грамоте каждый судья — посадник или князь, при вступлении в свою должность должны были целовать крест на том, что они будут судить в правду — виновного не оправдают, а правого не обвинят и не погубят и т.п.¹

В соответствии с Псковской судной грамотой на территории Новгородской и Псковской земель существовали пять видов судебных органов.

Высшими органами государственной власти в Новгороде являлись вече и совет господ. Им принадлежали и судебные функции.

2.4. Суд вече

Относительно его в Псковской грамоте упоминается только то, что на этом суде не должен был присутствовать ни князь, ни посадник. Приговоры этого суда решались только волею всего народа; но какие дела подлежали ему, об этом в грамоте ничего не сказано. Очевидно, что ему принадлежали только дела высшие, касавшиеся всего Пскова и Новгорода, а может быть, и частные, но такие, которых не мог решить ни князь, ни посадник².

По своему происхождению Новгородское вече было городским собранием, похожим на остальные, происходившие в других городах Руси в XII в. Вече созывалось князем, посадником или тысяцким. Но когда борьба между различными партиями особенно накалялась, вече созывали частные лица или группы поддержки той или иной партии. Иногда, особенно во время восстаний, одновременно собиралось два вече: одно на Торговой стороне, а второе на Софийской. Вече не было постоянно действующим органом, оно созывалось только тогда, когда в нем была действительная необходимость. Чаще всего это случалось во время войн, восстаний, призыва князей и других социальных катаклизмов. Вече собиралось по звону вечевого колокола на площади, называвшейся Ярославовым двором. Если вече собиралось для выбора архиепископа, то оно собиралось на площади у Софийского собора, на престоле которого клали избирательные жребии. Вече по своему составу не было

¹ Беляев И.Д. История русского законодательства. СПб.: Изд-во Лань, 1999. С. 309.

² Беляев И.Д. Указ. соч. С. 308.

представительным учреждением и состояло не из депутатов, а из всего свободного населения Новгородской республики. Но фактически вече состояло из тех, кто мог прийти на него, то есть в основном жителей Новгорода, так как о созыве веча не сообщалось заранее. Но иногда на вече присутствовали делегаты от крупных пригородов Новгорода, таких как Псков, Ладога и другие. Например, на вече 1136 г. присутствовали ладожане и псковичи. Чаше, однако, жители пригородов приезжали на вече с жалобой на то или иное решение новгородцев. Так, в 1384 г. жители Орехова и Корелы послали в Новгород своих делегатов с жалобой на литовского князя Патрикия, посаженного у них новгородцами. Вопросы, подлежавшие обсуждению веча, предлагались ему со степени князем, посадником или тысяцким. Вече обладало законодательной инициативой, решало вопросы внешней политики и внутреннего устройства, а также судило по важнейшим преступлениям. Вече имело право принимать законы, приглашать и изгонять князя, выбирать, судить и снимать с должности посадника и тысяцкого, разбирать их споры с князьями, решать вопросы о войне и мире, раздавать волюсты на кормление князьям.

Вече по своему составу было анархическим. На вече не было понятия кворума, а отсюда один раз на вече могло быть все население города и не принять закона, а другой раз — сотая часть населения и принять такой закон, который был выгоден только этой части. Результат голосования определялся не по количеству голосов, а по мощи глотки кричащих: за что громче кричали, то и считалось принятым. Демократия на вече чаще подменялась силой: какая сторона победит противника, та и считалась большинством. Иногда вече разделялось на две части: одна на Софийской стороне, другая на Торговой. Тогда начиналась своеобразная гражданская война. Враждующие стороны сходились на узком мосту через Волхов и дрались. При этом половина дравшихся летела через мост в Волхов. Решение опять-таки принималось тем, кто победил и больше народа сбросил с моста.

2.5. Совет господ

Так как вече собиралось не постоянно, а только тогда, когда его созывали, то необходим был постоянный орган власти, который бы занимался управлением Новгорода. Таким органом власти стал Совет господ или Господа. Этот совет состоял из старых и степенных посадников, тысяцких, сотских и архиепископа. Совет Господ носил чисто аристократический характер, число его членов в XV в.

доходило до 50. Совет Господ развился из древнего института власти — боярской думы князя с участием городских старейшин. В XII в. князь к себе на совет со своими боярами приглашал городских сотских и старост. По мере того как князь терял органические связи с местным новгородским обществом, он с боярами был постепенно вытеснен из совета. Его заменил местный владыка — архиепископ, который стал постоянным председателем Совета Господ. В обязанности архиепископа входил сбор Совета Господ в его палатах. Кроме архиепископа в Совет Господ входили княжеский наместник и городские власти: степенный посадник и тысяцкий, кончанские старосты и сотские. Вместе с ними в Совете Господ заседали старые посадники и тысяцкие. Частые смены высших чиновников Новгорода стали причиной быстрого разрастания состава Совета Господ. Все члены Совета Господ, кроме председателя, назывались боярами. Совет Господ готовил и вносил на вече законодательные вопросы, представлял готовые законопроекты, при этом он не имел собственного голоса в принятии законов. Совет Господ осуществлял общее наблюдение за работой государственного аппарата и должностных лиц республики, контролировал деятельность исполнительной власти. Он же совместно с князем, посадником и тысяцким решал вопросы о созыве веча и впоследствии направлял всю его деятельность. На самом деле Совет Господ имел огромное значение в жизни Новгорода. «Состоя из представителей высшего новгородского класса, имевшего могущественное экономическое влияние на весь город, этот подготовительный совет часто и представлял выносимые им на вече вопросы, проводя среди граждан подготовленные им самим ответы. В истории политической жизни Новгорода боярский совет имел гораздо большее значение, чем вече, бывшее обыкновенно послушным его орудием: это была скрытая, но очень деятельная пружина новгородского управления».

2.6. Суд князя и посадника

К княжескому суду относились: «ож клеть покрадут за зомком или сани под полстью или воз под титягою или лодью под полубы, или въ яме или скота украдают или сено сверху стога имать, то все суд княжой, а продажи 9 денег, а разбой, наход, грабеж 70 гривен...».

В статье 109 было записано, какие дела относятся к какому суду. Суд, когда и истец, и ответчик являлись духовными лицами, относился к компетенции церковного суда. Если же и истец, и ответчик являлись мирянами, то суд относился к компетенции мирского

суда — Господы. Если один являлся мирянином, а второй — духовным лицом, то собиралась особая коллегия, состоявшая из князя, посадника и наместника архиепископа: «... А попы и дияконы и проскурница и черныца и черница судить наместнику владычню. Аже поп, или диакон или противу черныца, или черницы ж, а будет оба не простые люди церковные, ино не судить князю, ни посаднику, ни судиям не судить, занеже суд владычня наместника, а будет один человек простой истец мирянин, аже церковный человек с церковным, то судить князю и посаднику с владычним наместником вопчи, також и судиям...»

Согласно Псковской судной грамоте ни князь не мог судить без посадника, ни посадник без князя. Князь и посадник были представителями двух начал, неразрывно связанных, государственного и земского. Суд княжеский и посадничий производился у князя на сениях и ему подлежали головщина, татьба, бой, грабеж и разбой. В псковских пригородах суд по этим делам принадлежал княжескому наместнику, который, впрочем, должен был судить в присутствии выборных от земщины посадников.

2.7. Князь

Князь с 1136 г., установления Новгородской республики, перестал быть носителем верховной власти. Князь являлся в Новгороде высшей судебной и военной властью, руководил и управлял судом, скреплял сделки и утверждал в правах. Князь приглашался новгородским вечем, при этом он обязан был подписать договор с Новгородом — ряд. По этим договорам определялась роль князя в управлении Новгородской республикой. Первые следы таких договоров появляются в первой половине XII в. Позднее они более ясно обозначаются в летописях. В 1209 г. новгородцы помогли великому князю Владимирскому Всеволоду Большое Гнездо в походе на Рязань. В награду за это Всеволод сказал новгородцам: «Любите, кто вам добр, и казните злых.» При этом Всеволод дал новгородцам «всю волю и уставы старых князей, чего они хотели». В 1218 г. вместо князя Торопецкого Мстислава Мстиславича Удалого, правившего в Новгороде, пришел его родственник Святослав Мстиславич Смоленский. Он потребовал смены посадника Твердислава. «А за что, — спросили новгородцы, — какая его вина?» «Так, без вины», — ответил князь. Тогда Твердислав сказал, обращаясь к вечу: «Рад я, что нет на мне вины, а вы, братья, и в посадниках, и в князьях вольны». Тогда вече сказало князю: «Вот ты лишаешь мужа должности, а ведь ты нам крест целовал без вины мужа должности не

лишать.» Из приведенного выше отрывка видно, что князь уже в начале XIII в. перед приездом в Новгород целовал крест — то есть подписывал с новгородцами ряд, в котором определялись их отношения. Льготы новгородцев, которые были обязаны соблюдаться князьями, излагались в рядах. Древнейшие из дошедших до нашего времени рядов — два договора князя Ярослава Ярославича Тверского с новгородцами — 1265 г. и 1270 г. Позднейшие грамоты с некоторыми изменениями повторяют эти две грамоты. Главным условием новгородцев было, чтобы князь «держал Новгород в старине по пошине», то есть по новгородским обычаям, не нарушая их. Отсюда следует, что все изложенные в рядах Ярослава Ярославича Тверского с новгородцами пункты формировались еще задолго до него, на протяжении XI—XII вв. Ряды с князьями определяли три важнейших блока отношений Новгорода и князей: судебно-административный, финансовый и торговый.

Князь не имел права судить без посадника: «... без посадника ти, княже, суда не судити, ни волостей раздавати, ни грамот ти даяти...» На низшие должности в управлении Новгородской республикой князь имел право назначать людей из новгородского населения, но не имел права назначить людей из своей дружины или своих бояр. При этом на все эти должности князь мог назначить людей только с согласия посадника. Также князь не мог без согласия посадника раздавать волости в кормление. Князь не мог отнять должность у новгородского чиновника, предварительно не объявив его вины на вече. Все свои обязанности князь мог исполнять только в самом Новгороде: «А из Суждальской ти земли Новгорода не рядити, ни волостей ти не роздавати.»

Финансовые отношения Новгородской республики и князя были еще более невыгодны для князя. Князь не имел права собирать дани с новгородских владений, он мог только получить «дар» с новгородских волостей, таких как Волок, Торжок, Вологда и Заволочье, то есть не принадлежавших к новгородским пятинам. Также он получал «дар», когда ехал в Новгород, но не получал его при своем уезде из Новгорода. Боясь отпадения Заволочья, новгородцы не допускали прямых отношений князя с этой волостью, требуя, чтобы князь свои заволочские сборы отдавал на откуп новгородцам. Если же князь сам хотел собирать их, то он должен был посылать новгородского чиновника для сбора податей, а тот должен был прежде чем отвозить дань князю, отвезти ее в Новгород, откуда только князь и мог получить дань с Заволочья. После монголо-татарского нашествия на Новгород была наложена дань — выход, иногда называемый черным сбором, т.е. повальным, поголовным

налогом. Сбор этого черного бора обычно поручался великому князю Владимирскому, который чаще всего также являлся и князем Новгородским. Новгородцы сами собирали черный бор и доставляли его великому князю, а тот уже переправлял его в Орду. Кроме этого, князь пользовался в Новгородской республике различными судебными и проезжими пошлинами, разными рыбными ловлями, сенокосами, бортями, звериными гонами. Но пользование этим происходило по строго определенным правилам, в строго определенное время и в строго обусловленных размерах. Князь не мог иметь своих источников дохода в Новгородской республике, независимых от Новгорода. Особым условием в рядах новгородцев с князьями запрещалось князю, княгине, их боярам и дворянам приобретать или заводить села и слободы в Новгородской земле и принимать людей в заклад, т.е. в личную зависимость. Князь был необходим Новгороду не только для обороны границ, но и для обеспечения торговых интересов Новгородской республики. Князь обязывался давать новгородским купцам в своем княжестве безопасный и свободный проезд, пускать их в свои владения «гостить без рубежа», т.е. без задержки. Было точно определено, какие пошлины взимать с каждой новгородской ладьи или воза, которые приезжали в его княжество. В Новгороде еще в XII в. появились купцы из Западной Европы. Первыми здесь обосновались купцы с острова Готланд из города Висби, который был центром всей балтийской торговли. Готландские купцы построили в Новгороде на Торговой стороне у торгового двора с церковью святого Олафа, которую называли «варяжской божницей». Позже купцы из других немецких городов построили в той же части Новгорода еще один двор, на котором в 1184 г. была построена церковь святого Петра — «немецкая ропата». С усилением Ганзы в XIV в. немецкие купцы в Новгороде вытеснили готландских купцов и стали нанимать их новгородский двор. В это время высшее руководство новгородско-западноевропейской торговли перешло от Готланда к главе Ганзейского союза Любеку. Новгородская республика очень дорожила своей балтийской торговлей и давала огромные льготы Ганзейскому союзу. Князь имел право участвовать во внешней торговле только через новгородских посредников, не имел права закрывать немецкий двор, ставить к нему своих приставов, то есть новгородская внешняя торговля была надежно защищена от княжеского произвола.

В договорах Новгородской республики с князьями обойдена молчанием одна важная сторона взаимоотношений князя и Новгорода — оборона Новгородской республики от иноземных захватчиков. Лишь в позднейших грамотах упоминается, что в случае напа-

дения на Новгород князь обязан помочь Новгороду «без хитрости». Права и обязанности князя в грамотах излагаются неясно, они только предполагаются, очерчивается их круг и следствия, т.е. вознаграждения за исполнение обязанностей.

2.8. Посадник

Посадник — это высшее выборное должностное лицо, являвшееся исполнительным органом веча, которому передавалось управление делами республики. Официально он избирался вечем из числа всех полноправных граждан Новгорода, но фактически посадник избирался из немногих знатнейших родов Новгородской республики. Так в течение XIII и XIV вв. из одного рода посадника Михалка Степановича было избрано 12 посадников. Срок посадничества не был ограничен, но фактически посадники занимали свою должность по одному-два года. Посадники, сложившие с себя полномочия, назывались «старыми посадниками», в отличие от «степенных посадников».

Область деятельности посадников была очень обширной. Они направляли деятельность всех лиц Новгородской республики, осуществляли контроль за их работой, совместно с князем ведали вопросами управления и суда, командовали войсками во время походов, наблюдали за строительством оборонительных сооружений, вели дипломатические сношения с другими русскими княжествами и иностранными государствами, руководили заседаниями Господы и вечевыми собраниями. Посадник, как представитель города, охранял интересы Новгорода и всей Новгородской республики перед князем. Без него князь не мог судить новгородцев и раздавать новгородские волости. В отсутствие князя посадник управлял всем городом. Посадник не получал определенного жалованья, но пользовался особым налогом с волостей, называвшимся «поралье».

2.9. Тысяцкий

Тысяцкий являлся вторым после посадника по значению в Новгородской республики лицом. Тысяцкий занимался регулированием торговых отношений, торговым судом, созывом ополчения, обороной города и республики, имел полицейские функции. Он так же, как и посадник получал свои полномочия на неопределенный срок, имел в подчинении целый штат мелких агентов, исполнявших различные судебные и административно-полицейские распоряжения, они объявляли решения веча и призывали к суду, извещали суд о

преступлении, производили обыски и т.д. Кроме этого тысяцкий занимался военным судом — судом над собранными ополченцами. По мнению С.Ф. Платонова, тысяцкий избирался в противовес посаднику из низших классов новгородского общества, но это мало вероятно. К тому же против этого мнения говорит то, что во второй половине XV в. тысяцким был Дмитрий Борецкий, сын посадника Исаака Борецкого и Марфы Борецкой, происходивший из очень знатной и влиятельной семьи.

2.10. Суд владычня или епископского наместника

В Пскове не было своего епископа и псковская епархия зависела от новгородского епископа. Его наместники производили суд как по делам церковным, так и по гражданским, когда они касались лиц духовных или вообще тех, которые принадлежали к церковному ведомству. Статья 2 Псковской судной грамоты устанавливала отдельный суд наместника архиепископа. В этот суд запрещалось вмешиваться княжескому наместнику или господе, а наместнику архиепископа запрещалось вмешиваться в светский суд: «...И владычню наместнику суд и на суд не судить, ни судиям ни наместнику княжа суда не судите.» В этом суде не участвовали ни князь, ни посадник, ни земские судьи; впрочем, нельзя сказать, чтобы он производился совсем без участия светских людей: при нем всегда находились два особых пристава, назначаемые от общества. Но по тяжбам людей церковных с нецерковными суд назначался общий, т.е. такие тяжбы разбирались, с одной стороны, князем с посадником или, судя по роду дел, городскими земскими судьями, а с другой — наместником владычным, и доход от суда делился ими пополам. Владычный суд основывался на Номоканоне.

2.11. Архиепископ

Одной из важнейших выборных должностей в Новгородской республике был архиепископ, называемый новгородцами владыкой. После отсоединения от Киевской Руси в 1136 г. епископ Новгородский стал избираться вече. Вече выбирало три кандидатуры на этот пост и бумажки с этими кандидатурами клали на престол Софийского Собора, а потом слепой или мальчик выбирал одну из бумажек. Человек, имя которого было написано в этой бумажке, становился епископом Новгородским, а с 1156 г. — архиепископом Новгородским. Из этого правила было одно исключение: архиепископ Новгородский Аркадий сам назначил себе приемника. Архи-

епископ Новгородский председательствовал на заседаниях Господы, осуществлял право церковного суда, наблюдал за торговыми мерами и весами, был хранителем государственной казны. К его голосу постоянно прислушивались высшие чины новгородской администрации. Архиепископ являлся крупнейшим феодалом Новгородской республики, владел обширными землями, образовавшимися, в основном, из конфискованных владений князя.

2.12. Суд братчины

Этому суду подлежали все дела и споры, возникшие на братчинном пиру; он производился выборным братчинным князем пира и судьями, которые судили на основании исконных народных обычаев. Приговоры братчинного суда приводила в исполнение сама братчина. Впрочем, по настоящей грамоте братчинный суд был очень ограничен. Мы знаем, что ни на один суд в Новгороде и Пскове нельзя было делать апелляции, но братчинный суд не пользовался таким преимуществом; его решениям подчинялись только те, которые были согласны с ними, — недовольные же братчинным судом могли переносить свой иск в общие суды.

Особо следует сказать о суде выборных псковских, а по пригородам — суде пригородских посадников и старост. Ему подлежали дела гражданские, как то: дела по займам, наймам, покупкам, наследствам и дела о поземельном владении. Впрочем, в последнем участвовал и князь; в грамоте сказано: «А коли имуть тягаться о земли, или о воде, а положат двои грамоты, ино одни грамоты чести дяку княжому, а другие грамоты чести дяку городскому¹».

¹ *История судебных учреждений в России.* СПб., 1851 г. // Allpravo.Ru. 2004.

Судебная власть в Московском государстве

3.1. Развитие права в Московском централизованном государстве

В этот период правовая система Руси сделала еще один шаг вперед. Нормативно-правовые акты становятся основным источником права. Наиболее значительные из них можно было бы классифицировать по двум основаниям.

Во-первых, выделить памятники светского и церковного права.

Во-вторых, светские правовые документы разделить по органам, их принявшим:

- Указы царя и Боярской думы.
- Акты земских соборов.
- Акты собраний сословных представителей.

Самым значительным источником права первой группы стал **Судебник 1497 г.** Он внес единообразие в судебную практику Русского государства. Судебник 1497 г. имел и другую цель — закрепить новые общественные порядки, в частности постепенное выдвижение мелких и средних феодалов — дворян и детей боярских.

Источниками Судебника явилась Русская Правда, Псковская судная грамота, текущее законодательство московских князей. При этом более половины статей было написано заново, а старые нормы существенно переработаны. Судебник 1497 г. содержал главным образом нормы уголовного и уголовно-процессуального права. Нормы гражданского и обязательственного права регламентировались в нем менее детально, чем в Русской Правде. Очевидно, нормы Русской Правды действовали в Московском государстве наряду с Судебником. В значительной степени это связано с тем, что в отличие от уголовных гражданские правоотношения развивались более медленно, при становлении централизованного государства они существенно не изменились по сравнению с предшествующим периодом, мало изменились и правовые нормы, их регулирующие.

Содержание Судебника принято делить, как это было предложено М.Ф. Владимирским-Будановым, на 68 статей и 4 части, каждая из которых содержит нормы, регламентирующие судоустройство либо процесс: так, первая часть посвящена, прежде всего, суду центральному, вторая — суду местному, третья и четвертая — процессу (ст. 1—36, 57—45, 46—66, 67—68). Судебная система того времени делилась на государственную (светскую), вотчинную и церковную. Государственная — на центральную и местную. Согласно Судебнику центральной судебной инстанцией стал суд великого князя, либо суд бояр и окольничих. Ст. 1 Судебника определяла состав боярского суда и пределы его компетенции. Правосудие осуществлялось членами Боярской думы. Однако в целях ограничения боярской юрисдикции к суду допускались и представители иных неаристократических сословий — дьяки, являвшиеся в силу административной иерархической зависимости от князя его надежной опорой и проводниками его судебной политики. Боярской думе в качестве суда первой инстанции были неподсудны ее собственные члены, прежде всего по тяжбам о местничестве, должностные лица приказов и местные судьи, а также некоторые другие категории служилых людей, не пользовавшихся привилегией великокняжеского суда.

Боярская дума выступала высшей инстанцией в отношении местного суда. В нее передавались по докладу (т.е. в порядке обязательного пересмотра) дела, изъятые из самостоятельного ведения местного суда, а также дела судей по приказу в тех случаях, когда при решении дела они не могли прийти к согласию. Боярская дума, наряду с великим князем, была и апелляционной инстанцией.

Статья 2 разграничивала компетенцию судей и устанавливала передачу дел на рассмотрение судов соответствующей подсудности. Данная статья регламентировала и порядок рассмотрения дела по приказу в тех случаях, когда оно не могло быть разрешено традиционным, обычным путем. Судьям было предписано принимать к рассмотрению дела в пределах своей компетенции, в противном случае они обязывались направить истца в соответствующую инстанцию. Под приказом здесь следует понимать ведомство боярина с закрепленной компетенцией.

Статья 3 упорядочивала взимание пошлин в боярском суде, заменяя посулы, прежнее вознаграждение за усердие судей, строго регламентированными судебными пошлинами, которые взыскивались на виноватом, т.е. стороне, проигравшей дело. При цене иска в один рубль боярин получал два алтына (12 денег), а дьяк — семь денег.

Первая часть Судебника устанавливала и принципы правосудия, требования к судьям:

- 1) суд равный для всех субъектов, к каковым теперь относились и холопы, нелицемерный;
- 2) запрещение отказа в правосудии;
- 3) запрещение взяток и посулов судей.

Вторая часть Судебника регламентировала деятельность местного суда, система которого была представлена наместниками и волостелями, либо их тиунами, отправлявшими правосудие по поручению первых. Судебник ввел в состав судебной коллегии данной инстанции представителей местного населения — выборных «лучших людей» или «старост», дополнив провинциальный правительственный суд обязательным общественным элементом, признанным гарантом от административного произвола. В этом же разделе устанавливался порядок ответственности местных судей по искам к ним. Здесь же разграничивалась подсудность наместников «с боярским судом» и наместников «без боярского суда»: первые были правомочны решать окончательно дела об укреплении в холопстве, либо освобождении от него, вторые отсылали дела такого рода в Москву для доклада, т.е. обязательного безусловного пересмотра в вышестоящей инстанции.

Судебник изменяет и соотношение светской и церковной юрисдикции в пользу первой, изымая из церковного суда дела, совершенные лицами разной подсудности, создавая особые суды для такого рода дел: «суд вопчей» или «сместной». Ограничение проводилось не только по субъектам, но и по категориям дел: за церковью оставляли лишь брачно-семейные дела и наследственные, изымая наиболее важные уголовные, совершенные лицами, подсудными в других случаях суду церковному. Эта реформа также отражала политику централизации судебной власти.

Одной из важнейших задач, решить которые был призван великокняжеский Судебник, являлась задача систематизации норм судебного права и унификации судоустройства и судебного процесса на всей территории объединенной Руси, преодоление партикуляризма юрисдикции. В силу традиционного совмещения административных и судебных функций централизация системы управления означала одновременную централизацию суда, установление верховной юрисдикции великого московского князя и самодержца. Одновременно достигались и другие немаловажные цели преодоления сепаратизма удельных князей, ограничения судебной власти кормленщиков, подчинения местных судов центральным, разграничения подсудности судов и установления системы инстанций.

Нормы судебного права составляют большую часть содержания Судебника, причем многие являются новациями, хотя в правилах юрисдикции весьма заметна и преемственность.

В Судебнике трактовка понятия преступления отличается от Русской Правды, но при этом тождественна Псковской судной грамоте. Под преступлением понимались всякие действия, которые так или иначе угрожают государству или господствующим слоям и поэтому запрещаются законом. В отличие от Псковской судебной грамоты Судебник дает для обозначения преступления понятие **«лихое дело»**.

Что же касается разделов Судебника, регламентирующих характер процесса, то они, наряду с систематизацией норм судных грамот, внесли много нового.

Судебник вводит новую форму процесса и различает старый исковой состязательный или обвинительный процесс, т.е. суд, и новый сыск, следственный, инквизиционный, розыскной процесс. Последний возбуждался и при отсутствии иска, по инициативе органов судебной, следственной власти и использовал особые средства отыскания юридической истины: обыск и пытку. Новая форма процесса означала усиление вмешательства государства в правосудие.

Следует отметить, что Судебник впервые в истории законодательства подразделяет стороны процесса на истцов и ответчиков (ст. 49).

Развивается система доказательств. Судебник признает в качестве бесспорного доказательства собственное признание обвиняемого.

Изменяется и сущность «послушества»: понятие «послуха» включает теперь свидетеля доброй славы обвиняемого, а также очевидца факта (собственно свидетеля). Правда, такое слияние проводится в Судебнике не всегда последовательно. К послушеству допускаются теперь и холопы.

Доказательством признавалось и «поле» — судебный поединок: победивший в бою признавался судом правым, проигравшим же считали появившегося на поле или сбежавшего с него. Проведение «поля» облагалось особыми пошлинами. Поединку предшествовало крестное целование, даже если бились не сами стороны, а наймиты, так называемые половники. Этот институт судебного представительства подробно регламентировался. Данный вид доказательства допускался лишь по тем делам, преимущественно уголовным, которые не затрагивали интересов государства, и мог быть заменен свидетельскими показаниями. Организацией «поля» ведали окольных, дяк и недельщик. В случае примирения сторон до начала поединка взыскивалась лишь пошлина, шедшая в пользу судей: боярина и дяка, а полевая пошлина, шедшая в пользу организаторов

«поля», не взималась. При примирении во время поединка взыскивалась особая пошлина в пользу недельщика — «вязчее», составлявшая примерно 20—24 деньги.

Известно, что «поле» применялось лишь в исключительных случаях, при недостатке других доказательств.

Судебник придает большее, нежели прежнее законодательство, значение формальной стороне рассмотрения дела, определяя порядок оформления и выдачи судебных актов: правой грамоты (протокола судебного разбирательства и решения), докладного списка (протокола заседания первой судебной инстанции, передававшегося в вышестоящую для рассмотрения доклада), отпускной грамоты (об отпуске холопа на свободу по решению суда).

Интересно, что Судебник предусматривает и отмену неправильного решения судьи, хотя и не различает судебную ошибку и неправый суд. Признав, что «та грамота не в грамоту», ст. 19 предоставляет истцу право повторного рассмотрения дела, т.е. допуская апелляционный пересмотр дела в вышестоящей судебной инстанции, каковой выступал, по-видимому, князь.

Введение института апелляционного судопроизводства способствовало усилению авторитета суда, утверждало превосходство центрального суда перед местным. Понятие апелляции выражал термин «пересуд», означавший как форму пересмотра дела, так и установленную для этого специальную пошлину.

В отличие от Русской правды Судебник рассматривал холопа как человека, способного самостоятельно отвечать за свои поступки и преступления.

В соответствии с изменением понятия преступления усложнялась и система преступлений. Судебник вводит такой вид государственных преступлений, неизвестный Русской Правде и лишь намеченный в Псковской судной грамоте, как крамолу и подым.

Под крамолу понималось деяние, совершаемое преимущественно представителями господствующего класса. Именно как крамолу великие князья рассматривали отъезд бояр к другому князю.

Понятие «подым» является спорным. Можно предполагать, что подымщиками называли людей, поднимающих народ на восстание. Мерой наказания за государственные преступления была смертная казнь.

Судебник предусматривал развитую систему имущественных преступлений. К ним относятся разбой, татьба, истребление и повреждение чужого имущества.

Знал Судебник и преступления против личности: убийство, оскорбление действием и словом.

Были введены также новые наказания — смертная и торговая казнь, причем эти меры применялись за большинство преступлений. Закон не предусматривал виды смертной казни. На практике они были весьма разнообразны: повешение, отсечение головы, утопление и др.

Торговая казнь состояла в битье кнутом на торговой площади и часто влекла за собой смерть наказуемого. Помимо указанных в Судебнике, практика знала и такие меры наказания, как лишение свободы и членовредительство (ослепление, отрезание языка).

Подводя итог, следует отметить важную роль Судебника в развитии русского судебного права в целом и в централизации судебной системы в частности. Судебник, в основном, выполнил задачу, установленную законодателем и зафиксированную в самом официальном заглавии законодательного акта: великий князь всея Руси «уложил» о суде.

Это Уложение стало первым общерусским сводом норм судебного права, заложившим основы судоустройства и судебного процесса централизованного государства — Московской Руси.

Вместе с тем следует учитывать, что отправление правосудия являлось одной из функций средневековой системы управления (это типично и для России, и для Европы в целом); суд (как орган) структурно не отделялся от администрации. Поэтому в эволюции организации правосудия в данный период заметны, прежде всего, изменения формы и принципов процесса, организации делопроизводства в органах, ведавших управлением и судом. Усовершенствование же формы судебных учреждений — это задача следующих исторических этапов развития государственного аппарата.

Однако именно Судебник 1497 г. обозначил новацию в организации центральной судебно-административной системы. Это утверждение достаточно иллюстрирует учреждение новой судебной инстанции — суда по приказу (поручению) в качестве звена последней. Разграничивая компетенцию судей различных инстанций, ст. 2 Судебника предписывает рассмотрение дел особой трудноопределяемой по подсудности категории «приказным» людям. Данное положение Судебника справедливо комментируется исследователями как первое упоминание о зарождении приказной системы. Затронутая проблема является дискуссионной, однако известно, что уже в XIV—XV вв. наряду с органами дворцовой системы управления рассмотрением отдельных дел ведали самостоятельно бояре и дьяки, которым это специально поручалось — «приказывалось». В силу чего эти «приказы» зачастую носили имена исполнителей поручения. Преемственность таких должностей и привела к преобразова-

нию их в постоянные учреждения. Развивая, совершенствуя форму судебно-административных государственных органов, Судебник 1497 г. обновил и их характер. Оставляя их преимущественно боярскими, аристократическими, ст. 1 Судебника дополнила состав органов суда и управления представителями чиновничества — дьяками, роль которых усиливалась по мере возрастания письменного делопроизводства. Помимо технических функций дьяки, как правило, представители неаристократических сословий, выполняли новую существенную задачу в сфере управления и суда — ограничивали боярский произвол. Усиление бюрократического начала было проведено и в организации местного суда наместника или волостеля: ст. 38 Судебника предписывала обязательное участие в суде кормленщиков с боярским судом (т.е. по наиболее важным и опасным с точки зрения государства делам) представителей местной администрации, а также верхушки посадских людей и черных крестьян — дворских, «старост» и «лучших людей». «Лучшие люди» — демократический элемент в суде, прообраз российского суда присяжных. Этот институт был закреплён ещё Белозерской уставной грамотой 1488 г., одним из источников Великокняжеского Судебника, легитимировавшей участие представителей общины в судебном разбирательстве. Демократические и бюрократические элементы в организации управления и суда оппонировали аристократии, тем самым выполняя свою исторически актуальную задачу, способствуя усилению центральной, государственной власти.

Судебник 1497 г. отразил традиционную тенденцию в эволюции государственного аппарата — сочетание преемственности и реформаторской новизны. Он стал заметной вехой в развитии российской системы государственного управления и суда.

В 1550 г. был принят новый **Судебник**, в котором отразились изменения в российском законодательстве, происшедшие в 1497—1550 гг. Новый сборник содержал существенные дополнения к ранее действовавшему законодательству. Важное значение имело здесь положение о том, что все последующие законодательные акты должны включаться в Судебник. К новым нормам относились положения об ответственности наместников по искам о причинении ими имущественного вреда. От суда наместников освобождались дворяне и служилые люди. В Судебнике регламентировалось правовое положение кабальных людей, устанавливался порядок оформления кабальных грамот (возраст лиц, могущих стать кабальными, их социальное положение и др.). Закон вводил также некоторые ограничения прав наместника.

Из других документов первой группы источников следует назвать **Уставные грамоты наместничьего управления**, которые являлись

основными документами, определяющими судебные и административные полномочия наместников и волостелей. Губные и земские грамоты определяли порядок организации земских и губных органов и их компетенцию. Наиболее ранними уставными грамотами были **Двинская (1397—1398)** и **Белозерская (1488)**.

Была также создана **новая редакция Русской Правды**, так называемая **Сокращенная из Пространной**, приспособлявшая древнерусское право к московским условиям, хотя действовало и обычное право.

Появился ряд указов царя, продолживших процесс закрепления крестьян: указ о заповедных летах, запретивших переход крестьян в осенний Юрьев день (1581 г.), указы об урочных летах, определившим срок сыска беглых крестьян (1597 и 1607 гг.), а также ряд указов царя по конкретным вопросам.

3.2. Соборное Уложение 1649 г.

Непосредственным толчком для его разработки и принятия послужило вспыхнувшее в 1648 г. восстание посадских людей Москвы. Возникший в мае, в присутствии самого царя, мятеж, хотя скоро и решительно подавленный, был симптомом широко разлитого и резкого раздражения против многих порядков государственного и общественного строя. Народный гнев обрушивался на «сильных» людей, т.е. тех влиятельных представителей придворного и чиновничьего мира, от злоупотреблений которых и страдало население и от которых оно не находило защиты. Обаяние личности молодого и добродушного царя произвело успокаивающее впечатление на толпу, но втихомолку и про царя шли иногда нехорошие разговоры: царя попрекали молодостью и неразумием, тем, что он «глядит все изо рта» Морозовых и Милославских. Все эти формы и симптомы народного недовольства представлялись властям тем более тревожными и опасными, что еще были воспоминания о «великой разрухе» государства в период Смуты. При таком положении дел меньше, чем через два месяца после московского мятежа, в июле 1648 г. царь приказал начать разработку проекта нового закона под названием «Уложение». Для подготовки проекта была образована комиссия во главе с князем Н.И. Одоевским, в которую вошли князь С.В. Прозоровский, окольничий князь Ф.Ф. Волконский и дьяки Г. Леонтьев и Ф. Грибоедов. Вместе с тем «для того своего государства и земского великого царственного дела» царь указал созвать в Москву выборных: от стольников, стряпчих, дворян московских и жильцов по два человека, от дворян и детей боярских больших го-

родов по два, из новгородцев с пятины по человеку, от гостей трех человек, от суконных сотен по два, от черных сотен, слобод и посадов по человеку — «добрых и смысленных людей, чтобы его государево царственное и земское дело с теми со всеми выборными людьми утвердить и на мере поставити, чтобы те все великие дела по нынешнему его государеву После обсуждения указу и по соборному Уложению впредь были никем нерушимы.» 28 июля были разосланы грамоты о присылке выборных в Москву к 1 сентября.

Несмотря на большую сложность и трудность нового законодательного предприятия, оно было проведено очень быстро. Составление проекта Уложения комиссией Одоевского, при участии выборных людей, закончено было к октябрю. С октября началось соборное обсуждение проекта в двух палатах: в одной заседал царь с Боярской думой и Освященным собором, в другой, «ответной» палате — выборные люди под председательством князя Ю.А. Долгорукого. В палатах Земского Собора проект комиссии Н.И. Одоевского подвергся некоторым изменениям, а затем был утвержден и вступил в действие с 29 января 1649 г. Напечатанное весной особой книгой Уложение быстро разошлось, в том же году было напечатано его второе издание.

Источниками Уложения стали Судебники, указные книги приказов, царские указы, думские приговоры, решения Земских Соборов. Особо следует сказать о таком источнике, как челобитные выборных людей. Анализ показывает, что около 60 статей Уложения возникло из челобитий выборных людей. Не все челобитья, конечно, получили удовлетворение, и правительству было известно, что в некоторых городах «шумели, что выборные на Москве разных их (горожан) прихотей не исполнили». Сами выборные просили у правительства бережных грамот на случай резкого выражения недовольства со стороны избирателей, так как «у твоего государева соборного Уложения по челобитью земских людей о их нуждах не против всех статей твой государев указ учинен». Все это свидетельствует, что составление Уложения проходило в упорной борьбе и резком столкновении разных требований и позиций. Из других источников следует назвать византийское законодательство и литовский статут. В подлинном свитке Уложения сделаны отметки о заимствовании 56 статей из Статута. Специальное исследование Владимирского-Буданова показало, что таких заимствований гораздо больше. Почти целиком заимствованной оказалась вся первая часть Уложения, посвященная вопросам государственного права, глава XXII — о смертной казни. В то же время следует отметить, что заимствования из Статута не представляли собой точного и букваль-

ного воспроизведения тех или иных постановлений литовского права. Русские кодификаторы коренным образом перерабатывали заимствуемые нормы или заимствовали только постановку определенного вопроса, а решение его предлагали свое.

Представляя собой кодекс несравненно более полный, чем Судебники, охватывая все отделы действующего права, Уложение стремится и к большей систематичности изложения всего введенного в него материала.

Уложение состояло из 25 глав, включавших в себя 967 статей. В этом большом по объему памятнике феодального права были систематизированы на более высоком уровне юридической техники правовые нормы, действовавшие ранее. Кроме того, имелись и новые правовые нормы, появившиеся главным образом под давлением дворянства и чертотяглых посадов.

Профессор Владимирский-Буданов разбил все главы Уложения на 5 главных групп, соответственно главным отраслям права:

- главы 1—9 содержат государственное право;
- главы 10—15 — устав судоустройства и судопроизводства;
- главы 16—20 — вещное право;
- главы 21—22 — уголовное уложение;
- главы 22—25 — добавочная часть: о стрельцах, о казаках, о кормчих.

Как и Судебник 1497 г., Уложение считает преступлениями деяния, опасные для феодального общества, именуя их обычно «лихим делом». При этом на первое место законодатель поставил преступления против церкви. Им впервые в истории российского законодательства посвящалась специальная глава. На втором месте стояли государственные преступления (измена, посягательство на жизнь и здоровье царя и др.). В законе имелись подробные описания различных других составов преступлений — воинских, имущественных, против личности.

Система судебных органов в Московском царстве

4.1. Боярская дума и Расправная Палата

Как уже говорилось, систематизация норм судебного права этого периода содержится в Судебнике 1497 г. В нем же содержится унификация судоустройства и судебного процесса на всей территории объединенной Руси.

В Московском государстве судебные органы могут быть разделены на государственные, сословные и частные. Государственные — на центральные и местные.

Государственные органы — центральные — составляют:

а) сам великий князь и царь. До XVI в. великому князю принадлежит судебная власть по преимуществу: всякий суд может быть произведен им или непосредственно, или по докладу от судов низших. Затем непосредственная судебная деятельность великого князя ограничивается судом над лицами, получившими привилегию на это, и судом над высшими служилыми людьми, начиная от чина стольника. В XVII в. уже законом было определено наказание за обращение к суду царя помимо низших инстанций;

б) сначала великий князь всегда судил вместе со своими боярами, но уже в XV в. судебная компетенция боярской думы становится самостоятельной: судебники отличают суд великого князя от суда боярского. Дела могли переходить от этого последнего суда на усмотрение великого князя и его детей. Статья 1 Судебника 1497 г. определяла состава боярского суда и пределы его компетенции.

Правосудие осуществлялось членами Боярской думы. Однако в целях ограничения боярской юрисдикции к суду допускались и представители иных неаристократических сословий — дьяки, являвшиеся в силу административной иерархической зависимости от князя его надежной опорой и проводниками его судебной политики. Боярской думе в качестве суда первой инстанции были подсудны ее собственные члены, прежде всего по тяжбам о местничестве, должностные лица приказов и местные судьи, а также некоторые

другие категории служилых людей, не пользовавшихся привилегией великокняжеского суда.

Первые следы существования Боярской думы встречаются с самых древних времен в обыкновении великих и удельных князей решать важнейшие государственные дела обще с боярами; в виде же постоянного учреждения совет этот или так называемая Боярская дума появляется около 1572 г., когда впервые встречается в истории название думных дворян. Находясь под председательством самого царя, Дума всегда составлялась из бояр, окольничих и думных дворян; производство же и доклад дел, приготовление и исполнение решений в ней находилось в руках дьяков, называвшихся для отличия от тех, которые заседали в Приказах, думными. Время собрания Думы зависело от большего или меньшего количества и важности дел, подлежавших ее рассмотрению и суждению. Местом ее собрания служили царские палаты, особенно Золотая и Передняя Палаты. Предметом занятия Думы было решение дел, из которых одни поступали на ее рассмотрение по царским повелениям, а другие по общему порядку делопроизводства — ревизионному или апелляционному. Окончательное решение дел в Думе принадлежало или собственной власти заседавших в ней судей, или, смотря по важности этих дел, зависело от верховной власти, как, например, по делам о смертной казни, о лишении осужденных чести, имущества, и т.п. Приговоры Думы имели следующую форму: «Великий Государь указал, а бояре приговорили», по указам 1694 г. марта 17-го эта форма была переменена в следующую: «по указу Великих Государей Царей и Великих Князей всея Великие и Малые и Белые России Самодержцев (имя) в их Великих Государей Передней Палате тех дел бояре слушав, приговорили». Все важнейшие бумаги, исходившие от Думы, утверждались подписью думных дьяков, а менее важные подписывались дьяками и подьячими. С течением времени для непрерывного производства судных дел при Думе было создано особенное присутствие, под названием *Расправная Палата*. Она состояла из членов Думы, которые назывались палатными людьми. В Расправную Палату поступали дела, по которым Приказы не могли принять окончательного решения и для слушания таких дел назначены были особенные дни недели; так для слушания дел, поступивших из Разряда и Посольского приказа, был определен понедельник; из Приказов Большой казны и Большого Прихода — вторник; из Казанского Дворца и Поместного приказа — среда; из Большого Дворца и Сибирского Приказа — четверг; из Судных приказов — пятница. Впоследствии времени для доклада всех дел из Приказов назначены были постоянные шесть дней каждого ме-

сяца. Некоторые из дел, поступавших в Палату, решались в общем собрании бояр и думных людей, а другие докладывались государю; к последним относились преимущественно дела слишком сомнительные, а также жалобы на неправильность боярских решений в Приказах¹. Кроме главного и постоянного занятия, Расправная Палата управляла Москвою в отсутствие государя из столицы, хотя бы на самое короткое время, рассматривая и решая дела, поступавшие на имя государя, за исключением самых важных, о которых она или доносила государю немедленно, или оставляла их нерешенными до времени его возвращения в столицу. При Петре Великом Расправная Палата сохраняла прежнее свое назначение; именно: в нее подавались жалобы на медленность решения дел губернаторами и низшими судебными местами, на неправые приговоры судов; но в то же время под строгою ответственностью запрещено было вносить в нее дела, помимо низших судебных мест. После того как при всех присутственных местах учреждены были фискалы, Расправная Палата стала заниматься делами, вступавшими в нее по доносам фискалов на неправильные действия этих мест, она должна была также подавать ежемесячные доклады Сенату о ходе таких дел. Время окончательного уничтожения этой Палаты с точностью неизвестно, но вероятно, что она была закрыта после учреждения в 1719 г. Юстиц-Коллегии, потому что занятия этой последней были те же, что и Расправной Палаты².

4.2. Приказы

Приказы образовались не вдруг, а медленно и постепенно в течение полутора веков. В начале они существовали в виде канцелярий, которым царь поручал определенную отрасль управления; это предположение доказывается тем, что многие Приказы именовались канцеляриями; таковы Дворцовый приказ, Ямской, Посольский и другие. Результатом такого развития стало отсутствие единства в распределении предметов ведения приказов; из-за этого трудно с точностью определить: на какие предметы и лица простиралась судебная власть каждого из этих приказов. Главная причина такого недостатка заключается в самом историческом развитии судоустройства в России. Дело в том, что с самого начала существования этой системы управления всей отрасли светского управления соединялись в руках наместников, а потому не было чиновников,

¹ История судебных учреждений в России. СПб., 1851 // Allpravo. Ru. 2004.

² Там же.

облеченных судебной властью. Отсюда возникло правило, что кто управляет, тот имеет и право суда над управляемым: каждый Приказ был судебным местом для людей, состоящих по роду дел под его управлением. Другой недостаток Приказов состоял в отсутствии резкого разграничения между управлением центральным и областным. Поэтому о многих Приказах трудно решить — были ли они провинциальные учреждения для Москвы и ее области, или же круг действия их простирался и на всю Россию. Образование Московского централизованного государства привело к тому, что московские областные учреждения начали приобретать значение высших инстанций в то время, как учреждения прежних самостоятельных государств, которые входили в состав Московского государства, становились учреждениями областными.

Лучшая эпоха в развитии Приказов начинается во времена царя Алексея Михайловича; с этих пор началось правильное разделение предметов ведения.

Приказы состояли из трех или четырех человек (боярина, или окольничего, или думного боярина с товарищами), помогали которым дьяки и подьячие. При этом следует отметить, что большая часть Приказов до конца их существования продолжали оставаться в том виде, какой они имели при первоначальном их появлении, то есть в виде канцелярии высших административных чиновников: следовательно, заведывались одним лицом. Судьи определялись на свои должности по назначению государя, а дьяки и подьячие назначались самими председателями Приказов. Дьяки не были дворянами, но с назначением на должность они приобретали дворянское звание, потому что могли владеть недвижимым имуществом, как это видно из некоторых грамот. Подьячие разделялись на три группы: молодых, средних и старых; способнейшие из последней группы назначались на должность дьяков. В подьячие могли поступать лица всех сословий; только указом 7 декабря 1640 г. запрещено было принимать в подьячие лица духовного, мещанского и крестьянского сословий, а указом 8 февраля 1665 г. царь Алексей Михайлович запретил принимать в должность дьяков и подьячих растриг из церковнослужителей. Приказы делились на отделения (повытья) и столы, управляемые подьячими. Дела в Приказах решались общим собранием судей. Если кто-то из них отсутствовал, по болезни или другим законным причинам, то дела решались остальными судьями. Все дела выходили из Приказов за подписью председателя, прочие члены обозначались общим словом: «с товарищи». Они вносились подьячими в особые записные книги, за подписью дьяка. С 1700 г. все дела, писавшиеся прежде в столбцах, стали записывать в

тетрадах; в них же включались и все челобитные. Тетради переплетались в книги.

В судебной иерархии Приказы занимали третье место после царя или Думы. Дела, не входившие в их компетенцию, передавались из Приказов государю или в Расправную Палату. Кроме того, в определенные сроки государю подавались списки всех дел находившихся в приказах; к нему же поступали и жалобы на неправильное решение Приказов. По подписанным челобитным истца или ответчика их дело, еще до окончания, могло быть переносимо из одного Приказа в другой, в случае подозрения судей в явном недружелюбии. Приказы, в которых заседали бояре, или окольничие, получали из Думы или из Разряда *памяти*. Приказы под управлением думных дьяков получали все дела *указами*¹.

Все Приказы можно разделить на три группы. Приказы первой группы занимались управлением по территориям, каждая область управлялась своим Приказом, их судебная власть которого простиралась на все тяжбы, возникавшие в области.

Во вторую группу входили приказы, управлявшие делами сословий.

В третью группу входили судебные приказы для отдельных групп населения.

4.3. Территориальные судебные приказы

Время появления судебных приказов по разным источникам различно; по некоторым они существовали еще в конце XVI в., именно в 1593 и 1598 гг.; по другим же они появляются только в первой четверти XVII в., именно в 1627 г. судебных приказов было пять: Рязанский, Дмитровский, Новгородский, Владимирский и Московский.

Как свидетельствуют источники, присутствие этих Приказов состояло из боярина, стольника и одного или двух дьяков. В них рассматривались различные спорные вопросы, как то: дела о беглых крестьянах; дела о татьбах и разбое *без поличного, не по лихованным обыскам*, т.е. когда такого рода дела могли быть решены не прибегая к пытке. Этим Приказам надлежало рассматривать гражданские дела между боярами, окольничими, думными и ближними людьми, стряпчими, дворянами и вообще всякими помещиками и вотчинниками. Они же осуществляли суд над всеми служивыми людьми, кроме тех, кто служил в посадах; суд над жителями провинций, когда они подавали просьбу на недружелюбие к ним местного воево-

¹ История судебных учреждений в России. СПб., 1851.

ды, если при этом другие города отстояли от места жительства про-
сителя более чем на 150 верст; рассматривали дела и иски, возни-
кавшие из обязательств по имуществам, а также дела о насильном
завладении, грабеже и разбое вотчин и поместий; наконец, сюда же
вносились ежегодно, за подписью воеводы или дьяков, все судные,
допросные и приводные дела, решенные в Приказных Палатах и
Избах.

С 1701 г. в Московском судебном приказе рассматривались все
судные и допросные дела, находившиеся в ведении Патриаршего
Разряда. В 1714 г. Судебный приказ был переведен из Москвы в
Петербург.

4.4. Земский приказ

Время его учреждения неизвестно; но первое его появление под
именем *Земской Избы* в письменных памятниках относится к 1579 г.
Земским же приказом он стал именоваться в 1657 г.; их было соб-
ственно два: *старый* и *новый*; оба состояли из думного дворянина и
двух дьяков. Его юрисдикция простиралась на Москву и некоторые
небольшие города. Из дел судебных ему принадлежали разбор дел
тайных, татинных и вообще всяких воровских, производимых в
Москве, пока указом 26 октября 1681 г. они не были от него пере-
ведены в Разбойный приказ. В 1687 г. Земский приказ снова был
восстановлен в прежнем своем виде. В 1629 г. ему были передано
рассмотрение дел ямщиков; наконец в 1699 г. он был уничтожен, а
дела его перенесены в Стрелецкий приказ.

4.5. Владимирская четверть

По записным книгам она упоминается с 1642 г. В ведении этой
Чети находились города: Болхов, Боровск, Верей, Владимир, Воло-
коламск, Воротыньск, Заволочье, Зарайск, Калуга, Кропивна, Лих-
вин, Лух, Михайлов, Орел, Переяславль Рязанский, Путивль,
Рязьск, Ржева Пустая, Сапожек, Таруса, Тверь, Торжок, Тула и
многие другие.

4.6. Галицкая четверть

В записных книгах она значится с 1627 по 1680 г., когда она
была переименована в Галицкий четвертной приказ. Эта Четверть
заведовала городами Галицкой провинции, именно: Белым, Гади-
чем, Карачевым, Кашиным, Кологривовым, Коломною, Каширою,

Мценском, Мещовском, Новосильем, Парфеньевым, Ростовом, Соль-Галицким, Суздалем, Унжею, Чухломою, Шуею, Юрьевым Польским. Она состояла из боярина и двух дьяков.

4.7. Новгородская четверть

Она упоминается с 1627 г., а по делам Посольского приказа, под управлением которого она находилась, с 1657 г. Состояла из посольского думного дьяка и простого дьяка. В ней рассматривались откупные, оброчные и корчемные дела о вине и других запрещенных питьях и о табаке, а вместе с этим судились нарушители постановлений, относящихся к этому предмету. В его юрисдикцию входили города Арзамас, Вологда, Двина, Кольский Острог, Красный, Ладога, Нижний Новгород, Новгород Великий, Олонец, Псков, Пустозерск и Тесовский Острог. В 1670 г. она уже называется Новгородским Приказом, которому с того времени подчинены города, бывшие в ведении Посольского приказа: Смоленск, Дорогобуж, Белая, Рославль, Велиж, Себеж, Красное. Кошихин упоминает также о городах Архангельске и других поморских и находящихся на шведской границе. Указом 22 мая 1680 г. чети Владимирская, Галицкая и Новгородский приказ были объединены с целью, чтобы тяжущимся не было лишних волокит и убытков, а в следующем году эти соединенные Приказы подчинены управлению Посольского приказа.

4.8. Костромская четверть

Она упоминается с 1627 по 1680 г. В 1680 г. она была переименована в Костромской четвертной приказ, и в его ведение были включены города: Ростов, Ярославль, Кострома и другие, из коих впоследствии образовались Ярославская и Костромская провинции. Указом 8 июля 1692 г. Ярославль изъят из ведомства Костромской Чети и подчинен Разряду. Она состояла из думного дворянина с дьяком.

4.9. Устюжная четверть

В письменных актах имя это встречается в первый раз в 1611 г.; но официально же Устюжская Четверть значится с 1627 по 1680 г., когда она была переименована в Устюжский четвертной приказ и подчинена Посольскому приказу. В ее ведении состояли города: Бе-

жецк, Верх, Венев, Визьма, Гремичий, Звенигород, Клин, Клязьма, Можайск, Погорелое Городище, Пошехонье, Ржева Володимирова, Руза, Соль Вышегодская, Старица, Тотьма, Устюг Великий, Устюжна Железопольская, Чаронда. В ней заседали боярин и два или три дьяка¹.

4.10. Смоленский приказ

Он был учрежден с самого завоевания Смоленска в 1654 г.; по делам Посольского приказа он значится с 1657 г., а по записным книгам с 1671 г. По указу 15 февраля 1680 г. он находился под управлением Посольского приказа; города ему подчиненные были: Белая, Велиж, Дорогобуж, Красной, Рославль, Себеж и Смоленск.

4.11. Сибирский приказ

Первоначально высшее управление Сибирью принадлежало Посольскому приказу, потом с 1596 г. учреждено особенное присутственное место, называвшееся Четью дьяка Варфоломея Иванова; в 1599 г. оно уничтожено и управление Сибирью предоставлено Казанскому Дворцу; с 1637 г. в записных книгах значится Сибирский приказ, как особое место для заведования делами Сибири, куда поступали все дела, которые не могли быть решены воеводами Сибири. В нем заседали боярин (тот же что и в Казанском Дворце) и два дьяка.

4.12. Приказ Казанского дворца

Он учрежден при царе Иване IV, после завоевания царств Казанского и Астраханского, для главного управления тамошним краем; по записным книгам он упоминается с 1599 г. Во время царствования Бориса Феодоровича Годунова в этом Приказе сосредоточивалось верховное управление царствами: Казанским, Астраханским и Сибирским и всеми вообще понизовыми городами. С восстановлением Сибирского приказа предметы ведения Казанского Дворца уменьшились. В этом Приказе заседали боярин, думный дьяк и два дьяка.

¹ *История судебных учреждений в России.* СПб., 1851.

4.13. Литовский приказ

После завоевания в 1655 г. Вильны, Полоцка, Могилева и других городов, в следующем году учрежден был Литовский приказ, в котором рассматривались все дела Литовского Княжества. В 1666 г. некоторые дела этого Приказа переданы в Разряд; После Андрусовского договора, передавшего города Литовского Княжества Польше, Литовский приказ был ликвидирован в 1667 г.

4.14. Приказ лифляндских дел

Учрежден для управления завоеванными от Швеции городами и существовал с 1660 по 1666 г. По заключении же мира с Швецией, по которому ей были возвращены завоеванные от нее города, Приказ лифляндских дел должен был необходимо закрыться.

4.15. Малороссийский приказ

Учрежден после присоединения, во времена гетмана Богдана Хмельницкого, Малороссии к Российскому государству, т.е. в 1654 г.; по делам же Посольского приказа он значится с 1649 г., а по записным разрядным книгам с 1663 по 1709 г. В нем рассматривались дела Запорожского войска, городов: Киева, Чернигова, Нежина, Переяславля и Новобогородского, что на реке Самаре. В нем заседал боярин с дьяком¹.

¹ *История судебных учреждений в России.* СПб., 1851.

Сословные приказы

5.1. Большой Дворец

Название его в первый раз встречается при царе Иване IV в 1547 г.; в записных же книгах он значится с 1627 по 1709 г. Он существовал самостоятельно до 1721 г.; когда указом Сената от 16 февраля всеми делами его велено было заведовать одному лицу, царедворцу Баскакову, в зависимости от Камер-Коллегии. Впрочем, впоследствии времени он является под своим именем, но уже только как правительственное присутственное место. Приказ Большого дворца состоял из боярина (дворецкого), окольничего, думного дворянина и двух или трех дьяков; в отсутствие дворецкого в нем заседал окольничий. В его юрисдикцию входил суд над дворцовыми крестьянами, приписанных к нему городов и волостей, которых было до 40. Приказу этому подчинялись некоторые лица и других ведомств. До 1649 г. он осуществлял суд над всем духовенством в России, как монашествующим, так и белым, и над его приказными людьми, детьми боярскими и крестьянами; но в том же году этот суд был переведен в Монастырский приказ. После закрытия указом 19 декабря 1677 г. Монастырского приказа дела сего последнего возвращены опять в Приказ Большого дворца.

5.2. Дворцовый судный приказ

Он упоминается в первый раз в 1626 г. По другим источникам, он существовал с 1655 по 1709 г. Он состоял при Приказе Большого дворца и имел в своей юрисдикции суд над дворцовыми служителями всякого рода, волостными управителями, крестьянами и прочими дворцовыми людьми. В 1799 г. ему переданы дела по иску лиц духовного ведомства на посторонних, что производилось прежде в различных приказах.

5.3. Посольский приказ

Под именем Посольской Палаты этот Приказ встречается в письменных памятниках в 1567 г.; под настоящим же названием мы

видим его в 1601 г.; по другим источникам он значится с 1584 г., т.е. с начала царствования Феодора Ивановича. Приказ этот состоял из бояр, и притом самых опытных по тогдашнему времени в дипломатических делах и пользовавшихся особым доверием царя; из думного дьяка, двух простых дьяков и 14 подьячих; а для перевода иностранных бумаг находились при нем переводчики: латинского, шведского, немецкого, греческого, польского, татарского и других языков, в числе 50 человек, кроме того, 70 толмачей. Под юрисдикцией Посольского приказа были все иноземцы, как жившие в России, так и на время в нее приезжавшие, особенно для торговых дел, в исках между собою и по челобитью на них других; подьячие и переводчики, как Посольского приказа, так и Малороссийского, Смоленского и Новгородского; воеводы и приказные люди некоторых, зависевших от Приказа городов и принадлежавших к ним стрельцов, казаков, пушкарей и всех служилых людей; некоторые частные лица, как, например, род Строгановых; посадские люди г. Романова в исках на них посторонних людей; некоторые российские монастыри: Савин, Симонов, Воскресенский, Новоиерусалимский на Валдае, Киево-Печерский и другие, также и дела по иностранным религиям: римской, лютеранской, кальвинической и другим. При учреждении в Москве в 1701 г. новых восьми аптек Посольскому приказу велено принять их в свое ведомство, вместе с находившимися при них докторами, аптекарями, лекарями и другими чиновниками; а указом 19 марта 1719 г. велено ему было ведать судом Молдавского Господаря Князя Кантемира.

5.4. Большая казна или Приказ большой казны

По записным книгам он упоминается только с 1628 по 1709 г. В нем заседали боярин, с ним думный дворянин и два или три дьяка; из судных дел этому Приказу было предоставлено разбирательство тяжб и суд над гостями, гостиною и суконною сотнями, мастерами серебряного дела и многих городов торговыми людьми.

5.5. Казенный приказ

Он существовал еще во времена царя Ивана IV под именем Казенного Двора или Избы; но по записным книгам под настоящим своим названием он является с 1626 г.; в нем заседали казначей и два дьяка; казначеи были не из бояр, а из думных дворян. Это присутственное место было собственно финансовым учреждением, но в 1665 г. ему представлено право суда над гостями, гостиною сотнею

и посадскими торговыми людьми. Он существовал до 1711 г., когда указом Сената его соединили с Приказом Большой казны¹.

5.6. Аптекарский приказ

Время его существования относят уже к началу XVII столетия; но по записным книгам он значится под этим наименованием с 1658 по 1672 г., в том же году он переименован в Аптекарскую Палату. В нем заседали боярин и дьяк. Аптекарский приказ имел судебную власть в исковых делах между аптекарями, лекарями, докторами, как русскими, так и иностранными, находившимися в России и притом, как между собою, так и с посторонними людьми и молодыми русскими, отданными для обучения.

5.7. Ямской приказ

Великий Князь Василий Иванович для заведования поставою частью учредил Ямскую Избу; под названием Ямского приказа она значится с 1618 и 1619 г. Он состоял из боярина, думного дворянина и двух дьяков; заведовал ямами и ямщиками по всему государству и осуществлял суд над ними. В 1681 г. дела его были переданы в Стрелецкий приказ, а с 1711 г. указом Сената от 25 апреля Ямской приказ уничтожен, дела его для дальнейшего производства переданы к управлявшему Московской губернией, для чего учрежден при нем особый стол ямских дел, и хотя в 1720 г. этот Приказ был опять восстановлен, но уже без судебных полномочий.

5.8. Разрядный приказ

Время его учреждения неизвестно. Вероятно, он появился одновременно с Боярской думой, так как он составлял одно из главнейших ее отделений. Он действовал не только в Москве, но и в других городах, как-то: Новгороде, Рязани и пр. Однако Московский Разрядный приказ имел всегда большую власть, потому что его юрисдикция простиралась на все государство. До 1696 г. он был высшим присутственным местом среди других приказов. В нем заседали боярин или окольничий, думный дьяк и два простых дьяка. Некоторые авторы, однако, считают, что в нем до самых времен Петра Великого не председательствовали чины выше думного дьяка, что происходило, по мнению Миллера и Новикова, из опасе-

¹ *История судебных учреждений в России.* СПб., 1851.

ния, чтобы бояре и вообще дворяне не были пристрастны в суде лиц одного с ними сословия. Назначение Разряда было исполнительное. В нем подготавливались и от него рассылались царские указы другим приказам и к воеводам. Этим приказом производилось назначение чиновников на должности придворные, гражданские и военные; награждение и увольнение их со службы, но, с другой стороны, он был судебным учреждением. Именно в нем рассматривались дела таких лиц, как: 1) полковники и все начальствующие люди разных полков, 2) нижние чины пешего строя, 3) в 1666 г. ему переданы дела Немецкой слободы, бывшей в зависимости от Иноземного Приказа, 4) в нем разбирались споры о местничестве, 5) судились дворяне нижних чинов и 6) подьячие этого Приказа как в том случае, когда они были истцами, так и когда они были ответчиками. После учреждения в 1711 г. Сената при нем был создан *разрядный стол* и, таким образом, самостоятельное существование Разряда само собою прекратилось.

5.9. Иноземный и Рейтарский приказы

Первый по записным книгам значится с 1628 г., а второй с 1615 г. Они существовали сперва отдельно, и каждый из них находился под ведением боярина, вместе с которым заседали товарищи — дворянин и по два дьяка. Иноземный приказ ведал: 1) судом всех иноземцев и их крестьян и людей; 2) кормовыми поместьями, оставшимися после смерти кормовщиков; 3) судом всех иностранцев, служивших в российской военной службе, как-то: полковников, ротмистров и других, также поляков, литовцев и других народов, выезжих из-за границы, для разбора которых в Иноземном приказе существовали особенные переводчики и толмачи. В Рейтерском приказе рассматривались дела всей строевой и нестроевой конницы, как высшие, так и низшие чины. Поэтому в 1680 г. оба приказа были соединены в один, и именным от 12 ноября 1680 г. указом между ними были распределены все конные и пешие полки; именно в Иноземном и Рейтарском приказах рассматривались дела: 1) начальных людей, копейщиков, рейтар, солдат, стрельцов и казаков всех городов, находившихся в ведении приказов: Казанского, Большого Дворца, Стрелецкого и Смоленского, за исключением полков, находящихся в городах Северского, Новгородского, Белгородского и Тамбовского Разрядов и Смоленских рейтар; 2) генералов Агея Шепелева и Матвея Кровкова, Московских выборных полков начальных людей, урядников и рядовых солдат из Московских городовых жителей. При этом дела солдат, стрельцов и каза-

ков Островских, Старорусских, Самарских и других городов были переданы Иноземному приказу вместе с разрядом. В 1700 г. Высочайшим указом велено было все судные дела Иноземного и Рейтарского приказов передать в ведомство боярина князя Якова Федоровича Долгорукова с тем, чтобы эти оба приказа были уничтожены, а на место их учрежден другой, при особе сего боярина, которому было присвоено название генерал-комиссара; но, несмотря на то, как Иноземный, так и Рейтарский приказ продолжали существовать до 1701 г. В этом году они были переименованы в Приказ военных дел. Петр Великий, приглашая иностранцев на службу в Россию, повелел устроить для иностранцев особое присутственное место под названием Тайной Коллегии Военного Совета, которая должна была состоять из президента, советников, секретарей и других канцелярских служителей. Таким образом, одна из главных частей суда Приказа Военных Дел была отделена от него; впрочем, он продолжал существовать, как видно из многих указов, еще до 1712 г., когда вместо него уже встречается название Военной Коллегии¹.

5.10. Стрелецкий приказ

Название его встречается в первый раз в 1601 г.; в записных же книгах он числится с 1629 г. Он состоял из боярина и двух дьяков. В нем осуществлялся суд в гражданских и уголовных делах («опричь разбою и татьбы с поличным») по делам стрельцов Московских и городовых, их голов, голов казачьих, стольников, детей боярских, служащих в стрельцких полках, на казаков конных и пеших, т.е. всех тех, которые служили в полках с боярами и воеводами, также в городах. После присоединения к Стрелецкому приказу в 1680 г. дел Костромской Чети, естественно к нему перешло то судебное значение, которое имела эта Четь в ведомстве ей подчиненном. В ноябре 1681 г. велено было отдать в него и дела Ямского приказа. В 1699 г. круг деятельности Стрелецкого приказа увеличился еще присоединением к нему дел Земского приказа. Указом 1701 г. Стрелецкий приказ велено именовать Приказом Земских дел.

5.11. Пушкарский приказ

Пушечный приказ в первый раз упоминается при царе Иване IV, название же Пушкарского по записным книгам встречается с 1627 г. Он состоял из одного боярина и двух дьяков. В отношении

¹ *История судебных учреждений в России.* СПб., 1851.

суда от него зависели пушкари, затинщики, засечные головы, воротники, городовые, селитренные, *зелёные* (пороховые) и колодезные мастера. В 1708 г. он уже называется Артиллерийским приказом.

5.12. Казачий приказ

Он упоминает в одних источниках с 1628 по 1646 г., в других же с 1618 г. Он заведывал атаманами, сотниками, есаулами и всем вообще казачьим войском, служившим в Москве и по прочим городам, конным и пешим, кормовым и беломестным. При этом Донские казаки не были подчинены этому Приказу, так как они управлялись и судились в гражданских и уголовных делах на основе своих законов, а во время пребывания их в Москве своими собственными начальниками.

Судебные приказы для отдельных групп населения

6.1. Холопий суд или приказ

Он существовал еще до 1550 г. В 1679 г. его и подьячие переведены в Приказ Большого дворца; впрочем, это, видимо, не было приведено в исполнение, потому что указом 1681 г. он был упразднен, а дела его переданы в Судный приказ, где и установлен для того особый стол; однако ж по записным книгам Холопий суд значится до 1704 г., когда он был присоединен к Московскому судному приказу и лишился своей самостоятельности. В нем заседали стольник и дьяк. В этом Приказе рассматривались дела таких категорий населения, как дворовые, кабальные, данные и записные служилые люди боярских и всяких чинов людей, бобыли, беглые, даже бедные дворяне и дети, боярские, не имевшие за собою поместных дач; также разбирались различные тяжбы, возникавшие из холопства, так, например, в Уложении постановлено: «буде кто прикажет детям своим или братии, или прикащикам по смерти своей кабальных людей отпустить на волю, и те дети его или братия, или прикащик тех его людей на волю не отпустят и похотят их у себя удержать», то эти люди могли подавать на них челобитные в Холопий приказ.

6.2. Челобитный приказ

Он значится с 1627 по 1685 г., когда он прекратил свое существование, будучи присоединен к Владимирскому судному приказу. В нем заседали окольничий и два дьяка. В Челобитном приказе судились приказные люди, дьяки и подьячие, сторожа и ходоки (рассылные) этого Приказа. Название свое он получил от того, что главное его занятие состояло в разборе и раздаче челобитных; когда кто-либо лично подавал Царю челобитную в походах, во время праздников, то после рассмотрения этих челобитных самим царем или кем-либо из его бояр, думные дьяки записывали на них определение, а потом отсылали их в Челобитный приказ для передачи в то место, которому было подведомо лицо подавшее просьбу.

6.3. Поместный приказ

Указом 1550 г. Иван IV решил раздавать поместья в пожизненное или вотчинное владение за военную службу их владельцев. Такая раздача, или как она называлась в то время *верстанье поместным окладом*, началась еще до времен великого князя Ивана III, но сначала земли раздавались около Москвы; когда же верстанье служилых людей стало всеобщим, то оно распространилось и на другие города и уезды. Возникавшие из этого обстоятельства разные споры, мены, передачи и всякие сделки о поместьях беспрерывно умножались и возрастали, поэтому для надлежащего управления этою вновь возникшей сферой общественных отношений учреждено в 1553 г. особое присутственное место, под названием *Поместной Избы* или *Поместного приказа*. По записным книгам оно числится с 1625 г. Этот Приказ состоял из окольничего, думного дьяка и двух простых дьяков. Из дел судебных ему принадлежали: 1) рассмотрение жалоб о нарушении права поземельной собственности; 2) решение дел о сопротивлении владельцев к разделу из земель, производимому правительством; 3) следствие над помещиками об уголовных преступлениях, совершенных их крестьянами на земле другого владельца, в том случае, если оно не могло быть открыто посредством допроса крестьян; 4) тяжёбые дела по духовным завещаниям, рядным записям и другим поместным и вотчинным делам. Кроме этих постоянных занятий Поместного приказа, в 1672 г., по просьбе патриарха, велено в этом одном Приказе решать все тяжёбые дела духовенства монашествующего и белого, приказных людей и детей боярских, домовых патриарших служителей и вотчинных крестьян, принадлежавших духовным властям с людьми постороннего ведомства. С 1712 г. Поместный приказ поставлен в зависимость от Правительствующего Сената, а с учреждением в 1718 г. Юстиц-Коллегии — от последней; но при всем том он сохранял прежнюю свою самостоятельность, до учреждения императором Петром Великим Вотчинной Коллегии.

6.4. Разбойный приказ

Под именем *Разбойной Избы* он встречается в актах 1571 г.; в 1586 г. он именуется уже *Разбойным приказом*. В 1682 г. решено именовать его Разбойным сыскным приказом; в 1683 г. Сыскным приказом; в 1687 г. говорится о Приказе сыскных дел; в 1689 г. о Разбойном приказе; впоследствии он опять назывался Сыскным, или же Сыскных Дел приказом, наконец, в 1701 г. он уничтожен, а

дела его переданы в другие приказы. В нем заседали боярин или окольничий, стольник или кто-либо из думных дворян и два дьяка. Ведению этого Приказа подлежали все разбойные, татинные и *придворные* дела Московского уезда и во всех других городах, посадах и уездах. Как уже говорилось, некоторые разбойные дела, рассматривались и в Судном приказе, а именно: воровство и разбой, но без поличного. Когда эти преступления не могли быть доказаны без допроса через пытку, тогда они отсылались уже в Разбойный приказ. От него зависели также губные старосты, целовальники и губные дьяки всего государства, которые в нем же и судились в гражданских и уголовных делах. Указом 1681 г. власть судить уголовных преступников в Москве, принадлежавшая Земскому приказу, перешла в Разбойный приказ; впрочем, в 1687 г. ведомство Разбойного приказа воссоздано в прежнем виде¹.

¹ История судебных учреждений в России. СПб., 1851.

Церковный суд

7.1. Сущность церковного правосудия

В Московском государстве, при отсутствии сословий, понятие «сословный суд» применяется только к судам духовным. От этого понятия надо отличать суды «церковные», которые рассматривали определенные дела, касающиеся всего населения, хотя органы духовного суда большей частью были те же. Лица, на которых распространяется духовно-судебная компетенция, перечисляются в древних церковных уставах и в судебниках. Сюда относились, кроме духовенства, увечные, получившие чудесное исцеление, вдовы, питающиеся от церкви Божьей. Центральным судебным лицом церкви был митрополит, а потом (с 1588 г.) патриарх, окруженный, подобно царю, своими боярами. Впоследствии (XVII в.) организуются учреждения: «Патриарший двор» или «Разряд», «Тиунская изба» или «Приказ церковных дел» (первый может быть более отнесен к сословным учреждениям, второй — к церковным).

Подобные же учреждения были в каждой епархии при местном епископе. По постановлению соборов (Стоглавого и собора 1667 г.), при архиереях должны быть два судебных учреждения (приказа): одно из лиц духовных, другое из архиерейских бояр; первое занимается делами церковного суда, второе — суда сословно-духовного, т.е. суда над лицами духовными по общим делам. При этом главная судебная компетенция остается в руках архиереев, к которым идет доклад. Местные церковные судебные функции распределяются по частям епархии — десятинам, в каждой из которых суд ведал десятильник — лицо светское (должность, образовавшаяся из чиновников, посылаемых для сбора десятины). Его функции скопированы с государственно-наместничьего управления. В монастырях судопроизводством занимался «черный собор» и специальный «судебный старец»¹.

¹ *История судебных учреждений в России.* СПб., 1851.

7.2. Патриарший разряд или приказ

По записным книгам он значится с 1626 и 1627 гг. В 1635 и 1645 гг. он назывался Патриаршим Собором, а с 1663 г. опять Патриаршим рзрядом. Он состоял из патриарших бояр, находился на патриаршем дворе, под единственным начальством патриарха и составлял высшую духовную инстанцию, повинуюсь, кроме патриарха, Высочайшей власти или Царской Думе. В этом Разряде: 1) осуществлялся суд над духовными, монашествующими и белыми; 2) рассматривались дела по подозрению кого-либо из церковного причта в уголовных преступлениях; 3) дела о расколах; 4) дела о несоблюдении людьми всякого состояния правил, установленных Церковью; 5) следственные дела о самовольном пострижении в монахи при отсутствии дозволенных к тому законом условий; 6) дела о прелюбодеянии, насилии, кровосмешении, разводе, жалобы родителей на детей, суд по духовным завещаниям и 7) выдавались судимые и зазывные грамоты на духовенство областное, в случае исков на него московских жителей. После смерти последнего российского патриарха Андриана, в 1700 г., Патриарший разряд был уничтожен, а дела, «которые в том Приказе были по челобитью всяких чинов людей во всяких исках и делах были отосланы в те приказы, в коих те чины ведомы»; только дела о расколах переданы в ведение митрополита Рязанского и Муромского Стефана Яворского.

7.3. Патриарший двор

Он упоминается с 1625 г. и составлял также высшую инстанцию Церковного Суда наравне с Патриаршим разрядом и жалоба на несправедливое в нем решение подавалось государю. Это было судебное место для лиц светского состояния, подлежащих церковному ведомству в различных гражданских исках; а именно: в нем вершился суд над патриаршими приказными и над дворовыми людьми, над детьми боярских, крестьян и на всяких чинов людей, живших в патриарших домовых вотчинах. После учреждения Св. Синода Патриарший Двор составил вторую степень суда по делам своего ведомства.

7.4. Монастырский приказ

Из письменных памятников царствования Алексея Михайловича видно, что учреждение его принадлежит предшественникам этого государя, «для расправ мирских обидных дел», и в записных кни-

гах он уже упоминается с 1628 г., под именем Приказа Монастырских и Переносных дел. Но только с 1649 г. занятия его были ясно обозначены постановлением Царя Алексея Михайловича, в Уложении, давать в этом Приказе суд во всяких светских истцовых делах на всех духовных, от самого низшего церковного причта до высших властей, как то: на митрополитов, архиепископов и игуменов со всеми принадлежавшими к ним людьми. В нем заседали окольный и два дьяка. Но, указом 1677 г. Феодор Алексеевич повелел все эти дела передать в Приказ Большого дворца, как было до Уложения, и таким образом Монастырский приказ уничтожен. В 1701 г. дела, подлежащие судебному разбирательству Монастырского приказа, опять отняты от Приказа Большого дворца и Монастырский приказ восстановлен. Петр Великий указом 1718 г. повелел подчинить этому Приказу славяно-латинские школы, не только в распорядительном, но и в судебном отношении. С учреждением в 1721 г. Святейшего Синода, Монастырскому приказу предоставлено было рассмотрение одних старых дел между крестьянами и служителями духовного ведомства, кроме зависящих собственно от Патриаршего Двора, и жалоб от этих же лиц, на несправедливое решение их тяжб в низших церковных судах. С 1725 г. этот суд стал именоваться Камер-Канторою Синодального Правительства¹.

¹ *История судебных учреждений в России.* СПб., 1851.

Судебный процесс в Московском государстве

8.1. Организация судопроизводства

В Московском государстве единство процесса разрушается: образуется различие между «судом» (обвинительным процессом) и «розыском» (следственным процессом).

История постепенного образования различия между судом и розыском такова. До судебных всякий процесс был обвинительным. Со времени возникновения губных учреждений из общей нормы выделяется особый процесс для дел разбойных, а потом для дел по убийству и татьбе с поличным. Первоначально это не был процесс, а лишь средства поимки и наказания «ведомых лихих людей». Но так как такими людьми начали считать не только схваченных на месте преступления, но и рецидивистов и людей, «облихованных» общиной, то пойманных лихих людей стали расспрашивать, не совершали ли они прежде преступлений, стали доискиваться мнения общины через повальный обыск. Таким образом, короткая процедура казни ведомых лихих людей превращается в процесс. К этому присоединяются расспросы пойманных об их сообщниках, чем уже обнаруживается, что государство само преследует лихих людей.

Процесс, составившийся таким образом, до Уложения стоит рядом с обвинительным и независимо от него. После Уложения следственные начала проникают и в «суд», пока, наконец, при Петре всякий процесс делается розыском.

Границы между «судом» и «розыском», по московскому праву, не совпадают с границами уголовного и гражданского судопроизводства по современному праву: дела гражданские относительно крепостных решаются розыском; все дела уголовные, совершаемые неведомыми лихими людьми, судятся обвинительным процессом («бой и грабеж»).

8.2. Подсудность

Подсудность была различна в зависимости от рассматриваемого дела, а именно: в делах гражданских она иногда определялась ценою иска; так до времен царя Михаила Феодоровича во Пскове местные судебные власти имели право рассматривать только дела, не превышавшие 100 рублей; во всех исках больше этой суммы тяжущиеся отсылались в Москву; но большею частью основанием определения подсудности служило место жительства: «а судом потянуть по земле и по воде», а в делах уголовных место преступления: «а татя, разбойника, грабежника, душегубца, где имут тут и судят».

От общей подсудности наместникам и воеводам были изъяты:

1) духовенство, по делам духовным и светским; люди, жившие на землях монастырских, митрополита и церковных, над которыми суд по делам гражданским, а иногда уголовным, принадлежал начальствующим духовным лицам; также люди, жившие на землях владельческих;

2) люди всякого чину средних и малых городов в больших своих тяжбах судились в Москве;

3) стрельцы, в делах гражданских подчинены Стрелецкому приказу;

4) воеводы не могли судить в своем округе людей какого бы ни было звания в том случае, когда эти люди подавали на них жалобу в обидах или в какой-либо с их стороны на себя неприязни; тогда такие лица судились воеводами других городов, а именно таких, которые отстояли не более как на 100 или 150 верст от городов, в коих находились такие челобитчики;

5) многие частные лица, например, именитый род Строгоновых, подчиненный судебному ведомству Новгородского приказа;

6) торговые люди, приезжавшие по своим делам к Архангельску, судились своим собственным судом, и вообще все иноземцы торговые, подчиненные непосредственно Посольскому приказу;

7) посадские люди рода Романова в исках на них посторонних лиц отвечали только в Посольском приказе;

8) жители г. Юрьевца Повольского, во время поездок своих по делам торговли и жители дворцовой Переяславской рыбной слободки во всех делах подсудны были одному Приказу Большого дворца.

8.3. Суд

Сторонами в процессе могли быть все: монахи, холопы, несовершеннолетние (см. Суд. 1-й, ст. 49, Суд. цар., ст. 17; по ср. Улож., XVI, 23, XVII, 13; о праве холопов ук. кн. вед. казы., ст. XX); не мо-

гут искать люди, обвиненные в крамоле и «составе» и в клятвопреступлении, а также дети на родителей (см. уст. кн. вед. казы., ст. XX; Улож., XXII, 6). Взаимное отношение сторон до суда (вызов) определяется и здесь договором; но в заключение договора власть вмешивается гораздо решительнее, чем в древнерусском процессе. Отношения устанавливаются посредством «челобитной», «приставной памяти» и «срочной»: первая определяет границы спорного права, вторая — к какому судье идти (что, впрочем, в московскую эпоху не следует понимать в строгом смысле при общем государственном распределении подсудности); третья определяет срок явки (который также уже зависит не от договора сторон, а от усмотрения судьи, так что иногда сроки наметывают силой). В середине московского периода некоторые местности и классы выхлопывали себе постоянные общие сроки для вызова в суд; например, крестьяне могли быть вызваны только от 1 октября до 1 апреля (см. указ 1642 г.). Договорные отношения сторон постепенно отстранялись государством: так, вызов через приставную память уступил в эпоху Уложения место вызову через «зазывную грамоту» (Улож. X, 100 и др.); первая удержалась только для Москвы и ее ближайших окрестностей. Различие последствий вызова через приставную память и зазывную грамоту состояло в том, что не явившийся к суду по вызову первого рода тотчас обвинялся без суда; напротив, к неявившемуся по вызову второго рода, но давшему по себе поруку, посылались 2-я и 3-я зазывные грамоты и лишь после того неявившийся был обвиняем без суда; если же ответчик не давался в поруку, то воевода брал его насильно через пушкарей и затинщиков. Кавелин отказывается понять эту разницу двух способов вызова; но основания ее очевидны: в первом случае неявившийся сам нарушает договор; во втором его личная воля не участвовала (см. выше). Лица, на которых возлагалась власть вызова, именовались недельщиками и ездоками в Москве и доводчиками в провинциях (Суд. 1-й, ст. 28—36; Суд. цар., ст. 44—50, 53, 54; уст. Бел. гр., 3—5, 16, 22). Договор скрепляется непременно поручительством, на поруки можно отдать насильно по распоряжению власти (Улож. X, 117, 140, 229). Необходимыми поручителями были соседи и сродники (которые составляли между собой круговую поруку, что, впрочем, исчезло в эпоху Уложения. Целью поруки первоначально было не только представление ответчика к суду, но и обеспечение иска в случае его неявки; но в Уложении осталась только первая цель.

Стороны могли не являться в суд лично; их заменяли естественные представители — родственники и люди (Улож. X, ст. 108, 109, 149, 156, 157, 185; ср. указн. кн. зем. прик. V; XIII, 3 и 12);

только за неимением таких допускаются свободные представители, которые большей частью были холопы (ук. кн. ведом. казн. XX) и для которых до 1690 г. не требовалась доверенность. Последствием этого была ничтожность права поверенных и легкая возможность восстановления решенных дел.

На самом суде стороны подают «ставочные челобитные». Последствием неявки в срок для ответчика была выдача «бессудной грамоты», т.е. утверждение права за истцом так, как если бы суд состоялся; неявка истца вела к прекращению иска. Явившиеся не должны были съезжать с места производства суда под угрозой тех же последствий; в 1645 г. из этого сделано исключение для дел, основанных на крепостных актах (ук. кн. зем. прик., ет. X, 1, 3, 4; XIII, 4, 5, 11; XXXVII, и XLVII; Улож, X, 108, 109, 118, 149, 185; XVI, 59; XVIII, 22—23; XX, 111, 119).

В эпоху Уложения пассивная роль судьи в процессе становится все более активной.

Судебные доказательства

9.1. Послушество

Послушество принимает в московском процессе следующие формы.

1. *Ссылка из виноватых*, когда сторона ссылается на одного свидетеля с условием подчиниться обвинению, если свидетель покажет против сославшегося. Ссылка из виноватых имела безусловное значение для обеих сторон до эпохи судебныхников потому, что тогда еще существовало поле, на которое могла вызвать послуха противная сторона. Ее всегдашнее второстепенное значение есть обвинение той стороны, которая на нее сослалась. Безусловное значение ссылки, по уничтожении поля, признается в следующих случаях: при ссылке одной стороны на отца или мать другого, при ссылке на несколько лиц (не менее 10) служилых (при иске до 50 руб.) и остальных (при иске до 20 руб.), если эти лица показывают единогласно (Ук. кн. ведом. казн., ст. У, 9; Улож., X, 153—159, 160, 176).

2. *«Общая ссылка»* — остаток третейского решения споров — есть ссылка обеих сторон на одного и того же или на одних и тех же послухов. Однако закон ограничивает право сторон в выборе третьих: нельзя ссылаться на людей, слышавших о факте, но не видевших его; общей ссылкой не может быть лицо, зависимое от одной из сторон. Значение показаний общей ссылки ослабляется в эпоху Уложения: допускается обвинение общей ссылки в подкупе и пристрастии; допускается отвод общей ссылки для другого дела, решаемого в том же заседании.

3. *Свидетелями могли быть лица совершеннолетние*; не могли быть свидетелями жена против мужа, дети против родителей, холопы против господ. Свидетель из высших классов предпочитался свидетелю из низших: «свидетельство одного человека из благородного класса (говорит Герберштейн) значит больше, чем свидетельство многих людей низкого состояния» (в пер. Аноним., стр. 84). Явка свидетеля обязательна; с неявившегося без уважительной причины взыскивается весь иск, убытки и пошлины (Суд. цар., ст. 13; ак. юрид., № 13).

4. *Повальный обыск* в делах судных допускается за неимением общей (поименной) ссылки или ссылки из виноватых (см. ук. кн.

вед. казн., У, 1, 3—6; уст. кн. разб. прик. У1; сведения о повальном обыске излагаются ниже в истории розыска).

9.2. Суды Божии

1. *Поле* в эпоху Судебников еще общеупотребительно; оно происходит между истцом и ответчиком, послухом и стороной и между послухами одной стороны при разноречии их. Стороны должны иметь стряпчих и поручников, которые, наравне со сторонними, отклоняются от участия в битве; равенство сторон наблюдается теперь физическое. Наймитство (Суд. цар., 13 и 14) допускается так же, как в Псковской судной грамоте. Поле допускается только в личных исках: бой, заемное дело, поджог, душегубство, разбой, татьба (Суд. 1-й, 4—7, 69; Суд. цар., 13—14; ук. кн. вед. казн., V, 15). Поле исчезает незаметно в начале XVII в.

2. *Крестное целование*, т.е. присяга сторон, допускается в исках, превышающих один руб., для лиц совершеннолетних и целовавших крест не более двух раз в жизни. Вспомогательное значение ее при поле такое же, как и в древнем процессе, она постепенно заменяет поле. Право присяги решается жребием (Ук. кн. прик. холоп. суда, ст. X; Указ. кн. зам. прик. X, 6; XIII, 12, XXXI, 4; Улож: XIV). Форма присяги была обставлена особенной торжественностью: присягали сначала в одной для того назначенной церкви в Москве (Николы Старого на деревянном кресте), затем в приказах, но в присутствии дворян, целовальников из сотен и подьячих, которые читали при этом извлечения из правил святых отцов и градских законов о клятвопреступлении; после указа 1673 г. (19 декабря) присяга совершалась в Москве в Архангельском соборе. Приводили к акту присяги три раза, причем в первые два раза лишь увещевали намеревающихся присягнуть; только в третий раз допускали к присяге. Несмотря на религиозную торжественность присяги, присягающий мог заменить себя естественным (но не наемным) представителем (муж за жену, сын за мать, люди за своих господ).

3. «*Жребий*», кроме вспомогательного (указанного выше) значения, в эпоху Уложения получает самостоятельное в делах менее рубля и в исках на лицах духовных.

9.3. Письменные акты

В эпоху Уложения только крепостные имеют безусловное значение; в эпоху Уложения их можно было отвергать только при уголовном обвинении противной стороны в насильственном исторжении актами подлоге (ул. кн. зем. пр., XXIV; Улож., X, 246—247).

9.4. Сила судебных решений

Прежде, при отсутствии письменного делопроизводства в личном интересе судей в процессе, была легкая возможность восстановления решенных дел. Восстановление дел было особенно часто при перемене лиц, бывших субъектами спорного права (при переходе прав, утвержденных судом, по наследству, и другим путем), и при смене лиц, представляющих судебную власть (особенно же при наступлении нового царствования). Судебник 1-й косвенно запрещает восстановление решенных дел (в ст. 97). Уложение воспрещает, под страхом наказаний батогами и уплаты «проестей» и волокит, повторение иска, если это тот же самый иск, против того же самого лица; в исках вещных смена физических лиц — субъектов прав, например, епископов и игуменов в церковных вотчинах, помещиков и вотчинников в частных, не признается обстоятельством, допускающим восстановление решенного дела. Дела, решаемые мировой сделкой, требуют записи об этом, чтобы их вновь не начинать (Улож., X, 154; XV, 1—5). Судебное решение с самого начала Московского государства облекалось в форму «правой грамоты».

Что касается способа исполнения судебных решений, то все личные иски обращаются на лицо. Отсюда «правеж», самая обыкновенная (но не единственная) форма, которая состоит в битье прутьями перед приказом ежедневно, с первого часу дня до окончания заседания. За каждые 100 руб. полагается один месяц правежа для всех и два месяца — для служилых (которые не выдаются головою до указа 15 января 1628 г., когда велено было выдавать и их «головою до искупа» см. ук. кн. зем. пр., X, 7). На правеж могли до 1681 г. быть взяты холопы и крестьяне за господина; после 1681 г. это право осталось только за самыми высшими лицами. При недействительности этой меры следует выдачи головою обвиненного оправданному. Выдаются должники с малолетними детьми, а по указу 1688 г. — и с женой; заработная плата мужчинам таксирруется по 5 руб., женщинам по 2,5, детям свыше 10 лет — по 2 руб. в год. При конкурсе следует поочередная отработка долга. Со времени Уложения взыскание постепенно распространяется на недвижимую собственность: на пустые вотчины, с 1656 г. — на пустые поместья, а с 1635 г. — на всякие имущества (Суд. цар., ст. 55; уст. Важ. гр.; ук. кн. зем. пр., X, 7—8; ук. вед. казн. ст., III, XII и XVI).

10.1. Стороны

В розыске истцом является государство; это начало развивается постепенно: через запрещение самосуда (Уст. кн. разб. прик. 66; Улож. XXI, 79), возложение на общины обязанности отыскивать преступников и большой повальный обыск; запрещение мировых по уголовным делам и обязанность частного лица продолжать начатый (уголовный) иск (Уст. кн. разб. прик. ст. 41; ук. кн. зем. пр., ст. 17). Твердое применение этого начала к государственным преступлениям совершенно понятно.

В розыске отношение сторон до суда уже не договорное: вместо приставных здесь практикуются «записи» (см. Суд.ц. 75), «зазывные грамоты», приказ арестовать и привести обвиняемого и «погонные грамоты» — приказ местным властям и соседям поймать обвиняемого. Одно из характерных отличий древнерусского права есть широкое развитие поручительства взамен ареста; обыкновенно поручителями были родственники и члены той же общины (см. Судеб. 1-й, ст. 34—36; губн. Белг. гр.; Судеб. цар., 53, 54, 70; Уст. Важ. грам.; уст. кн. раз б. прик. ст. 4 и V).

Положение сторон на суде. В розыске сам суд изыскивает доказательства, судоговорение превращается в «допрос» и «очную ставку»: за сговор с обвиняемым истец сам подвергается пытке. К этому же ведет «сыск» (обзор следов преступления на месте).

10.2. Средства розыска

1. *Поличное*, которое имеет силу лишь тогда, когда вещь вынута у обвиняемого из-за замка (уст. Белоз. гр., ст. 11; уст. кн. разб. пр., 21—23; Улож., XXI, 50—57). Древнее безусловное значение поличного постепенно падает.

2. *Повальный обыск* есть остаток старинного права общин участвовать в суде; существует мнение, по которому обыск возникает из обязанности общин ловить преступников. При возникновении розыского процесса (в губных учреждениях) обыск превращается в

судебное доказательство, превышающее по своей силе все другие; в эпоху указных книг и Уложения он делается одним из судебных доказательств, сила которого может быть ограничена другими доказательствами (повальный обыск в делах судных введен по примеру розыскного процесса). Хотя он признан неотводимым, но при противоречии обыска другим доказательствам, особенно собственному признанию, обыск ведет к нерешительному приговору (т.е. нейтрализует силу остальных судебных доказательств). Вообще сила обыска падает по мере превращения его в одно из судебных доказательств (Суд. 2-й, ст. 52, 56). Форма обыска такова: по наказной памяти обыскные люди собираются в город и подают голоса лично. Прежде (до указа 1588 г.) обыскные люди высылались в Москву для проверки обыска (ук. кн. вед. казн. ст., X и ст. V, 3). Число обыскных людей неопределенно; Судебник назначал 10—15 детей боярских или 15—20 крестьян; уставные грамоты — от 50 до 10 человек. В период указных книг и Уложения различается большой и малый повальный обыск. При обыске не должны быть ни стороны, ни их поверенные. «Порозжие столбцы» — бланки — при обыске запрещены в 1691 г. Обыскной список отсылается судье. Показания большинства решают дело; но единогласие тем не менее требуется (уст. кн. разб. пр. ст. 7; Улож., XXI, 42); при разделении голосов на большинство и меньшинство производится дознание — какая сторона солгала; солгавшая наказывалась денежным штрафом или кнутом; при разделении на равные части обыск повторяется (ук. кн. вед. казн., V, 4—5; уст. кн. разб. пр., VI). Допускался отказ людей от определенных показаний, т.е. заявление их о неведении насчет лица или факта (уст. кр. разб. пр., ст. 11). Эти обстоятельства уменьшали свободу и беспристрастие в показаниях обыскных людей, а это уменьшало силу показаний повального обыска (уст. кн. разб. прик., ст. 6, 8—9). Беспристрастие показаний обыскных людей мешала и полицейская обязанность общин указывать воров и разбойников. Со времен новоуказных статей 1669 г. обыск переходит в простое свидетельское показание.

3. *Собственное признание и пытка.* До узаконений царя Федора Иоанновича собственное признание не было необходимым и последним способом судебных доказательств в розыске (уст. кн. разб. пр., ст. 9; ср. ст. 6), хотя вынуждение собственного признания пыткой началось уже в первом периоде (см. выше). Судебник 1497 г. предписывает пытать татя «бесхитростно» (т.е. усердно); целью пытки, впрочем, было тогда не столько вынуждение собственного признания, сколько оговор других людей — соучастников преступления. Царский Судебник усиливает значение собственного при-

знания как цели пытки (Суд. 1-й, ст. 34, Суд. цар., 56). Со времен указа царя Федора Иоанновича пытка становится главным средством розыска и практикуется в разнообразных формах (преимущественно в форме «дыбы») до времен Екатерины II.

10.3. Приговор и его исполнение

В розыске возможны нерешительные приговоры, именно при противоречии доказательств, а потом всегда при отсутствии собственного признания; если нет собственного признания, но обыск «лихует» обвиняемого, то этот последний, вместо следовавшей ему казни, заключается в тюрьму пожизненно (Уст. кн. разб. прик. 12); если же на обыске одобряют, то обвиняемый дается на чистую поруку с записью, «что ему впредь не красти и не разбивати» (Улож. XXI, 29, 36 и др.).

Приговоры по розыскным делам приводятся в исполнение силами самого государства. В отношении к уголовным делам право государства и наказание преступника постепенно торжествует над правом частных истцов (потерпевших) на вознаграждение.

Уже в конце московского периода следственные начала в значительной степени проникли и в обвинительный процесс, а границы розыска (в тесном смысле) постепенно расширялись за счет форм общего процесса. Но до Петра Великого вообще надо признать еще состязательные формы процесса общим явлением, а следственные — исключением. Петру I принадлежит обратная постановка дела. Ему не нравились сложные и состязательные формы суда; ему не нравилась свобода сторон в назначении цены иска, наем поверенных («нанимают за себя, в суд... ябедников, воров и душепродавцев», — говорит он с укоризной). Сначала реформатор воспользовался готовыми (московскими) формами розыска, предписав в 1697 г.: «суду и очным ставкам не быть, а ведать все дела розыском» (П. С. 3., М 1572). Затем к воинскому уставу 1716 г. было приложено «краткое изображение процессов», заимствованное из западных источников; здесь нашло себе место полное применение понятия следственного (инквизиционного) процесса; процесс становится тайным и письменным (вместо судебного установления двукратный обмен бумаг между сторонами). Поверенные допускаются только при невозможности для сторон лично явиться в суд и только по некоторым делам. Важнейшим недостатком петровского «процесса» обычно считают введение им учения о формальном значении доказательств (т.е. заранее установленной оценке их законом, а не судьей). Но при исключительном господстве следственных начал в процессе это

скорее достоинство, чем недостаток: ибо произвол, данный судьбе, был столь велик, что без ограничения его теорий формальной силы доказательств само понятие о суде утрачивалось бы: приговор является простым распоряжением судьи по его усмотрению. Судебные доказательства, допущенные «процессами», следующие.

1. *Собственное признание* — «это лучшее свидетельство всего света». Благодаря такому ошибочному взгляду процесс преимущественно направляется к исторжению собственного признания пыткой, применение которой еще более возросло сравнительно с московским периодом.

2. *Свидетельские показания*. Здесь уже находимо подробное обозначение качеств свидетелей со стороны моральной, пола, общественного положения и отношения их к сторонам. Во-первых, к свидетельству вовсе не допускаются люди опороченные. Не только по *infamia mediata*, но и *immediata* (преступники, явные прелюбодеи, люди, не бывшие у исповеди); во-вторых, сила свидетельских показаний выше, смотря по тому, если свидетель мужчина (а не женщина), знатный человек (а не простолюдин), духовный (а не светский) и ученый; в-третьих, свидетельство родственников вовсе не принимается. Число свидетелей определяется со стороны минимума: показание одного не считается совершенным доказательством.

3. *В процессе этого периода уцелел один из видов суда Божия*. А именно очистительная присяга, к которой допускается обвиняемый в том случае, когда против него не было других достаточных улик; впрочем, законодатель неодобрительно смотрит на присягу, предпочитая лучше оставить человека в подозрении.

В числе лучших доказательств считались письменные (разумеется, в делах гражданских).

Оценка относительной силы доказательств выражается в «процессах» терминами «совершенное доказательство» и «несовершенное», но эти категории в действительности вовсе не применяются к перечисленным их видам. Всякое доказательство принимается за совершенное только при известных условиях так, собственное признание («лучшее свидетельство всего мира») должно быть проверено; свидетельские показания оцениваются судом по лицам свидетелей и обстоятельствам; даже присяга (остаток прежних безусловных средств процесса) заподозревается допущением возможности клятвoprеступления. Остаются только косвенные улики, совокупности которых воинский процесс отказывает в силе непреложного доказательства.

Законодатель не объяснил, к какого рода судам и делам должно быть применено «краткое изображение процессов». Очевидно, по

первоначальной его мысли, применение его ограничивается военными судами. Иначе трудно сказать, почему через семь лет после издания воинского устава последовал (1723 г.) новый устав судопроизводства, озаглавленный «О форме суда» (П. С. 3., № 4344). Это есть восстановление старого состязательного процесса с некоторыми (впрочем, существенными) изменениями: все изменения клонятся к сообщению судье более активной роли при борьбе сторон, так как «на судах много дают лишнего говорить»; тогда введена форма прошений по пунктам, стеснение сторон в сроках явки к суду.

«Суд по форме» должен был иметь применение во всех невоенных судах, в том числе уголовных: «все суды и розыски имеют по сей форме отправляться (говорится в указе), не надлежит различать как прежде бывало один суд, другой розыск, но только один суд». Некоторые главные постановления суда по форме не применяются, однако, к делам об измене, «злодействе», оскорблении величества и бунте (ст. 5). Уже при самом Петре I (1724 г.) действие «процессов» и «формы суда» распределены по отношению ко всем судам империи так: последняя должна действовать при решении гражданских дел («партикулярных»), первые в делах уголовных («доносительных и фискальных»). 3 мая 1725 г. сенат истолковал, что под названием «злодейства» разумеются преступления против веры, убийство, разбой, татьба. Итак, общее значение суда по форме исчезло; к этому привели практика и последующие узаконения: с одной стороны, воинские «процессы» реципированы для невоенных судов, с другой — найдено было невозможным руководствоваться в уголовных судах «судом по форме». Однако такая двойственность форм процесса (гражданского уголовного) не удержалась: как узаконения, так и практика решительно склонялись в сторону инквизиционного процесса. Екатерина II (ук. 27 июля 1765 г.), предписав руководствоваться «формой суда», тем не менее тут же отменила устное судоговорение и ввела письменное производство (для судебных комиссий, учреждаемых за счет обвиняемых). Замечательно, что и депутаты Екатерининской комиссии не одобряют состязательный процесс, как он установлен в «форме суда»; но это и неудивительно, ибо от состязательного процесса осталась, действительно, только форма, которая лишь усложняла и удлиняла процесс, между тем как самые дела решались по инквизиционному усмотрению судей. Распределение при Екатерине II гражданского и уголовного суда по двум палатам не привело к установлению двойственного процесса. «Форма суда» постепенно забывалась, существуя в законе до последнего времени (Свод зак., т. X, ч. 11, ст. 1062—1125).

Областные судебные функции в Московском государстве принадлежали провинциальным правителям как их главные функции. Судебные функции наместников с судом боярским отличались от функций наместников без суда боярского: первые могли решать высшие уголовные дела и некоторые дела о холопстве окончательно, вторые — нет. После замены наместников губными и земскими учреждениями (в XVI в) уголовно-судебные функции первых постепенно перешли к губным (сначала по делам о разбое, а потом и по прочим преступлениям, кроме политических). К земским учреждениям перешли и гражданские судебные дела (кроме дел вотчинных и поместных).

Судебные функции воевод (в XVII в.) различаются смотря по тому, находятся ли при них дьяки или нет: в первом случае они в гражданских делах рассматривают иски на любую сумму (по Котошихину, до 10 тыс. руб.); во втором — рассматривают иски только по 20 руб. и не судят дел вотчинных, поместных и холопых. В уголовных делах только воеводы более или менее отдаленных областей могли казнить смертью без доклада.

В XVII в. судебные функции земских учреждений перешли к общинным судебным органам с некоторым сокращением компетенции, совершенно одинаковой в городских и волостных судах.

10.4. Вотчинные суды

Виды вотчинного суда соответствуют разрядам владельцев вотчин. А именно: а) дворцовый суд для суда над крестьянами дворцовых вотчин; центральный орган его — Большой дворец в Москве: в селах и волости судили посельские и приказчики; б) вотчинный суд монастырей и других церковных учреждений управляется патриаршим дворцом в Москве, местными епископскими дворами в епархиях и монастырскими судебными властями, а в селах тиунами и приказчиками; в) Суд светских владельцев в больших вотчинах составляет сложное учреждение, в которое входят «приказ» при особе боярина в Москве, главные приказчики для целого ряда вотчин одного боярина в определенной местности и «вотчинная съезжая изба» и приказчики в отдельных вотчинах. Местные вотчинные судьи получают наказания, во всем сходные с наказаниями царским воеводам; в них круг власти определяется точно. Между этими органами вотчинного суда во всех разрядах его существуют инстанционные отношения (перенос дел по апелляции и по докладу). Пределы компетенции вотчинного суда ограничиваются исками и решением низших уголовных дел. Круг лиц, подлежащих вотчинному суду,

ограничивается людьми, зависящими от вотчинника; если иногда приказчики бояр судят и пытаются церковных людей (дьяков), то это — злоупотребление. В вотчинах были свои тюрьмы и колоды. Основания вотчинно-судебных функций в Московском государстве не вполне частные, но частно-государственные: право суда приобретается по частным сделкам (вместе с приобретением вотчин), но суд отправляется в государственных интересах. Сначала государство определяет в жалованных грамотах пределы вотчинного суда и самое право суда только тем, кому дана грамота. Затем, когда утверждается общая норма этого суда для всех владельцев, регулирует его, участвуя в назначении судей: архиерейские бояре назначаются с согласия государя.

Иногда право частного (не вотчинного) суда непосредственно исходит от государства: таков, например, суд откупщиков.

10.5. Участие населения в суде

Как в судах государственных (провинциальных), так и в сословных и вотчинных судах производится при участии местного населения, а именно выборных правителей общин — сотских и старост и судных мужей (до XVI в.) или целовальников (с XVI в.). Судные мужи — это лучшие или «добрые люди», представлявшие население не по выбору, а по своему положению в местном обществе, в неопределенном. Это остаток древнего участия в суде целой общины. С середины XVI в. институт судных мужей переходит в учреждение целовальников, т.е. лиц, специально выбранных для суда и целовавших крест; число их в каждой волости и посаде не определено законом. В вотчинно-церковных судах к составу судных мужей присоединялся местный священник. В вотчинно-светских судах избираются населением крестьяне «добрые, разумные, правдивые». В церковно-сословных судах судными мужами были поповские старосты и десятские священники (Стоглав, гл. 63). Следует, однако, иметь в виду, что существование судных мужей и целовальников не отстранило вполне участие целых общин в деле суда. Когда приказчик боярина Морозова жестоко пытал обвиняемую женщину, то за нее «миром вступилися» и клеветник-обвинитель признался «при выборных, при целовальниках и при всем мире»¹. Участие населения в суде признано необходимым сначала по обычаю, потом по закону в местных грамотах. Роль судных мужей и целовальников определяется следующими чертами: они удостоверяют (при докла-

¹ *История судебных учреждений в России.* СПб., 1851.

де), что суд действительно был и именно такой, как записано в судебном списке, отстраняют взяточничество и пристрастие на суде, определяют меры средств пресечения обвиняемому уклоняться от суда, т.е. могут заменить арест поруккой, и несомненно участвуют в решении вопроса как знатоки местного обычного права.

10.6. Инстанции

В начале московского периода инстанционных отношений между органами суда не заметно, так как единый источник судебной власти — великий князь — лишь делегировал на время свое право суда другим лицам. В XV в., при системе кормления, складываются две инстанции: провинциальный суд наместников и волостелей и центральный суд — бояр и великого князя. В XVII в. можно различить три инстанции: суды провинциальные, приказы и боярскую думу. Многие приказы судили в качестве первой инстанции. С другой стороны, губные и земские власти, а также воеводы более важных и отдаленных городов получали право безапелляционного суда. Дела могли переходить из низших в высшие инстанции по докладу и по жалобе, что называлось «пересуд». Апелляция каждый раз являлась жалобой на умышленное неправосудие и имела вид суда с судьей, хотя закон знает уже и возможность добросовестного неправого решения.

Судебные органы Российской империи в XVIII — первой половине XIX в.

11.1. Судебные учреждения России в период Петровских преобразований (конец XVII — первая четверть XVIII в.)

Комплексное реформирование российской государственной, общественной и культурной жизни, проводимое Петром I в конце XVII — первой четверти XVIII в. не могло обойти стороной такую важную составляющую государственной власти, как власть судебную. В этот период была проведена не только реорганизация судебных учреждений, но и предпринимались попытки изменения принципов функционирования судебной системы в целом.

Деятельность судебных учреждений в России в конце XVII — первой четверти XVIII в. базировалась на определенных принципах. В ряде случаев они осознавались законодателем. Более того, делались попытки изменить принципы, существовавшие ранее (например, Петром I предпринимались целенаправленные шаги по отделению власти судебной от власти административной). В других случаях наличие принципов вытекало из сущности общественного строя (например, принцип сословности суда).

Среди принципов организации судебных учреждений в Петровскую эпоху можно назвать следующие.

1. Неотделенность власти судебной от власти административной.
2. Множественность судебных учреждений, отсутствие целостной иерархичной судебной системы.
3. Коллегиальный характер судебных учреждений.
4. Сословный характер судебных учреждений.
5. Надзор за судебными учреждениями со стороны фискалов и прокуроров.
6. Высшая судебная власть принадлежала монарху.

В допетровской России, пожалуй, определяющим принципом функционирования государственных органов была неотделенность власти судебной от власти административной, когда одни и те же

учреждения выполняли и судебные, и административные, а нередко, и другие функции. Естественно, на практике это приводило к негативным последствиям. Петр I осознавал эти недостатки и пытался отделить власть судебную от власти административной путем создания органов, наделенных исключительно судебными полномочиями. Однако в реальности этого не получилось. Скорее всего, в тот период времени это было и невозможно, так как в России сама идея разделения властей не обладала какой-либо популярностью.

Другим принципом организации судебной власти была множественность судебных учреждений (точнее, государственных органов, обладающих судебными полномочиями). Недостатки такой организации судебного дела в России также осознавались Петром I. Он пытался его устранить путем создания (впервые в истории России) иерархичной судебной системы. Собственно судебная система действительно начала выкристаллизовываться (об этом пойдет речь в дальнейшем), однако структурной четкости в ней в первой четверти XVIII в. так и не было.

Принцип коллегиальности «красной нитью» проходил через формирование всей системы органов государственной власти. Коснулся он и судебных учреждений. В результате реформаторской деятельности Петра I в России практически все судебные споры в первой четверти XVIII в. (за редким исключением — например, суда помещика над своими крестьянами) рассматривались коллегиально, а не индивидуально, но с персональной ответственностью каждого за вынесенное решение. Тем самым делалась попытка поставить заслон на пути судебной коррупции.

Сословный характер судебных органов, как в предшествующий, так и последующий период (до отмены крепостного права в 1861 г.) вытекал из сущности общественного устройства России. Для различных социальных слоев существовали свои судебные органы или, по крайней мере, особый порядок рассмотрения конфликтов.

11.2. Высшие судебные учреждения

Как и во всех монархиях (особенно — абсолютных), царь (впоследствии — император) являлся высшим судьей, был последней инстанцией в любых, в том числе и судебных вопросах. Естественно, участие в оправлении правосудия великого князя периода Киевской Руси и российского императора первой четверти XVIII в. — несопоставимо. Первый лично и непосредственно разбирал судебные споры. Для второго данное полномочие имело важное, статусное, но, скорее, формальное значение. Этот тот случай, когда важ-

нее иметь право на что-то, чем реально его использовать. Петр I, по-видимому, предполагал оставить за собой лишь функцию высшего судебного контроля, однако это у него не получилось. Обладание высшими судебными полномочиями было для монарха весьма обременительным. Его буквально заваливали прошениями, ходатайствами и прочими челобитными.

В 1699 г. вышел царский указ, разрешавший подачу челобитных напрямую царю, только если спорное дело уже было рассмотрено судом и его решение не удовлетворило челобитчика¹. В следующем, 1700 г., Петр I издал указ, подтверждающий указ 1699 г. и запрещающий обращаться непосредственно к царю, минуя местные органы².

В дальнейшем Петр I, создавая новые учреждения (Сенат, коллегии и пр.) неоднократно (в 1711, 1718, 1721, 1722 гг.) издавал указы, имеющие целью освободить его от разбора судебных споров. Тем не менее, Петр I и формально, и фактически являлся высшей судебной инстанцией в государстве.

В феврале 1711 г. именным указом Петра I был создан Сенат — высший коллегиальный государственный орган, обладавший законодательно-распорядительными, судебными, надзорными, финансовыми и другими функциями. Члены Сената назначались царем. Изначально было назначено девять сенаторов. С 1718 по 1722 г. в состав этого органа входили президенты всех коллегий. Позже в нем остались президенты только четырех коллегий: иностранной, Военной, Адмиралтейской и временно Берг-коллегии³. В состав Сената в разное время входили и другие должностные лица (обер-фискал и др.). При Сенате была учреждена канцелярия во главе с обер-секретарем. С 1722 г. возглавлял Сенат генерал-прокурор.

Уже в первом пункте именного указа от 2 марта 1711 г. «О поручении Правительствующему Сенату попечения о правосудии, об устройстве государственных доходов, торговли и других отраслей государственного хозяйства» указывалось, что Сенат должен «суд иметь нелицемерный и неправедных судей наказывать отнятием чести и всего имения, то же и ябедникам да последует»⁴.

Таким образом, судебная функция изначально являлась одной из определяющих в деятельности Сената. Уже в 1712 г. в составе

¹ См.: *Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое* (далее 1ПСЗ). № 1707.

² См.: там же. № 1748.

³ См.: *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1968. С. 81.

⁴ 1ПСЗ. № 2330.

Сената была образована Расправная палата, ранее функционировавшая в рамках Боярской думы. В нее входили от одного до пяти сенаторов, а также назначенные Сенатом «судьи расправных дел». Для технического обеспечения деятельности Расправной палаты создавалась канцелярия расправных дел. По сути, Расправная палата являлась судебным департаментом Сената¹.

Расправная палата существовала в составе Сената с 1712 по 1718 г. (позже она была передана в Юстиц-коллегию). В основном она разрешала дела, рассматривавшиеся ранее в центральных учреждениях и губернских канцеляриях. Кроме того, в ее компетенцию входило рассмотрение дел, направленных непосредственно Сенатом. В качестве суда первой инстанции Расправной палате были подсудны уголовные дела, возбужденные по доносам фискалов.

По всем перечисленным категориям дел Расправная палата ежемесячно докладывала Сенату. Общее присутствие Сената либо утверждало вынесенные приговоры, либо пересматривало решения Расправной палаты.

С 1714—1715 гг. Сенат окончательно становится высшей судебной инстанцией. Подавать какие-либо жалобы на решения Сената запрещалось под угрозой смертной казни.

Являясь высшей инстанцией, Сенат оставался и судом первой инстанции по отдельным категориям дел. В первую очередь, по преступлениям должностным и преступлениям политическим. Однако, четкой регламентации подсудности Сената как суда первой инстанции не было определено. Как правило, то или иное дело рассматривалось по особому повелению монарха.

Важную роль в отправлении правосудия стал играть учрежденный при Сенате 23 февраля 1722 г. генерал-рекетмейстер. При нем создавалась особая рекетмейстерская контора. Главной функцией генерал-рекетмейстера было упорядочение прохождения судебных дел по инстанциям, сокращение волокиты. Именно генерал-рекетмейстеру подавались жалобы на несправедливые решения коллегий и канцелярий, именно он определял, будут ли переданы эти дела на рассмотрение Сената.

11.3. Центральные судебные учреждения

Предыдущую по отношению к Сенату судебную инстанцию составляли коллегии. Все коллегии, учреждение которых началось с 1717 г., а фактическое создание — в 1718—1720 гг., обладали судеб-

¹ См.: *Законодательство* Петра I. М.: Юрид. лит., 1997. С. 67.

ными полномочиями. По-видимому, это являлось своеобразным пережитком, идущим оттого, что коллегии заменили собой приказы. А характерной особенностью приказов как раз являлись судебные полномочия в соответствующей области государственного управления.

Устройство и порядок работы коллегий был строго регламентирован Генеральным регламентом, принятым 27 февраля 1720 г. Как и большинство органов Петровской эпохи, коллегии состояли из общего собрания членов (присутствия) и канцелярии, ведущей делопроизводство. В присутствие каждой коллегии входили президент, назначаемый царем, вице-президент, назначаемый Сенатом, но утверждаемый царем, назначаемые Сенатом четыре советника и четыре асессора. Таким образом, состав присутствия коллегии, как правило, составлял десять человек.

Все решения принимались коллегиально большинством голосов после обсуждения того или иного вопроса. При этом подача голосов шла, начиная с членов коллегии, занимающих низшее положение.

При коллегиях состояли фискалы, а с 1722 г. в каждую коллегию был включен прокурор для надзора за их деятельностью.

Канцелярией коллегии руководил секретарь. Генеральный регламент устанавливал, что в состав канцелярии должен входить нотариус (протоколист), регистратор, актуариус (хранитель бумаг), переводчик, канцеляристы, копиисты.

Каждое заседание присутствия коллегии сопровождалось ведением протокола.

Решения коллегий, связанные с телесными наказаниями приводились в исполнение прямо при коллегиях¹.

Как уже говорилось ранее, каждая коллегия обладала судебными полномочиями. Круг их был ограничен сферой деятельности коллегии. Например, Мануфактур-коллегия разбирала преступления, совершенные подчиненными ей членами цехов и фабричными рабочими. Камер-коллегии были подсудны преступления, совершенные против интересов казны. Коммерц-коллегия рассматривала споры с участием иностранных купцов, а также прочие торговые и вексельные дела.

Особое место среди учреждений, обладающих судебными полномочиями, занимала Юстиц-коллегия. Она являлась и судебным, и административным органом. В ее ведение отошли дела ряда старых приказов: Поместного, Сыскного, Земского, судных².

¹ См.: *Ерошкин Н.П.* Указ. соч. С. 90.

² См.: *Ерошкин Н.П.* Указ. соч. С. 92.

Юстиц-коллегия была апелляционной инстанцией по гражданским и уголовным делам для губернских и надворных судов, а также руководила их деятельностью. Юстиц-коллегия собирала сведения о заключенных в тюрьмах, пыталась систематизировать практику нижестоящих судов. В качестве суда первой инстанции Юстиц-коллегии были подсудны налоговые преступления, преступления, совершенные иностранцами, служившими в коллегиях, преступления духовных лиц, за которые полагалась смертная казнь.

В 1721 г. из Юстиц-коллегии выросла Вотчинная коллегия. Она являлась сословным органом, ведавшим дворянским землевладением. Как и другие коллегии, Вотчинная коллегия обладала судебными полномочиями, в частности в ее компетенцию входил разбор земельных, а также других споров между дворянами.

Кроме Вотчинной коллегии в России действовали и другие учреждения, наделенные судебными полномочиями и носившие при этом сословный характер. К их числу можно отнести, в первую очередь, Главный магистрат и Синод.

13 февраля 1720 г. был создан Главный магистрат. Устройство этого органа определялось Регламентом или Уставом Главного магистрата, принятым 16 января 1721 г. Как и прочие коллегии, Главный магистрат возглавлялся президентом и обер-президентом, назначаемыми царем. Кроме того, в его состав входили бургомистры и ратманы, также назначаемые высшей властью¹.

Глава X Регламента Главного магистрата «О судах гражданских» определяла судебные функции этого органа². Магистратскому суду было подсудно городское посадское население (купцы, ремесленники и пр.). Главный магистрат являлся апелляционной инстанцией для городских магистратов и ратуш по уголовным и гражданским делам, он был высшей судебной инстанцией для городского населения. Также Главный магистрат утверждал дела, на которые местные магистраты и ратуши вынесли смертные приговоры.

В Петровскую эпоху, как и в предшествующий период, церкви также принадлежала судебная власть. Петр I пошел по пути огосударствления церкви и, соответственно, сужения круга ее судебных полномочий.

В 1701 г. был создан Монастырский приказ. Ему были подсудны преступления, совершенные духовенством, а также население, проживающее в церковных вотчинах. Курс на постепенное сокра-

¹ См.: *Ерошкин Н.П.* Указ. соч. С. 93.

² См.: *Реформы Петра I: Сб. документов / Сост. В.И. Лебедев.* М.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1937. С. 194.

щение количества церковных вотчин неизбежно приводил и к сужению юрисдикции церкви.

В 1721 г. была учреждена Духовная коллегия — Синод, ставшая высшим органом церковного управления. При этом Синод обладал и судебными полномочиями.

К юрисдикции церковного суда относились уголовные дела (кража церковного имущества), преступления против православной веры (богохульство, раскольниковство, колдовство), семейные дела (бракоразводные, о неправильно заключенных браках), должностные преступления духовных лиц, а также дела по искам, поданным на лиц духовного ведомства.

Представители духовенства судились консисториями при епархиальных архиереях, управлениями духовных дел и Синодом. Таким образом, Синод стал и высшим судебным органом для духовенства. Исключение составляли дела о преступлениях, совершенных духовными лицами, за которые предусматривалась смертная казнь (они были подсудны Юстиц-коллегии).

Наряду с гражданскими и духовными судами в России функционировали и военные суды, которые составляли собственную систему. В принципе, военные суды можно считать тоже разновидностью сословного суда, так как их юрисдикция распространялась на лиц, принадлежащих к военному ведомству.

Низшей инстанцией военного суда был полковой кригсрехт. Апелляционной инстанцией по отношению к нему являлся генеральный кригсрехт. Высшую инстанцию по военным делам составляла Военная коллегия.

Генеральный и полковой кригсрехты были коллегиальными органами и состояли из тринадцати человек, но допускался и сокращенный вариант этих судов в составе семи членов.

Судьи военных судов не были профессионалами, они назначались президентом суда или военным начальством только из числа офицеров. К военным судам был придан технический персонал, обеспечивающий их нормальную работу: секретарь или протоколист и адъютант, исполняющий роль судебного пристава. Особое место в военных судах занимал аудитор. Он не входил в состав суда, а выполнял надзорные функции, наблюдал за правильностью хода судопроизводства.

Генеральному кригсрехту были подсудны дела о государственных преступлениях, совершенных представителями военного ведомства, дела, связанные с преступлениями высших воинских чинов, преступления, совершенные целыми частями или подразделениями. Кроме того, генеральный кригсрехт разбирал и гражданские споры между

представителями высокого офицерства¹. Рассмотрение всех остальных дел находилось в компетенции полкового кригсрехта.

Особое место среди судебных учреждений России занимали Преображенский приказ и Тайная канцелярия.

Преображенский приказ возник в 1695 г. из Преображенской избы, учреждения, обслуживающего резиденцию Петра I и заведовавшего «потешными» полками (Семеновским и Преображенским). Действовал Преображенский приказ до 1729 г. (с 1725 г. — под названием «Преображенская канцелярия»)².

Постепенно Преображенский приказ стал органом следствия и суда по политическим преступлениям (например, в нем рассматривалось дело о стрелецком бунте 1698—1699 гг., об Астраханском восстании и др.). Он подчинялся лично царю, а также Сенату. Деятельность Преображенского приказа охватывала всю территорию страны. Этому органу были подсудны государственные преступления. В Указе от 25 января 1715 г. к их числу были отнесены дела о злом умысле против царя, измене, о возмущении или бунте, о похищении казны.

20 марта 1718 г. в Петербурге была создана Тайная канцелярия путем преобразования из канцелярии, занимавшейся расследованием дела царевича Алексея (она была ликвидирована в 1726 г.). Компетенция этого органа во многом совпадала с компетенцией Преображенского приказа, но в основном сфера ее деятельности охватывала Петербург и прилегающие территории.

В Тайной канцелярии рассматривался достаточно широкий спектр государственных преступлений: дела о «непристойных выражениях» об особе государя и государственных деятелей, непочтение к царской фамилии, самозванстве, несоблюдении молебнов в царские дни, об измене, казнокрадстве, взяточничестве чиновников и др.

В некоторых случаях решения Тайной канцелярии могли быть обжалованы в Сенат. Но окончательной инстанцией здесь оставался монарх.

11.4. Местные судебные учреждения

В конце XVII — начале XVIII в. местный суд осуществлялся воеводами с помощниками (дьяками и подьячими). В компетенцию приказных изб, возглавляемых воеводами (в некоторых местностях они назывались приказными палатами), входило рассмотрение спо-

¹ См.: *Законодательство Петра I*. М.: Юрид. лит., 1997. С. 802.

² См.: *Ерошкин Н.П.* Указ. соч. С. 85—87.

ров гражданско-правового характера между служилыми людьми. Рассмотренные в приказных палатах дела ежегодно направлялись на ревизию в Московский судный приказ.

Наряду с приказными избами судебными полномочиями обладали земские избы, действовавшие в городах и селах. В их компетенции находились гражданские споры, возникшие между посадским населением.

Уголовное судопроизводство осуществлялось губными избами, куда входили губные старосты, целовальники и ряд других выборных должностных лиц.

В 1702 г. губные старосты были упразднены. С этого времени местное уголовное и гражданское судопроизводство перешло в руки воевод с выборными от дворянства (по 3—4 — в крупных городах, по 2 — в небольших городах). В 1713 г. в губерниях (впервые они были образованы в 1708 г.) были введены ландрихтеры, в функции которых входило осуществление судебного разбирательства.

В 1719 г. в России была проведена реформа местных судов. В качестве образца была взята шведская судебная система. Однако прямого заимствования не произошло. Были созданы две самостоятельные местные судебные инстанции: нижние (провинциальные и городские) и надворные суды.

Провинциальный суд состоял из обер-ландрихтера и ассессоров. Ему было подсудно сельское население. Городскому суду было подвержено городское непосадское население. Нижние суды рассматривали дела по уголовным преступлениям, совершенным дворянами и крестьянами, а также гражданско-правовые споры между дворянами.

Нижние суды были упразднены в 1722 г. Вместо них создавались новые провинциальные суды, состоящие из провинциального воеводы и одного-двух ассессоров. В города, удаленные от центра провинции более чем на 200 верст, воевода мог назначить судебного комиссара, который рассматривал незначительные уголовные и гражданские дела.

Именным указом от 8 января 1719 г. создавались надворные суды (гофгерихты) в Санкт-Петербурге, Москве, Воронеже, Казани, Курске, Нижнем Новгороде, Смоленске, Тобольске и Ярославле. Кроме того, был сохранен надворный суд в Риге, созданный еще шведами. В 1722 г. был учрежден надворный суд в Енисейске¹. Фактически надворные суды стали центрами первых российских судебных округов. Упразднены надворные суды были в 1727 г.

¹ См.: *Серов Д. О.* Надворные суды в судебной системе России // Журнал российского права. 2004. № 12.

Надворные суды имели коллегиальное устройство. Они состояли из президента, вице-президента и двух-шести ассессоров. Президенты надворных судов назначались либо царем, либо Сенатом, вице-президенты и ассессоры — Сенатом по представлению Юстиц-коллегии. При надворных судах существовали канцелярии, состоящие из секретарей, канцеляристов и подканцеляристов, копиистов, а также различных служителей (рассыльных, палачей, сторожей). С 1720 г. при надворных судах действовали прокуроры, которые должны были следить за законностью вынесенных решений, надзирать за деятельностью судов.

Надворные суды выступали в качестве второй инстанции по гражданским и уголовным делам по отношению к нижним судам, а после 1722 г. — по отношению к провинциальным судам. В качестве первой инстанции надворные суды рассматривали дела по доносам фискалов, а также уголовные и гражданские дела, возникшие в городе, где надворный суд находился (если там не было нижнего суда). Кроме того, только надворные суды могли выносить приговор (либо утверждать приговор нижних судов) по делам о преступлениях, за которые следовало наказание в виде смертной казни или ссылки на каторгу. Апелляционной инстанцией для надворных судов являлась Юстиц-коллегия.

Таким образом, впервые в российской истории была сделана попытка построения именно судебной системы. Выстроенная Петром I система не была долговечной, целостной и всеобъемлющей, так как сохранялись сословные суды, а также многочисленные учреждения, обладавшие судебными полномочиями. Тем не менее, судебная система начала выкристаллизовываться и приобрела следующий вид: нижние суды — надворные суды — Юстиц-коллегия — Сенат.

В 1723—1724 гг. в стране создавались городские магистраты. Магистраты, как и большинство государственных учреждений этого времени, имели коллегиальный характер. Возглавлялись они президентом, а в их состав входили бургомистры и ратманы. В зависимости от значения и величины города бургомистров было от двух до четырех, ратманов — от двух до восьми¹.

В число функций городских магистратов входил и суд над торгово-ремесленным, посадским населением. Таким образом, магистраты являлись сословными судами для горожан. Рассматривали они и уголовные, и гражданские дела. Смертные приговоры, вынесенные городскими магистратами, передавались на утверждение Главному магистрату.

¹ См.: *Ерошкин Н.П.* Указ. соч. С. 100.

Второй инстанцией для судов местных городских магистратов являлись провинциальные магистраты, высшей же инстанцией был Главный магистрат.

Спорные дела, возникшие у представителей городского сословия с лицами других сословий, рассматривались судом смешанного состава, включавшим судей и от магистрата, и от надворного суда. При этом Регламент или Устав Главного магистрата предусматривал, что если истцом являлось лицо, подведомственное магистратскому суду, то председательствовал в этом смешанном суде представитель от купечества, если истцом являлось лицо другого сословия, то возглавлял суд один из надворных судей¹.

Основная масса населения России — крепостные крестьяне — судились по большинству преступлений своими помещиками. Помещик же решал и гражданские споры между ними.

11.5. Особенности Петровских реформ

Свои преобразования в области судопроизводства Петр I начал с городов. 30 января 1699 г. издано было два указа. Первый из них — «Об учреждении бурмистерской палаты для ведомства всяких расправных дел между гостями и посадскими людьми, для управления казенными сборами и градскими повинностями и об исключении гостей и посадских людей из ведомства воевод и приказов»⁶. Второй указ формулировался в таких словах: «Об учреждении в городах земских изб для ведомства (ведения — авт.) всяких расправных дел между посадскими и торговыми людьми, для управления казенными сборами и градскими повинностями и об исключении торговых и посадских людей из ведомства воевод и приказов».

Изымая этими указами сбор налогов в городах из компетенции воевод и их органов, царь рассчитывал, что города (точнее их население: «посадские и купецкие и промышленные и уездные люди...») будут «платить в казну великого государя против прежнего оклада вдвое». Кроме того, новые органы городского самоуправления и судопроизводства — «бурмистерские палаты» и «земские суды» — тоже должны существовать за счет средств избирателей... В бурмистры и «в земские избы» должны были выбирать купцы (гости), посадские и другие категории городского населения «меж себя людей добрых и правдивых». Собранные налоги направлялись непосредственно «великому государю» «в доклад». Чтобы исполнить тре-

¹ См.: *Реформы Петра I*: Сб. документов /Сост. В.И. Лебедев. М.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1937. С. 194.

бурмистры должны были получить всю документацию («окладные книги») «из приказов». Ничего конкретного об организации судопроизводства во вновь избранных органах в текстах этих двух указов нет... Не прояснял этот вопрос и другой «именной» указ от 17 апреля 1699 г., где «гостинным» сотням и другим «сотням» (черным, надобно думать) и «белым» слободам предлагалось провести выборы повторно. Все эти указы встретили неодобрение тех, кому они были адресованы.

Первоначально только 11 городов из 70 приняли новую судебно-управленческую организацию. Центральное правительство продолжало инспирировать преобразования, причем старые органы посадского самоуправления сохранялись — бурмистерская служба надстраивалась над ними. Последствия в результате этих преобразований однозначно оценить трудно. Вероятно, в жизнь купечества и посадского населения эти преобразования привнесли больше путаницы и злоупотреблений, чем было раньше. Но своими действиями Петр I, несомненно, подрывал традиционную систему управления с ее отлаженной иерархией и усиливал режим личной власти будущего императора.

Подробно об этих «городовых» преобразованиях писал Ф. Дмитриев. Он подчеркивал, что первоначальный демократизм в организации городского самоуправления сменился сословным подходом. Ф. Дмитриев, в частности, писал: «Указом 27-го октября 1699 г., по управлению купеческим сословием, Россию разделили на провинции, приписав к большим городам, например, к Новгороду, Пскову, Астрахани и другим, малые города с уездами. Бурмистры приписных городов подчинялись бурмистрам настоящих городов, а последние — московской бурмистерской палате. Управление было коллегиальное. Указом 17-го ноября 1699 г. бурмистерская палата переименовывалась в ратушу. По учреждении губерний выборы происходили с ведома губернаторов».

Ратуше и земским избам были подсудны: купцы (гости), гостиная и другие сотни, всякие посадские и промышленные люди, дворцовые крестьяне, иноземцы. По делам между посадскими и служилыми людьми учреждался общий суд из приказных судей и бурмистров.

Ратуши и земские избы должны были производить сборы таможенные, кабацкие, питейные и подушные. Им же были подведомственны и гражданские судебные дела, а с 1706 г. — также крепостные дела, которые были изъяты из юрисдикции воевод. Ратуша имела свою печать с изображением руки, держащей весы, и «зрительного ока», а кругом надпись: «правда, на нюже око державствующего зрит». Для ревизии дел по временам назначались инспекторы.

В 1720 г. система управления в государстве была в очередной раз преобразована. Указом 13 февраля Петр Великий повелел: «учредить по городам магистраты и над ними объявить Трубецкого обер-президентом, чтоб он ведал всех купецких людей судом, и о их делах доносил в Сенат и разсыпанную сию хramину паки собрал». Обер-президент был назначен для облегчения отношений Сената с магистрами. В товарищи ему определен президент санкт-петербургского магистрата, который открылся первым. В конце года Сенат должен был составить положение о петербургском магистрате для того, чтобы он послужил образцом для всех прочих. Результатом этого был Регламент Главного Магистрата, изданный 16 января 1721 г.

Для правильного устройства городского сословия губернаторам и воеводам необходимо было собрать подробные сведения о состоянии городов и на этом основании разделить последние на пять частей или категорий. В первую категорию вошли большие города, в которых насчитывалось от двух до трех тысяч дворов. Сюда причислены Санкт-Петербург, Москва, Новгород, Казань, Рига, Ревель, Архангельск, Астрахань, Ярославль, Вологда, Нижний Новгород и др. Ко второй категории отнесены внутренние города и средние приморские, в которых 1000—1500 дворов; к третьей — тоже внутренние города и малые приморские с населением от 500 до 1000 дворов; к четвертой — небольшие города свыше 250 дворов, к пятой — все остальные и слободы. Везде без исключения введено особое управление: там, где знатные посады, магистраты, а в других городах бургомистры (то есть ратуши). Состав магистратов зависел от величины города. В первой части были президент и четыре бургомистра, во второй — три бургомистра и президент, в третьей и четвертой части по два бургомистра, а в пятой — по одному. Сверх того, в больших городах при каждом бургомистре было по два ратмана, в средних и малых число их определялось «по рассмотрению». Для совещания о городских делах позволено призывать «из первостатейных и из средних людей добрых и умных». Все члены магистратов избирались самими гражданами.

Губернская реформа, начатая указом 18 декабря 1708 г., также имела конкретные (и кратковременные) политические цели. Она мало нового внесла в конституционный и функциональный характер российских судов (также как и появление в январе 1712 г. «провинциального» деления). Однако судебное дело, наверное, улучшилось с появлением в 1712 г. в губерниях коллегий земских советников-ландратов (от нем. Landrat). Они коллегиально решали всякие дела (в том числе — судебные) «по большинству голосов».

Губернатору в ландрате было предоставлено два голоса. Функции советников (ландратов) менялись, но административные обязанности превалировали.

Для усовершенствования именно судебного производства указом от 24 апреля 1713 г. появились в «провинциях» (частях губернии) ландрихтеры, т.е. земельные судьи (от нем. Richter — судья). Вероятнее всего, ландрихтер избирался из дворянства и был подчинен губернскому совету земли, т.е. ландрату. Практически ландрихтеры получили только некоторые функции — это розыск по уголовным делам и межевые споры между земельными собственниками. Попытки расширить их функциональные возможности предпринимались Петром неоднократно. Чтобы поднять их значение, обер-ландрихтер в Табеле о рангах 1722 г. был приравнен к провинциальному воеводе. Это отражало стремление Петра ввести четкое разделение между административной и судебной властью. Судя по косвенным данным (весьма немногочисленным), Петра не устраивала в ландрихтерах их индивидуальность — он уже стремился к коллегиальности. Последними указами о них были указы 1719 г. (19 марта и 17 апреля), по которым контроль над ландрихтерами и ландратами осуществлялся раздельно. Первые подчинялись Юстиц-коллегии, вторые — Камер-коллегии. Слабость всех этих мер правительства Петра I состояла в том, что не было четкого функционального разделения разных чинов, отсутствовал также законодательный механизм их действий и взаимодействия.

В 1718 г. Петр высказал идею о создании «надворных судов». 22 декабря этого года было «указано», что для правосудного решения «челобитчиковых дел» везде по губерниям, провинциям и городам будут учреждены надворные суды и судьи, а над ними высший надворный суд в «знатных» губерниях, под апелляцию Юстиц-коллегии. Вскоре, указом 8 января 1719 г., ведено было открыть надворные суды в следующих восьми городах: в Петербурге, Москве, Казани, Курске, Ярославле, Воронеже, Нижнем Новгороде, Смоленске и Тобольске. При этом распределении были приняты во внимание географическое расстояние судебных надворных округов и населенность губерний. Это видно из того, что во многих главных городах они не были открыты, и притом их было не по равному числу в каждой губернии. По всей вероятности, впрочем, это распределение было сделано только как начальный шаг, потому что в некоторых губерниях вовсе не было судов и гражданские дела по-прежнему судились или административной властью, или ландрихтерами.

В 1720 г. областное судоустройство довершено учреждением трех судебных инстанций: высшую составлял надворный суд, среднюю — провинциальный, а последнюю — нижний городской суд. Провинциальные суды не везде были открыты. О составе нижнего городского суда мало что известно. Судя по тому, что после упоминалось о городских *судьях*, определенных от Юстиц-коллегии, это даст основание думать, что коллегиального устройства не было. В некоторых указах говорилось о высших и низших надворных судах, но едва ли под низшими не подразумевались суды провинциальные.

Из надворных судов нам известен только состав московского. В 1719 г. он состоял из трех полковников, одного подполковника и двух царедворцев. Кроме суда, им велено быть вместе с вице-губернатором «во управлении губернских дел». Позже, в 1720 г., в московском надворном суде был обер-ландрихтер Иван Топильский, но из этого не следует, что надворные суды были всегда под председательством ландрихтеров: за три года перед этим Топильский, в том же звании, был членом Юстиц-коллегии. Его присутствие в надворном суде не доказывало еще общей меры. Это было частное поручение.

Сначала Петр Великий был намерен совершенно устранить надворные суды от вмешательства областной администрации. Инструкции, которые были составлены для надворных судов, до нас не дошли. Но позже, в 1722 г., по приговору Сената, в них велено было присутствовать, в качестве президентов, губернаторам, за исключением Петербурга и Москвы, где эти суды сохранили независимый характер и были подтверждены указом Екатерины II. Подчинение надворных судов областным начальникам, вероятно, было вынуждено временными потребностями тогдашнего правительства; впрочем, настоящую причину определить трудно, потому что указ 7 августа 1722 г. не известен в подлиннике. Косвенными наблюдениями устанавливается, что указ этот свидетельствовал об отступлении от своих первоначальных идей Петром I под влиянием обстоятельств российской жизни. Этот отход от своих замыслов у великого реформатора был не единственным. Ф. Дмитриев первым из российских специалистов подчеркнул, что в том же 1722 г. институт провинциальных и городских судей был отменен. Все судебные дела в провинциях были переданы воеводам, а для скорого управления «без волокиты» им были определены два помощника («асессора») из дворян или отставных офицеров. Отступил Петр I и в организации судебного процесса. Отказавшись от новшеств, 5 ноября 1723 г. он вернулся к традиционной, т.е. существовавшей в XVII в., судебной процедуре.

С.В. Юшков указывал, что Петр I, стремившийся в течение двух десятилетий развить «розыск» (предварительное следствие), постепенно изменил свою позицию, что явствует из указа 1723 г. Вот эта позиция: «Не надлежит различать (как прежде бывало) один суд, другой розыск». Смертельный удар розыску был нанесен тем, что сложные процессуальные формы, «связанные с канцелярской тайной и письменным производством, не только не устранили волокиту в судах, но даже в значительной степени способствовали ее развитию».

Следует отметить, что главная причина неудач Петра заключалась в отсутствии адекватных его замыслам кадров. В «юридизации» Западной Европы участвовали специалисты (профессора) многих десятков университетов. У нас же, в России, не было ни одного университета. Петр I осознавал этот крупнейший изъян в своих реформах. В 1715 г. он пытался учредить в России «академию политики», в которой молодые люди могли бы ознакомиться с юридическими науками; но потом убедился в необходимости прежде устроить подготовительную школу, «понеже напрасно теряется время, когда не будет поставлено учение других науков, которые суть фундамент политики». В 1721 г. была учреждена школа подьячих, которая сообщала детям приказных служителей практические сведения, необходимые для делопроизводства в присутственных местах. В инструкции герольдмейстеру (1722) ведено было учредить в Петербурге «краткую школу для изучения гражданских (и экономических) дел»; но и она, как видно, не возникала. Между тем по Генеральному регламенту полагалось иметь при коллегиях и канцеляриях молодых дворян для практического изучения делопроизводства, «дабы потом могли бы в ассессоры, советники и выше происходить». В 1724 г., следуя заветам Петра I, Сенат велел набрать сто человек из учащихся шляхетских детей в академиях и распределить по приказам.

Попытки делались и позднее, но с малым успехом. Дворянские недоросли предпочитали военную службу. Нельзя не сослаться на мнение П.Н. Милокова. П.Н. Милоков делил судебные (судебно-административные) преобразования великого реформатора XVIII столетия на три периода. Первый охватывал 1699—1709 гг. — это «время разрушения старого государственного порядка». Чувствуя противодействие традиционных структур, он принимает меры для того, чтобы разрушить или хотя бы ослабить существующие государственные учреждения.

Разрушение чаще всего не было прямым. Просто соответствующий орган царь переставал использовать, а дела, относящиеся к его

компетенции, передавались другим, вновь сформировавшимся учреждениям, вызывая деградацию старомосковского органа. Приемами, которыми пользовался Петр, явились коллегиальность и самоуправление, особенно — в местных органах власти. Отрицательно оценивая опыт Российского государства XVII в., правительство Петра I путем привлечения к управлению на местах выборных дворян и верхушки посада пыталось оптимизировать решения управленческих задач.

Второй этап Петровских реформ — 1710—1718 гг. — оказался связанным с возросшими военными потребностями и привел к военизации внутригосударственного управления. П.Н. Милюков отмечал, что в этот период создавалось все под влиянием неотложных военных потребностей. Только третий период, охватывающий последние семь лет правления Петра I, стал временем более системного подхода, более тщательной проработки административных и судебных действий государственного аппарата.

С именем Петра связано становление ряда новых управленческих структур, среди них — прокуратуры и связанной с ней «фискальной» службы. Отметим, что указ, изданный Петром I после казни проворовавшегося фискала Нестерова, говорил о многочисленных злоупотреблениях, которые делали эту службу не только малоэффективной, но и государственно-опасной. Известный историк права А.Д. Градовский писал, что «не успел Петр Великий закрыть глаз, как почти все сделанное им подверглось ломке», особенно — основательно в сфере так называемых местных властных и управленческих структур... Уже летом 1726 г. Верховный тайный совет принял решение восстановить должность воеводы во всех городах, где она была раньше, уволить «учрежденных» Петром судебных комиссаров. Совет рассуждал, что прежнее управление «одним человеком» без жалования было лучше, и, может быть и не совсем, «люди были довольны», но свыклись..., притерпелись... В феврале 1727 г. последовал известный указ, по которому ведено «как надворные суды, так и всех лишних управителей, их канцелярии и конторы земских комиссаров и прочих тому подобных вовсе отставить и положить всю «расправу» и суд по-прежнему на губернаторов и воевод, а на решения (действия) губернаторов разрешить апелляцию в Юстиц-коллегию».

За этой мерой последовал ряд других, клонившихся к той же цели. В частности: «воевод ведено посылать из Сената, причем им же назначались товарищи из асессоров». Воеводы подчинялись губернаторам, а «магистры» (т.е. магистраты) — губернаторам и воеводам. Количество воевод было увеличено: они посылались как в

провинциальные центры, так и в «пригороды» больших городов; «воеводам провинциальным дан ранг майорский, а пригородным — поручни» (поручика — авт.); последние заменили собою судебных комиссаров. С подчинением магистратов губернаторами и воеводами Главный магистрат сделался лишним установлением, и в том же 1727 г. он был закрыт. Скоро и сами магистраты оказались ненужной структурой, и в 1728 г. вместо них были созданы ратушы. Обязанности земских комиссаров теперь состояли в сборе подушных денег, причем под присмотром (при контроле) со стороны городских и провинциальных воевод. Сбор подушных денег поручался воеводам с офицерами, «обретающимися на вечных квартирах, под ответственностью помощников», поэтому надобность в земских комиссарах отпала, и эта должность была упразднена.

Так восстановилась система управления, которой были «довольны люди». Но порядки старой системы управления приводили к прежним злоупотреблениям. Воеводы, служившие теперь без жалования, обратились к старым привычкам допетровского времени, когда значительная часть аппарата управления вовсе не получала жалования, а кормилась «от дел», обеспечивая привычными и не всегда честными приемами свое «пропитание». В связи с этим в 1730 г. вышел указ, повелевавший менять воевод во всех городах через два года, по истечении которых «им ведено являться в Сенат с росписными и счетными книгами». После проверки счетов Сенат имел право определить на воеводство (в другом провинциальном центре) только тех, на которых в течение года не поступало жалоб. Данная мера была малоэффективна. Правительство по-прежнему не имело надлежащих средств надзора, а жители не «дерзали» жаловаться, пока воевода был на месте. Нужно было вызвать его в Сенат и заменить воеводу, чтобы жители решились написать на него жалобу, если к тому был повод.

После смерти Петра Великого уцелело только то, что соответствовало общему ходу развития страны, провоцировалось это спонтанным социально-экономическим движением. На это впервые обратил внимание замечательный российский историк Н.П. Павлов-Сильванский: «... Все же остальное, в чем Петр в увлечении мнимую силу своих нововведений вышел за пределы дозволенного ходом развития, все это было или прямо отменено Меншиковым через год после его смерти, или же под новою скорлупою сохранило ядро». «Уже в 1727 г. была учреждена значительная часть провинциальных учреждений». Было предписано, чтобы «как надворные суды, так и всех лишних управителей, канцелярии и конторы земских комиссаров и прочих тому подобных вовсе отставить и положить всю расправу и суд по-прежнему на губернаторов и воеводу».

Особо следует сказать, что приспешники Петра I постарались ликвидировать петровское городское управление, которое создавало автономные условия для деятельности элиты, «третьего» сословия от господства дворян. Мотивировка антипетровских законов, издававшихся в ближайшие годы после смерти Петра, была стандартной: «...деньги, исходящие на содержании разных правителей, канцелярий и контор, сбережены будут и на другие важнейшие государственные расходы могут быть употреблены». Разбирая указ 24 февраля 1727 г., Ф. Дмитриев замечал, что при введении воеводского управления личное начало и соединение административных и судебных властей были приняты за правило, а потому купцы должны были тоже подчиняться единым областным «начальникам — универсальным управленцам». Кроме того, в основании магистратского управления лежало то выборное начало, которое Петр I внес в областную администрацию, а его преемники значительно стеснили. Наконец, была еще третья причина, финансовая, преобладавшая над всеми остальными.

Магистраты были учреждены в интересах городского сословия. Сбор податей не оставлял их исключительного назначения, а потому и ответственность падала на них, как на отрасль государственного управления, а не так, как она падает на откупщиков, обязательных во что бы то ни стало доставить государству нужные деньги. Но при тогдашних бедных средствах правительство не могло пренебрегать ничем для устройства финансов. Следовательно, было естественно обеспечить по-прежнему личную ответственностью полноту сборов.

По всем этим причинам сближение с прежним допетровским управлением совершилось очень быстро. Хотя при восшествии на престол Екатерина I подтвердила, чтоб губернаторы и воеводы не вступали в дела купечества, но через два года она подчинила им магистраты и ратуши. В том же указе сделано было и другое распоряжение, разрушавшее до конца прежнюю систему. До сих пор на магистратах лежали одни городские сборы, т.е. прямые подати купцов и ремесленников и косвенные налоги. Указом 24 февраля 1727 г. обязанности их были расширены. При возложении всех областных дел на губернаторов и воевод подушные сборы с крестьян собирались посредством особой военной команды, при чем на одно жалованье солдатам выходило до 70 тыс. рублей. Для избежания этой издержки Верховный Тайный Совет решил возложить все сборы на магистраты и ратуши.

Губернаторы обязаны были положить сборы в посредственный оклад, а магистратам назначить от себя сборщиков с ответственностью за полноту сбора. Недоимки взыскивали с членов магистрата,

но зато весь излишек против положенного оклада обращался в пользу города. Разумеется, ответственность подобного рода не могла распространяться на все управление, в полном его составе, а должна была податься особо на каждый город. Купеческое управление распадалось на отдельные звенья. Сверх того, указ 24 февраля сделал еще один шаг к старинному порядку. Так как ответственность за сбор податей была очень тяжела, в случае отказа магистров принять на себя все сборы устанавливалось возложить их на особо для того выбранных посадских людей. Всеми этими мерами было подготовлено уничтожение магистратов.

Указом от 27 февраля 1727 г. ликвидировались надворные суды, чьи функции были переданы воеводам. Для членов Верховного Тайного Совета надворный суд был одним из многочисленных учреждений, появившихся на местах в ходе петровских реформ. Несмотря на то что в стране наблюдалось отсутствие юридического образования, а следовательно, и юристов, введение надворных судов являлось первым шагом к реализации принципа разделения власти. Указом 17 апреля того же года закрыт в Петербурге Главный Магистрат. Вместо его ведено избрать в петербургскую ратушу, для суда над купечеством, трех бургомистров, к которым для административных дел присоединены члены прежнего городского магистрата. Бургомистры избирались ежегодно из «добрых и знатных людей». Дела русских купцов с иностранцами предоставлены одной Коммерц-Коллегии.

В 1728 г., при Петре II, эта мера была распространена и на областные города. Магистраты везде заменены ратушами и подчинены воеводам. В то же время ответственность возложена отдельно на каждый город; недоимки в пригороде взыскивались с ратуши провинившегося города, за города не отвечала провинция и т.д. Внутрисословная связь была нарушена. Отдельное управление не было уже привилегией торгового сословия всей России, оно составляло принадлежность купечества каждого города, и сословное начало почти исчезло. Ратуши стали походить на земские избы допетровского времени, от которых отличались только тем, что имели право суда между купцами и посадскими людьми.

Многие из петровских постановлений относительно городов, точнее, купеческого сословия, были восстановлены при Елизавете Петровне. В частности, функции магистратов, включая, Главный, были вновь восстановлены и сохранились в таком виде до «уложения» Екатерины II.

О последовавших за эпохой Петра Великого временах современники писали, что «новые законы» «древностная неправда» одолевали. Это писалось в 1724 г. И.Т. Посошковым. Характерна оценка госу-

дарственных трудов правивших после Петра I временщиков разного характера и калибра со стороны Екатерины II: «От кончины Петра I до восшествия императрицы Анны царствовала невежества собственная корысть и бодрствовала склонность к старинным обрядам с неведением и непонимательством новых, введенных Петром I. От сего родилось отрешение надворных судов в 1726 г., поручение суда и расправы воеводам и губернаторам в 1727 г; определение, подписанное Верховным Тайным Советом и кое ныне хранится в иностранной коллегии, чтобы упустить вовсе флот, а армию не комплектовать, вернейший способ, чтобы завистливые соседи Россию по клочкам разобрали как заблагорассудится».

Результатом начала реформ, потом — решительных контрреформ, а позднее, при Анне Ивановне и Елизавете Петровне, частичных «поправок» и «ремонт» явилось отсутствие четкого и эффективного государственного управления, возрождение в ухудшенном облике многих старинных пороков в российских административных и особенно судебных учреждениях. Старые «кормления» возродились в форме так называемых «акциденций» (*acciden's, tis* — от латинского — случай), «волокиты» — теперь уже не московской, а Санкт-Петербургской... Каждая из двух упомянутых императриц — Анна и Елизавета — начинали с того, что пытались нечто поправить, но, как правило, их усилия быстро иссякали (уходили в песок) под воздействием обстоятельств конъюнктурного плана. Кроме того, везде в дела вмешались временщики.

За время царствования Анны Иоановны было издано 3500 указов. По крайней мере, такую цифру приводит в своих исследованиях современный историк Е.В. Анисимов. Как отмечал исследователь, из груды этих бюрократических произведений в истории осталось буквально несколько указов, которые имели значение для развития государства.

В 1730 г. явилась необходимость восстановить для Московской губернии судный и сыскной приказы в виду нескольких тысяч нерешенных дел, оказавшихся в московской губернской канцелярии. После ликвидации в 1727 г. надворных судов судебные дела по Московской губернии попали в ведение губернской канцелярии. В Московской губернии насчитывалось большое число помещиков, и поэтому поток судебных дел был значительным. Судный приказ был восстановлен как судебная инстанция по делам всех чинов и сыскной — для следствия по делам о воровстве, разбое и убийстве. Новые учреждения не являлись общегосударственными органами, их власть распространялась на губернском, местном уровне. Анна Иоановна не думала восстанавливать петровский надворный суд, она преследовала цель — избавиться от груды нерешенных дел.

По причине больших злоупотреблений в сибирских провинциях возникла необходимость восстановить сибирский приказ. В нем констатировалось, что власть сибирского губернатора слишком велика, а воеводы не имели права непосредственно обращаться прямо в коллегию. В связи с этим в судебном процессе было много издержек: судебная волокита, масса нерассмотренных дел и т.д.

Земское выборное начало оказалось в том же положении, в каком оно было в московское время (т.е. в XVII в.). Посадские и купеческие люди, составлявшие земское выборное начало на местах, находились под руководством (иначе были подчинены) приказным людям. Кроме службы в ратуше, люди эти ставились к таможенным и кабацким сборам, в счетчики у губернаторов и воевод для «счета мелких и серебряных денег», а в сибирский приказ — «для приема, продажи и расценки товаров». Следовательно, это в принципе были дополнительные повинности по службе, которые вынуждены были нести земские выборные. Трудно найти в этих преобразованиях какую-нибудь систему.

Годы правления Анны Иоановны не отмечались важными преобразованиями как в области управления, так и законодательства. В годы ее правления наблюдалось отсутствие радикальных законодательных актов, которые бы серьезным образом изменяли правительственный курс. Это свидетельствовало о стабильности режима, о том что власть пыталась реализовать свою политику без особых, резких потрясений.

Отечественные историки и правоведы, оценивая период правления Елизаветы Петровны, подчеркивали, что дочь Петра попыталась отдать дань верности петровским преобразованиям, явившимся благоприятным условием ее царствования.

Еще Анна Иоановна в период своего правления попыталась поднять значение Сената. Но реально Правительствующий Сенат был восстановлен указом Елизаветы от 12 декабря 1771 г., получив права, данные ему основателем (то есть Петром). В 1774 г. Елизавета попыталась провести реформу местного управления. Проанализировав ситуацию, Елизавета решила восстановить учреждения, уничтоженные после смерти Петра, в том числе и надворный суд, а уничтожить судный и сыскной приказы. Следует отметить, что это так и осталось нереализованным.

Недостаток бюджетных средств влиял на скорость рассмотрения дел. Нерешенных дел насчитывалось многие тысячи. В 1730 г. в центральных судебных инстанциях накопилось 21 388 нерешенных дел. Хронически не хватало судебных чиновников. В 1720 г. — 48% мест в судах были не заняты. Плохими были помещения для судебных заседаний, еще того хуже — тюрьмы различных назначений.

Колодники в тюрьмах нередко умирали от тесноты и духоты. Управление было не только дурным в социальном отношении, оно подрывало основу общества и государства — экономику. Екатерина II отмечала: «Весь вред произошел от самовластной раздачи заводов с приписными к ним крестьянами в последние годы царицы Елизаветы Петровны. Щедрость Сената тогда доходила до того, что меднаго банку 3 миллионы капитал почти весь роздан заводчикам, кои, умножая заводских крестьян работы, платили им либо безпорядочно, либо вовсе ничего, проматывая взятые из казны деньги в столице. Сии заводския безпокойства пресеклись не прежде 1779 манифестом моим о работах заводских крестьян. Почти все отрасли торговли были отданы частным людям в монополию. Таможни всей империи Сенатом даны были на откуп за два миллиона... С самого начала моего царствования все монополии были уничтожены и все отрасли торговли отданы в свободное течение».

Таким образом, по свидетельству великой императрицы, государство, не имея сил организовать регулирование экономики, а также эффективно руководить народным хозяйством, отдавало основные доходы, финансовые и экономические отрасли на волю (и разграбление) частным лицам.

Однако, очерчивая (хотя и кратко) худшие стороны государственной жизни России первых двух третей XVIII столетия, нельзя не сказать о другом: постепенно в России, среди передовой части ее элиты, формировались взгляды о необходимости кардинальных реформ, в том числе и на местах: в губерниях и провинциях. В первую очередь, это связано было с проникновением просвещенческих идей из Западной Европы, в том числе идей политических и юридических.

По проекту Петра Великого в Академии Наук назначено было учредить кафедру «права натуры и публичнаго купно с политикою и этикою»: а во второй половине XVIII в. в академии выделился юридический факультет: но курсы читались не систематически, студентов было совсем мало (1—2), и Ломоносову с горечью приходилось замечать, что кадетский корпус, «сравнительно с академией», процветал. Притом, судя по сказкам 1759—1761 гг., самый незначительный процент молодых дворян попадал в такие учреждения, как кадетский корпус и университет, большинство же недорослей шло в артиллерийскую школу, реже — в морскую, и еще менее — в инженерный корпус, где не было никакого юридического образования.

Развитие судебной системы во второй половине XVIII — начале XIX в.

Высшей судебной инстанцией был император. Все наиболее важные и сложные дела поступали к нему на утверждение. Царь единолично рассматривал многие дела. Следующая судебная инстанция — Сенат, куда подавали апелляции по делам, рассмотренным Юстиц-коллегией. Кроме того, суду Сената подлежали за должностные преступления сенаторы и другие высшие должностные лица. Специальным высшим судебным учреждением являлась Юстиц-коллегия. Она была апелляционным судом по отношению к губернским надворным судам, а также рассматривала некоторые дела в качестве суда первой инстанции и одновременно управляла всеми судами империи. Судебные функции выполняли и другие коллегии, рассматривая дела чиновников, виновных в должностных преступлениях.

В губерниях была учреждена сначала должность ландрихтера, а с 1719 г. образованы надворные суды, которые, по мысли Петра I, не должны зависеть от местной администрации. В действительности же они зависели от нее, потому что обычно президентами надворных судов назначались губернаторы или вице-губернаторы. Надворные суды — первая и апелляционная инстанции для нижних судов, которые были созданы во всех городах империи и делились на провинциальные и городские. Нижние суды рассматривали уголовные и гражданские дела и выносили по ним приговоры и решения, а дела, по которым выносилась смертная или политическая казнь, они передавали (с изложением своего мнения) на утверждение надворного суда. В 1722 г. нижние суды были упразднены и в каждой провинции учрежден провинциальный суд в составе воеводы и ассессоров. В 1727 г. ликвидированы и надворные суды, а их функции перешли к губернаторам. В губерниях и провинциях судебные функции выполняли также некоторые должностные лица. Например, воеводы и земские комиссары рассматривали дела о побеге крестьян от помещиков, а камериры — дела, в которых затрагивались интересы казны. Наиболее важные дела о государственных

преступлениях передавались в Преображенский приказ и Тайную канцелярию или в Канцелярию тайных розыскных дел. Преображенскому приказу, созданному для управления потешными Преображенским и Семеновским полками, в 1697 г. передаются все дела о политических преступлениях. В 1718 г. создается Тайная канцелярия в связи с делом царевича Алексея, а в дальнейшем она ведала делами «О злом умысле против персоны его царского величества или измены, а также о возмущении или бунте». Преображенский приказ находился в Москве, а Тайная канцелярия — в Петербурге. После смерти Петра I Преображенский приказ упраздняется, а в 1762 г. Петр III, придя к власти, ликвидировал Канцелярию тайных розыскных дел. При Екатерине II учреждается Тайная экспедиция Сената, которая расследовала и рассматривала наиболее крупные дела о политических преступлениях.

Специальные суды существовали для военнослужащих, духовных лиц, церковных и монастырских крестьян. Уголовные и гражданские дела городского населения рассматривали городские магистраты, а апелляционной инстанцией являлся Главный магистрат. Крепостных крестьян судили сами помещики, за исключением тех случаев, когда речь шла о тяжких преступлениях.

С середины XVIII в. в развитии судебной системы начинается новый этап. В кадетских корпусах стало преподаваться право «натуральное» и «гражданское», однако преподавание велось на факультативных основах. При Екатерине II, согласно новому уставу (1765), в кадетском корпусе предполагалось преподавать такие отрасли права, как естественное, государственное, в морском корпусе введена «политика» (политология). Отметим, что в 1767 г. для преподавания в кадетском корпусе академик Штрубе-де-Пирмон написал учебник по естественному праву (правда, на французском языке).

Вот эту передовую часть русского дворянства и возглавила Екатерина II. Она поставила осознанную этими группами людей задачу реформировать государственный аппарат Российской империи по западноевропейским образцам — образцам передовым, «просвещенческим» и на основе идей теоретиков естественного права.

В результате реформы местного управления Екатерина вводит новое административно-территориальное деление. Реформированию подверглась система губернских учреждений. Еще в 1769 г. был подготовлен законопроект «О судебных местах», в котором регламентировалось начало судебного права. В результате серьезных, кардинальных изменений судебная система стала чрезвычайно сложной. В.О. Ключевский заметил по поводу «Учреждения...» 1775 г.: «Чрезвычайно сложное устройство дано было суду».

Губернские судебные органы состояли из Губернского правления, в которое входили: Палата уголовных дел суда, Палата гражданских дел суда, Верхний земский суд, Губернский магистрат, Верхняя расправа, Губернский совестный суд.

На уровне уезда к судебным органам относились Уездный земский суд, Городовой магистрат, Нижняя расправа, Нижний земский суд, Городской сиротский суд.

Эта сложная иерархия, по мысли императрицы, должна была ответить на те многочисленные заявления (ходатайства) о приближении судебных «мест» к конкретным группам населения для учета их партикулярных (чаще всего — партикулярно сословных) интересов. Судебная система 1775 г. была зеркалом созданной имперской политики, сословно-организованной структуры населения русских территорий России. Поэтому следует сразу сказать, что термин «земство» был связан с дворянским сословием, «расправы» должны были иметь дело со свободными, не имевшими особых сословных прав жителями сел и городов. А на «магистратских» судах замыкалась сословно-привилегированная верхушка российских городов, т.е. купечество и мещанство. Последняя группа населения, заметим попутно, была окончательно структурирована особым правовым регламентом на десять лет позже «Учреждения» 1775 г.

Самым «важным» был, несомненно, «Верхний Земский Суд». Императрица приказывала учредить верхний земский суд в каждой губернии, а если территория губернии большая, то разрешено было создавать более одного верхнего земского суда (едва ли, где больше двух). Глава XIV «Учреждения» называется «О должности Верхнего Земского Суда». В ней определялся статус данного суда и сфера его деятельности. В состав верхнего земского суда входили два председателя — первый и второй, назначенные императрицей по докладу Сената, и десять заседателей, выбранные на три года дворянством тех уездов, которые приписаны к данному суду (ст. 164—166).

Каждый земский суд должен был быть разделен на два департамента, из которых одному, «первому», поручались дела уголовные, другому — гражданские (ст. 166—169). Статья 173 определяла компетенцию верхнего земского суда. В него должны были поступать дела по апелляции, производившиеся в уездных судах, дворянских опеках и нижних земских судах; дела и тяжбы дворянские, как гражданские, так и уголовные, «касающиеся до вотчин, привилегий, завещаний, до наследства в имении и до права наследования, спорные о владении, тяжкие до бесчестия и до права стряпчих касающиеся, также и все дела разночинцев тех, кои непосредственно до верхнего земского суда принадлежат». Поэтому верхнему земскому

суду и были подчинены суды уездной дворянской опеки и нижние земские суды его губернии (судебного округа).

Согласно статье 233 жалобы на нижний земский суд сначала должны были рассматриваться уездным (земским) судом.

Статья 174: «Будет кто не доволен решением Верхнего Земского Суда, тот через неделю неудовольствие свое да объявить сему Суду; и тогда жалобу свою для ревизии внести может в Палату (в одну из двух палат губернского правления — авт.), в которую дело подлечит, но наперед да внесет сто рублей; сии деньги в Верхнем Земском Суде верно и хранятся до решения Палаты. Сверх же того переноситель да распишется вместо присяги, что он по истине думает, что он правое дело имеет, или Стряпчий его тоже учинит; и где Палата по ревизии дела его обвинить, тогда внесенные деньги останутся в Верхнем Земском Суде и отдадут их в проценты, кои употребляются по определению и произволению Верхнего Земского Суда по прошествии всякого года. Стряпчие казенных и уголовных дел от взноса ста рублей увольняются; ибо их должность есть общественная, только вместо присяги расписаться они должны».

Апелляционной инстанцией для городских обывателей являлся губернский магистрат. В магистрате полагалось иметь два председателя, назначаемых Сенатом по представлению наместнического правления, и шесть заседателей, избираемых из купцов и мещан губернского города. Подобно верхнему земскому суду, губернский магистрат был разделен на два департамента: один для дел гражданских, другой для дел уголовных. Он явился апелляционной инстанцией в делах, касавшихся привилегий, спорных владений и прочих дел, проблем целого города и казны. В судебном отношении ему были подчинены городские магистраты, сиротские суды и ратуши уездных и других штатских городов своей губернии. По ст. 315 губернский магистрат являлся также (и в разрез с только что сказанным) судом первой инстанции, а не апелляционным, для дел, касавшихся существенных вопросов городской жизни губернии, — важность же таковых определялась участием в их решении стряпчих.

Для дел крестьянских предполагалось учредить верхнюю расправу. Учреждение верхней «народной» расправы поставлено в зависимость от учреждения расправ нижних, которые предполагалось учреждать не везде, как это видно из ст. 335. Нижнюю расправу предполагалось учреждать «в тех городах и округах, где жительство имеют однодворцы или всяких прежних служб служилые люди, или черносошные, или государственные крестьяне, или государевы крестьяне, приписные к каким ни на есть местам или заводам». Если таковых крестьян окажется достаточно, то, по усмотрению генерал-

губернатора и исходя из обширности губернии, дозволялось учреждать на каждые 10 000 или 30 000 душ по одному суду. Следовательно, нижние расправы учреждались только для тех крестьян, что не находились в крепостной зависимости.

По отношению к «нижним расправам» верхняя расправа являлась апелляционной инстанцией. Если «нижних» не было, то она функционировала и как суд низшей инстанции. Кроме того, верхняя расправа становилась первой инстанцией для дел, касавшихся целых селений... Это такого уровня дела, что без участия стряпчих они не должны были решаться. В тех регионах, где дворян было настолько мало, что верхний земский суд не комплектовался, заседавшая в губернии «расправа» служила местом для апелляций низших земских судов. Это было определено в статье 359. Как отметил В.Г. Григорьев, в черновом варианте статьи 359 Екатерина особенно подчеркивала, что верхняя расправа брала на себя самые важные «народные» дела как суд первой инстанции. «В Верхнюю Расправу вносятся все дела по апелляции на Нижнюю Расправу, жалобы и тяжбы до подсудных ей селений и людей как уголовные так и гражданские или до целого селения или до права Стряпчих касающихся». Структура верхней расправы мало чем отличалась от верхнего земского суда.

В состав верхней расправы входили первый и второй председатели, десять заседателей по выбору селений, составляющих подсудное ведомство верхней расправы, но в этом случае назначение председателей производилось не императрицей, а правительством (Сенатом) по представлению губернского правления. Подобно верхнему земскому суду, верхняя расправа разделялась на два департамента.

Уездные учреждения были следующие: уездный суд и состоящая при нем дворянская опека, а также нижний земский суд. Уездный суд должен был отправлять правосудие по делам, касающимся местного дворянства, для которого он и был учрежден. Он должен был состоять из уездного судьи и двух заседателей, выбираемых местным дворянством на каждые три года с утверждением губернатором (ст. 66, 67 и 166). В уездном суде было сосредоточено отправление как уголовных, так и гражданских дел. При суде под председательством уездного предводителя дворянства действовала дворянская опека для дворянских вдов и малолетних, которая состояла из уездного судьи и заседателей. В «Учреждении о губерниях...» имелось также подробное наставление опекунам — «Примерное, или Повальное наставление опекунам». Функции самой низшей инстанции в системе дворянских судов — нижнего земского суда —

представлялись довольно сложными, так как в этом учреждении сосредоточивалось ближайшее управление уездом. Более всех других учреждений нижний земский суд должен был положить начало местному самоуправлению. В состав нижнего земского суда входили земский исправник и два заседателя, избираемые дворянством, которому губернское правление, смотря по обширности уезда, могло разрешить выбрать и третьего заседателя. Общие обязанности его определены в статье 224, где сказано, что «нижний земский суд должен: 1) иметь бдение, дабы в уезде сохранены были благочиние, добронравие и порядок; 2) чтоб предписанное законами полезное повсюду в уезде исполняемо и охраняемо было... и 3) Нижний Земский Суд один в уезде право иметь проводить в действие повеления правления, решения палат верхних и уездных судов, и чинить отказы». Действительная компетенция нижнего земского суда шла гораздо дальше, как это видно из отдельных установлений «Учреждения о губерниях». В его руках были сосредоточены полиция безопасности (по ст. 229 и 244), полиция торговая (ст. 228), наблюдение за исправным состоянием дорог и мостов, меры к прекращению заразительных болезней, падежей скота, дела по отбыванию различных повинностей, меры предосторожности относительно огня, дела по народному продовольствию, меры к прекращению нищенства и меры общественного призрения и т.д. Таким образом, из отдельных постановлений «Учреждения о губерниях» следовало, что в руках нижнего земского суда были сосредоточены функции как полицейские в собственном смысле слова, так и функции административные.

Последним уездным установлением являлась нижняя расправа, о действии которой говорилось выше. Она функционировала независимо от того, имела ли в уезде свой орган под названием уездного казначейства. Кроме того, в уездах состояли отдельные должностные лица, а именно: землемер, доктор, лекарь и другие лица, в соответствии с установлениями ст. 24.

«Учреждение...» 1775 г. детально описывало процедуру работы верхнего земского суда. Он проводил три сессии в год: январскую, июльскую и октябрьскую (ст. 185). В ст. 186 устанавливалось, что при открытии верхнего земского суда определялся перечень подлежащих рассмотрению дел (их «реестр»). Дела по прочтении «реестра» распределялись между департаментами уголовных и гражданских дел. Судя по некоторым косвенным указаниям, содержащимся в юридическом памятнике, гражданские дела преобладали. Первоначально должны были рассматриваться дела казенные и общественные, а затем поступающие от частных лиц в следующем поряд-

ке: «1. Дела должников для безопасности заимодавцев. 2. Дела о контрактах и о купчих. 3. Дела о недвижимых имениях. 4. Дела тяжёбные людей, живущих от него (Земского Суда) в дальнем расстоянии. 5. Потом прочие споры по усмотрению Судей. 6. Наконец, пространные дела, и буде возможно, то Земский Суд до разъезда своего из судебного места (должен) очистить решением реестр так, чтоб не единое дело не осталось (без «движения»)).»

Законодатель настоятельно требовал заканчивать дела в течение одной сессии, а особенно — в отношении тех лиц, которые находились под стражей: «... Буде на Верхний Земский Суд жалобы будут, что таковое дело оставил три срока без решения, то Члены Верхнего Земского Суда лишатся годового жалования в пользу терпящего, или его наследников, или школ». Эти деньги должны были идти на нужды приказа общественного призрения.

Еще одна особенность работы этого судебного органа. Статья 180 констатировала, что «уголовные дела по окончании сентенции, не производя в действие, да отошлются из Верхнего Земского Суда для ревизии в Палату Уголовного Суда».

В ст. 181—184 описывались процессуальные действия суда. Первоначально говорилось, что в верхний земский суд должны быть представлены от истца и ответчика все необходимые документы, которые бы устанавливали их правоту, а также объяснения по данному делу с обеих сторон. Источник определял это как «словесные доказательства на бумаге». Далее указывалось, что дела как гражданские, так и уголовные распределялись по жребию между членами суда, не исключая и его председателя для доклада. При докладе на суде другие его члены, не участвующие в процессе расследования и подготовки материалов к докладу, должны были внимательно следить, чтобы ничего не было пропущено и чтоб все соответствовало истине. В случае если дело в верхний земский суд пришло из уездных судов, дворянской опеки или нижних земских судов, то решение и приказание тех судов должны быть обязательно прочитаны, чтобы можно было установить все обстоятельства по слушаемому делу.

После доклада, по установлению существа и обстоятельств дела, остальные члены суда, начиная с «младшего чина», должны были высказывать свое мнение. «Младший Член скажет наперед (т.е. выступает первым — авт.) существо дела; потом доказательства, и, наконец, сделает заключение, основанное на узаконении; и за ним прочие Члены по старшинству, младшие наперед то же делают, и большинство голосов дело решит».

Сформулированные здесь положения развивала ст. 184: «Понеже всякое решение дела не иначе да учинится, как точно в силу

узаконений и по словам закона; и следовательно, бы в решении разногласия быть не долженствовало; но буде где при решении, паче чаяния, разделение голосов судей (в гражданском деле окажется, то постановляется во 1. Что большинство голосов дело решит. 2. Буде голоса разделены не ровно, тогда голос Председателя даст перевес. 3 Разногласие да внесется в особенный протокол, который не иначе откроют, как тогда, когда дело потребуется для ревизии в Палату).

Многое в процедурах уездного суда строилось по аналогии с судом высшей инстанции (т.е. губернским верхним земским судом). Во-первых, заседания уездного суда происходили также не постоянно, а периодически, как и заседания верхнего земского суда. В статье 206 было определено, что уездный суд заседал три раза в год, в те же сроки, что и верхний суд. В случае необходимости уездный суд по приказанию губернатора, а также верхнего земского суда, поскольку являлся апелляционным органом для первого, мог заседать в другое время (ст. 208).

Правила апелляционного производства уездного суда схожи с правилами для верхнего суда. В статье 200 определялось, что недовольные решением уездного суда в недельный срок через стряпчего могли подать жалобу в губернский верхний земский суд. Жалобу могли принять при условии внесения залога в уездный суд в размере 25 рублей. Цена иска и размер залога на порядок выше, чем для подачи апелляции на решение верхнего земского суда.

Уездный суд состоял из уездного судьи и двух заседателей от дворян, избираемых на такой же срок. Он собирался три раза в год: первый срок заседаний от 8 января до страстной недели, второй — от Троицына дня до 27 июля, третий от 2 октября по 18 декабря. Здесь судились как гражданские, так и уголовные дела.

В соответствии со ст. 229 и 233 «нижний земский суд» существовал во всех административных единицах уезда, а вот уездный суд только в больших уездах, где находились крупные, «штатные», уездные города. Нижняя же расправа существовала и в бедных («недворянских») уездах. Она и принимала жалобы на решения нижних земских судов. Больше того, как свидетельствовала ст. 229, «...просителю дается право избрать, быть судиму или Нижним Земским Судом, или уездным судом, или Нижней Расправой». Эта коллизия развивалась в ст. 233. В ней говорилось, что решения высших инстанций для исполнения поступают в нижний земский суд... И вот в этой исполнительной инстанции могли иметь место противоправные действия (или, наоборот, бездействия). В этом случае жалобщик (истец) «...в четырехнедельный срок том Верхнем месте той

Губернии, от которого то повеление, или решение для исполнения в Нижнем Земском Суде получено. Буде же дело началось по прошению Стряпчего, или по усмотрению самого Земского Капитана, или Нижнего Земского Суда, или по прошению, или по объявлению истца, и том кто бы решением Нижнего Земского Суда не доволен был, тот о своем неудовольствии да объявит Нижнему Земскому Суду, и в четырехнедельный срок просить может законным порядком в уездном суде, как сказано в статье 229. И тогда Нижний Земский Суд производство отошлет в уездный суд а где оно нет, в Нижнюю Расправу, и буде кто по тому делу под стражею содержится или чем ополчен, то и такового с оным делом отошлет в Уездный Суд или в нижнюю Расправу».

Во главе нижнего земского суда или председательствующим был земский исправник или капитан. В его состав входили 2—3 заседателя в зависимости от территории уезда. Председатель и заседатели суда выбирались сроком на три года только из дворян и утверждались губернатором. В тех уездах, где было мало дворянского сословия (это говорило о незначительности дворянского землевладения), исправник назначался губернском правлением. Исправник отвечал за дороги, мосты (ст. 230) и переправы через реки (ст. 325), «меры и весы» (ст. 228), контроль за ценами на хлеб (ст. 227). Однако продажа имений и другие земельные сделки не входили в его компетенцию. Но полицейские функции, в первую очередь — поиск беглых, относились к обязанностям этого судебного органа (ст. 229). Нижний земский суд имел некоторые особенности в организации своей текущей работы. Свои обязанности нижний земский суд исполнял на месте, без всякой платы за проезд (ст. 231).

В случае же надобности нижний земский суд обязан был объездить различные места для допроса обывателей, «дабы не забирать людей излишне и их не отлучить от долгов, работ, ремесла и прокормления». Судя по этим статьям, нижний земский суд являлся оперативным судебным органом при уездном исправнике (земском исправнике). О последнем говорилось в ст. 223. «В Нижнем Земском Суде заседает Земский исправник и два Заседателя, но буде обширность уезда того требует, то остается на рассмотрение Правления Губернского приказать выбрать и третьего Заседателя Земского Суда, кои выбираются, определяются и присылаются чрез три года».

Суд работал в постоянном режиме в течение года (смотря по надобности). Во главе со своим капитаном он перемещался по территории уезда.

Суд производил следствия о всяком нарушении закона, но только в том случае, когда оно не относилось к частным лицам,

потому что следствия о насилии против частного лица производились капитан-исправником. Судебная власть при этом принадлежала исключительно уездному суду.

Наряду с сословно-дворянскими судебными органами, во всякой губернии учреждался магистрат, «и буде обширность Губернии того требует, то дозволяется учредить в Губернии более одного Губернского Магистрата». Речь идет о густонаселенных территориях с несколькими городами.

Организация магистрата напоминает дворянскую. В губернском магистрате заседали первый и второй председатели и шесть заседателей. Заседатели губернского магистрата, как констатировали ст. 73 и 308, выбирались из купцов и мещан губернского города сроком на три года, «по баллам». Статья 73 имела дополнение о том, что после избрания заседателей их списки представлялись губернатору, который разрешал участвовать в заседаниях: «Губернатор дозволяет им заседания».

Губернский магистрат разделялся на два департамента, первый департамент назывался суд уголовных дел, второй департамент — суд гражданских дел. Каждый департамент был представлен председателем и тремя заседателями. Именно поэтому губернский магистрат и состоял из двух председателей и шести заседателей. Статья 313 подчеркивала, что если в уголовном департаменте не было дел, то он занимался гражданскими делами, или «оба Департамента разделяют труд в отправлении гражданского правосудия».

Функции губернского магистрата параллельны с дворянскими сословными судами, но по содержанию они, естественно, различались. По смыслу ст. 315 губернский магистрат занимался «привилегиями», «владельческими», «торговлей» и другими делами, «до городских жителей касающихся». Как и для губернского земского суда, для него апелляционной инстанцией являлись «палаты» губернского города (уголовная и гражданская). Перенос туда дела требовал залога, как и в дворянском суде, в сто рублей. И тут и там «малые» тяжбы дешевле ста рублей «двигать» вверх по судебной лестнице запрещалось. Здесь, как и в дворянских земских судах, наказывались ябедники (ст. 329). Уголовные дела в исполнение не приводились и тем, и другим судом до их утверждения соответствующей «палатой». Процесс также шел по тем же правилам, что и у дворян. Губернский магистрат заседал три раза в год, то есть проводил три рабочих сессии. Первая — от 8 января до Страстной недели, вторая сессия — от Троицы до 27 июня, а третья — от 2 октября до 18 декабря. В губернском магистрате, как и в дворянском суде, процессуальные процедуры были одиночными. В частности, чтение «реэстра» проводилось в первый день судебной

сессии (ст. 327). Вот еще ряд процедур, моделью для которых стали дворянские суды.

В статье 330 императрица отмечала, что дела тех людей, которые содержались под стражей, должны были решаться в один срок, т.е. в течение одной сессии. В том случае, если губернский магистрат нарушал данное установление и дело в течение трех сроков не решалось, члены губернского магистрата могли лишиться годового жалования в пользу содержащегося под стражей или его наследника, или жалование могло быть передано на финансирование школ. Заметим, что остается непонятным, каким образом деньги (годовое жалование членов провинившегося губернского магистрата) могли быть получены арестованными, наследником или передавались школе. Выскажем предположение, что деньги на финансирование школ практически не возможно было получить, несмотря на то, что императрица предусматривала такую возможность.

В случае если оставались нерешенные дела, констатировалось в ст. 333, заседания суда должны были продолжаться и по окончании сессии, но в них уже принимали участие председатель и два заседателя от каждого департамента. В промежутке между сессиями «Учреждение о губерниях» устанавливало для губернских магистратов, так же как и для верхних земских судов, нечто вроде дежурства. В каждом департаменте суда заседали два члена помесечно. Права у них были ограничены, они не могли выносить решение по делу, но, по выражению закона, «...резолуции временные, а не решительные по текущим делам дать могут».

И последнее, что касалось вопроса режима и сроков работы губернского магистрата. В статье 331 говорилось, что если возникала необходимость, то губернатор имел право собрать губернский магистрат в любое время года, т.е. и в промежутках между сессиями.

В губернии, по усмотрению губернатора, для однодворцев и прочих учреждалась нижняя расправа. Количество нижних расправ губернатор определял сам, принимая во внимание территорию губернии, разнообразие уездов, количество жителей, учитывая при этом, что за каждой расправой закреплялось от 10 до 30 тысяч душ. Это устанавливалось в статье 34. В статье 35 рассматривался состав нижней расправы, в которую входили расправный судья и восемь заседателей. Двое членов должны были заседать в нижнем земском суде, двое — в советном суде, «по делам до их селений касающихся».

Екатерина II не стремилась замкнуть сословия, ввести непреодолимые барьеры между ними, наоборот, принимались меры к тому, чтобы они взаимодействовали в практической деятельности. Пример ст. 35. Поскольку дворянские земские суды касались во-

просов, влиявших на жизнь свободных, группировавшихся в разные сословные группы крестьян, они могли иметь свой голос в судебных прениях. То же следует сказать и в отношении дел, связанных с опекой малолетних дворян, которые часто обсуждались в «совестных» судебных местах.

В ст. 36 сказано, что в каждой губернии, где учреждена одна или более «нижняя расправа», учреждался и суд под названием верхняя расправа, если территория (обширность — как говорилось в статье) губернии того требовала, то разрешалось учредить в губернии более одной «верхней расправы».

В верхней расправе заседали первый и второй председатель, то есть заместитель, и десять заседателей (выборных от населения).

Верхняя расправа состояла из двух департаментов, как и другие суды высшего губернского уровня.

Первому департаменту верхней расправы поручался суд уголовных дел, второму департаменту — суд гражданских дел. Каждый из департаментов верхней расправы состоял из председателя и пяти заседателей. И если «...не случится уголовных дел», оба департамента обязаны заниматься решением гражданских дел.

В статье 358 говорилось, что отличием от губернского магистрата являлось подчинение верхней расправе в апелляционном порядке нижних земских судов там, где нет верхних земских судов. «Верхней Расправе подчинены нижняя Расправа и Нижний Земский Суд, буде где нет Верхнего Земского Суда».

В последней статье подчеркивалось, что верхняя расправа (так сказать, «апелляционный» суд) контролировал низшую дворянскую судебную инстанцию. Организация деятельности этих судов — нижняя и верхняя расправы — имела немало аналогов в других сословных судах. Но ее подсудный контингент отличался от других судов. В ст. 335 устанавливалось, что «в тех городах и округах, где жительство имеют однодворцы, или всяких прежних служб служивые люди, или черносотенные, или Государственные крестьяне приписанные к каким ни есть местам, или заводам, то дозволяется в Губернии учредить, смотря, на пользу и нужды, и соображаясь с обширностью Губернии, обстоятельствами разнообразных уездов, от десяти до тридцати тысяч душ по одному суду под названием. Нижняя Расправа; ямщики же, экономические и дворцовые крестьяне и прочие временно в коронном управлении состоящие, ведомы да будут Судом и Расправою на таком же основании в Нижней Расправе». «Расправные» суды, как и параллельные им учреждения, имели сословный характер. Здесь судились люди, не записанные в городские сословия и, естественно, не относившиеся к дворянству.

Здесь находили решение для своих дел и споров черносошные (государственные) крестьяне, однодворцы, поселенные на землю отставные солдаты), а также «экономические» (т.е. бывшие монастырские землепашцы). Законодатель подчеркивал то обстоятельство, что для последней категории (экономических и дворцовых крестьян), которые лишь «временно» «в коронном управлении» находились, и, вероятно, у них вполне реально превращались через пожалования в помещичьих (дворянских) также зависимых крестьян. Здесь же судились «однодворцы» и «служилые» люди разных категорий, т.е. отставные солдаты и матросы.

Объектом жалоб в нижней расправе чаще всего была земля — главное богатство российского народа того времени. В ст. 346 императрица определяла процедуру покупки земли: «Кто купит землю, тот купчую да объявит в нижней расправе, и буде купчая законам не противна, то нижняя расправа к судейским дверям прибьет лист, что земля таковая куплена таким, и таковую цену, и о сем сообщит в верхнюю расправу, дабы и она тоже учинила; и буде через два года никто не явится для спора, то впредь всякий спор уничтожается, и земля за покупщиком да утвердится».

Следовательно, не только дворянские поземельные отношения, но и отношения землевладельцев низших сословий являлись объектом данного законодательства. Для решения земельных дел при уездной расправе действовали землемер и капитан-исправник.

Нужно обратить внимание и на то, что, как свидетельствовали ст. 72, 335, 352, в «верхней» и «нижней» «расправе» предполагалось представительство селений, населенных свободными землепашцами различных категорий. Это явилось основанием для ст. 352 «Десять Заседателей выбираются чрез всякие три года теми селениями, кои составляют подсудное ведомство той Верхней Расправы».

В компетенцию нижней расправы входили дела гражданские и уголовные (ст. 337). Гражданские дела в верхней расправе рассматривались в следующем порядке: сначала казенные и общественные, а затем дела частных лиц. В ст. 373 четко определен этот порядок: 1) дела должников для безопасности заимодавцев (государство охраняло и защищало права человека состоятельного); 2) дела о конторах и купчих; 3) дела о недвижимых имениях; 4) дела лиц, живущих далеко от суда.

Самостоятельно расправа дел не начинала: для этого нужна была жалоба или иск частных лиц, или стряпчих, сообщение другого суда, повеление верхней расправы, или губернского правления (ст. 338).

В ст. 340 «Учреждение о губерниях» предусматривало возможность таких дел, которые одновременно входили в компетенцию

нижней расправы, уездного суда и городского магистрата. Дела такого рода должны были решаться на совместных заседаниях судов: «Дела же такого рода, кои касаться вообще как до Нижней Расправы, так и до Городового Магистрата и до Уездного Суда, должны быть разобраны, и решены обще же теми Судами, до коих оные подлежат».

В ст. 342—345 устанавливались правила подачи апелляции из нижней расправы в верхнюю. Прежде всего законодатель определял, что в верхней расправе могли рассматриваться дела, у которых «настоящая цена» была выше 25 рублей. Срок подачи апелляции на решение нижней расправы был равен неделе. Как и для губернских палат, допускалась присяга неимущего истца в подтверждении его несостоятельности, освобождающая его от залога. В случае выигрыша дела залог возвращался истцу, а в случае отрицательного решения залог оставался в суде.

Так же, как и уездный суд, расправа должна была собираться 3 раза в год: от 8 января до Страстной недели, от Троицына дня до 27 июня и от 2 октября до 18 декабря (ст. 347). Однако в ст. 348 уточнялось, если была необходимость или по приказанию губернатора, или по повелению верхней расправы нижняя расправа могла заседать и в другое время года.

Статья 359 определяла компетенцию верхней расправы: «В Верхнюю Расправу вносятся все дела по апелляции на Нижнюю Расправу, жалобы и тяжбы до подсудных ей селений и людей как уголовные, так гражданские или до целого селения».

Там, где верхняя расправа не имела в параллели верхнего земского суда (т.е. дворянского суда), она рассматривала и дворянские жалобы.

В целом же правила судопроизводства по «Учреждению» отрывочны и несистематичны.

Особое место в судебных преобразованиях Екатерины II отводилось «совестному суду». В отечественной историографии этот орган оценивался как главная заслуга российской императрицы.

Совестный суд должен был служить органом не только правосудия, но естественной справедливости. Этим назначением определялась его компетенция. Сюда, например, относились преступления, «учиненные безумным или малолетним, и дела колдунов, или колдовства, поелику в оных заключается тупость, обман и невежество, спорные дела между родителями и детьми об имуществе...».

Рассмотрим состав совестного суда. В ст. 63 третьей главы, где определялся порядок вхождения в должность, устанавливалось, что судью совестного суда губернии выбирали от «...каждого судебного

места той Губернии к тому способный, совестный, рассудительный, справедливый и беспорочный человек, которого всякое судебное место особо представляет Главнокомандующему (то есть наместнику — авт.), и сей из тех представленных определяет одного быть Судьею Совестного Суда той Губернии».

Это говорило о значимости, которая придавалась на губернском уровне судьям совестного суда и самому совестному суду в системе губернских судебных учреждений. В состав совестного суда, как определялось в ст. 396, кроме судьи, входили шесть заседателей: по два члена от каждого сословия. Итак, в состав суда входили двое дворян, двое купцов (или мещан) и двое из свободных сельских жителей (однодворцев, черносошных и других, в зависимости от социального состава населения тон или иной губернии). Во главе становился человек, облеченный доверием главы губернии, поскольку совестный суд являлся судебным учреждением губернского типа.

Совестный суд опирался в своей деятельности на следующие принципы работы: «человеколюбие вообще»; «почтение к особе личности, как к человеку»; «отвращение от угнетения и притеснения человечества». Последняя формулировка расплывчата, но смысл ясен: защита личности и совокупности его естественных прав.

В ст. 395 цель совестного суда трактовалась очень четко: подать руку помощи страждущим в любой ситуации (при несчастном случае, при стечении обстоятельств и т.д.) Это заставляет сделать вывод о том, что совестный суд рассматривал дела широкого и разнообразного спектра.

Статья 400 ставила перед совестным судом задачу «...примирять спорящих».

Идеи судебной реформы М.М. Сперанского

Михаил Михайлович Сперанский остался в русской истории как автор всеобъемлющего плана перестройки государственного управления. Основное внимание в своих политико-юридических трудах он уделил законодательной и исполнительной власти, однако представляют интерес и его взгляды на развитие судебной системы.

Правда, Проект реформы судебных органов в его плане государственного преобразования от 1809 г. был начертан чересчур бегло, без многих существенных деталей и необходимых подробностей.

В ранних своих произведениях, и прежде всего в записке «Об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» от 1803 г., Сперанский излагает весьма стройное и продуманное учение о суде, основанное на четком разграничении видов исков и стадий судопроизводства. Многие положения этого учения не являются оригинальными, а заимствованы из трудов тогдашних европейских юристов. Более важно то, как понимал Сперанский значение судебной реформы в череде необходимых для России преобразований.

Важность этого вопроса определяется значением суда во всяком обществе. Суд самым тесным образом связан с гражданскими отношениями, с правами различных сословий и классов. При отсутствии политической свободы состояние судебно-правовой системы является показателем зрелости правосознания общества и его готовности к восприятию либеральных реформ. Но и политическое устройство страны, разумеется, сильно влияет на деятельность и состав судебных органов. В результате в этой области происходит смешение и взаимовлияние двух факторов: массовой правовой культуры и общей социальной политики государственной власти. Отсюда дилемма: с чего начать? Реформировать ли сначала судопроизводство, сделав его школой гражданского воспитания, средством подготовки общества к политической свободе, или же, напротив, реформа суда должна быть только следствием политических реформ? Как же отвечает на этот вопрос Сперанский? Он в своих трудах последовательно проводит принцип разделения властей. Но в применении этого принципа Сперанский следует не столько

Монтескье, сколько рекомендациям Бентама, у которого роль судебной власти была явно заниженной. Бентам был ярким противником выросшей из судебных прецедентов системы «общего права», этой, по его словам, «капризной и непонятной властительницы наших судов». В противовес ей он всячески подчеркивал роль государственного законодательства в уголовном и гражданском праве.

Сперанский, который отнюдь не стремился слепо следовать указаниям этого очень популярного и охотно переводимого тогда в России автора, тем не менее тоже понимал власть судебную лишь как часть исполнительной. У Бентама же он взял и разделение права на гражданское, уголовное и конституционное. При этом именно за конституционными законами Сперанский безусловно признает решающую роль. По его мнению, недостатки судебно-правовой системы якобы всегда искупаются прочностью конституционных устоев. Зато в «правлениях самовластных», по его словам, правосудие никогда не может быть справедливо. Но, продолжает он, по крайней мере, оно должно идти скоро. И поэтому Сперанский не считает возможным начать с исправления уголовного и гражданского законодательства. Нужнейшей мерой он признает только упрощение формы судопроизводства в России, которое в настоящее время представляет собой «уродливое произведение подъяческих умов, сотворенное для питания ябеды и зла, бесконечности всех тяжб. Реформировать сами принципы суда пока рано — по его убеждению, «правый суд... предполагает не только просвещенных судей, но и просвещенную публику искусных правоведов, знающих стряпчих и методическое сей части учение»; без этого «самая лучшая система судоведения произведет только вредное действие новостии». Всех этих условий нет в России, поэтому Сперанский предлагает ограничиться лишь отдельными улучшениями. Несмотря на сквозящую в той же записке 1803 г. нелюбовь его к отрывочным, без общего плана, исправлениям, он много рассуждает о постепенности преобразований, их обусловленности временем и обществом и в итоге призывает не искать «идеального в вещах совершенства». Неудивительно поэтому, что судебная реформа осталась в плане Сперанского хотя и стройным, но все-таки наброском, эскизом — основное внимание свое он уделит властям законодательной и исполнительной. Ключевым звеном реформ он считал именно их преобразование.

Впоследствии сама жизнь (ссылка и губернаторство вдали от столицы, знакомство с судебными порядками в провинции) заставила Сперанского изменить взгляд на вещи. Он, по всей видимости, осознал, что начинать нужно именно с юридического просве-

чения, с подготовки кадров для будущей реформы суда. Недаром именно он выступил инициатором создания училища правоведения и отправки русских юристов на учебу за границу. Фактически это был некий возврат к его собственным идеям 1802—1803 гг.

Либеральные реформаторы 1860-х годов, несмотря на свое духовное родство со Сперанским, в сущности, начали с другого конца, нежели он. Они стремились сделать самостоятельной в первую очередь судебную власть. Но символично, что виднейшие деятели реформы 1864 г. — Ровинский и Стояновский — вышли именно из училища правоведения, созданного попечением Сперанского. Тем самым как бы воплощалась ранняя идея самого Сперанского о подготовке просвещенных юристов как первейшем условии для реформы русских судов.

В первой половине XIX в. предпринимались и практические попытки развития законодательства. Как известно, попытки создания нового Уложения в XVIII в. результатов не дали. В правлении Александра I была предпринята еще одна попытка, столь же безуспешная. Николай I взял выполнение этой задачи под свой контроль. В 1826 г. с этой целью создается II Отделение собственной канцелярии царя, а непосредственное исполнение поручается М.М. Сперанскому.

Первоначально Сперанский поставил перед собой весьма серьезную задачу: собрать законы, издать их и на этой основе создать новое действующее законодательство. Однако царь сузил границы ее решения: дано указание собрать все известные законы, издать их в хронологическом порядке и выбрать из них действующие законы. Сперанский провел огромную работу по выявлению, сбору и публикации всех законов. В 1830—1832 гг. были изданы 45 томов **Полного собрания законов Российской империи**, куда вошло все законодательство до 1825 г., начиная с «Соборного Уложения» 1649 г., и 6 томов законов, принятых при Николае I (1825—1830 гг.). Затем ежегодно публиковались тома принятых законов. Из этой массы законодательных актов Сперанский произвел отбор и классификацию действующих законов. В 1833 г. было опубликовано 15 томов **Свода законов**, в котором законы располагались по тематическому и хронологическому принципам. От всякого обновления и улучшения законодательства Николай I решительно уклонялся, поэтому ничего нового в политическую и социальную структуру, в систему управления проделанная работа не внесла.

Важным памятником русского права первой половины XIX в. явилось также **Уложение о наказаниях уголовных и исправительных**, утвержденное в 1845 г. и вступившее в силу 1 мая 1846 г.

Подводя итоги этой деятельности, можно отметить, что работа по систематизации прошла три основных этапа:

- собрание всех нормативных актов Российской империи в хронологическом порядке — Полное собрание законов Российской империи;
- собрание всех действующих законов и расположение их в нужном порядке: Свод законов Российской империи;
- кодификация законодательства — этап незавершенный, было принято лишь Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

В первой половине XIX в. уголовное законодательство было кодифицировано, и оно вошло в Свод законов. С 1 мая 1846 г. введено в действие Уложение о наказаниях уголовных и исправительных.

В соответствии с Уложением дворяне имели право ссылать своих крестьян в Сибирь, судить их, применять к ним телесные наказания и т.д.

Преступления. Наиболее тяжкими считались *государственные преступления*. К ним относились восстания против царской власти и измена, посягательство на жизнь и здоровье царя. Виновные в совершении таких преступлений подвергались лишению всех прав состояния и смертной казни.

Серьезными признавались *преступления против религии*, а именно: богохульство, наказываемое лишением всех прав состояния и каторгой на срок от 12 до 15 лет, святотатство, соращение христиан в нехристианскую веру, нарушение службы в церкви и др. Лица, совершавшие эти преступления, подвергались лишению всех прав состояния и ссылке на каторжные работы без срока или на определенный срок.

К *преступлениям против порядка управления* относились злоупотребление властью, разглашение служебных тайн, подделка документов, вынесение неправоудного приговора или решения, казнокрадство, причинение ущерба казне, подделка ценных бумаг и знаков, неповиновение власти.

Среди *преступлений против личности* самым тяжким являлось убийство. При этом выделялось так называемое квалифицированное убийство (убийство родителей, родственников, начальника, господина и членов его семьи, хозяина, мастера, священнослужителя) способом, опасным для жизни и здоровья многих лиц и особенно мучительным для убитого. Преступники карались лишением всех прав состояния и каторгой без срока или со сроком от 15 до 20 лет. За умышленное убийство суд выносил каторжные работы на разные сроки.

К преступлениям против личности Уложение относило увечья, раны, побои, истязания, расстройство здоровья в результате мучений. Виновные в этих преступлениях карались каторжными работами или содержанием в исправительных арестантских отделениях, а в некоторых случаях подвергались тюремному заключению.

К *имущественным преступлениям* относились завладение чужим недвижимым имуществом, уничтожение межевых знаков, разбой, грабеж, воровство, истребление или повреждение чужого имущества, особенно поджог жилых строений и др. В большинстве случаев за такие преступления полагались каторга без срока или на определенный срок либо отбывание различных сроков в исправительных арестантских отделениях. За кражу вещей ценой менее 100 руб. предусматривалось тюремное заключение от 3 до 6 месяцев, за конокрадство — отдача в исправительные арестантские отделения на разные сроки, за повторную кражу лошадей — каторжные работы на разные сроки.

К *преступлениям против семьи* относились вступление в брак с нарушением требуемых законом условий, насильственный или обманный брак, многобрачие, прелюбодеяние и др. За эти преступления назначались каторжные работы или отдача в исправительные арестантские отделения на разные сроки.

Виды наказаний. В первой половине XIX в. по сравнению с XVIII в. значительно увеличилось количество различных видов наказаний. Была разработана целая система их. Наказания, применявшиеся по Уложению 1845 г., делились на *уголовные и исправительные*.

К *уголовным* относились смертная казнь, ссылки на каторжные работы на поселение в Сибирь или в Закавказье. Лица, осужденные к этим наказаниям, лишались также всех привилегий и прав состояния, прекращалась власть, например, мужа над женой и детьми, все имущество переходило к законным наследникам. Лица, приговоренные к каторге, подвергались дополнительному наказанию плетьюми от 30 до 100 ударов в зависимости от срока наказания и от 10 до 30 ударов — при ссылке на поселение.

К дворянам, духовным лицам и купцам применялись такие *исправительные наказания*, как лишение всех особенных прав и преимуществ и ссылка на жительство в Сибирь или в другие губернии, арест, выговор, замечание, внушение и денежное взыскание. Лишение всех особенных прав и преимуществ означало, что осужденный лишался дворянства, чинов, права поступать на государственную или общественную службу, исключался из духовного звания, ему запрещалось записываться в купеческие гильдии и т.д.

К мещанам и крестьянам применялись следующие исправительные наказания: лишение всех особенных прав и преимуществ, отдача в исправительные арестантские отделения на срок от 1 до 10 лет, битье розгами от 50 до 100 ударов, заключение в тюрьму или смиренный дом.

Кроме **основных наказаний**, применялись еще **дополнительные** — церковное покаяние, конфискация имущества, отдача под надзор полиции и др.

Судебный процесс этого времени характеризовался следующими особенностями. Судебные заседания проходили тайно, при закрытых дверях. На суде не могли присутствовать не только посторонние лица, но и стороны, и свидетели. Дела рассматривались судом на основании одних лишь письменных показаний. Устные показания на суде не допускались. Приговоры и решения суд выносил только по письменным материалам следствия. Лучшим доказательством виновности обвиняемого по-прежнему являлось его собственное признание, которое можно было вырвать пыткой. Приговор выносился судом не по убеждению судей, а по формальным соображениям, в зависимости от того, сколько было свидетелей «за» и «против». Если у суда не было доказательств виновности обвиняемого, дело прекращалось, но этого человека в приговоре на всю жизнь оставляли «в подозрении».

Обжаловать приговор или решение суда было очень трудно. Для этого требовались большие средства, поэтому жалобы годами лежали в судах нерассмотренными.

Тайна судебного производства давала широкий простор для различных злоупотреблений, необоснованных обвинений, взяток и т.д. Дела велись крайне медленно. Не было адвокатуры.

В первой половине XIX в. абсолютизм в России достигает апогея. Монарх, особенно в правление Николая I, концентрирует в своих руках всю государственную власть. В то же время, стремясь сохранить контроль над обществом, царизм немало сделал для совершенствования государственного механизма управления и систематизации законодательства. Свод законов Российской империи — большое достижение юридической мысли XIX в.

Великая судебная реформа в 60-х годах XIX в.

14.1. Проекты реформы суда

Как уже говорилось, широкую программу усовершенствования судебной системы России предложил в 1803 г. М.М. Сперанский. Во «Введении к Уложению государственных законов» 1809 г. она получила свое дальнейшее развитие. В 1830-е годы разработкой подобных проектов законов о судоустройстве и судопроизводстве занимались Министерство юстиции и Второе Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Возглавлял эту разработку статс-секретарь М.А. Балугьянский. В 1844 г. еще один проект — улучшения следственной части — подготовил начальник Второго Отделения Д.Н. Блудов. Однако претворение этих проектов в жизнь не могло осуществиться из-за нерешенности главного вопроса общественной жизни — крестьянского.

Только со вступлением на престол Александра II, правительство которого вплотную занялось подготовкой отмены крепостного права и освобождения крестьян из-под юрисдикции помещиков, получила импульсы к осуществлению и судебная реформа. Подготовка ее проходила в несколько этапов. На первом этапе летом 1857 г. в Государственном Совете состоялось обсуждение родившегося в недрах Второго Отделения проекта Устава Гражданского судопроизводства и записки его главы, графа Д.Н. Блудова. Проект исходил из необходимости введения принципа состязательности процесса, сокращения количества судебных инстанций и обращал особое внимание на совершенствование кадров судебных органов.

Этот проект вызвал в правительственных кругах определенную реакцию, расколов высшее чиновничество на две группы: *либералов-радикалов*, желавших коренного переустройства всей судебной системы, и *консерваторов*, ратовавших лишь за ограниченные изменения. Первые искали образец для России на Западе, вторые предпочитали обратиться к историческому опыту самой России. Возглавлял консерваторов Д.Н. Блудов, который боялся «потрясать священные устои» и вводить сразу, без оговорок, принципы буржу-

азного суда: устность, гласность, непосредственность и равенство сторон в процессе, участие в нем адвокатов.

Позицию Д.Н. Блудова вначале разделял главный инициатор реформы — император Александр II. Но возглавивший либеральное течение князь П.Д. Долгорукий, который осенью 1857 г. составил обстоятельную записку на имя императора, сумел убедить Александра II в преимуществах западного варианта.

В 1858 г. дискуссия о реформе суда вышла из стен высоких чиновничьих кабинетов и перешла на страницы периодической печати. Обсуждение продолжалось два года и завершилось победой либералов: старый проект Устава гражданского судопроизводства был отклонен. Более того, в стане консерваторов произошел раскол, и никто иной, как сам глава его, граф Д.Н. Блудов, выступил в сентябре 1858 г. с предложением учредить в России адвокатуру. Эту идею он обосновал в своем докладе на имя императора «Об установлении присяжных стряпчих».

Вопрос об адвокатуре был предметом ожесточенных споров. Известно, что на Руси издревле существовало судебное представительство (институт послухов, поверенных). Но с утверждением инквизиционного процесса фигура поверенного утратила свою роль и стала ненужной. Тем более, что всякого рода ходатаи, принимавшие участие в деле, будучи юридически неподготовленными людьми, не только не помогали правосудию, а нередко лишь запутывали дело, стремясь выиграть его любой ценой.

В процессе подготовки реформы поначалу складывалось решительное мнение об упразднении всякого рода судебных представителей. Немаловажную роль в формировании негативного отношения к адвокатам сыграла Французская революция конца XVIII в., в руководстве которой адвокаты занимали видное место. Поэтому проект Д.Н. Блудова стал серьезным шагом в сторону преодоления такого отношения властей к институту адвокатуры.

14.2. Реорганизация следствия

Однако первым шагом по пути преобразования судебной системы стало не введение нового гражданского процесса и не учреждение адвокатуры. Реформа началась со *следствия*. В мае 1860 г. Государственный Совет принял **закон о судебных следователях**, который был санкционирован императором. Проект закона составил статс-секретарь Госсвета С.И. Зарудный, специально изучавший законодательство и судебную практику европейских государств во время длительной служебной командировки. Суть нового проекта заклю-

чалась в изъятии предварительного следствия из рук полиции и передаче его особым судебным следователям, что превращало процедуру следствия в своеобразный этап судебного процесса.

После отмены крепостного права в феврале 1861 г. подготовка судебной реформы вступила в новую стадию. В октябре этого года по решению императора, который полностью передал дело реформы в руки радикалов, была сформирована комиссия из видных юристов — профессионалов во главе с С.И. Зарудным. Комиссия отказалась от идеи сохранения следственного процесса, которую продолжал отстаивать Д.Н. Блудов, и взяла за основу общую теорию буржуазного демократического судопроизводства и судопроизводства, апробированную уже западноевропейским законодательством и судебной практикой. При этом учитывались и российские традиции, и сама российская действительность, в частности, наличие абсолютизма, что сказалось, к примеру, в сохранении суда сословных представителей в делах о государственных преступлениях.

Результатом работы комиссии С.И. Зарудного стали *«Основные положения преобразования судебной части в России»*, представленные императору в апреле 1862 г. Александр II передал этот документ на рассмотрение в Госсовет, где его обсуждали сначала объединенные *департаменты законов и гражданских дел*, а затем расширенное заседание всего состава Госсовета. В сентябре 1862 г. император утвердил *«Положения»*.

«Основные положения» состояли из трех частей, посвященных судопроизводству, гражданскому и уголовному судопроизводству. В них фиксировались такие новые институты, как отделение суда от администрации, выборный мировой всесословный суд, присяжные заседатели в окружном суде, адвокатура, принцип состязательности в процессе. Новый статус приобретала прокуратура. Хотя права ее несколько ограничивались, прокуратура становилась стороной в процессе, причем не только в уголовном, но и в гражданском.

Прогрессивные идеи пронизывали и процессуальную часть «Основных положений». Закреплялся принцип осуществления правосудия только судом, отменялась система формальных доказательств, упразднялся институт оставления в подозрении и т.д. В гражданском судопроизводстве много внимания уделялось мировому суду. Перед ним ставились задачи в первую очередь по примирению сторон, благо дела, ему подсудные, были не слишком крупными. Более серьезные иски разбирал окружной суд.

Для реализации этих идей на практике было необходимо разработать сами законы о судопроизводстве и судопроизводстве. Этим и занялась другая, более крупная, расширенная комиссия из лучших

умов России. В нее вошли представители Второго Отделения, Министерства юстиции, авторы «Основных положений», эксперты из университетских профессоров и полицейских чинов. И эту комиссию возглавил С.И. Зарудный, сыгравший в подготовке реформы выдающуюся роль. Комиссия обратилась к общественности с просьбой оказать ей содействие в работе. Проекты законов, в том числе «Основные положения», были опубликованы и активно обсуждались в прессе. Наконец, после рассмотрения всех предложений в Госсовете, 20 ноября 1864 г. император Александр II утвердил подготовленные проекты законов.

Документы судебной реформы включают в себя четыре закона. Первый посвящен судоустройству, второй и третий — процессу, гражданскому и уголовному, четвертый содержал нормы материального права о небольших уголовных и административных правонарушениях, подсудных мировому суду. Все законы исходили из принципов и идей, заложенных в «Основных положениях».

Первый закон — **Учреждение судебных установлений** провозгласил новые принципы судоустройства (их характеристике посвящено краткое введение) и учредил новую систему судебных органов (в девяти разделах, поделенных на главы). В разделах последовательно характеризовались все новые судебные «установления». Раздел 1 — **Мировые судьи и их Съезды**. Раздел 2 — **Общие судебные места**, то есть Окружные суды. Окружные суды с участием присяжных заседателей, Судебные Палаты и Сенат с его кассационными департаментами. Раздел 3 — **О лицах прокурорского надзора** — характеризовал реорганизованную прокуратуру. Раздел 4 — **О внутреннем устройстве судебных мест** — содержал порядок заседаний, ведения делопроизводства, отчетов и т.п. Раздел 5 посвящался **порядку сношения судебных мест и должностных лиц судебного ведомства**. Раздел 6 — **Об определении, увольнении и перемещении должностных лиц судебного ведомства** — содержал характеристику института судей и прокуроров. Раздел 7 — **О нравах и преимуществах должностных лиц судебного ведомства** — содержал характеристику чинов, званий, классов, жалованья и т.п. судейских лиц. Раздел 8 — **О надзоре за судебными установлениями и об ответственности должностных лиц судебного ведомства** — устанавливал меры дисциплинарной, материальной и иной ответственности судебных чинов. Раздел 9 — **О лицах, состоящих при судебных местах**, — характеризовал должностные обязанности судебных приставов, присяжных поверенных, нотариусов и др.

Учреждение содержало еще два приложения: **Расписание окладов содержания, классов и должностей, разрядов по пенсии и по шитью на мундире чинов судебного ведомства** и **Формы присяги** (судьи, адвоката, судебного пристава).

Второй закон — **Устав гражданского судопроизводства** содержал вводную часть — «Общие положения» и основную часть, состоящую из трех книг. Во вводной части закон провозглашал следующие принципы. 1. Гражданские споры рассматриваются только судами. 2. Допускаются иски к государственным органам в случае принятия ими решений, причиняющих ущерб частным лицам. 3. Регламентируются гражданские правоотношения, возникающие в связи с ущербом, причиненным преступлением. 4. Всеобщее гражданское право; пособность (с некоторыми исключениями).

Первая книга УГС посвящалась **производству в мировых судебных установлениях**. Регламентировались подсудность в мировых судах, способы предъявления иска, доказательства, обеспеченность исков, порядок решений по делу и их обжалование, исполнение решений. Те же вопросы рассматривались и в отношении второй инстанции — Съезда мировых судей.

Вторая книга, состоявшая из 5 разделов, характеризовала **гражданский процесс в общих судебных установлениях**: окружных судах и судебных палатах. Кроме вопросов подсудности, в ней рассматривались вопросы обжалования решений (апелляции), исчисления сроков, судебных издержек, исполнительного производства, в том числе об обращении взыскания на движимое и недвижимое имущество и пр.

Третья книга УГС содержала **исключения из общего порядка гражданского судопроизводства**. В ней характеризовались дела казенного управления, возникающие из договоров подряда и поставки, отдачи в аренду оброчных статей и т.п. Здесь же содержалась характеристика судопроизводства по делам брачным и о законности рождения, а также о взыскании вознаграждения за вред и убытки, причиненные должностными лицами (в административных и судебных органах).

УГС был первым в истории российского законодательства гражданским процессуальным кодексом. Он отделил гражданское судопроизводство от уголовного, приспособил его к новой судебной системе.

Третий закон судебной реформы — **Устав уголовного судопроизводства** состоял из «Общих положений» и трех книг, разделенных на разделы и главы (60 глав). Структура Устава позволяла быстро и легко найти нужную статью. Формулировки статей были четкими и лаконичными, что выгодно отличало новое процессуальное законодательство от дореформенного. 32 статьи «Общих положений» характеризовали **основные принципы** уголовного судопроизводства, которые затем как бы расшифровывались в главах книг.

Книга 1. **Порядок производства в мировых судебных установлениях** — характеризовала во всех его подробностях процесс в мировых судах.

Книга 2. **Порядок производства в общих судебных установлениях** — воспроизводила содержание стадий уголовного процесса. Большое место в ней отводилось предварительному следствию, характеризовались степень власти и существо обязанностей судебных следователей и прокуроров. Два раздела этой главы (третий и четвертый) посвящались порядку предания суду и производству в окружных судах, в том числе с участием присяжных заседателей и без них. Характеристика судебного следствия завершалась порядком постановления приговора и его объявления.

Книга 3 УУС содержала **изъятия из общего порядка уголовного судопроизводства** (преступления против веры, государственные преступления, смешанная подсудность и др.).

Последний, четвертый закон — **Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями** — стоял несколько особняком от других. Он посвящался регулированию материальных правоотношений, а не судоустройству и судопроизводству. В Уставе было значительно переработано старое уголовное законодательство, которое приспособлялось к использованию в мировом судопроизводстве.

Устав состоял из вводной части, содержащей общие положения, и 12 глав, в которых в систематическом порядке определялись противоправные деяния и наказания за них (в том числе о проступках против порядка управления, благочиния и спокойствия, общественного благоустройства).

«Устав о наказаниях» адресовался конкретным правоприменительным органам — *мировым судьям*. Главным его недостатком являлось огромное количество отсылок к нормам разных уставов, часто без указания их конкретных статей. В последующем этот Устав публиковался с приложениями нормативно-правовых актов, упомянутых в нем, что облегчало его использование в судебной практике. К недостаткам Устава исследователи относят также слабую разработку некоторых групп преступлений и проступков, наказания за которые чаще всего приходилось применять в судебной практике. Так, Устав содержит всего две короткие статьи о пьянстве: ст. 42, грозившую арестом до 7 суток и штрафом до 25 руб. за появление в публичном месте «пьяным до беспамятства или в безобразном от опьянения виде», и ст. 127, по которой продавцы питейных заведений подвергались денежному взысканию до 5 руб. за «неохранение пьяного, который не мог без очевидной опасности быть предоставлен самому себе».

14.3. Судоустройство в Российской империи по законам 1864 г.

Во главе системы стоял *Сенат* в качестве высшей инстанции. Кроме того, в столицах действовали *надворные суды* для дворян и чиновников. Существовали и специальные суды: *военный, духовный, коммерческие, совестные*. Они разбирали межсословные споры на местах, и в них заседали по два представителя от каждого сословия.

Новая судебная система, введенная «Учреждением судебных установлений», приобрела следующий вид. Она состояла из двух структур: *местных судов* (для менее значительных дел) — *волостного и мирового* и *судов общих* — *окружного суда и судебной палаты*.

Волостные суды вводились положениями 1861 г., избирались крестьянами, состояли из крестьян и судили только крестьян, ставших гражданами. Они пришли на смену помещичьему суду. Волостные суды *избирались* ежегодно на волостных сходах, заседали *коллегиально* (не менее трех судей), рассматривали гражданские дела с исками до 100 руб. и мелкие уголовные дела (драки, оскорбления, порча, истребление имущества), за которые предусматривалось наказание в виде штрафов до 1 руб., административного ареста до двух суток, телесных наказаний розгами. В своей деятельности эти суды руководствовались не столько *абстрактной нормой* (ибо крестьяне законов не знали), сколько *обычаями, общественным мнением, здравым смыслом*. Учитывалась полезность для сельского общества того или иного его члена (как уплачивал подати, каков в отношениях с соседями, в семейном быту и т.п.). Царицей доказательств в волостном суде была *практичность, крестьянская сметка*, а главной целью процесса — *примирение сторон*.

С 1889 г. после одобрения этой идеи депутацией крестьян, прибывших на коронацию императора Александра III, волостные суды были поставлены под контроль *земских начальников*. Как правило, ими становились потомственные дворяне, имевшие высшее образование, опыт работы мировым судьей. С этого времени волостные суды стали больше оперировать законом, а применение норм обычного права сократилось. В 1912 г. институт земских начальников был упразднен.

Мировые суды учреждались с целью разгрузить основное звено — общие суды — от малозначительных дел. Образцом послужил мировой суд Англии, где на должности мировых судей правительство назначало «уважаемых и почтенных» людей из местного населения, которые не получали за свой труд вознаграждения. Но в России мировые судьи *избирались органами местного самоуправления* (земскими собраниями и городскими думами) и утверждались Сенатом.

Пространством деятельности мирового суда был *мировой округ* (уезд с городами), который делился на *участки*. На участках и действовали выборные участковые мировые судьи, получавшие за свою работу небольшое жалованье из земских сборов. Если выборный мировой судья отказывался от жалованья, ему присваивалось звание *почетного мирового судьи*. Почетные мировые судьи рассматривали дела в отсутствие участкового или по просьбам потерпевших.

В системе общих судов основным звеном являлся *окружной суд*. Он учреждался один на округ, в который объединялись несколько уездов. Всего было создано 104 судебных округа. Окружной суд состоял из двух отделений: *гражданских и уголовных дел*. В каждом отделении дела рассматривались коллегиально, в составе трех судей. При этом практиковался переход членов окружного суда из уголовного отделения в гражданское, и наоборот.

Уголовное отделение, получившее название *коронного суда*, в свою очередь, имело в своем составе суд с участием *присяжных заседателей*. В ведение суда присяжных передавались дела по преступлениям, за которые полагалось наказание в виде лишения всех прав состояния. Все остальные преступления рассматривал коронный суд. Предварительное следствие по уголовным делам вели *судебные следователи*, считавшиеся членами окружного суда и имевшие свои участки.

Второй инстанцией в общей юрисдикции была *судебная палата* — одна на несколько губерний. Сначала было введено 11, позднее 14 судебных палат. Палаты делились на *департаменты уголовных и гражданских дел*, которые возглавлялись *председателями*. Судебная палата выступала как суд первой инстанции по государственным преступлениям и преступлениям должностным. Как правило, при рассмотрении таких дел в заседаниях судебной палаты требовалось присутствие *сословных представителей* (предводителей дворянства, городских голов и волостных старшин).

Как суд второй инстанции судебная палата рассматривала в порядке *апелляции* решения и приговоры окружных судов (по жалобам и отзывам сторон и протестам прокуроров). Кроме того, судебная палата осуществляла надзор за деятельностью окружных судов. При судебной палате учреждалась корпорация адвокатов — *присяжных поверенных*.

Во главе судебной системы стоял *Сенат* как *высшая кассационная инстанция*. Как и судебная палата, Сенат состоял из двух *департаментов: уголовных и гражданских дел*. В Сенате можно было обжаловать окончательные приговоры. Сенат объявлялся также высшим органом судебного надзора для всех вновь созданных су-

дебных «установлений». Все спорные дела рассматривались общим собранием кассационных департаментов.

Все суды имели в своем составе определенное число секретарей и их помощников, канцелярских чиновников, на содержание которых отпускалась согласно штатам особая сумма.

В конце 1880-х годов, как реакция власти на терроризм, дела о государственных (политических) преступлениях, о террористических актах были изъяты из ведения судебных палат и переданы в *Особое присутствие* Сената. Дела о сопротивлении властям, о покушениях на должностных лиц передавались в ведение военной юстиции. Дела о печати, нарушившей закон, из ведения окружных судов переходили в ведение судебных палат. В проведении следствия по политическим делам и террористическим актам усилилась роль жандармерии.

14.4. Институт судей

Закон предполагал, что судейские должности могли занимать только русские подданные и только юристы со специальным образованием. Требовался «аттестат университета или другого высшего учебного заведения об окончании курса юридических наук» или сдача экзамена по этим наукам. Необходимо было также иметь опыт работы по судебной части в званиях не ниже секретаря окружного суда в течение трех лет или присяжного поверенного в течение 10 лет при отличных характеристиках с места службы («свидетельствах о точном, исправном и безукоризненном во все время исполнении своих обязанностей»).

Выпускники университетов могли получить назначение на судебские должности после четырехлетней бесплатной службы *кандидатами* при судебных местах и по достижении 25-летнего возраста. В зависимости от ранга (председатель, товарищ председателя, член суда, судебный следователь, чин прокурорского надзора, обер-секретарь Сената, секретарь и его помощник) для всех чинов при занятии должности устанавливался необходимый стаж работы в судебном ведомстве (не менее трех лет).

Все судебные чины, начиная от судебного следователя и заканчивая председателями департаментов и членами судебной палаты, назначались на должности по представлению министра юстиции высшей властью — *императором*. Кандидатов представляли общие собрания окружного суда или судебной палаты. Сенаторы и обер-прокуроры назначались именными указами царя. Все остальные (секретари и др.) — *министром юстиции*. Каждый назначенный на

должность судьи впервые приводился к особой на это звание **присяге** духовным лицом своего вероисповедания. Присягу приносили в публичном заседании всех департаментов или отделений суда по прилагаемой ниже форме:

«Обещаюсь и клянусь всемогущим богом, пред святым его Евангелием и животворящим крестом господним, хранить верность его императорскому величеству государю императору, самодержцу всероссийскому, исполнять свято законы империи, творить суд по чистой совести, без всякого в чью-либо пользу лицепрятия и поступать во всем соответственно званию, мною принимаемому, памятуя, что я во всем этом должен буду дать ответ пред законом и пред богом на страшном суде его. В удостоверение сего целую слова». Закон вводил несменяемость для председателей, товарищей председателей и членов судебных мест, которые не могли быть уволены без прошения об отставке или переведены в другую местность без их согласия. Временное отстранение от должности допускалось только в случае предания их суду, а «совершенному отрешению от должностей» они могли подвергнуться не иначе, как по приговору уголовного суда.

Однако на них, как и на всех других лиц судебного ведомства, распространялось положение, в соответствии с которым они могли быть уволены как неявившиеся на службу без уважительных причин в установленный срок (в течение месяца со дня объявления им об определении к должности). Они увольнялись также и в случае, если в продолжение года «со времени приключившейся тяжкой болезни» не являлись на службу и не подавали сами прошения об отставке. Решение об этом принимало общее собрание того судебного органа, в котором служило данное судебное лицо.

Важным положением, закреплявшим независимость суда, было установленное ст. 246 правило **несовместимости** должности судьи ни с какими должностями по другим ведомствам, за исключением **почетных и бесплатных должностей**. Запрещалось судьям также возмездное участие в торговых и промышленных предприятиях. По этой же причине (чтобы не подчинять судей правительству) награждение их относилось к исключительной компетенции «императорского величества» (ст. 248).

Особое расписание определяло для судебных чинов оклады содержания, классы их должностей и разряды по пенсии и по шитью на мундире. Права и преимущества, присвоенные председателям и членам судебных палат, председателям, товарищам председателей, членам окружных судов и мировым судьям, принадлежали не только им самим, но и их **семействам**. Их дети, поступившие на государственную службу или на учебу на этом основании, оставались на своих местах и после оставления их отцами судейского звания.

Надзор за судебными установлениями вели высшие в порядке подчиненности судебные места: окружные суды — за всеми должностными лицами, состоящими при них, судебные палаты — за всеми судебными местами и должностными лицами округа (кроме мировых судей и их съездов), кассационные департаменты Сената — за всеми судебными местами и должностными лицами судебного ведомства империи. Все это не касалось лиц прокурорского надзора, у которых была своя система подчиненности. Общий надзор за всей системой сосредоточивался в руках министра юстиции как генерал-прокурора.

Ответственность должностных лиц судебного ведомства. За свои действия лица судебного ведомства несли установленную законом ответственность двоякого рода: *дисциплинарную и уголовную*.

Дисциплинарное производство могли осуществлять кассационные департаменты Сената — о председателях и членах судебных палат, обер-прокурорах, прокурорах судебных палат и их товарищах; судебные палаты — о председателях, товарищах председателей и членах окружных судов, судебных следователях и мировых судьях, а также о прокурорах окружных судов и их товарищах; о прочих чинах судебного ведомства — те судебные места, при которых они состояли.

Дисциплинарные дела слушались при закрытых дверях, но по просьбам обвиняемых могли слушаться и в публичном заседании с участием защиты. На их решения допускались жалобы и прокурорские протесты в вышестоящий суд, решения которого считались окончательными. Но каждое такое решение докладывалось министру юстиции «для сведения».

При обнаружении обстоятельств, требовавших вмешательства уголовного суда, дисциплинарное производство прекращалось и подсудимый предавался уголовному суду по правилам Устава уголовного судопроизводства.

Если судья в течение одного года три раза подвергался предостережению, четвертый проступок требовал уже решения кассационных департаментов Сената о возможном предании его уголовному суду. Только решение уголовного суда могло отрешить судью от должности. Если же решение уголовного суда не предполагало это, вопрос окончательно решался общим собранием тех же кассационных департаментов Сената. Это же правило распространялось на тех судей, которые подвергались личному задержанию за долги или же в установленном порядке объявлялись несостоятельными должниками.

14.5. Судебные приставы

Реформа учредила специальную должность, которой поручалось исполнение судебных решений. Ее занимали *судебные приставы*. Судебные приставы состояли при каждом судебном месте: окружном суде, судебной палате, кассационных департаментах Сената. Ими могли стать лица, достигшие 21 года, не опороченные по суду, имеющие право хождения по чужим делам. При первых двух инстанциях они избирались председателями судов, в третьей — обер-прокурорами Сената — из людей *«благонадежной нравственности»*. Избранные допускались к исполнению своих служебных обязанностей по предоставлении судебному месту установленного *залога*, на случай убытков, которые могли произойти от их неправильных действий. Как и судьи, приставы приносили присягу, обещали *«честно и добросовестно исполнять все обязанности...и все относящиеся до сих обязанностей законы и правила, распоряжения и поручения, не превышать предоставленной... власти и не причинять с умыслом никому ущерба или убытков, а напротив, веряемые... интересы ограждать как свои собственные»*.

Пристав получал *свидетельство* о поступлении в должность, *особый знак* для ношения при отправлении служебных обязанностей и *особую печать*. Местная полицейская и даже военная власть обязывались оказывать приставу всяческое содействие.

Судебные приставы вручали тяжущимся *повестки и бумаги* по делам, которые должны были слушаться в суде. Приставы при окружных судах исполняли *судебные решения*. Их должностные обязанности определялись судебными уставами, за нарушения которых они несли как общие дисциплинарные взыскания, так и взыскания материальные (удержания вознаграждения или штрафы). При обращении залога в возмещение причиненного судебным приставом убытка он отстранялся от своих обязанностей до предоставления нового залога.

14.6. Институт присяжных заседателей

Судебные уставы 20 ноября 1864 г. создали в России принципиально новую судебную систему. Одним из важнейших ее звеньев, наряду с мировым судом, прокуратурой и адвокатурой, стал суд присяжных. Институт присяжных заседателей был для России совершенно новым явлением. Известный теоретик права XIX в. Н.Д. Сергеевский совершенно справедливо отмечал: «В России суд присяжных не является ни плодом исторической жизни русского

народа, ни результатом борьбы народа с правительством, он есть нововведение, подражание...»¹. Несмотря на это, даже такой серьезный противник суда присяжных, как В.Я. Фукс вынужден был признать, что «качественно суд присяжных есть центр тяжести нашей судебной реформы»².

В отличие, например, от своих английских коллег, русские присяжные не могли участвовать в рассмотрении гражданских дел, их компетенция распространялась лишь на серьезные уголовные преступления. Однако это нисколько не умаляет значение введения суда присяжных — впервые в истории России³ виновность или невиновность подсудимого определяли не профессиональные судьи, а простые люди — представители разных сословий.

¹ См.: *Сергеевский Н.Д.* О суде присяжных. Ярославль, 1875. С. 4.

² *Фукс В.* Суд и полиция. М., 1889. Ч. 1. С. 97.

³ В Древней Руси к участию в судопроизводстве допускались «судные мужи», однако их функции в значительной мере отличались от функций присяжных заседателей. До 1864 г. на Руси и в России существовали (речь идет о суде с народным представительством) только различные варианты суда шеффенов. Подробнее см.: *Демичев А.А., Исаенкова О.В.* Теоретико-методологические проблемы изучения российского суда присяжных: Монография. Н. Новгород, 2005. С. 6—25.

Торговое право и судопроизводство в России

В допетровской Руси не было условий для различения элементов торгового и гражданского права. Торговля как посредничество между производителем и потребителем мало отличалась от простой продажи продуктов производства. Не существовало и торгового сословия, которое могло бы путем обычая вырабатывать нормы для регулирования отношений, ему одному свойственных. Торговля была одной из форм службы государству. Некоторые нормы, созданные торговым оборотом, нашли отражение в Русской Правде и проникли в Уложение 1649 г., но они имели общегражданский характер и применялись всеми слоями населения, а не только торговыми людьми. Новоторговый устав 1667 г. содержал в себе лишь полицейские и финансовые постановления. Не было базы для выделения торгового права из общегражданского и в XVIII в. Стремление Петра I организовать торговое сословие на условиях автономии встречало отпор со стороны самого этого сословия. В то же время, настаивая на самоуправлении купечества, предоставляя ему право собственного суда, законодательство обязывало купечество руководствоваться нормами общего права и отрицало силу обычая. Эта политика, проходящая через все реформы XVIII в., преграждала путь к возникновению и развитию торговых обычаев, игравших значительную роль в истории торгового права Западной Европы. При таких условиях ни русская жизнь, ни судебная практика не могли выработать основ для торгового уложения. Составленный в 1814 г. проект такого уложения отличался неполнотой и представлял собой сколок с французского кодекса коммерции. Сперанский, приступая к составлению Свода законов, признал, что гражданские законы должны содержать и все то, что в иностранных законодательствах составляет предмет торгового уложения. Однако если в состав Свода были включены особые учреждения и торговые уставы, то это объясняется тем, что торговый устав, являясь, по мысли Сперанского, одним из элементов государственного устройства, вместе с тем отнесен к особым законам об имуществах. Это — свод постановлений преимущественно торгово-публичного права («государственной экономии»), в который постановления торгово-частного

права включены, между прочим, ввиду сословного характера обязательств и договоров, «торговле свойственных». Преобладание торгово-публичных постановлений препятствовало включению торгово-частных законов в общие законы об имуществах. В 1887 г. **торговый устав** был подвергнут существенной переработке. Из него были выделены в самостоятельные уставы постановления о векселях, консульствах, правила судопроизводства в области торговли, что не только сократило число статей устава почти на две трети, но и повлияло на его содержание. Во-первых, устав перестал быть сословно-купеческим законом, право на торговлю стало принадлежать всем. Во-вторых, устав не был связан с особенностями производства в коммерческих судах. Не только торговые законы, но и торговые обычаи получили после принятия этого устава применение во всех судах.

Тем не менее, торговый устав 1887 и 1893 гг. был крайне беден юридическим содержанием: его постановления большей частью устарели, в них преобладали положения полицейского характера, а не частноправового.

В новой редакции **торговый устав** разделен на три книги. *Первая книга* содержит два раздела, из которых первый трактует вопрос о найме приказчиков и о торговых поручениях, а второй — о торговых товариществах. Постановления первого раздела заимствованы из таможенного устава 1755 г., цехового устава 1799 г. и Положения о пошлинах за право торговли 1865 г., причем в редакции устава 1887 г. введены некоторые обобщения. Постановления о товариществах основаны на манифесте 1 января 1807 г. и положении 6 декабря 1836 г. об акционерных компаниях, причем последнее было введено в состав общегражданских, а не только торговых законов.

Во второй книге изложено русское морское право. Это одна из наиболее разработанных частей торгового права. Основывалось морское право главным образом на уставе о купеческом водоходстве 1781 г. и, таким образом, отражало морское дело так, как оно было организовано более чем сто лет назад. Многие его постановления технического и полицейского содержания никакого отношения к частному морскому праву не имели.

В третью книгу включены четыре раздела: биржи и ярмарки; купеческие и маклерские книги; торговые меры и весы; товарные склады.

Стоит, однако, обратить внимание на то, что в торговом уставе совершенно отсутствовали постановления о торговых сделках, составляющие существенную часть западноевропейских торговых уложений. Для восполнения этого пробела русские юристы обра-

щались к общеправовым законам, преимущественно в той части, которая трактует об обязательствах, но были совершенно не приспособлены к особенностям торгового оборота.

С другой стороны, в Своде законов были некоторые постановления, специально относящиеся к торговому праву, как, например, приложение к ст. 1238 об открытии и принятии наследства после лиц, производивших торговлю. В устав о промышленности вошли законоположения о товарных знаках и привилегиях на открытия и изобретения. Положение о государственном промысловом налоге 8 июня 1898 г. дает материал для выяснения понятия торгового предприятия.

В случае недостатка законов права и обязанности, вытекающие из сделок и отношений, свойственных торговле, определялись принятыми в ней обычаями.

В марте 1882 г. сенатору Н.А. Туру император поручил составить проект торгового уложения, но в 1884 г. редакционная комиссия, работающая над составлением гражданского уложения, решила включить в него материал торгового права.

Устав торгового судопроизводства распадался по существу на два устава: 1) *учреждение коммерческих судов и правила судопроизводства в них* и 2) *правила о производстве дел о торговой несостоятельности*.

Коммерческие суды, впервые появившиеся в России в начале XIX в. (если не считать торговых словесных судов, сохранившихся в некоторых городах России до 1883 г.), во второй половине XIX в. существовали в столицах, Одессе, Таганроге, Керчи, Кишиневе и Архангельске. Лица, входившие в их состав, частично назначались императорской властью из кандидатов, выбранных купечеством, частью непосредственно избирались купцами, частью определялись министерством юстиции. Апелляционной инстанцией для коммерческих судов служил судебный департамент Правительствующего Сената. Власть коммерческих судов простиралась только на тот город и уезд, для которого они были учреждены. В других местностях торговые дела рассматривались общегражданскими судами на основании устава гражданского судопроизводства или правил о производстве дел у земских начальников и городских судей.

В коммерческих судах существовали два порядка судопроизводства: *словесное разбирательство* и *письменное производство*.

Первый порядок составлял общее правило, второй являлся исключением, допускаемым только особым определением суда, по собственному его усмотрению или по просьбе одной из сторон.

При словесном разбирательстве все устные объяснения сторон записывали в протокол или стороны излагали в особых записках,

которые зачитывали на заседаниях суда и прилагали к протоколу. Каждая сторона имела право представлять такие записки в качестве приложения к протоколу, а в важнейших делах суд мог требовать их вместо записи словесных объяснений сторон в протоколе.

Письменное производство было сопряжено с обменом состязательных бумаг между сторонами (но не более двух с каждой стороны). Бумаги представляли суду, присутствия сторон при этом не требовалось, но если они обе присутствовали, то допускались их словесные объяснения, которые, впрочем, не имели права содержать новых доказательств или опровержений, не означенных в бумагах.

По окончании письменного состязания в канцелярии суда составляли докладную записку, которую предлагали сторонам для прочтения и подписи. Она служила основанием для решения дела. На практике письменное производство было почти совершенно вытеснено словесным разбирательством, которое, кроме всего прочего, отличалось от первого и тем, что при нем иски не взыскивались. В основу производства в коммерческих судах были положены устность, гласность, состязательность, но сохранились и характерные черты дореформенного процесса, например штрафы за неправо иски и апелляции, широкое применение присяги и т.д.

Развитие уголовного права и процесса в России во второй половине XIX в.

16.1. Законодательная база уголовного судопроизводства

Главными документами уголовного права в России в этот период были Уложение об уголовных и исправительных наказаниях (издано в 1845 г.), устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, устав о ссыльных, устав о содержащихся под стражей, воинский и военно-морской уставы о наказаниях, устав сельско-судебный. Кроме того, карательные меры содержались в некоторых уставах казенных управлений и промышленности — таможенный, акцизный и пр. Карательные церковные законы, применяемые церковно-судебной властью, содержались в уставе духовных консисторий, в Кормчей книге и в духовном регламенте.

Главными недостатками этих источников были различные принципы в оценке преступлений, заложенные в разных разделах Уложения; различия в самих взглядах на понятие о преступлении и об условиях наказуемости; отсутствие последовательно проведенного критерия для сравнительной оценки преступных деяний; отсутствие начал, действительно общих для всего Уложения, и поэтому существование формальных противоречий между его постановлениями.

16.2. Уложение об уголовных и исправительных наказаниях

Последовательно в Уложении проведены только принцип недоверия к судьям и стремление ограничить область судейского усмотрения с помощью лестничной системы наказания, при которой деятельность судьи сводилась к простым арифметическим выкладкам. Эта система, однако, оказалась стройной только на бумаге и совершенно непригодной на практике. Она выразилась в отсутствии обобщений, казуистичности, многостатейности и вместе с тем неполноте Уложения.

К характерным чертам Уложения можно также отнести механическое заимствование некоторых положений из иностранных кодексов и крайнюю неразработанность терминов. Еще сильнее, чем все эти недостатки, во второй половине XIX в. чувствовалась архаичность Уложения. Не произошло его обновления и после внесения частичных поправок в 1866 г.

Весь материал, составляющий содержание Уложения, распадался на 12 разделов (1711 статей). Первый раздел включал в себя общую часть, остальные — особенную. Понятия преступного деяния Уложение не определяло. Деление наказуемых деяний по тяжести наказаний также отсутствует, хотя Уложению и известны два термина — преступление и проступок, но технического значения они не имели. Право обороны зависит от важности блага, на которое направлено посягательство. Состояние крайней необходимости не отличается от психического принуждения.

С внутренней стороны деяния различалось зло случайное, деяние неосторожное и умышленное, с внешней стороны — обнаружение умысла, приготовление, покушение и совершение. Покушение, остановленное по собственной воле покушавшегося, если содеянное само по себе не преступно, не наказуемо. Покушение, остановленное не по собственной воле, влечет за собой наказание, положенное за окончательное деяние, с понижением в степени.

Уложению известны три формы участия в преступлении: без предварительного соглашения (скоп), по предварительному соглашению (заговор) и шайка. В первом случае различались главные виновные и участники, во втором — зачинщики, сообщники, подговорщики, или подстрекатели, и пособники. Причастными к делу признавались попустители, укрыватели и недоносители. Для каждой категории участников преступления определена особая мера ответственности, отправной точкой которой служило наказание, положенное за содеянное. Только недонесение о совершенном преступлении наказывалось специально установленным наказанием. В основе карательной системы лежала так называемая лестница наказаний, согласно которой все роды наказаний, поделенные на виды и степени, располагались в последовательном порядке степеней и отношении между двумя рядом стоящими степенями признавалось всегда одинаковым независимо от того, принадлежали они к одному виду и роду или нет.

По тяжести наказания делились на *уголовные*, влекущие за собой лишение всех прав состояния, и *исправительные*.

К *уголовным наказаниям* относились смертная казнь, ссылки на каторжные работы, на поселение в Сибирь, в Закавказье. Послед-

нее наказание было исключительным и назначалось лишь в особых случаях. Уголовные наказания были для всех одинаковы. Что же касается исправительных наказаний, то Уложение разделяло всех преступников на две главные категории: освобожденных и не освобожденных от телесных наказаний.

К *исправительным наказаниям* относились ссылки на житье, исправительные арестантские отделения, тюрьма, арест, выговоры, замечания и внушения, денежные взыскания.

Наряду с *общими наказаниями* были наказания *особенные* (исключение из службы, отрешение от должности и др.), назначаемые за преступные деяния по службе. Кроме главных наказаний, установлены дополнительные: конфискация имущества, церковное покаяние, отдача под особый надзор полиции и др. Существовали также следующие виды наказаний:

а) лишение всех прав состояния — ликвидация сословных, семейных и имущественных прав;

б) лишение всех особенных прав и преимуществ — ликвидация сословных и служебно-политических привилегий;

в) лишение некоторых особенных прав и преимуществ, что влекло за собой лишение права вступать на государственную службу, быть избирателем и избираемым на почетные и сопряженные с властью должности.

Суд не мог определить иного наказания, кроме того, которое в законах предусмотрено за то или иное преступление. Когда за деяние положено несколько различных степеней или даже родов наказания, суд мог свободно выбирать. Избрание меры в пределах степени предоставлено на усмотрение суда, кроме тех случаев, когда закон особо указывал, что должна быть назначена высшая или низшая мера.

В случаях рецидива или совокупности преступных деяний наказание назначалось на основе особых правил. Уложение допускало назначение наказаний по аналогии, «если в законе за подлежащее рассмотрению суда преступное деяние нет определенного наказания». Правила замены наказания как по причинам юридическим, так и по фактической невозможности применить в конкретном случае данное наказание отличались особенной сложностью. Наказание отменялось вследствие смерти преступника, примирения сторон, помилования и давности свершения преступления. Сроки давности были установлены от 6 месяцев до 10 лет и зависели от тяжести наказания. Давность не распространялась на государственные преступления и умышленное убийство родителей.

По сравнению с Уложением **устав о наказаниях**, налагаемых мировыми судьями, по своей технической обработке стоял значитель-

но выше: здесь нет казуистики, строгого следования лестничной системе, в нем больше обобщений и т.д. По общему правилу устав применялся судебными инстанциями низшей подсудности — мировыми судьями, земскими начальниками и т.п. Однако в некоторых случаях, например при совокупности преступных деяний, его были обязаны применять и общие суды. За проступки, обозначенные в уставе, назначались выговоры, замечания и внушения, денежные взыскания до 300 руб., арест до трех месяцев и заключение в тюрьму до полутора лет. В отличие от Уложения устав давал не исчерпывающий, а лишь примерный перечень увеличивающих и уменьшающих вину обстоятельств.

Устав о ссыльных первоначально был издан в 1822 г. В 1832 г. он введен в Свод законов. В 1855 г. система наказаний в уставе была изменена и приспособлена к Уложению. Главное содержание устава — правила о порядке отправления и следования ссыльных, управлениями ими и надзора за ними. В ряду этих правил имелись постановления о наказаниях за преступления и проступки ссыльных.

Основные виды наказаний для ссыльных следующие: плети, розги, приковывание к тележке, увеличение срока работ, перевод из разряда исправляющихся в разряд испытуемых, перевод с поселения на каторжные работы. Из преступных деяний в уставе специально выделены побег с места поселения, работ или с дороги, а также обмен имен и фамилий. Кроме суда, наказания ссыльным в весьма широком диапазоне определялись местной административной властью.

16.3. Уголовный процесс

Розыскной процесс, начавшийся еще в XVI в., продолжился при Петре I. В 1716 г. издано «Краткое изображение процессов» (приложение к Воинскому уставу), заимствованное из немецких источников и вводящее следственный процесс. Собственное признание при этом рассматривалось как «лучшее свидетельство всего света». Неудивительно, что для его получения у обвиняемого широко применялись пытки. В то же время был введен ревизионный порядок рассмотрения дел и учреждены особые должностные лица, наблюдавшие за ходом важнейших уголовных дел или собиравшие необходимые доказательства. Указ о форме суда, изданный в 1723 г., должен был применяться и к делам уголовным, за некоторыми исключениями, но на практике «суд по форме» не имел почти никакого значения. При составлении Свода законов судопроизводственные законоположения времен Петра I и Екатерины II, измененные их преемниками, вошли во вторую книгу XV тома Свода.

По Своду уголовный процесс делился на три части: *следствие, суд, исполнение приговора*. Функции следствия и исполнения принадлежали полиции, которая производила также суд по маловажным проступкам. Следствие распадалось на предварительное и формальное. Суд, получив материалы следствия, рассматривал, правильно ли оно произведено, в случае необходимости подвергал обвиняемого вторичным допросам, а затем на основании собранного следователем письменного материала и в отсутствие подсудимого объявлял приговор или мнение, руководствуясь указанными в законе правилами о силе доказательств, которые делились на совершенные и несовершенные. Одного совершенного доказательства было достаточно для признания осуждения доказанным. Несовершенные доказательства лишь в совокупности могли составить совершенное доказательство. Если против подсудимого имелись некоторые улики, а полных доказательств виновности не было добыто, то его или оставляли на подозрении — и тогда при открытии новых улик мог быть вновь привлечен к суду, — или отдавали под поручительство, также с оставлением на подозрении, или он приносил очистительную присягу.

Право обжалования было ограничено и заменено в известных пределах ревизией дела в высшей инстанции или по требованию закона, или по разногласию между судом и губернатором. В 1860 г. учреждены судебные следователи для производства предварительного следствия. Судебные уставы 1864 г. ввели в уголовный процесс две стороны — обвинение и защиту, действующие отдельно и независимо от суда, и состязание между ними. Предварительное следствие, впрочем, сохранило розыскной характер. В мировом производстве требование устности было выдержано в большей степени, чем в общих судах. Введена гласность судебного следствия, установлено участие общества в отправлении правосудия в лице присяжных заседателей и сословных представителей. Рассмотрение дела по существу ограничено было двумя инстанциями, учреждено особое кассационное производство по отмене приговоров. Позднее устав уголовного судопроизводства во многом дополнен, изменен в ходе контрреформ. В 1871 г. были изданы правила о порядке действия корпуса жандармов по расследованию преступлений. В 1872 г. изменен порядок судопроизводства по делам о государственных преступлениях, для осуждения которых образовано особое присутствие Сената. В 1878 г. некоторые преступления изъяты из ведения присяжных заседателей и переданы суду судебной палаты с участием сословных представителей. В 1882 г. расширена карательная власть мировых судей, которым предоставлено право по некоторым преступлениям заключать виновных в тюрьму на срок до полутора лет.

В 1887 г. ограничена гласность судебного разбирательства. В 1889 г. вновь было уменьшено число дел, подведомственных суду присяжных. В том же году обнародованы правила о производстве дел в судебно-административных учреждениях. В 1897 г. изменены формы и обряды судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних в возрасте от 10 до 17 лет.

При рассмотрении дела по существу в судебном заседании должны были присутствовать не менее трех судей, прокурор или его товарищ, секретарь или его помощник. Каждый период заседаний с участием присяжных заседателей открывался особым публичным судебным заседанием для привода присяжных заседателей к присяге и объяснения им их прав, обязанностей и ответственности. Прокурор или частный обвинитель имели право отвести без объяснения причин по три присяжных заседателя. Из числа неотведенных лиц, если их не менее 18, назначались по жребию 12 компетентных и два запасных присяжных заседателя.

В ходе процесса при открытии судебного заседания читали обвинительный акт или частную жалобу, затем председатель спрашивал подсудимого, признает ли он себя виновным. Если подсудимый признавал себя виновным и это не вызывало никаких сомнений, суд мог перейти к заключительным прениям. При отрицательном ответе подсудимого суд приступал к судебному следствию, т.е. к рассмотрению и проверке доказательств. После этого происходили судебные прения, затем суд приступал к решению вопроса о виновности. Приговоры окружных судов с участием присяжных, а также судебных палат с участием сословных представителей считались окончательными. Против приговоров первой инстанции без участия присяжных допускались апелляционные отзывы подсудимых, частных обвинителей, гражданских истцов, равно как и протесты лиц прокурорского надзора. Дело, по которому приговор отменен, возвращалось для нового производства или в суд, одобивший приговор (в другом составе присутствия), или в другой суд равной степени.

Приговоры суда присяжных и судебных палат могли быть обжалованы или опротестованы только в кассационном порядке в Сенате. Приговоры Сената и Верховного уголовного суда вступали в законную силу немедленно, по ним допускались только прошения о помиловании на имя царя.

В мировом суде рассмотрение дел осуществлялось упрощенно, без деления на стадии, так как сам характер преступлений, подсудных мировому суду, по закону не требовал проведения предварительного расследования. Все вопросы процесса единолично решал мировой судья.

Особенности производства в суде с участием присяжных заседателей

17.1. Устройство суда присяжных

Для участия в рассмотрении уголовных дел присяжные заседатели *избирались* (а не назначались как сословные представители) из российских подданных всех сословий кроме духовенства¹. Составители Судебных уставов отмечали, что «внесение или невнесение кого-либо в списки присяжных не может быть обуславливаемо принадлежностью или непринадлежностью его к известному сословию, потому что удовлетворительное исполнение обязанности присяжного зависит от личных качеств человека, от его способностей и самостоятельности характера, а не от внешних его преимуществ или отличий»², к тому же участие в суде присяжных лиц «различных оттенков образования», «всех слоев общества» должно было внести в судопроизводство такие важные элементы, «как-то: знание в отношении к большей части подсудимых нравов, обычаев и образа жизни той общественной среды, к которой подсудимый принадлежит, простоту здравых рассуждений и более верное взвешивание соотношения виновности подсудимого, принадлежащего к их сословию, с кругом его понятий»³.

Для избрания присяжных заседателей особыми Временными комиссиями, состоящими из лиц, назначаемых для этого ежегодно уездными земскими собраниями, составлялись по каждому уезду отдельно общие и очередные списки⁴. Чтобы быть внесенным в

¹ По закону запрещалось вносить в списки присяжных священнослужителей и монашествующих (см.: 2ПСЗ. № 41475. Учреждение судебных установлений (далее — УСУ). Ст. 85). Этот запрет был связан с тем, что дело священнослужителей «не карать грехи, а разрешать», а монахи попросту «не знают дел мирских» (Фармаковский В. Книжка для присяжных заседателей о суде присяжных. 2-е изд. Вятка, 1876. С. 10).

² Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией. 2-е изд. СПб., 1867 (далее — Судебные уставы). Ч. 3. Ст. 7. С. 20.

³ Там же.

⁴ УСУ. Ст. 83, 89, 97.

списки присяжных, человек¹ должен был отвечать требованиям некоторых цензов.

1. Возрастной ценз — от 25 до 70 лет². Можно спорить о границах этого ценза, но сама его необходимость не вызывает сомнений. К тому же выбор именно таких границ кажется нам наиболее удачным. С одной стороны, 25 лет — это возраст, когда мужчина обычно полностью достигает физической и психологической зрелости. Наличие последней особенно важно при решении участи подсудимого. С другой стороны, законодатели не хотели, чтобы в число присяжных попали люди престарелые, так как «старикам затруднительно было бы исполнять обязанности, требующие переездов и долговременных занятий иногда такого рода делами, к коим они не привыкли»³.

2. Физический ценз — присяжными не могли быть глухие, немые, слепые, сумасшедшие, а также не знающие русского языка⁴. Этот ценз, как и возрастной, реально ни чьих прав не ущемлял, он лишь способствовал устранению некоторых неудобств в судопроизводстве, которые постоянно бы имели место, не будь его.

3. Ценз оседлости — человек должен был проживать не менее двух лет в том уезде, где проводилось избрание в присяжные заседатели⁵. Составители Уставов 1864 г. отмечали, что ценз этот «вызывается необходимостью, чтобы присяжные заседатели, для оценки по совести степени вины подсудимого, были хорошо знакомы с нравами, обычаями и общественной жизнью известной местности»⁶. М.В. Духовской также писал: «Мотивы этого требования (ценза оседлости. — А.Д.) понятны: с одной стороны — только эти лица могут знать местные условия, с другой стороны — их самих лучше могут знать избиратели»⁷. Приведенные доводы, на наш взгляд, вполне разумны. Особенно для России, где население далеко неоднородно по этническому и религиозному составу, а также по уровню своего культурно-образовательного развития. Кроме то-

¹ Под понятием «человек» имелся ввиду только мужчина. Хотя в Судебных уставах нигде не оговаривается, что женщина не может исполнять обязанности присяжного заседателя, или что последнее является исключительным правом мужчин, но европейский, в том числе и российский, менталитет того времени и не требовал такой оговорки.

² УСУ. Ст. 81.

³ Судебные уставы. Ч. 3. Ст. 7 (с. 79).

⁴ УСУ. Ст. 82.

⁵ Там же. Ст. 81.

⁶ Судебные уставы. Ч. 3. Ст. 81 (с. 79).

⁷ Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М., 1908. С. 91—92.

го, наличие ценза оседлости существенно облегчало работу по составлению списков присяжных.

4. Имущественный ценз — не менее ста десятин земли, или владение другим недвижимым имуществом ценою от 500 руб. (в губернских городах — от 1 тыс. руб., в столицах — от 2 тыс. руб.), или получение жалования или дохода от капитала, занятия, промысла не менее 200 руб. в год, а в Москве и Петербурге — не менее 500 руб. в год¹. По мнению законодателя, имущественный ценз должен был быть высоким, чтобы в число присяжных «по крайней мере на первое время...» не «...поступали бы лица бедные, не имеющие достаточного образования и недостаточно развитые для того, чтобы исполнять важную и трудную обязанность присяжных заседателей»², зато от людей, имеющих «какую-либо недвижимую собственность или, по крайней мере, прочное домообзаведение... скорее можно ожидать охранения права собственности и общественного порядка»³.

В реальности имущественный ценз не был чрезмерно высоким, о чем свидетельствует социальный состав присяжных заседателей, в котором, в значительной мере, преобладали крестьяне. Тем не менее, очевидно, что имущественный ценз был цензом антидемократическим, не допускавшим определенную часть населения страны до исполнения обязанностей присяжных заседателей.

Так как исполнение обязанности присяжного заседателя являлось общественной повинностью, от исполнения которой не мог «уклониться ни один член общества, способный нести ее»⁴, то в общие списки присяжных вносились Временными комиссиями все русские подданные (мужчины), отвечающие требованиям четырех вышеназванных цензов. Также в общие списки вносились почетные мировые судьи, все лица, состоящие на государственной гражданской службе по определению от правительства в должностях пятого и ниже классов (за некоторым исключением), все состоящие в местной службе по выборам дворянских и городских обществ, военные чины, занимающие классные должности в военных управлениях, учреждениях и заведениях. В общие списки вносились и крестьяне, избранные в очередные судьи волостных судов, занимавшие беспорочно не менее трех лет должности волостных старшин, голов, сельских старост и т.п., бывшие церковными старостами⁵. Таким

¹ УСУ. Ст. 84.

² Судебные уставы. Ч. 3. Ст. 84. С. 82.

³ Там же. Ст. 7 (с. 22).

⁴ Судебные уставы. Ч. 3. Ст. 7. С. 20.

⁵ УСУ. Ст. 84.

образом, крестьяне, занимавшие эти должности, могли стать присяжными в обход имущественного ценза.

Внесение в списки присяжных заседателей всех гражданских чиновников с V по XIV класс, лиц сельского управления и т.п. получило у современников название «служебный ценз». В настоящее время некоторые юристы также придерживаются этого термина¹. На наш взгляд, применение указанного термина не вполне корректно. Историческое и грамматическое толкование понятия «ценз» позволяет уяснить, что оно представляет собою ограничительные условия допущения лица к пользованию какими-либо правами². В рассматриваемом же случае речь идет о привилегии определенной группы лиц, не ограничивающих права быть присяжными всех остальных людей, отвечающих требованиям возрастного, физического, имущественного цензов и ценза оседлости. Кстати, по мнению юристов XIX в., «служебный ценз» оказался слабым местом в уголовном законодательстве³.

По сути, в Судебных уставах 1864 г. все подданные Российской империи четко делились на две категории: 1) обязанные исполнять функции присяжных заседателей (лица, соответствовавшие требованиям «служебного» или четырех других цензов) и 2) не имеющие на это права. Причем в первом случае отказаться от несения присяжной повинности без оснований, определенных в законе, было невозможно, во втором — независимо от собственного желания, человек не допускался к участию в судопроизводстве.

Не имели права стать присяжными заседателями те, кто не отвечал требованиям установленных законом цензов, состоящие под судом или следствием, подвергавшиеся тюремному заключению или другим строгим наказаниям по приговорам суда, несостоятельные должники и состоящие под опекой за расточительность⁴. Не могли стать присяжными заседателями граждане, находящиеся в услужении у частных лиц⁵, так как они не всегда могли быть объективны-

¹ См., напр., *Коротких М.Г.* Генезис суда присяжных //Правоведение. 1988. № 3. С. 85; *Немытина М.В.* Применение судебных уставов 1864 г. //Буржуазные реформы в России второй половины XIX в.: Межвуз. сб. научн. тр. Воронеж, 1988. С. 101—102 и др.

² См., напр.: *Современный словарь иностранных слов.* М., 1993. С. 677; *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. 18-е изд. М., 1987. С. 758.

³ См., напр.: *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1884. Т. 1. С. 412; *Фукс В.* Указ. соч. Ч. 1. С. 138—139. Интересно, что В. Фукс называл это явление не «служебным цензом», а «цензом по способностям».

⁴ УСУ. Ст. 82.

⁵ Там же. Ст. 86.

ми в судебном разбирательстве, поскольку хозяева на них легко могли оказать давление.

От исполнения обязанностей заседателей по Судебным уставам 1864 г. освобождались все военные чины действительной службы, а также ряд гражданских чиновников, находившихся при войсках¹, так как их не всегда было удобно отвлекать от исполнения прямых обязанностей. Кроме того, эти люди, как указывали авторы Судебных уставов, часто не отвечали требованиям ценза оседлости — «по самому свойству военной службы [они] не могут считаться оседлыми обывателями того округа, в котором находятся, и всегда обязаны быть готовы к передвижению по распоряжению начальства»².

Члены судебных мест, участковые мировые судьи, лица прокурорского надзора, нотариусы, чиновники полиции не вносились в общие списки³, так как они смотрели бы на разбираемое дело с профессиональной точки зрения, что противоречит задачам института присяжных. Вице-губернаторы, городские головы, казначеи и кассиры Государственного банка, лесничие, смотрители маяков и т.п., учителя народных школ тоже освобождались от обязанностей присяжных⁴, так как считалось нецелесообразным отвлекать их от исполнения своих непосредственных обязанностей.

Как уже говорилось ранее, общие списки составлялись особыми Временными комиссиями. В функции Комиссий входили также проверка и дополнение общих по своим уездам списков текущего года, исключение из них умерших и потерявших право быть присяжными заседателями и внесение тех, кто получил это право. Общие списки должны были быть составлены к 1 сентября каждого года. Со списком кандидатов имели возможность ознакомиться все желающие, и в течение месяца можно было заявить Комиссии о неправильности внесения в список, неточностях или не внесении кого-либо.

После исправления и дополнения общие списки к 1 октября предоставлялись губернатору, который проверял их, исключал неправильно внесенных лиц и к 1 ноября возвращал во Временные комиссии. Составленные таким образом списки должны были публиковаться в местных «Губернских ведомостях»⁵. Участие губернатора в составлении списков, а точнее в их коррекции, не имело практического значения и носило, скорее, формальный характер.

¹ Там же. Ст. 85.

² Судебные уставы. Ч. 3. Ст. 85 (с. 83).

³ УСУ. Ст. 84.

⁴ Там же. Ст. 84—85.

⁵ УСУ. Ст. 89—94.

По этой причине здесь вряд ли имеет смысл вести речь о нарушении одного из основных принципов судебной реформы 1864 г. — отделении власти судебной от административной.

Лица, исключенные из общего списка губернатором (если такое происходило), имели право подать в месячный срок со дня публикации списков жалобу в Первый департамент Сената¹.

Если для внесения в общие списки человеку достаточно было отвечать требованиям некоторых цензов, то для включения в очередные списки необходимо было обладать определенными внутренними качествами: «признаками известной степени развития образования», «заслуженным доверием», «доброй нравственностью» и т.п.

Очередные списки, куда вносились лишь те, кто в течение следующего года должны быть призываемы для участия в заседаниях судебных мест, составлялись теми же Временными комиссиями, но обязательно под председательством уездного предводителя дворянства и при участии одного из мировых судей уездного города². На наш взгляд, сама идея составления списков заседателей особыми Временными комиссиями была удачной. Неудачным был определенный законом их состав. Участие в заседаниях для членов Комиссии было лишней обузой, отвлекающей от исполнения прямых обязанностей в земстве, мировом суде и т.д. Поэтому вряд ли они могли с полным вниманием и ответственностью выполнять порученное им дело.

Выборы из общих списков Комиссия производила «по своему усмотрению и по внимательном обсуждении, в какой мере каждое лицо... способно, по своим нравственным качествам и другим причинам... к исполнению обязанностей присяжного заседателя». Жалобы на постановления Комиссии по этому вопросу не допускались³.

То положение, что по закону в очередные списки могли вноситься только люди известные «степенным образом жизни», «имеющие добрую нравственность» и т.п., Н.П. Ерошкин назвал «известным цензом благонадежности»⁴. Существование ценза благонадежности, на наш взгляд, можно рассматривать как инструмент для отстранения нежелательных лиц от исполнения обязанностей присяжных заседателей, так как границы этого ценза не могут быть точно определены законом, а понятия «заслуженное доверие», «вы-

¹ УСУ. Ст. 95—96.

² Там же. Ст. 97—98.

³ Там же. Ст. 99.

⁴ См.: *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С. 243.

ские нравственные качества» и т.п. очень расплывчаты. Другое дело — насколько эффективно использовался этот инструмент на практике.

Исполнение обязанности присяжного являлось довольно обременительной повинностью¹, поэтому законодательство стремилось оградить граждан от слишком частого ее выполнения — никто не мог быть призван для исполнения этой обязанности более одного раза в год. Лица, бывшие заседателями в одном году, имели право отказаться от несения данной повинности в следующем году. Исключения допускались только в случае недостатка в городе или уезде людей, способных быть присяжными².

К началу декабря Комиссия определяла, какие именно лица в какую четверть года будут исполнять свои обязанности, и оповещала об этом избранных людей через газеты и полицию. Списки также направлялись председателю окружного суда³. В них обязательно должно было быть указано, кто из присяжных исповедует православную веру⁴. Казалось бы, это не имеет смысла, так как в Учреждении судебных установлений нигде не оговаривалось, каким должно быть вероисповедание присяжных. Однако ситуация проясняется при сопоставлении этой статьи (ст. 103 УСУ) со статьей 1009 Устава уголовного судопроизводства. В последней требовалось, чтобы заседатели для рассмотрения дел о преступлениях против православной веры избирались только из лиц православных⁵.

Судебные уставы оговаривали численность лиц, вносимых в очередные списки: в Москве и Петербурге с уездами — 1200 человек; в уездах, где население более 100 тыс. жителей — 400 человек, где менее 100 тыс. жителей — 200 человек⁶.

В функции Временных комиссий входило и составление списков запасных заседателей, куда вносились только жители городов, где в определенные сроки открывались заседания суда с участием присяжных заседателей⁷.

Заседания окружных судов по уголовным делам могли открываться не только в городах, где находился окружной суд, но и в других местах, принадлежащих к судебному округу (тогда проводились так называемые выездные заседания окружных судов). В этом

¹ Судебные уставы 1864 г. не предусматривали вознаграждения или каких-либо выплат, компенсаций присяжным заседателям.

² УСУ. Ст. 104—105.

³ Там же. Ст. 107.

⁴ Там же. Ст. 103.

⁵ 2ПСЗ. № 41476. Устав уголовного судопроизводства (далее УУС). Ст. 1009.

⁶ УСУ. Ст. 100.

⁷ Там же. Ст. 101.

случае заседание могло проходить или в установленные сроки в определенных населенных пунктах или по особому определению суда на месте совершения конкретного преступления¹. В списки запасных заседателей вносилось по Москве и Санкт-Петербургу 200, а по остальным городам — 60 человек².

Порядок призыва присяжных заседателей в суд и процедура их участие в рассмотрении и решении уголовных дел определялись в Уставе уголовного судопроизводства.

17.2. Судопроизводство с участием присяжных заседателей

Присяжные заседатели могли участвовать в судебных заседаниях только в тех случаях, когда речь шла о преступлениях или проступках, за которые закон требовал наказания, соединенного с ограничением или лишением прав состояния³. Под ограничением прав состояния в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных подразумевалась потеря дворянства, лишение почетных титулов, чинов, знаков отличия; запрещение находиться на государственной и общественной службе (для дворян); лишение духовного звания (для священнослужителей); запрет участвовать в выборах и быть избранными «в почетные или соединенные с властью должности» (для купцов и почетных граждан)⁴. Лишение всех прав состояния, кроме перечисленных ограничений, означало и лишение супружеских, родительских прав, а также прав собственности⁵.

Компетенция присяжных заседателей распространялась на ряд преступлений против православной веры и «ограждающих оную постановлений»; сопротивление распоряжениям правительства, неповиновение властям и другие преступления против порядка управления; ряд преступлений по государственной и общественной службе; нарушения монетных уставов и другие преступления против имущества и доходов казны; преступления против общественного благоустройства и благочиния, против законов о состоянии; убийства, изнасилования и другие преступления против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц, а также разбои, грабежи, кражи и прочие преступления против собственности граждан. Таким образом, присяжным был подсуден практически весь спектр

¹ УСУ. Ст. 138.

² Там же. Ст. 102.

³ УСУ. Ст. 201.

⁴ *Уложение* о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1866. Ст. 43, 50.

⁵ Там же. Ст. 20.

преступлений (за исключением государственных или политических), вообще же юрисдикция суда присяжных «определялась не родом или характером преступления, а мерою установленного за него наказания»¹.

Основная масса дел рассматривалась присяжными заседателями в окружных судах. Закон также предполагал в некоторых случаях их участие в деятельности судебных палат и Сената, а именно: если речь шла о должностных преступлениях, совершенных чиновниками (выше XIII класса по Табелю о рангах), городскими головами, членами городских и земских управ и т.п. Процедура призыва заседателей в Сенат и судебные палаты ничем не отличалась от порядка, предусмотренного для окружных судов².

Если дело поступило на рассмотрение окружного суда с участием присяжных заседателей, то оно не могло быть обращено к производству в том же суде без участия заседателей или в мировом суде, даже если при судебном разбирательстве выяснялось, что преступление подсудимого не влечет за собой лишения или ограничения прав состояния³. Это было сделано для того, чтобы дело решалось скоро, а не переходило из инстанции в инстанцию — так устранялась волокита, бывшая одним из крупнейших недостатков дореформенного судопроизводства.

За три недели до открытия судебных заседаний из очередного списка «назначались по жребию при открытых дверях Присутствия (т.е. публично — А.Д.) тридцать заседателей для исполнения своих обязанностей в течение всего периода заседаний». Одновременно из запасного списка аналогичным образом назначалось шесть запасных заседателей⁴.

Жеребьевка проходила следующим образом: билеты с именами очередных заседателей клали в один ящик, с именами запасных — в другой. Председатель суда вынимал из первого ящика тридцать билетов, из второго — шесть. Имена, значащиеся на этих билетах, и вносились в два особых списка, которые скреплялись секретарем и подписывались судьями⁵.

Избранные по жребию заседатели извещались о том повестками. В повестке указывалось, «кто вызывается в суд, когда и куда он должен явиться, для чего вызывается, и какому он подлежит взы-

¹ *Афанасьев А.К.* Деятельность суда присяжных в России в 1866—1885 гг. // Труды гос. ист. музея. М., 1988. Вып. 67. С. 57.

² УУС. Ст. 1073—1075, 1105—1106.

³ Там же. Ст. 203.

⁴ УУС. Ст. 550.

⁵ Там же. Ст. 551.

сканию в случае неявки»¹. Повестка составлялась в двух экземплярах — один давался в руки вызываемому с указанием времени выдачи, на другом ставилась подпись получателя. Отказаться от получения повестки было достаточно сложно — при попытке отказа от нее вызывалось два свидетеля, и вместо росписи получателя на обороте указывались причины, почему повестка не выдана на руки; неграмотному содержание повестки объявлялось при двух свидетелях; при отсутствии требуемого лица по месту жительства повестка вручалась под расписку либо родственникам, либо дворнику, либо местному полицейскому служителю или сельскому начальнику. В этих случаях один экземпляр повестки прибывался в городе к дому полицейского управления, а в деревне — к дому сельского старосты². Таким образом, процедура вручения повестки была достаточно продумана и способствовала, при надлежащем ее исполнении, высокому проценту явки заседателей в суд.

В разных окружных судах в разное время существовали разные формы повесток. Составление повестки входило в функции соответствующего уголовного отделения окружного суда. Затем повестки передавались в городские или уездные полицейские управления для вручения обозначенным в них адресатам.

Судебное заседание с участием присяжных заседателей начиналось с того, что в назначенное время председатель суда открывал заседание, объявлял, какое дело подлежит рассмотрению и приказывал ввести подсудимого (или подсудимых) в зал заседаний³. По вводе подсудимого председатель задавал ему ряд вопросов (о фамилии, имени, отчестве, возрасте, звании и т.д.), после чего зачитывал список свидетелей и выяснял, все ли они прибыли в суд. Затем происходило разбирательство по поводу тех свидетелей, которые не явились⁴.

После проверки списков председательствующий приглашал свидетелей удалиться в особую комнату и ожидать там вызова к допросу, а затем интересовался, все ли приглашенные присяжные заседатели присутствуют в суде. Если кто-то отсутствовал, то выяснялись причины неприбытия в суд. А те из явившихся, кто имел законные причины, могли быть уволены от участия в суде⁵.

Законными причинами неявки или увольнения считались: 1) командировки или особенные поручения по службе; 2) несвоевремен-

¹ Фармаковский В. Указ. соч. С. 15.

² Там же. С. 15—16.

³ УУС. Ст. 636.

⁴ Там же. Ст. 638—645.

⁵ Там же. Ст. 646—647.

ное получение повестки (позже, чем за неделю до открытия заседания); 3) внезапное разорение или ситуация, когда отсутствие хозяина может привести к неизбежному разорению; 4) необходимость присутствовать в качестве гласных в губернских или уездных дворянских собраниях во время их заседаний; 5) лишение свободы; 6) прекращение сообщений во время эпидемий, нашествия неприятеля, сильных паводков и т.п.; 7) тяжелая болезнь; 8) смерть близких родственников или их тяжелая болезнь, грозящая смертью¹.

За неявку в суд без уважительных причин присяжный заседатель мог быть подвергнут штрафу от 10 до 100 руб. в первый раз и от 20 до 200 руб. — во второй². Размер штрафа (верхняя граница) был довольно значителен и являлся сопоставимым с требованиями имущественного ценза — получение жалования или дохода от занятия, капитала, промысла в губернских и уездных городах не менее 200 руб. в год.

Если по проверке списков присяжных наличное число заседателей оказывалось менее 30, то председатель суда делал распоряжение о пополнении их состава по жребию запасными³. Пополненный таким образом список предоставлялся сторонам для немотивированного отвода. Прокурор имел право отвести не более шести заседателей, а адвокат — столько человек, чтобы из 30 осталось не менее 18 неотведенных лиц⁴. Фактически, если обвинение не пользовалось правом отвода, то защита могла отвести максимально 12 человек из 30. Такое положение, по мнению И.Я. Фойницкого, нарушало принцип равноправия сторон в процессе⁵. Однако, заметим, нарушение было явное в пользу подсудимого.

Отвод производился простым вычеркиванием имен из списка. Иногда напротив фамилии отведенного ставилась пометка «отведен» или «отв.». Закон щадил чувства русских присяжных. Именно поэтому до их сведения не доводилось, кто из них и кем отведен. Заседатель, не попавший в состав присутствия, не знал, отведен ли он, или просто не попал по жребию.

Вообще, широкое право немотивированного отвода в русском законодательстве можно оценить положительно. Конечно, в определенных случаях стороны процесса могли использовать его для отсрочки дела, но на практике в больших масштабах этого не про-

¹ УСУ. Ст. 388, 650.

² Там же. Ст. 651.

³ УУС. Ст. 648.

⁴ Там же. Ст. 654—656.

⁵ См.: *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1896. Т. 1. С. 450—451.

исходило. Сформировать же заранее предвзятый состав присяжных в таких условиях было довольно сложно. Что касается составителей Судебных уставов, то они видели в «широком праве отвода судей, как обвиняемым, так и обвинителем» одно из трех условий, «внушающих общее доверие к уголовному суду»¹.

Из числа неотведенных присяжных по жребию выбирались 12 комплектных и 2 запасных заседателя. Вынутые по жребию имена заносились в список присутствия присяжных, а последние двое, хотя и должны были находиться в судебном заседании, но в состав присутствия поступали лишь в случае выбытия кого-либо из двенадцати до постановления ими приговора². Причины выбытия могли быть разнообразными: от острого недомогания или серьезной необходимости отлучки до лишения присяжного его прав председателем суда за нарушение обязанностей, возложенных законом на присяжного заседателя.

После формирования присутствия все 14 заседателей приводились к присяге, каждый — по обряду своего вероисповедания³. Статья 666 Устава уголовного судопроизводства оговаривала форму присяги лиц православного вероисповедания. Священник зачитывал ее текст, после чего каждый присяжный целовал крест и Евангелии и произносил вслух: «Клянусь». Неправославные заседатели должны были присягать в соответствии с догматами и обрядами их веры духовным лицом данного вероисповедания. Законодатели понимали, что не всегда и не везде можно найти священнослужителей-католиков, -лютеран, -мусульман и т.д., поэтому, в случае отсутствия их в зале заседаний, присягу принимал председатель суда. Заседатели, относящиеся к учениям, не приемлющим присягу, приносили торжественное обещание, соответствующее присяге.

Присяга должна была приниматься перед каждым делом, но это было очень неудобно. Очевидно, что «неоднократное произнесение духовным лицом перед одними и теми же присяжными заседателями внушения о святости присяги не оказывает на них должного впечатления, а, напротив того, как бы приучает смотреть на сие важное действие лишь как на одну лишь, требуемую законом формальность. Присяга же, приносимая по несколько десятков раз в течение сессии, а иногда по несколько раз в день, утрачивает необ-

¹ Судебные уставы. Ч. 3. Ст. 201 (с. 95). Два других условия: 1) отделение в уголовных делах вопроса о виновности от вопроса о наказании, с предоставлением разрешения каждого из этих вопросов особым судьям, и 2) многочисленность судей, принимающих участие в решении дела.

² УУС. Ст. 658, 660—661.

³ Там же. Ст. 664—669.

ходимую торжественность и смущает совесть тех истинно верующих присяжных, которые с глубоким благоговением относятся к данному им клятвенному обещанию»¹.

Такие сложные процедуры утомляли заседателей и требовали лишней траты времени. Более целесообразным было бы, как писал И.Я. Фойницкий, «присягу по отдельным делам заменить присягою по целому ряду дел, подлежащих рассмотрению в данную сессию»². Что касается самой необходимости присяги, то она, на наш взгляд, не вызывает сомнения.

После приведения к присяге заседатели для управления своими совещаниями выбирали из своей среды старшину. Правила его избрания специально в законе не оговаривались. Обычно оно происходило сразу же после принятия присяги рядом со столом председателя суда. Старшина выбирался для управления совещаниями присяжных обязательно из числа грамотных лиц³. Здесь не было дискриминации по отношению к неграмотным слоям населения, так как старшина должен был в дальнейшем записывать ответы присяжных в вопросный лист.

Вслед за выборами старшины начиналось судебное следствие, в ходе которого присяжные обладали достаточно большими правами, а именно: правом на осмотр следов преступления, вещественных доказательств, на изучение любых документов, относящихся к делу; могли задавать вопросы подсудимому, свидетелям, экспертам (правда только через председателя суда)⁴; требовать от председательствующего разъяснения всего непонятного; могли требовать нового осмотра места происшествия и т.п.⁵

Для того чтобы на присяжных невозможно было оказать давления со стороны, им запрещалось выходить из зала заседаний и общаться с лицами, не входящими в состав суда. Даже самому председателю суда не разрешалось разговаривать ни с одним присяжным так, чтобы другие этого не слышали. Заседателям запрещалось собирать сведения по делу вне судебного заседания⁶, так как тогда бы было сформировано уже предвзятое мнение, и судить объективно и «по совести» стало бы затруднительно.

¹ ОР РГБ. Ф. 290. К. 172. Д. 11. Л. 1—2.

² Фойницкий И.Я. Указ. соч. Т. 1. С. 274.

³ УУС. Ст. 670.

⁴ По сути, это право было формальным. Большинство присяжных было из крестьян, и у них часто просто не хватало смелости обращаться к председателю суда. Даже образованным людям было психологически сложно прерывать судебные прения своими вопросами.

⁵ УУС. Ст. 672—673, 682, 684, 687—688, 692.

⁶ Там же. Ст. 675.

В случае нарушения названных правил присяжный заседатель устранился от дальнейшего рассмотрения дела и подвергался штрафу в размере от 10 до 100 рублей¹. Такое же наказание полагалось за разглашение тайны совещания присяжных. Нельзя было сообщать посторонним, кто из заседателей выступал за какое решение² — так «судьи общественной совести» оградялись от мести подсудимого или заинтересованных в деле лиц.

Судебный процесс с участием присяжных заседателей проходил точно так же, как и без их участия, т.е. публично, устно, состязательно, с проверкой доказательств и прениями сторон по их существу. В конце прений прокурор произносил обвинительную речь. Старшине присяжных вручался вопросный лист, где в общеупотребительных выражениях приводилось то, в чем обвинялся подсудимый, и спрашивалось, виновен он или невиновен по предметам обвинения³.

Редакция вопросов должна была быть такова, чтобы «1) в них не было упущено ни одного фактического обстоятельства, имеющего влияние на сущность приговора; 2) чтобы не вошло ни одного нового обстоятельства, не бывшего предметом судебного следствия и заключительных прений... Основным вопросом, ставящимся на первом месте, является вопрос о виновности, который складывается из вопроса о факте преступления, о совершении этого факта подсудимым и о вменении ему этого деяния в вину»⁴.

Что касается понятия «общеупотребительные выражения», то оно оказалось очень расплывчатым. Не ясно, что под этим понимается в законе. В дальнейшем Уголовно-кассационный департамент Сената вынужден был давать многочисленные разъяснения, пытаясь установить даже «исчерпывающий перечень всех понятных слов, допускаемых в вопросах присяжным заседателям», что создало «какую-то невероятную казуистику, которой не предвидится конца»⁵. Несоответствие этому перечню служило поводом кассации приговора и затрудняло деятельность судебных учреждений. Причем «общеупотребительные» выражения часто оказывались для присяжных «менее понятны, нежели юридические термины и законные определения»⁶.

¹ УСУ. Ст. 676.

² Там же. Ст. 677.

³ Там же. Ст. 760.

⁴ Чебышев-Дмитриев А. Русское уголовное судопроизводство по Судебным уставам 20 ноября 1864 г. СПб., 1875. Ч. 1—2. С. 640.

⁵ Судебная газета. 1889. № 19.

⁶ Хрулев С. Суд присяжных. Очерк деятельности судов и судебных порядков // ЖГиУП. 1886. № 10. С. 71.

После выдачи заседателям вопросного листа и перед удалением их в особую комнату для совещаний председатель суда обязан был произнести напутственную речь. В резюме нужно было объяснить существенные обстоятельства дела и законы, относящиеся к определенным свойствам рассматриваемого преступления, общие юридические основания и суждения о силе доказательств, приводимых в пользу и против подсудимого¹.

Подразумевалось, что председательствующий является лицом «ни тем, ни другим способом не заинтересованным в вопросе о том, каким будет вердикт присяжных»² и его речь должна объективно отражать существо дела без какой-либо субъективности. Однако в реальной жизни такое было практически невозможно. «Судебная газета» отмечала в 1880-е годы, что «немногие председатели судов исполняют 801 ст. согласно идее законодателя», а «элемента равновесия, положенного в основу резюме, почти не бывает»³. Ясно, что заключительное слово оказывало огромное влияние на присяжных. Одним из наиболее ярких примеров является здесь резюме А.Ф. Кони по делу Веры Засулич в 1878 г.⁴

Заканчивая свою речь председатель обязан был напоминанием присяжным о том, что «...они должны определить вину или невиновность подсудимого по внутреннему своему убеждению, основанному на обсуждении в совокупности всех обстоятельств дела...»⁵ — так подчеркивалась специфичность института присяжных, придававшего консервативному законодательству некоторую мобильность и позволявшего в каждом конкретном случае судить «по совести» и «по справедливости».

Выслушав напутственную речь, заседатели удалялись в комнату для совещаний, охраняемую стражей. Отсюда никуда нельзя было выйти без разрешения председателя суда, кроме как в зал заседания⁶. Это правило ограждало присяжных от давления извне. Никаких письменных актов из делопроизводства в совещательную комнату брать не разрешалось⁷. На первый взгляд может показаться, что это осложняет процесс вынесения решения. Но составители Уставов 1864 г. верно учли, что в составе присутствия окажутся и грамотные и неграмотные люди, причем для «простолудинов» было характерно придавать чуть ли не священное значение «каждой пи-

¹ УУС. Ст. 801.

² Н.Т. По поводу оправдательных приговоров //Русская речь. 1879. Июнь. С. 244.

³ Судебная газета. 1889. № 14.

⁴ См., напр.: Суд присяжных в России: громкие уголовные процессы. 1864—1917 гг. / Сост. С.М. Казанцев. Л., 1991 и др.

⁵ УУС. Ст. 804.

⁶ Там же. Ст. 806.

⁷ Там же. Ст. 805.

саной строке, независимо от ее содержания», отсюда «письменные люди» получили бы неотразимое влияние на последних¹. Для избежания подобной ситуации и вводился запрет на использование документов дела. Если присяжные хотели выяснить какое-либо обстоятельство, то они могли многократно возвращаться в зал за разъяснениями, а потом вновь удаляться на совещание².

В совещательной комнате присяжными заседателями руководил старшина. Он следил за порядком, собирал голоса, которые устно подавались по каждому отдельному вопросу. Свое мнение он высказывал последним и, сосчитав голоса, записывал после каждого вопроса последовавшее решение³.

Никакими особыми правами, кроме чисто организационных, старшина не обладал. При вынесении решения его голос имел такую же силу, как и голоса других заседателей. Старшина должен был не просто собирать мнения своих товарищей, но и стремиться к организации дискуссии — «присяжные должны произносить приговоры не под влиянием безотчетных впечатлений, но по зрелом обсуждении всех обстоятельств дела, а для этого не только совещания, но и диспуты между ними необходимы»⁴.

Преимуществом суда присяжных является то, что в процессе участвует большое количество судей, которые рассматривают дело «с различных точек зрения сообразно своим индивидуальным особенностям, при таком методе различные воззрения сталкиваются, борются; в этом состязании все, исключительно субъективное, должно отпасть — остается то только, что может вынести процесс всестороннего обсуждения»⁵. Таким образом, в споре должна была рождаться истина. Подача голосов производилась открыто и устно. Опыт Франции, где мнения подавались тайно и письменно, был для России неприемлем по причине неграмотности значительной части присяжных⁶.

Решение присяжных выносилось большинством голосов (хотя закон указывал на желательность единодушного решения), а при их равенстве принималось то мнение, которое следовало в пользу подсудимого, т.е. для оправдательного вердикта было достаточно шести голосов. Никакого временного лимита на вынесение вердикта не предусматривалось.

Во избежание ошибок старшина вторично собирал голоса по каждому вопросу и, убедившись в верности ранее написанного или

¹ Судебные уставы. Ч. 2. Ст. 805 (с. 296).

² УУС. Ст. 805.

³ Там же. Ст. 807, 809—810.

⁴ Судебные уставы. Ч. 2. Ст. 810 (с. 297).

⁵ Владимиров Л.Е. Суд присяжных. Харьков, 1873. С. 56.

⁶ Судебные уставы. Ч. 2. Ст. 810 (с. 297).

подкорректировав, ставил свою подпись под последним ответом на вопросном листе¹. Вынесение правильного решения нередко затруднялось одним обстоятельством: фактически, по смыслу закона, обвинению и защите в ходе судебного следствия запрещалось касаться соображений о наказании подсудимого и тех последствий, которые ожидают его в случае осуждения, чтобы не тревожить и не «страшать» совесть присяжных заседателей. Во многих случаях нарушение указанного правила служило поводом для кассации². Законодатели не смогли серьезно аргументировать необходимость этого строгого запрета, а практика показала его пагубность.

Русский Устав уголовного судопроизводства «хотя по внешности и приближается более к французской системе дробления вопросов, — писал А.П. Чебышев-Дмитриев, — но в сущности принимает английскую систему, по которой классификация преступного деяния принадлежит присяжным»³. Отсюда и наличие в вопросном листе, как правило, нескольких вопросов (иногда нескольких десятков или даже нескольких сотен) по каждому делу. Решение каждого вопроса должно было состоять из утвердительного «да» или отрицательного «нет» с присовокуплением того слова, в котором заключается суть ответа.

Так, на вопросы «совершилось ли преступление? виновен ли в нем подсудимый? с предумышлением ли он действовал?» ответы должны были следующими: «да, совершилось» («нет, не совершилось»); «да, виновен» («нет, не виновен»); «да, с предумышлением» («нет, без предумышления») и т.п. В случае невозможности выразить мнение одним утверждением или одним отрицанием присяжные могли прибавлять к ответу некоторые уточняющие слова и выражения. Например, «да, виновен, но без умысла», «да, совершил, но без обдуманных намерений» и т.п. При признании виновности подсудимого заседатели имели право поставить вопрос о том, заслуживает ли он снисхождения. И если, хотя бы, шестеро присяжных так считало, то к соответствующим ответам прибавлялось: «подсудимый по обстоятельствам дела заслуживает снисхождения». В этом случае суд был обязан следующее по закону наказание понизить не менее чем на одну степень, но не более чем на две⁴.

¹ УУС. Ст. 813, 815.

² Судебные уставы императора Александра II с разъяснением их по решениям кассационных департаментов Правительствующего Сената. 2-е изд. СПб., 1886. Устав уголовного судопроизводства: см. разъяснения под ст. 737, 746.

³ Чебышев-Дмитриев А. Указ. соч. С. 515.

⁴ Судебные уставы императора Александра II. Устав уголовного судопроизводства. Ст. и под ст. 811, 812, 814, 828.

Вынеся решение, присяжные заседатели возвращались в зал заседаний, где старшина вслух зачитывал вопросы суда и ответы, данные на них заседателями, затем передавал вопросный лист на подпись председателю суда¹. На этом функции присяжных заседателей заканчивались.

Если вердиктом присяжных подсудимый признавался невиновным, то его сразу же объявляли свободным от суда и содержания под стражей. При признании виновности подсудимого прокурор делал заключение относительно наказания, а суд уже выносил приговор².

Гарантией прав подсудимого от несправедливого обвинительного приговора присяжных заседателей служила норма, закрепленная в ст. 818 Устава уголовного судопроизводства: «Если суд единогласно признает, что решением присяжных заседателей осужден невиновный, то постановляет о передаче дела на рассмотрение нового состава присяжных...», решение которых будет уже окончательным³.

Решение окружного суда, судебной палаты и Сената с участием присяжных заседателей считались окончательными и обжалованию в апелляционном порядке не подлежали. Правда, приговор по просьбам осужденных и по протестам прокурора мог быть отменен в кассационном порядке при подаче жалобы в Уголовно-кассационный департамент Сената в двухнедельный срок со дня вынесения приговора⁴.

Жалоба могла подаваться только в тех случаях, когда были допущены нарушения прямого смысла закона и неправильное его толкование при определении преступления и рода наказания; в случае нарушения обрядов и форм столь существенных, что без их соблюдения невозможно признать приговор в силе судебного решения; в случае нарушения пределов ведомства или власти, законом предоставленной судебному установлению⁵. Второе положение сформулировано здесь очень расплывчато, что служило поводом для огромного количества кассационных жалоб в Сенат⁶. Уголовно-кассационный департамент был вынужден давать многочисленные разъяснения по этим вопросам.

Например, если председатель суда не произносил присяжным напутственную речь или при жеребьевке на билетах были указаны

¹ УУС. Ст. 816.

² Там же. Ст. 819—820.

³ Там же. Ст. 818.

⁴ Там же. Ст. 855, 865, 910.

⁵ Там же. Ст. 912.

⁶ В Судебных уставах 1864 г. нигде не указывалось, нарушение каких именно форм и обрядов судопроизводства может служить поводом для кассации.

не фамилии заседателей, а только соответствующие им номера, то это являлось поводом для кассации. А вот если ящик для жеребьевки был не черным, а прозрачным, то это не являлось существенным нарушением обрядов судопроизводства, и не было поводом для отмены приговора и т.д.¹

В случае кассации приговора дело возвращалось в окружной суд и решалось уже другим составом присутствия. Вступившие в силу приговоры подлежали немедленному исполнению, за исключением тех случаев, когда они должны были быть представлены на Высочайшее усмотрение — если дворяне, чиновники и священнослужители всех чинов духовной иерархии, а также лица, имеющие ордена и знаки отличия, снимаемые лишь с Высочайшего соизволения, присуждались к наказаниям, соединенным с лишением всех прав состояния или лишением всех особенных прав и преимуществ.

По должностным преступлениям чиновники и выборные лица рангом выше восьмого класса, председатели и члены земских уездных управ и собраний, городские головы и члены городских управ были неподсудны окружному суду. Их подсудность начиналась сразу с судебной палаты судебного присутствия Кассационных департаментов Сената или даже Верховного уголовного суда². Тем не менее, даже здесь, кроме Верховного уголовного суда, предполагалось в рассмотрении дел участие присяжных заседателей.

¹ См.: *Судебные уставы императора Александра II*. Устав уголовного судопроизводства. См.: Разъяснения Сената под ст. 658, 801, 804 и др.

² УУС. Ст. 1073—1076.

Судебная система России в начале XX в.

18.1. Совершенствование законодательства в начале XX в., новые организационные формы правосудия

Вступление России в XX в. не внесло существенных изменений в систему ее судоустройства и судопроизводства. Продолжалось ее эволюционное совершенствование. С конца XIX в. начались крупные кодификационные работы с целью обновления устаревшего законодательства. В частности, разрабатывался проект Гражданского уложения. Проект нового Уголовного уложения был подготовлен и в 1903 г. утвержден Императором (правда, в действие введены были только главы о преступлениях государственных и против православной веры).

С принятием основных законов Российской империи 1906 г. изменилось само понятие закона. Если прежде высшим нормативным актом считалось повеление Императора, оформленное в надлежащем порядке Сенатом, то с 1906 г. законом признавался законодательный акт, принятый Государственной думой, одобренный Государственным советом и подписанный Императором.

Произошли изменения и в уголовном праве. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в редакции 1885 г.) базировалось на сословном подходе к понятиям преступления и наказания и не отвечало принципам буржуазного общества. Эти новые задачи должно было выполнить Уголовное уложение 1903 г.

Впервые мысль о необходимости изменить Уложение 1845 г. была высказана еще в 1860 г., т.е. накануне реформ 1860—1870-х годов, управляющим II отделением Собственной ее Императорского величества канцелярии графом Д.Н. Блудовым. Предполагался пересмотр более 500 статей. О необходимости пересмотра уголовного законодательства говорили в правительственных кругах и позднее. Однако на практике все изменения в системе российского уголовного законодательства в 1860—1870-е годы свелись, во-первых, к разработке и утверждению 20 ноября 1864 г. Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, во-вторых, к последовавшему в

1865—1866 гг. частичному, поверхностному пересмотру статей Уложения 1845 г., который, по оценке Н.Д. Сергеевского, свелся «к изменению текста отдельных статей, без всякого приведения их в соответствие с другими статьями родственного содержания»; в третьих, к изданию отдельных сепаратных актов¹.

В 1876—1879 гг. была проведена работа по установлению единообразных начал в науке и практике пенитенциарного дела. И, как результат, в составе Министерства внутренних дел 11 декабря 1879 г. создано Главное тюремное управление. Но главная задача по пересмотру Уложения ложилась на плечи II отделения Собственной канцелярии его Императорского величества и Министерство юстиции России.

18.2. Разработка нового Уголовного уложения

22 апреля 1881 г. главноуправляющий II отделением князь С.Н. Урусов и министр юстиции Д.Н. Набоков представили Александру III доклад, содержащий план производства работ по пересмотру Уложения, а также персональный состав комитета из лиц, «близко знакомых с теорией уголовного права и судебной практикой». 30 апреля 1881 г. Александр III утвердил персональный состав комитета. 2 мая того же года была сформирована редакционная комиссия во главе с товарищем министра юстиции Э.В. Фришем. В ее состав, в частности, вошли известные специалисты в области уголовного права, профессора Н.С. Таганцев, И.Я. Фойницкий, Н.А. Неклюдов, В.К. Случевский.

В середине 1890-х годов комиссия завершила разработку нового Уложения. Подготовленный ею окончательный проект состоял из 35 глав и 589 статей (для сравнения — в Уложении 1845 г. содержалось 2224 статьи). Но в таком варианте новое Уголовное уложение тоже не было принято. Работа продолжалась и при новом императоре — Николае II. 19 апреля 1895 г. Николай II во изменение установленного порядка прохождения проекта, предполагавшего обсуждение подготовленного редакционной комиссией текста на заседании всего комитета, распорядился передать проект с объяснительной запиской и другими материалами министру юстиции, которому поручил передать проект на заключение ведомств, установив для этого четырехмесячный срок. Однако установленный царем срок не был соблюден, получение замечаний от ведомств растянулось более чем на два года.

¹ *Российское законодательство X—XX вв.* М., 1994. Т. 9. С. 243.

Значительно более основательной доработке проект Уложения подвергся в следующей инстанции — специально учрежденном для его предварительного рассмотрения Особом совещании при Государственном Совете, заседавшем с 7 октября 1898 г. по 26 мая 1901 г. За это время прошло 59 заседаний, в ходе которых не прекращалась острая борьба мнений, и проект вновь подвергся генеральной ревизии.

Еще одной инстанцией, обсуждавшей проект, было учрежденное Николаем II 6 ноября 1901 г. Особое присутствие соединенных департаментов Государственного Совета. Редакционную комиссию представлял Н.С. Таганцев, являвшийся в то время первоприсутствующим уголовного кассационного департамента Сената. Особое присутствие с 19 декабря 1901 г. по 17 мая 1902 г. провело 15 заседаний по обсуждению проекта с учетом пожеланий и суждений, высказанных Особым совещанием.

18.3. Уголовное уложение 1903 г.

10 февраля 1903 г. проект Уложения рассмотрен и одобрен Государственным Советом. 22 марта 1903 г. Николай II его утвердил. В окончательном варианте Уложение содержало 37 глав и 687 статей. Практически оно просуществовало до октября 1917 г., хотя отдельные главы и статьи были несколько трансформированы в ходе двух буржуазно-демократических революций. Многие видные юристы того времени высоко оценивали Уголовное уложение 1903 г.. Так, Н.Д. Сергеевский видел его достоинство в «предоставлении широчайшего простора судейскому усмотрению при назначении наказания». Как он отмечал, новый кодекс отличается тем, что в нем отсутствуют казуистичность и даже чрезмерная обобщенность понятий¹. Революция 1905 г. ознаменовала новый шаг в развитии Российской империи, переход самодержавной монархии в буржуазную.

В 1905 г. был подготовлен законопроект о сокращении сроков проведения следствия и судебного разбирательства дел о государственных преступлениях. Министр юстиции предлагал сократить сроки рассмотрения дел в судах до трех дней. Предусматривался особый порядок рассмотрения уголовных дел, которые подлежали ранее решению окружных судов (без участия присяжных), мировых судей и земских начальников. Эта категория дел передавалась на рассмотрение окружных судов с сословными представителями.

¹ *Российское законодательство X—XX вв.* М., 1994. Т. 9. С. 262.

18.4. Положение о военно-полевых судах

19 августа 1906 г. Николаем II было утверждено Положение о военно-полевых судах, которое предусматривало фактическое изъятие дел революционеров из ведения обычных судебных инстанций и передачу их полевым судам, состоящим из офицеров и рассматривавшим дело не более чем за 48 часов.

Все пять лиц, входившие в состав военно-полевого суда, должны были быть из числа строевых офицеров, причем закон не требовал ни от председателя, ни от членов суда юридических знаний. В самом положении не были четко обозначены рамки подсудности военно-полевого суда, было лишь указано, что они учреждаются для «обеспечения достаточной быстроты репрессий за преступления, выходящие из ряда обыкновенных».

Условие предания военно-полевому суду. Именно условие, а не условия предания суду, подчеркивает один из исследователей этой проблемы Н.Н. Полянский, так как передача дела на рассмотрение полевого суда ограничена только одним условием: «Когда учинение преступного деяния является настолько очевидным, что нет надобности в его расследовании». Но, поскольку понятие «очевидности» связано с сугубо субъективным восприятием действительности, то здесь речь идет уже о психоэмоциональном факторе каждого индивидуума. То, что кажется очевидным одному, вовсе не кажется очевидным другому.

Срок для передачи военно-полевому суду — 24 часа после совершения преступления.

Предварительная подготовка дела, требующая — при нормальном порядке его производства — предварительного следствия и составления обвинительного акта, при передаче дела на рассмотрение военно-полевого суда исключалась. Дело передавалось военно-полевому суду, когда признавалось, что «нет надобности в его расследовании».

Порядок рассмотрения дел. Разбирательство дела в военно-полевых судах производилось по правилам, установленным для разбирательства дел в полковых судах в военное время, но с дополнением двумя существенными требованиями: рассмотрение обязательно происходило при закрытых дверях и должно было закончиться не позднее 48-часового срока. Не было ни защитника, ни обвинителя.

Приговор излагался в упрощенной форме. Согласно инструкции по Петербургскому военному округу, приговор должен был заключать в себе год, месяц и число когда составлен приговор;

состав суда; звание, имя, фамилию или прозвище подсудимого; сущность приговора о вине или невиновности подсудимого; наказание и последствия ссылки на законы, в силу которых приговор постановлен.

Приговор должен быть приведен в исполнение «безотлагательно и во всяком случае не позже суток по распоряжению военных начальников, на коих возложено учреждение военно-полевых судов». Уже 24-часовой срок, в течение которого по вынесению приговора он должен быть исполнен, значительно затруднял применение в делах военно-полевых судов помилования, поскольку правом помилования обладал только государь. В одном из циркуляров, касающихся деятельности военно-полевых судов, отмечалось: «Командующие войсками должны озаботиться, чтобы по этим делам не представлять государю телеграмм о помиловании»¹.

В советский период деятельность военно-полевой юстиции рассматривалась как ответ государственной власти на революционные выступления трудящихся масс. Но с позиций сегодняшнего дня можно утверждать, что главная цель военно-полевых судов заключалась в борьбе с терроризмом. Анализ списка дел о преступниках, казненных по приговорам военно-полевых судов по 1 марта 1907 г., показывает, что в основном это были молодые люди в возрасте до 24 лет — студенты, учащиеся технических или реальных училищ, зараженные героикой революционной борьбы. Об этом, кстати, свидетельствует следующий документ: «По сведениям охранного отделения в г. Москве, после казни Мазурина, бывшего начальником летучей «боевой дружины оппозиционной фракции партии эсеров», остатки дружины образовали группу, присвоившую себе наименование «мазуринцев», примкнувшую к максималистам и поставившую себе целью производство экспроприаций и мелкого террора»².

Военно-полевые суды первого десятилетия XX в. являлись экстраординарными органами, боровшимися против терроризма различных боевых дружин партий анархистского и максималистского толка. Но они не определили всю судебную систему России в целом. Тем более что 19 апреля 1907 г. Положение о военно-полевых судах было отменено.

¹ Полянский Н.Н. Царские военные суды в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М., 1958. С. 198—211.

² Там же. С. 90.

18.5. Попытка восстановления института мировых судей

Что касается в целом судебной системы России в начале XX в., то она тоже претерпела некоторые изменения. В соответствии с Указом Николая II «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» было предписано для обеспечения равенства перед судом лиц всех состояний установить должное единство в устройстве судебной части империи. Фактически речь шла о проведении реформы местного суда и восстановлении в полном объеме института мировых судей, ликвидированного в 1889 г.

К весне 1906 г. был разработан проект реформы местного суда, являвшийся составной частью столыпинской реформы. Он предусматривал возрождение института мировых судей. Причем изменялся порядок их комплектования: если ранее (по Судебной реформе 1864 г.) судьи выбирались, то согласно проекту они могли назначаться Министерством юстиции. Законом от 15 июня 1912 г. институт мировых судей был восстановлен, их зависимость от Министерства юстиции возросла. Однако правительство не торопилось реализовать этот закон: до Первой мировой войны мировые судьи были введены лишь в 13, а к 1917 г. — в 20 губерниях, тогда как Россия насчитывала в то время 97 губерний и областей.

Как считает М.В. Немытина, «самым ценным положением закона от 15 июня 1912 г. следует считать восстановление в России мировой юстиции и уничтожение института земских участковых начальников»¹. Мировые судьи по названному закону избирались сроком на три года уездными земскими собраниями и городскими думами. Судья, прослуживший три года, мог быть избран в дальнейшем на шесть лет. Избранные судьи подлежали утверждению I департаментом Сената.

Мировые судьи по-прежнему делились на участковых, почетных и добавочных. Мировым судьей могло быть избрано лицо с высшим юридическим образованием или со средним образованием при условии трехлетней службы, а шестилетняя служба в определенных должностях (предводителя дворянства, секретаря мирового съезда, земского участкового начальника или секретаря судебного съезда) делала должность мирового судьи доступной и для лиц, не имеющих среднего образования.

¹ Немытина М.В. Суд в России (вторая половина XIX — начало XX в.) Саратов, 1999. С. 238.

Закон допускал, что за неимением подходящего кандидата на избрание мировой судья мог быть назначен. Оговаривалось, что назначаемый судья должен был обязательно иметь высшее образование.

По закону от 15 июня 1912 г. изменились и иные требования к кандидату на должность мирового судьи. Земельный ценз при выборах мировых судей был снижен вдвое. Неземельный ценз для лиц, имеющих высшее юридическое образование, сокращался наполовину. Произошли изменения и в апелляционной инстанции мировых судов. Председатель съезда мировых судей теперь назначался по представлению министра юстиции из лиц, которые могли занимать должности по судебному ведомству не ниже члена окружного суда, либо из участковых мировых судей, прослуживших в этой должности не менее трех лет. Значительно расширялась подсудность мирового суда по сравнению с Судебными уставами 1864 г.

18.6. Воссоздание военно-полевых судов

Серьезным испытанием для судебной системы была Первая мировая война. Правительственный аппарат перестраивался на военный лад, и это нашло отражение в воссоздании системы военно-полевых судов. Законом от 20 июля 1914 г. учреждались полковые и этапные, корпусные суды, военно-окружные и главный военный суд. Был изменен Военно-судебный устав, в частности его IV раздел, в котором говорилось о суде в военное время. В главе II «О судоустройстве» указывалось, что военно-судебная власть в районе театра военных действий принадлежит полковым, этапным, военно-окружным судам, главному военному суду или кассационному присутствию.

Во фронтовых районах и местностях, объявленных на военном положении, учреждались военно-полевые суды, которые приступали к рассмотрению дела и оканчивали его не более чем в течение двух суток. Разбирательство производилось при закрытых дверях. Приговор вступал в законную силу немедленно (во всяком случае, не позднее суток), приводился в исполнение по распоряжению начальника гарнизона или отряда, сформировавшего суд. 9 ноября 1914 г. по докладу Главного военного суда Николай II утвердил некоторые изменения и дополнения к Правилам о военно-полевом суде. Они дополнялись пунктом, предоставляющим высшим военачальникам право передавать во время войны свои полномочия по учреждению военно-полевого суда и преданию ему обвиняемых

подчиненным начальникам, пользующимся правами не ниже полкового командира.

С целью усиления борьбы с антивоенными настроениями солдат правительство издало 10 августа 1914 г. в развитие Военно-судебного устава Положение, в котором главным начальникам военных округов и лицам, пользующимся такой же властью, предоставлялось право учреждать в военное время суды, равные по власти полковым, при всех строевых и нестроевых частях, учреждениях, управлениях военного ведомства.

Военно-административная власть еще более усилилась. Создание экстраординарных судебных органов, возвращение к Положению от 19 августа 1906 г. было вызвано не только условиями войны, но и революционным брожением в армии, внутривойсковой обстановкой в стране.

Российский суд в феврале-октябре 1917 г.

Временное правительство не проводило кардинальных изменений судебной системы, оно скорее стремилось приспособить ее к своим целям и задачам. Для занятия судебных должностей в судах с назначаемым составом по-прежнему требовалось высшее юридическое образование, а для мировых судей — среднее образование и стаж чиновничьей службы. Функции судебных палат несколько уменьшились — был упразднен суд с сословными представителями. В окружных судах стал широко применяться суд с присяжными заседателями (он вводился даже на окраинах страны). Юрисдикция окружных судов значительно расширилась.

Серьезные изменения коснулись и мировой юстиции. 4 мая 1917 г. было издано постановление Временного правительства, согласно которому закон от 15 июня 1912 г. о преобразовании местного суда был распространен еще на 33 губернии. Закон расширил гражданскую (до 1000 рублей иска) и уголовную юрисдикцию мировых судей. В уголовных делах они имели право выносить приговоры, делать замечания, внушения, налагать денежные взыскания, производить арест на срок до трех месяцев, заключать в тюрьму до полутора лет.

Временное правительство воплотило в жизнь проект создания органов административной юстиции. Закон от 30 мая 1917 г. вводил суд по административным делам. В каждый уезд назначался административный судья. В губернских и областных городах при окружных судах были созданы особые административные отделения, а в Сенате высшей инстанцией для административных судов стал I департамент. Административные судьи рассматривали конфликты между государственными органами, комиссарами правительства и общественными учреждениями (городского и земского самоуправления, военно-промышленными комитетами и т.п.). Законом от 7 сентября 1917 г. к ведению этих судов были отнесены земельные и продовольственные комитеты.

Временное правительство развило достаточно бурную деятельность в области нормотворчества. Свидетельством тому являются многотомные издания собраний узаконений и распоряжений правительства. Деятельность в области законотворчества развертыва-

лась по трем главным направлениям. Во-первых, законодательное оформление слома некоторых органов старого государственного аппарата, а именно: уничтожение или замена наиболее одиозных институтов — полиции, жандармерии, прокуратуры. Во-вторых, законодательное оформление новых органов государственной и общественной власти: создание временных судов, института уездных и губернских комиссаров, комитетов общественных организаций. Третье направление в законодательной деятельности Временного правительства связано с провозглашением гражданских свобод. К нему можно отнести законы об амнистии, ликвидации национальных и вероисповедных ограничений, праве собраний и съездов¹.

События начала XX в. — две революции, участие в Первой мировой войне — безусловно повлияли на систему судоустройства и судопроизводства России. Она была вынуждена подстраиваться под те катаклизмы, которые переживало сначала самодержавие, а потом и Временное правительство. Только за период Первой мировой войны сменились четыре министра юстиции (И.Г. Щегловитов — 24 апреля 1906 г. — 6 июня 1915 г.; А.А. Хвостов — 6 июля 1915 г. — 7 июня 1916 г.; А.А. Макаров — 7 июля — 20 декабря 1916 г.; Н.А. Добровольский — 20 декабря 1916 г. — 27 февраля 1917 г.). Министерская чехарда продолжалась и при А.Ф. Керенском.

Политическая нестабильность, отсутствие четких ориентиров и разноплановость интересов привели к тому, что Временное правительство не смогло удержать власть. После Октябрьской революции 1917 г. большевистское правительство полностью разрушило правительственный аппарат, в том числе и судебную систему. Специальными актами Советской власти вся старая судебная система была упразднена (исключение составляла просуществовавшая незначительное время мировая юстиция). 12 декабря 1917 г. было отменено прежнее деление Министерства юстиции на департаменты и создано шесть отделов Наркомата юстиции, который возглавила коллегия².

¹ *Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства. Л. С. 243—244.

² *Смыкалин А.* Российская судебная система в начале XX в. // Российская юстиция. 2001. № 12.

Реформирование судебной системы после Октября 1917 г.

20.1. Создание основ советского права

Как и советское государство, советское право возникает в ходе слома старого права. Такая работа требовала, конечно, определенного времени. **В первый период истории Советского государства можно отметить три основные группы источников права.**

Важнейшим источником советского права являлось **новое законодательство, новые нормативные акты**. Круг этих актов, немногочисленных первое время, постоянно расширялся. Одновременно в этот период продолжали действовать **и многие старые правовые нормы**. Декрет о суде № 1 допустил ссылки на «законы свергнутых правительств». Однако уже в июле 1918 г. Декрет о суде № 3 отбросил оговорку о возможности использования старого законодательства.

Поскольку масса нового законодательства была еще невелика, а старое могло применяться лишь в ограниченных размерах, создавалась большая сфера отношений, не урегулированных никакими нормативными актами. Поэтому **в качестве специфического источника права выступает непосредственно революционное правосознание масс**. Практически это означало, что правоприменяющие органы и лица могли действовать так, как считали полезным для революции. Что, разумеется, приводило к произволу и разному в деятельности государственных органов.

Советское законодательство этого периода имело свои особенности. Для данного периода характерна множественность законодательных органов. Нормативные акты высшей юридической силы могли принимать Всероссийские съезды советов, ВЦИК, Совнарком. Конституция 1918 г. закрепила принцип множественности законодательных органов, и он сохранился до 1936 г.

Правотворческую деятельность осуществляли не только законодательные, но и другие органы Советского государства, в том числе наркоматы и местные Советы. В условиях нехватки нормативного материала акты народных комиссариатов иногда выполняли функции законов.

Правовыми актами выступали в тот период и акты профсоюзных органов, регулирующие трудовые отношения. Нормотворческую работу вели и трудовые коллективы, которые иногда решали вопросы зарплаты, трудовой дисциплины и т.д.

Законотворческий процесс был регламентирован постановлением Совнаркома **«О редактировании и печатании законодательных и правительственных актов»**, изданном в январе 1918 г.

Советское право возникло как общероссийское право. Оно действовало на всей территории Российской Республики. Однако скоро советская правовая система усложнилась. Возникновение Украинской ССР привело к созданию права этой республики. УССР признала на своей территории действие общероссийского права, но в то же время принимала и свои правовые акты. Последние создавались как за счет приспособления российских норм, так и за счет собственного законотворчества.

Возникновение автономных республик привело к созданию правовых актов и этих образований. Разумеется, право России действовало на их территории в полном объеме, но вместе с тем автономия означала возможность иметь и свое специфическое законодательство. Республики создавали его, опираясь на опыт РСФСР.

Формы законодательных актов была разной: издавались обращения, декреты, постановления, декларации. Наиболее распространенной формой была форма декрета.

Для первого периода истории советского права характерно издание законов по отдельным проблемам и отсутствие систематизированных актов. Необходимость кодификации привела к тому, что в декабре 1917 г. в составе наркомата юстиции был создан отдел законодательных предположений и кодификации, из которого вскоре был выделен специальный кодификационный отдел, имевший задачей создание «полного свода действующих законов Русской Революции».

20.2. Ликвидация старой системы судопроизводства и создание новой

В советский период судебная система, ее структура и функции складывалась на новой классовой основе и динамично развивалась. Полному уничтожению подверглись жандармерия, полиция, тюрьмы и суды. Причем царские тюрьмы как наиболее одиозные учреждения старого режима были буквально демонтированы. В 1917—1918 гг. это коснулось более 400 пенитенциарных заведений России. В истории страны был один день, когда в тюрьмах не было ни

одного человека. Серьезной реформации подверглась и судебная система, оставшаяся от Временного правительства.

Будучи юристом по образованию, В.И. Ленин понимал, что полное упразднение судебной системы приведет к хаосу и беспорядку в обществе. В то же время заменить ее сразу было нечем. Поэтому был выбран компромиссный путь: разрушить верхушку судебной системы России — Сенат, судебные палаты, окружные суды, но сохранить пока в неприкосновенности систему местных судов, а именно мировых судей. Однако последние — выходцы из буржуазных классов — не приняли социалистической революции и отказались сотрудничать с революционным пролетариатом. Лишь единицы приступили к своим обязанностям. Кстати, в предвидении такой ситуации левые эсеры предлагали не торопиться со сломом старого суда.

Правовой хаос и государственный нигилизм — так можно охарактеризовать политическую обстановку в России в первые дни после большевистского переворота. Наступил полный кризис судебной системы России. Выпущенные из тюрем уголовники принялись за грабежи и разбои. Насилие и вседозволенность, одобренные революционными лозунгами, стали обычным явлением в октябреноябре 1917 г. Вооруженные отряды Красной гвардии, а позднее и ВЧК задерживали грабителей и мародеров. Но что с ними было делать? Расстрелять всех подряд было невозможно, а судов не было. Кроме этого, в прекративших свою работу судебных учреждениях скопились тысячи неразрешенных гражданских дел.

20.3. Стихийное возникновение революционных судов

В этих условиях стихийно, спонтанно, еще до первых декретов о суде в разных регионах страны создаются свои революционные суды (как правило, по инициативе местных Советов рабочих и крестьянских депутатов). Их формирует не правительство, не власть, зачастую они действительно рождаются по инициативе трудящихся. Назывались они по-разному: революционный народный суд, суд общественной совести, революционный трибунал, крестьянский суд и т.п.

Однако можно выделить некоторые общие черты для всех этих судов. Во-первых, они строились на началах представительства от Советов, фабзавкомов, партийных организаций большевиков и левых эсеров. Во-вторых, численный состав, структура, подсудность определялись представителями трудящихся.

Одним из первых судов такого рода был Петроградский суд Выборгского района. При разборе дел в заседании суда могли принимать участие все присутствовавшие в зале судебного заседания. Решение тоже выносилось с учетом мнения выступающих. Иногда уголовные и гражданские дела рассматривались и разрешались непосредственно на крестьянских сходках или собраниях волостных Советов.

В решениях о создании первых революционных судов обычно указывалось, что в основу своей деятельности они должны положить волю революционного народа, не принимать во внимание правовые нормы, противоречащие целям революции, и руководствоваться единственно голосом судейской совести.

Создание новых советских судов проходило одновременно с деятельностью старых судебных учреждений, выносивших приговоры и решения по законам и даже именем свергнутого Временного правительства.

В суд тогда шли работать в большинстве случаев чувствующие призвание к этому делу, так как само судебное дело в партийных и советских кругах в те времена считалось не очень серьезным делом, и лучших сил на эту работу не мобилизовывали. Впереди рисовалась картина планомерного государственного распределения, источник преступности — социальное неравенство и необеспеченность — представлялся скоропреходящим, а суд, казалось, вот-вот через год-два за ненужностью упразднится.

Суд на первых порах своей деятельности резко отличался от предшествующего буржуазного суда отсутствием тех внешних форм (торжественность судебного заседания и др.), что так импонировало обывателю.

Суд того времени отражал собой дух переживаемой эпохи, и многие буржуазные пережитки рассматривались как преступные деяния, как, например, дача «чаевых» и т.п.

Судья-свидетель, он же следователь — обычная картина упрощенного до самой последней степени судопроизводства того времени.

20.4. Декрет о суде № 1

Объективные трудности создания нового суда усугублялись из-за борьбы левых эсеров против большевиков по вопросам судебной политики. Особенно острые дискуссии вызвал составленный большевиком П.И. Стучкой проект Декрета о суде № 1. Этот документ в соответствии с теоретическими воззрениями В.И. Ленина предусматривал полную ликвидацию всех органов буржуазной юстиции, включая и систему мировой юстиции.

Новые суды при рассмотрении дел должны были руководствоваться не законами свергнутых правительств, а декретами Совета народных комиссаров, революционной совестью и революционным правосознанием¹. Такой подход к праву как комплексу политизированных эмоций имел место в первые месяцы советской власти. В условиях правового вакуума (отсутствия собственных советских законов) он заполнял все правовое пространство.

Проект Декрета о суде № 1 многократно обсуждался в СНК, а также в комиссиях и фракциях ВЦИК. Но прохождение проекта через ВЦИК сдерживалось оппозицией левых эсеров, поэтому 22 ноября 1917 г. СНК самостоятельно, минуя ВЦИК, принял Декрет о суде (который и стал известен под названием «Декрет о суде № 1»).

Декрет упразднял все общие судебные установления: окружные суды, судебные палаты, Правительствующий Сенат со всеми департаментами, военные и морские суды всех наименований, коммерческие суды. Упразднялись также институты судебных следователей, прокурорского надзора и адвокатуры. Исключения допускались только для системы мировых судей, деятельность которых, однако, приостанавливалась.

Декрет имел важное значение, ибо до его принятия в стране наряду со стихийно образуемыми новыми судами продолжала как ни в чем ни бывало работать старая судебная система. «В незначительном расстоянии от Зимнего дворца, где закончился последний акт 8-месячной драмы Временного правительства, заседал Правительствующий Сенат несуществующего правительства, упрямо — наперекор стихиям — выносивший определения именем этого правительства. В районе Смольного, цитадели нового строя, где заседали верховные его органы, находился коммерческий суд, вершивший споры по «сделкам торговым и торговле свойственным», но совершенно чуждым идеям нового социалистического правительства. Наконец, в здании печальной памяти департамента полиции, где еще витали тени Хвостовых и Протопоповых, помещался окружной суд»². Таким образом, опубликованный в газете «Правда» от 24 ноября (7 декабря) 1917 г. Декрет положил конец колебаниям и надеждам старых судебных и адвокатских сословий на сохранение или возрождение прежних институтов.

Вместе с тем п. 2 Декрета предусматривал возможность избрания в новые местные суды прежних мировых судей, большинство из которых, как уже отмечалось, отнеслось к этому акту резко от-

¹ *Материалы* НКЮ. Вып. II. М., 1918. С. 103—104.

² См.: *Очерк* первых дней советской юстиции // *Еженедельник советской юстиции*. 1922. № 46—47).

рицательно или прямо враждебно. В некоторых случаях для закрытия суда и передачи дел ликвидатору-комиссару требовалось применение принудительной силы и вооруженных людей. Причем процесс этот был достаточно медленный; Правительство, занятое вопросами обороны и подавления открытых контрреволюционных мятежей, уделяло ему мало внимания. Достаточно сказать, что если в столицах суды закрыли через одну-две недели после опубликования Декрета, то в других местах это затянулось на месяцы. Так, в Самаре суд был закрыт 2 января, в Екатеринбурге — 19 января, в Нижнем Новгороде — 15 января 1918 г. Лишь 11 января 1918 г. бывший председатель съезда мировых судей в г. Москве передал вновь избранному Совету народных судей документы, денежные ведомости и т.п.¹

Примерно такая же картина наблюдалась и в Петрограде. В январе 1918 г. комиссар над упраздненными судебными местами Петрограда даже поместил в газете объявление с предложением судебным следователям и приставам сдать находящиеся у них на руках дела, документы и имущество. К упорствующим применялись репрессивные меры.

Вместе с тем комиссары по судебным делам в начале 1918 г. уже имелись в большинстве областей не только Европейской России, но и Сибири, не исключая и далекого Якутска. При этом везде новая судебная власть встречала молчаливое сопротивление. В истории судебной системы запечатлен такой факт. В Тюмени 15 января 1918 г. заседала выездная сессия Тобольского окружного суда с присяжными заседателями, приводящим их к присяге священником и прочими непременными атрибутами старого суда.

Резолюции того периода, принятые общими собраниями адвокатов, носили ярко выраженный антисоветский политический характер. Примером может служить декларация Омской коллегии адвокатов, объясняющая причины отказа ее членов от выступления в ревтрибуналах. В ней содержится ссылка на такие условия общественной и государственной жизни, которые исключают всякую возможность правозаступничества. При этих условиях «нет и не может быть суда, есть только расправа, где господствует грубая сила дикаря, в таком суде не место служителям права и закона и не приличествует им своим участием в нем создавать видимость подлинного суда»². Поэтому несмотря на то, что петроградская адвокатура 31 января 1918 г. разрешила своим членам выступать в советском суде, случаи таких демаршей были не единичными.

¹ *Смыкалин А.* Создание советской судебной системы // Российская юстиция. 2002. № 2.

² *Еженедельник советской юстиции.* 1922. № 46—47.

Правовой хаос — вот картина первых недель после октября 1917 г. Самосуд — исконная форма расправы над лицами, посягнувшими на личные и имущественные права, — стал в этот период обычным явлением.

Декрет о суде № 1 предусматривал две формы судебной организации. Прежний единоличный мировой судья был заменен коллегиальным местным судом, избираемым местным Советом. Была определена его подсудность, указано, что они «решают все гражданские дела ценою до 3000 рублей и уголовные дела, если обвиняемому угрожает наказание не свыше 2 лет лишения свободы... Кассационной инстанцией является уездный, а в столицах — столичный съезд местных судей». Декрет упразднял не только старую судебную систему, но и ранее существовавшие институты судебных следователей, прокурорского надзора, а равно институты присяжной и частной адвокатуры.

Декрет устанавливал принцип сменяемости судей и заседателей, что способствовало, по мнению большевиков, созданию действительно народного суда. Вводился и суд политический «для борьбы против контрреволюционных сил, в видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний, а равно для решения дел о борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями промышленников, торговцев, чиновников и т.п.», были учреждены революционные трибуналы, действовавшие в составе председателя и шести народных заседателей.

В ревтрибуналы заседатели и судьи должны были избираться Советами. Для производства предварительного следствия при Советах создавались особые следственные комиссии.

По Инструкции Наркомата юстиции от 19 декабря 1917 г. при ревтрибунале учреждалась коллегия лиц, посвящавших себя правозащитничеству как форме общественного обвинения, так и в форме общественной защиты. Такая коллегия образовывалась путем свободной записи лиц, желавших оказать помощь революционному правосудию и представивших рекомендацию Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Очевидец тех далеких событий вспоминает: «...если для местного суда была дана директива руководствоваться законами свергнутых правительств постольку, поскольку они не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию, то для ревтрибуналов был предоставлен широкий простор, как в определении составов преступных деяний, так и в определении тех или иных мер наказания за них»¹.

¹ *Еженедельник советской юстиции*. 1922. № 46—47.

В начале 1918 г. была предпринята попытка создать прокурорский надзор путем организации так называемого Комиссариата публичного обвинения¹. Однако Коллегия НКЮ РСФСР, рассмотрев этот вопрос, постановила: «Центрального комиссариата обвинения не учреждать. Предложить революционным трибуналам организовать камеры обвинения при трибуналах, подчинив их президиумам революционных трибуналов».

20.5. Декрет о суде № 2

В январе 1918 г. под руководством левого эсера Наркома юстиции Штейнберга власти приступают к разработке нового законопроекта о суде, названного в историко-правовой литературе Декретом о суде № 2.

Помимо уже существовавших местных народных судов и их кассационных инстанций, съездов народных судей, по проекту намечалось учредить окружные суды, а в качестве кассационной инстанции для них — областные суды. Во главе всей судебной системы должен стоять Верховный судебный контроль.

В ходе обсуждения проекта в Наркомате юстиции развернулась острая теоретическая борьба между большевиками и левыми эсерами. В дальнейшее обсуждение проекта вмешался сам Председатель СНК В.И. Ленин, внесший в него ряд поправок, особенно касавшихся усиления роли Советов в подборе судебных кадров. 30 января (12 февраля) 1918 г. СНК принял проект Декрета с поправками В.И. Ленина, а 15 февраля 1918 г. Декрет о суде № 2 был утвержден ВЦИК.

Реформировалась и создавалась не только судебная система, формулировались и некоторые принципы судопроизводства. В частности, было установлено, что судебное делопроизводство должно вестись на национальных языках.

20.6. Декрет о суде № 3

Судебная практика рассматриваемого периода регулярно подвергалась обобщению. Свидетельством этого являются материалы Всероссийских съездов губернских и областных комиссаров юстиции, в 1918 г. проходивших раз в три месяца. Первый съезд состоялся в апреле 1918 г., второй — в июле 1918 г. Именно второй съезд обсудил Инструкцию для местного народного суда, в которой определялись основные положения организации суда и судопроизводства.

¹ Крыленко Н.В. Судоустройство РСФСР. М., 1924. С. 83.

ва. Решения этого съезда легли в основу Декрета о суде № 3, опубликованного 20 июля 1918 г.

Значение нового Декрета в том, что он значительно поднял авторитет и роль местного суда, передав в его ведение все гражданские дела по искам до 10 тыс. руб. и все уголовные, кроме дел о посягательствах на человеческую жизнь, изнасиловании, разбое, бандитизме, подделке денежных знаков, взяточничестве и спекуляции. Местный народный суд получил право применять в качестве наказания лишение свободы на срок до 5 лет.

В качестве кассационной инстанции для окружных судов вместо областных судов и Верховного судебного контроля, предусмотренных Декретом о суде № 2, предполагалось создать временный Кассационный суд в г. Москве, на который возлагался бы также надзор за решениями и приговорами местных судов.

Иностранная военная интервенция и развернувшаяся Гражданская война не позволили советским властям заняться дальнейшим совершенствованием судебной системы. Как и любое новое дело, строительство советской судебной системы осуществлялось «методом проб и ошибок». Гражданская война 1918—1921 гг. затормозила развитие советской судебной системы. Новый этап ее строительства начался лишь в условиях новой экономической политики (нэп), когда в РСФСР в 1922 г. была проведена судебная реформа.

Таким образом, Декретом о суде № 1 создавались две системы судов — общих и особых, что было вызвано тяжелой, напряженной борьбой Советской власти за упрочение революционных завоеваний.

Дальнейшее развитие общей судебной системы получило законодательную регламентацию в Декрете о суде № 2 от 15 февраля 1918 г. Для рассмотрения дел, превышающих подсудность местных судов, были учреждены окружные суды. Окружной суд охватывал несколько уездов. Окружной суд имел уголовное и гражданское отделения. Председатель суда и председатели отделений избирались и отзывались общим собранием членов суда. Советам принадлежало право отзыва избранных ими членов окружного суда. Для предварительного следствия по некоторым категориям дел создавались следственные комиссии в составе трех лиц, избираемых исполкомами местных Советов, а также образованы коллегии правозащитников не только для особых, но и для общих судов.

28 января 1918 г. Совнарком учредил трибунал печати для рассмотрения дел о преступлениях и проступках против народа, совершаемых путем использования печати. Он действовал в составе трех постоянных судей, избравшихся Советами не более чем на три месяца. Помимо наказаний, применяемых общими трибунала-

ми, он имел право временно приостановить или навсегда закрыть печатное издание, опубликовавшее ложные сведения.

Для рассмотрения особо важных дел 29 мая 1918 г. был образован Ревтрибунал при ВЦИК. Он состоял из председателя и членов, избиравшихся ВЦИК на три месяца, и рассматривал дела без участия народных заседателей. Состоявшая при трибунале Центральная коллегия обвинителей осуществляла руководство коллегиями при местных трибуналах.

В июне был создан Кассационный отдел при ВЦИК для рассмотрения кассационных жалоб и протестов на приговоры ревтрибуналов. Отдел учреждался в составе председателя, назначавшегося Совнаркомом и утверждавшегося ВЦИК, а также двух постоянных членов — от Наркомюста и ВЦИК. Он не изменял приговор, а либо утверждал его, либо направлял дело на новое рассмотрение. Изменить наказание или прекратить дело мог лишь Президиум ВЦИК по ходатайству Кассационного отдела.

Положение 1918 г. существенно упростило судебную систему. Вместо прежних многочисленных судебных органов оно вводило единый народный суд, которому были подсудны почти все уголовные и гражданские дела. Исключение составляли лишь контрреволюционные и некоторые другие наиболее опасные преступления, дела о которых рассматривались трибуналами.

Судом второй инстанции для народных судов являлся Совет народных судей, состоявший из народных судей судебного округа. Территория судебного округа совпадала с территорией губернии или аналогичной административной единицы.

Народные судьи избирались Советами рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Заседатели утверждались исполкомами Советов по спискам, составленным рабочими организациями, волостными и сельскими Советами. В подборе судебных кадров строго проводился принцип, по которому судьями могли быть только трудящиеся.

Защиту, представительство сторон в гражданском процессе и обвинение осуществляли специальные коллегии. Эти коллегии защитников, обвинителей и представителей сторон создавались при местных Советах. Члены коллегии избирались Советами и считались должностными лицами. Все они, в том числе защитники и представители сторон, получали за свой труд не гонорар от граждан, а заработную плату, как все служащие госучреждений.

Этот порядок был изменен Положением 1920 г., по которому коллегии защитников были ликвидированы. Теперь для осуществления их функций привлекались лица из числа соответствующих

специалистов, списки которых составлялись местными исполкомами. Представителями сторон по гражданским делам могли выступать на суде их ближайшие родственники, юрисконсульты или представители советских учреждений.

Кроме судов в Советской России в период Гражданской войны действовали и три основных вида революционных трибуналов: общие (территориальные), военно-революционные (введены в 1919 г.) и военно-железнодорожные трибуналы (учреждены в марте 1920 г.) Кроме того, в октябре 1919 г. при ВЧК был создан Особый революционный трибунал по делам спекулянтов.

Правовой статус территориальных ревтрибуналов определялся Положением, изданным в апреле 1919 г. и заменившим ранее существовавшие нормативные акты о них. Основные принципы этого закона были развиты в новом Положении о революционных трибуналах, изданном в 1920 г.

Ревтрибуналы существовали в губернских и других крупных городах. Как и народные суды, они были выборными органами — избирались местными Советами. Трибуналы состояли из председателей и двух постоянных членов. По Положению 1920 г. в состав каждого трибунала был введен представитель ЧК, избиравшийся Советами на общих основаниях с другими членами трибунала и имевший с ними равные права.

Для производства предварительного следствия по делам, подсудным трибуналам, при них создавались следственные комиссии, которые назначались самими трибуналами и находились в их подчинении. Трибуналы имели право контроля над следственной работой ЧК. В 1920 г. это право было расширено.

Второй инстанцией для революционных трибуналов являлся Кассационный трибунал при ВЦИК. Положение 1920 г. расширило его права, возложив на него судебный надзор и руководство местными трибуналами. Кассационный трибунал должен был добиваться единообразия в деятельности всех трибуналов, разрешать процессуальные и иные вопросы, встречающиеся в их практике.

При ВЦИК действовал также Верховный трибунал, учрежденный в 1918 г., который рассматривал дела особой важности, передаваемые ему Президиумом ВЦИК.

Революционные военные трибуналы создавались при революционных военных советах армий, при реввоенсоветах фронтов и при Реввоенсовете Республики. В компетенцию военных трибуналов входили в основном две категории дел: о контрреволюционных преступлениях и других особо тяжких преступлениях, совершенных военными служащими и военнопленными, и о всяких действиях в прифронтовой обстановке, направленных против Красной Армии.

Революционные военно-железнодорожные трибуналы организовывались при управлениях дорог и при Народном комиссариате путей сообщения. К их компетенции относились дела также двоякого рода: о преступлениях работников железных дорог, связанных с нарушением работы транспорта, и о преступлениях всех граждан, если они угрожали работе транспорта.

Порядок деятельности революционных военных и военно-железнодорожных трибуналов в принципе был аналогичен работе территориальных трибуналов.

Судебное управление осуществлялось Народным комиссариатом юстиции. Местные органы Наркомюста — отделы юстиции губисполкомов, уездные бюро юстиции, состоявшие при уездных исполкомах, ведали организацией судебных и следственных органов, юридических консультаций, наблюдали за их деятельностью.

Развитие советского права в период Гражданской войны

21.1. Общие тенденции в становлении советского права

К началу Гражданской войны основы советского права были созданы, однако на этом его развитие не остановилось. В данный период существенно меняются источники права. Все больше расширяется советское законодательство, начинается кодификационная работа. Уже во второй половине 1918 г. в РСФСР выходят два первых кодекса: Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве и Кодекс законов о труде.

Первой попыткой систематизации уголовного права был циркуляр Кассационного отдела ВЦИК, изданный в октябре 1918 г. Затем был создан Перечень уголовно наказуемых деяний и наказаний, применяемых советскими судами. Наконец, коллегия Наркомата юстиции решила создать **Наказ судьям** по применению уголовного права. Он был задуман как акт наркомата, т.е. подзаконный акт, но должен был содержать Общую и Особенную часть, как настоящий Уголовный кодекс. Полностью это решение не было выполнено, но на основе Общей части Наказа были созданы в декабре 1919 г. знаменитые **Руководящие начала по Уголовному праву РСФСР**. В 1920 г. началась работа и непосредственно над кодексом.

В период Гражданской войны развитие права на территории нашей страны обуславливается также мощным национально-государственным строительством. Создается как бы три правовых комплекса разного социального содержания.

Первый из них — право социалистических республик, ядро которого составляет право РСФСР. Право социалистических республик имеет общие принципы, но в то же время и национальные особенности. Примером могут служить конституции республик.

Другой правовой комплекс составило право народных республик. Это право имело много общего с правом социалистических республик, поскольку оно было советским правом, но в то же время имело и качественные отличия, поскольку опиралось на иную социальную

базу, чем право РСФСР, которое существовало как право диктатуры пролетариата. В Бухаре, например, сохранялась частная собственность на средства производства, старое семейное право и т.д.

Наконец, следует отметить **особый комплекс — право Дальневосточной республики**. Это право не было ни советским, ни социалистическим.

21.2. Уголовное право

Главным документом, регулирующим уголовное наказание в период Гражданской войны, явились **«Руководящие начала по уголовному праву РСФСР»**. Они были приняты Наркоматом юстиции в декабре 1919 г.

«Руководящие начала» состояли из введения и 8 разделов: об уголовном праве; об уголовном правосудии; о преступлении и наказании; о стадиях осуществления преступления; о соучастии; о видах наказания; об условном осуждении; о пространстве действия уголовного права.

Во введении была дана классовая характеристика уголовного права и подчеркивалось, что пролетариат не может использовать старые, дореволюционные законы, старые уголовно-правовые кодексы и должен создать новое право, отвечающее задачам диктатуры пролетариата.

«Руководящие начала» определяли советское уголовное право как систему правовых норм, нацеленных на защиту общественных отношений, соответствующих интересам трудящихся масс в переходный от капитализма к коммунизму период, посредством применения к преступникам репрессий (наказания).

Преступление определялось «Руководящими началами» как нарушение порядка общественных отношений, охраняемого уголовным правом, как действие или бездействие, опасное для данной системы общественных отношений.

«Руководящие начала» определяли сущность наказания и его задачи. В ст. 7 говорилось, что «наказание — это те меры принудительного воздействия, посредством которых власть обеспечивает данный порядок общественных отношений от нарушителей последнего (преступников)». Задачей наказания являлась охрана общественного порядка от совершившего преступление или покушавшегося на совершение такового и от будущих возможных преступлений как данного лица, так и других лиц. При этом ст. 10 гласила: «Наказание должно быть целесообразно и в то же время совершенно лишено признаков мучительства и не должно причинять преступнику бесполезных и лишних страданий».

«Руководящие начала» устанавливали следующий перечень наказаний (ст. 25): а) внушение, б) выражение общественного пори-

цания, в) принуждение к действию, не представляющему физического лишения (например, пройти известный курс обучения), г) объявление бойкота, д) исключение из объединения на время или навсегда, е) восстановление, а при невозможности его — возмещение причиненного ущерба, ж) отстранение от должности, з) воспрещение занимать ту или иную должность или исполнять ту или другую работу, и) конфискация всего или части имущества, к) лишение политических прав, л) объявление врагом революции и народа, м) принудительные работы без помещения в места лишения свободы, н) лишение свободы на определенный срок или до наступления известного события, о) объявление вне закона, п) расстрел, р) сочетание некоторых из вышеназванных наказаний.

Высшая мера наказания — расстрел — первоначально не применялась. В отношении этой меры «Руководящие начала» специально подчеркивали, что народные суды не применяют смертной казни. Этим отмечались чрезвычайный характер расстрела и возможность его применения только за наиболее опасные преступления, составляющие юрисдикцию революционных трибуналов.

«Руководящие начала» содержали четкие указания о необходимости учета смягчающих и отягчающих вину обстоятельств, личности преступника и степени его виновности. В ст. 12 «Руководящих начал» указывалось: «При определении меры наказания в каждом отдельном случае следует различать:

а) совершено ли преступление лицом, принадлежащим к имущему классу, с целью восстановления, сохранения или приобретения какой-либо привилегии, связанной с правом собственности, или неимущим в состоянии голода или нужды;

б) совершено ли деяние в интересах восстановления власти угнетающего класса или в интересах личных совершающего деяние;

в) совершено ли деяние в сознании причиненного вреда или по невежеству и неосознанности;

г) совершено ли деяние профессиональным преступником (рецидивистом) или первичным;

д) совершено ли деяние посредством насилия над личностью или без такового;

ж) направлено ли деяние против личности или против имущества;

з) обнаружены ли совершающим деяния заранее обдуманное намерение, жестокость, злоба, коварство, хитрость или деяние совершено в состоянии запальчивости, по легкомыслию и небрежности».

Несмотря на известную неполноту регламентации уголовных правоотношений «Руководящие начала» 1919 г. сыграли большую роль в улучшении деятельности судебных органов.

Судебная система Советского государства в 1920—1930-е годы

22.1. Судебная реформа 1922 г.

Проведение Судебной реформы 1922 г. обусловлено изменившимися в стране социальными условиями (новая экономическая политика), наличием большого массива несистематизированного нормативного материала и в то же время существенных пробелов в законодательстве, что приводило к широкому и зачастую не вполне корректному применению аналогии. Был взят курс на укрепление так называемой «революционной законности».

Реформирование судебной системы диктовалось пестротой судебных органов и вследствие этого отсутствием единой судебной практики. Ко времени проведения реформы действовали: народный суд в составе постоянного народного судьи, народный суд в составе постоянного народного судьи и двух очередных народных заседателей, народный суд в составе постоянного народного судьи и шести очередных народных заседателей, камера народного судьи при ЧК, дежурная камера народного суда, особые сессии народного суда, действовавшие под председательством члена президиума совета народных судей или уездного бюро юстиции и при участии народных заседателей для рассмотрения наиболее важных дел, подсудных народному суду, губернские Советы народных судей (кассационная инстанция для рассмотрения жалоб на приговоры и решения народного суда) и находящиеся при них особые сессии народного суда, губернские трибуналы, военные трибуналы, военнотранспортные трибуналы, единый Верховный трибунал при ВЦИК, Высший судебный контроль при Наркомате юстиции.

В качестве органов судебного управления и органов надзора за исполнением законов действовали: в республике — Наркомат юстиции, в губерниях — губернские отделы юстиции, в уездах — уездные бюро юстиции.

Таким образом, к концу 1922 г. сложились две системы судебных органов: общие суды, состоящие из народных судов, губернского совета народных судей и Высшего судебного контроля в лице

Наркомюста, и революционные трибуналы в крупных центрах, а также Верховный революционный трибунал при ВЦИК, являвшийся судом первой инстанции по наиболее сложным делам и кассационной инстанцией для всех революционных трибуналов.

Большое количество нормативных актов, касающихся реорганизации судебных органов республики, — явление характерное для 1920-х годов. И это вполне объяснимо — шел процесс поиска наиболее приемлемых форм деятельности новых советских судов.

РСФСР являлась ведущей республикой в Союзе ССР. Практически 90% проводимых в ней реорганизаций воспроизводились затем в других союзных республиках, что хорошо видно на примере реорганизации судебной системы.

22.2. Новая судебная система

По Положению о судостроительстве РСФСР от 31 октября 1922 г. судебная система состояла из народных судов, губернских судов и Верховного Суда РСФСР, который начал функционировать с 1 января 1923 г. Верховный трибунал и губернские ревтрибуналы были ликвидированы. Для рассмотрения специальных категорий дел создавались военные и военно-транспортные суды, земельные комиссии, особые сессии народных судов (по трудовым делам), позднее — арбитражные комиссии.

В компетенцию действовавшего в составе Верховного Суда РСФСР Пленума наряду с рассмотрением дел в порядке надзора входило толкование законов по вопросам судебной практики.

Судебная реформа 1922 г. закрепила основные принципы организации советской судебной системы: ее единство, построение с учетом государственного устройства, соответствие новому административно-территориальному делению.

22.3. Судейские кадры

Кадровому составу судей в этот период уделялось большое внимание. Так как первоначально при разрешении дел судья мог руководствоваться помимо декретов Советской власти революционной совестью и революционным сознанием, важно было осуществить подбор таких судей, жизненный и трудовой опыт которых свидетельствовал бы о наличии у них революционного правосознания. Во главу угла ставился опыт революционной борьбы, а не юридическое образование и знание законов. Отсюда и социальный состав судей: при избрании предпочтение отдавалось рабочим и крестья-

нам. Отмечался постоянный рост числа судей — членов партии (с 63% в 1923 г. до 85,6% в 1928 г.)¹.

В Верховном Суде РСФСР было 32 члена (судьи), что составляло 15,3% ко всему числу сотрудников Суда. Из них: рабочих — 13 человек (40,7%), интеллигентов и служащих — 17 (53%) и крестьян — 2 человека (6,3%). По образовательному цензу члены Верховного Суда распределялись следующим образом: высшее образование имели 11 человек (34,4%), с низшим и домашним образованием — 21 человек (65,6%). Все 32 человека — члены ВКП (б), причем 22 с партийным стажем до 1917 г. Бывших членов других партий (в период до 1917 г.) — 4 человека².

Любопытны и факты деятельности Верховного Суда в начале его работы. Объем представленных дел оказался весьма велик, если не сказать огромен. По всем коллегиям (включая и дисциплинарную) принято было к производству 19 021 дело, что вместе с оставшимися в производстве на 1 января 1924 г. 1090 делами составило 20 111 дел. Цифра достаточно впечатляющая, учитывая небольшой численный состав коллегий³.

Что касается рассмотрения судебных дел по республике в целом, можно отметить, что по «52 губерниям и областям РСФСР в народные суды поступало в среднем около 3 млн дел в год». Статистика показывает, что народные суды по составу возглавлявших их лиц являлись действительно рабоче-крестьянскими с весьма значительной партийной прослойкой. По данным Наркомюста на 1 октября 1925 г., среди нарсудей 86,3% — рабочие и крестьяне, 83,3% — члены и кандидаты ВКП (б)⁴.

Однако данные, касающиеся образовательного уровня народных судей в РСФСР, замалчивались, так как в основной своей массе эти люди не имели не только юридического, но и образования вообще.

Поэтому тезис коммунистической партии «О дальнейшем укреплении социалистической законности» с людьми, большинство которых не имели понятия о законах, был явно невыполнимым. Это подтверждает и тезис Наркома юстиции РСФСР Д. Курского, высказанный им в речи на IV Всероссийском съезде деятелей советской юстиции в 1922 г. В частности, он заявил: «Если мы будем говорить только о революционной законности, а законов не будет, то это будет весьма эффектное слово, но не больше. Необходимо иметь твердую и в достаточной степени разработанную систему

¹ Смыкалин А. Судебная реформа 1922 г. // Российская юстиция. 2002. № 4.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

норм, чтобы не только говорить о революционной законности, но и проводить ее в жизнь».

К кандидату на пост народного судьи предъявлялись следующие требования. Им мог стать неопороченный по суду гражданин РСФСР, независимо от пола, расы и национальной принадлежности, который отвечал бы следующим условиям: обладал активным и пассивным избирательным правом; имел двухлетний опыт ответственной политической работы в рабоче-крестьянских, общественных, профессиональных или партийных организациях или трехлетний стаж практической работы в органах советской юстиции на должности не ниже народного следователя.

Народные судьи избирались губисполкомами на один год и могли быть переизбраны вновь. Отзыв народного судьи производился по мотивированному предложению Наркоматом юстиции. Примерно такие же требования были установлены и к кандидатам в народные заседатели. Особое внимание здесь обращалось на социально-классовый состав. 50% народных заседателей должны были быть представлены рабочими, 35% — сельским населением и 15% — военнослужащими. Каждый народный заседатель мог участвовать в судебных заседаниях не более шести дней в году. Ранее существовавшая жеребьевка для определения очередности привлечения народных заседателей в суд была отменена. После принятия Положения о судостроительстве РСФСР народные заседатели привлекались по списку, составленному для каждого участка народного суда в алфавитном порядке¹.

Через народные суды проходило до 90% всех разрешаемых дел. В условиях новой экономической политики изменилось соотношение уголовных и гражданских дел. Особенно выросло количество последних. К 1 октября 1923 г. поступление уголовных дел снизилось до 67%, а гражданских — увеличилось до 33%. Что касается уголовных дел, то появилась новая категория «злоупотребление нэпом». Так, в период с 15 по 18 декабря 1921 г. особая сессия народного суда, состоявшая при Совете народных судей г. Москвы, рассматривала дела по обвинению 35 частных предпринимателей, которые обвинялись в нарушении Кодекса законов о труде (1918 г.), эксплуатации подростков и женщин, удлинении рабочего дня и в других нарушениях советских законов. Эти дела были возбуждены по инициативе отдела охраны труда профсоюзов. Особая сессия народного суда признала предъявленные обвинения большинству из обвиняемых доказанными и приговорила их к принудительным работам и штрафам.

¹ Смыкалин А. Судебная реформа 1922 г. // Российская юстиция. 2002. № 4.

Особенностью уголовной политики того времени являлась мягкость наказаний. Так, лишение свободы, как правило, назначалось на короткие сроки. В 1922 г. осуждено на срок до одного года 22,9%, в первом полугодии 1923 г. — 21% подсудимых¹.

22.4. Специальные сессии суда

Положение о судеустройстве РСФСР предусматривало создание специфических органов, которые воплощали в себе функции судебных и административных органов. На мой взгляд, их можно назвать органами специальной юрисдикции. К ним относились трудовые сессии народных судов, земельные комиссии, арбитражные комиссии.

Трудовые сессии состояли из одного постоянного народного судьи и двух членов суда: одного по избранию от местного губернского профсоюзного совета, другого — от губернского отдела труда. Однако имелась и особенность: являясь судами первой инстанции, они тем не менее состояли при губернских судах и приговоры трудовых сессий могли быть обжалованы в обычном порядке в губернский суд.

Земельные комиссии были образованы 24 мая 1922 г. постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке рассмотрения земельных споров». Они подразделялись на волостные, уездные и губернские. Все члены земельных комиссий при разрешении ими дел пользовались правами народного судьи. Высший контроль по спорным земельным делам и рассмотрение кассационных жалоб на решения губернских земельных комиссий возлагались на Народный комиссариат земледелия совместно с Наркомюстом и Особой коллегией высшего контроля по земельным спорам.

В конце 1920-х годов все дела, разрешаемые в земельных комиссиях, были переданы в систему общих судов, а постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 10 октября 1930 г. эти комиссии упразднены.

Переход в условиях нэпа к рыночной экономике, оживление товарооборота, включение банков в финансово-административную жизнь страны породили еще один орган специальной юрисдикции — арбитражные комиссии, которые стали прообразом будущих арбитражных судов. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 21 сентября 1922 г. было утверждено Положение о порядке разрешения имущественных споров между государственными учреждениями и

¹ См.: *Еженедельник советской юстиции*. 1922. № 1, 6.

предприятиями. Устанавливалось, что имущественные споры между государственными учреждениями и предприятиями разрешаются арбитражными комиссиями: в центре — при Совете Труда и Оборона (СТО), а на местах — при областных экономических совещаниях (ЭКОСО).

Высшая арбитражная комиссия про Совете Труда и Оборона образовывалась в составе председателя, назначаемого СТО по представлению Наркомюста, и двух членов, непосредственно назначаемых СТО. Соответственно арбитражные комиссии при областных экономических совещаниях образовывались в составе председателя, назначаемого СТО по представлению Наркомюста, и двух членов, назначаемых ЭКОСО.

Как и другие органы специальной юрисдикции, арбитражные комиссии тоже не стали долговечными. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 3 января 1931 г. «Об упразднении арбитражных комиссий» они были ликвидированы, а в мае 1931 г. учрежден специальный административный орган — Государственный арбитраж.

22.5. Губернские суды

Важную роль в трехзвенной системе судебных органов, созданной в 1922 г., играл губернский суд. Он действовал в качестве суда первой инстанции по наиболее важным уголовным и гражданским делам, кассационной инстанции для дел, решенных народными судами, а также органа судебного управления в отношении народных судов губернии. Губернский суд состоял из председателя, двух его заместителей, постоянных членов и народных заседателей, привлекавшихся к участию в судебных заседаниях по первой инстанции. В составе губернского суда имелись уголовный и гражданский отделы, возглавляемые заместителями председателя суда. Как орган судебного управления губернский суд имел пленум, а с 1924 г. и президиум, а также дисциплинарную коллегия для рассмотрения дел о служебных проступках судебных работников.

В 1924—1925 гг. в РСФСР проводилось новое административно-территориальное деление на основе экономического районирования и с учетом национальных особенностей. Вместо деления на губернии, уезды, волость вводилось новое: край (область), округ, район. В 1924 г. образован Уральский областной суд, в 1925 г. — Сибирский и Северо-Кавказский краевые суды.

На Урале вместо четырех губерний была образована одна область, делившаяся на 15 округов; в Сибири вместо пяти губерний — один край, делившийся на 19 округов и 2 автономные области; на Се-

верном Кавказе также один край, делившийся на 14 округов и 6 автономных республик и автономных областей. Такое же краевое образование имелось и на Дальнем Востоке. Возник вопрос: как в этих областях и краях строить судебные органы?

Наркомюст внес предложение в Совнарком, а последний в законодательные органы РСФСР — не создавать окружные суды, ограничившись следующей структурой: народный суд, краевой или областной суд и Верховный Суд.

Ко времени проведения Судебной реформы 1922 г. в системе трибуналов существовал в качестве высшего органа судебного надзора, суда первой инстанции и кассационного суда Верховный трибунал при ВЦИК, имевший отделения в республиках. Одновременно с ним в системе Наркомюста функционировал также Высший судебный контроль, осуществлявший функции надзора в отношении всех без исключения судов республики.

Верховный Суд РСФСР был создан постановлением ВЦИК от 18 января 1923 г. и действовал в составе Президиума, Пленарного заседания, кассационных коллегий по уголовным и гражданским делам, военной и военно-транспортной коллегий, дисциплинарной коллегии. Председатель Верховного Суда, его заместитель, председатели кассационных коллегий, председатели судебных коллегий по гражданским и уголовным делам и председатели военной и военно-транспортной коллегий составляли Президиум Верховного Суда, который являлся и органом судебного управления.

Первым Председателем Верховного Суда РСФСР был назначен Петр Иванович Стучка.

22.6. Создание советской прокуратуры

Важной частью Судебной реформы 1922 г. было возрождение разрушенных в октябре 1917 г. институтов прокуратуры и адвокатуры. Положение об адвокатуре принято ВЦИК 26 мая 1922 г., Положение о прокуратуре — 28 мая 1922 г.

Необходимость создания прокуратуры не вызывала споров среди юристов страны, спорным был вопрос о том, какими функциями ее наделить.

Весной 1922 г. Наркомюст вошел в правительство с проектом об учреждении прокуратуры как органа, который должен наблюдать за деятельностью следственных органов и поддерживать обвинение в суде, а также осуществлять надзор за законностью вообще. Предложенный вариант вызвал ожесточенные споры во ВЦИК. Во-первых, ряд деятелей коммунистической партии относились к понятию «за-

конность» как к чему-то временному, неизбежному придалку допущенных советской властью в период нэпа капиталистических отношений и противопоставляли ей революционную целесообразность. Прокуратура, по их мнению, являлась временным образованием. Во-вторых, споры возникли о ее подчиненности. Прокурор, утверждали противники создания прокуратуры в виде независимого органа, не должен стоять вне системы местных советских органов. В-третьих, возложение на прокуратуру надзора за законностью действий всех органов власти, по мнению некоторых противников проекта, должно было привести к дублированию уже существовавшей Рабоче-крестьянской инспекции и поэтому следовало общий надзор исключить из функций прокуратуры, ограничив ее только судебной работой, как это было в дореволюционной России.

Огромное влияние на создание прокуратуры оказала известная статья В. Ленина, написанная 20 мая 1922 г., «О «двойном» подчинении и законности». В ней он обосновал принцип единства социалистической законности. Указал на ошибочность требования, вытекающего из желания «сохранить законность калужскую, в отличие от законности казанской», требовал, чтобы понимание законности было одинаковым по всей Республике. Вторая важная часть ленинского тезиса заключалась в строгом подчинении прокуроров только по вертикали, для того чтобы местные советские и партийные органы не могли оказывать на них давления. Именно эти принципиальные моменты и легли в основу Положения о прокурорском надзоре 1922 г.

Созданная прокуратура, однако, не стала самостоятельным, обособленным органом. Центральная прокуратура РСФСР входила в качестве IV отдела в состав Наркомюста РСФСР. Работой прокуратуры руководил заместитель Народного комиссара, старший помощник прокурора Республики. Нарком одновременно являлся и прокурором Республики.

22.7. Становление советской адвокатуры

Уничтожив институт частных поверенных и присяжных поверенных, советская власть лихорадочно искала ему замену. Уже в первых декретах о суде стоял вопрос об обеспечении интересов обвиняемого и потерпевшего в суде.

Согласно Закону от 26 мая 1922 г. коллегии защитников создавались в губерниях. Их состав утверждался губисполкомом по представлению отдела юстиции. Закон не разрешал совмещение должности члена коллегии с занятием иной должности в государственном учреждении или предприятии (кроме выборных и про-

фессорско-преподавательских должностей в вузах). Коллегия защитников управлялась президиумом, избираемым общим собранием ее членов.

Сфера деятельности членов коллегии несколько отличалась от сферы деятельности их дореволюционных предшественников. Она не ограничивалась судебными рамками. На VI съезде работников прокурорских, судебных и следственных органов в 1929 г. отмечалось, что «основная работа коллегии выражается в консультациях и пропаганде права».

Следует отметить, что вопрос о целесообразности создания и существования адвокатуры дебатировался довольно долго. Многие полагали, что советский суд достаточен для обеспечения интересов участников процесса. В стране к началу 1930-х годов начала формироваться административно-командная система, и будущий карательный аппарат государства не был заинтересован в развитии адвокатуры, хотя справедливости ради надо отметить, что в самом Наркомюсте РСФСР эти веяния не приветствовались.

Выступая с докладом на IV Всероссийском съезде деятелей советской юстиции в 1922 г., Нарком юстиции РСФСР Д. Курский отмечал: «Мы отлично понимаем, что решающий фактор, который сейчас выдвигает на передовые позиции советскую юстицию, — это наша новая экономическая политика».

Судебная реформа 1922 г. явилась, безусловно, позитивным событием в истории страны. Жизненность варианта трехзвенной системы судебных органов подтверждена многолетней практикой деятельности судов, а некоторые идеи и принципы тогдашней Судебной реформы сохраняют актуальность и в наши дни.

Развитие советского права в 1920—1930-е годы

23.1. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г.

Уголовный кодекс состоял из введения и двух частей: Общей и Особенной. Каждая часть делилась на главы. Задачей Уголовного кодекса являлась правовая защита государства трудящихся от преступления и от общественно опасных элементов путем применения наказаний к нарушителям революционного порядка. УК РСФСР 1922 г. признавал **преступлением всякое опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени**. Советское государство открыто заявляло классовый характер уголовной политики, направленной на охрану интересов государства и трудящихся.

Целью наказания УК признавал: предупреждение новых нарушений со стороны как преступника, так и других неустойчивых членов общества; приспособление нарушителя к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия; лишение преступника возможности совершения дальнейших преступлений. Обязательным условием применения наказания являлось наличие вины преступника в форме умысла или неосторожности.

УК предусматривал гибкую систему наказаний, начиная от высшей меры (за наиболее опасные преступления) и до общественного порицания. Меры наказания устанавливались в зависимости от характера и опасности преступления. Судебным органам предоставлялось право определять меры наказания в пределах статьи кодекса с учетом объективных обстоятельств дела и личности преступника.

В Особенной части УК РСФСР на первом месте стояли наиболее опасные государственные преступления — контрреволюционные, а также против порядка управления. Затем следовали главы о должностных преступлениях, о нарушении правил отделения церкви от государства, о преступлениях хозяйственных, против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности, об имущественных и воинских преступлениях.

Статьи Уголовного кодекса карали за расточительное отношение арендатора к полученному им по договору государственному имуществу, злонамеренное использование договора с государственной организацией и другие недобросовестные действия по отношению к государству. Ряд статей УК устанавливал санкции за нарушение нанимателем законов о труде. Кодекс предусматривал суровое наказание также за нарушение законов о государственных монополиях, за искусственное повышение цен путем сговора торговцев и злостный невыпуск товаров на рынок; фальсификацию с корыстной целью свойств предметов сбыта и общественного потребления; непредставление сведений о ходе работы и производительности предприятия в целях сокрытия от государственного контроля своих доходов и др. За эти преступления устанавливались длительные сроки лишения свободы.

В уголовном законодательстве особенно важным в тот период было издание в конце октября 1924 г. **«Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик»**, **Положения о государственных преступлениях** и **Положения о воинских преступлениях**. «Основные начала» и Положения имели своей целью установление единства уголовно-правовой политики и единой законности на всей территории СССР.

«Основные начала» определяли задачи уголовного законодательства, пределы его действия в связи с образованием СССР, виды, цели и условия применения наказания, порядок условно-досрочного освобождения.

Положение о воинских преступлениях определяло понятие и конкретные составы этих преступлений и было включено в качестве специальной главы в уголовные кодексы всех союзных республик.

В конце 20-х годов (1926—1928 гг.) в СССР были изданы в новых редакциях уголовные кодексы союзных республик, а также разработаны и утверждены общесоюзные **Положения о государственных и воинских преступлениях**.

Новый Уголовный кодекс был принят в 1926 г. и введен в действие 1 января 1927 г. Создание уголовных кодексов союзных республик в новой редакции обуславливалось прежде всего необходимостью привести кодексы в соответствие с основными началами уголовного законодательства Союза СССР и союзных республик 1924 г. Далее, в 1923—1926 гг. был издан ряд законов, которые должны были отразиться в кодексах, и, кроме того, потребовалось ввести ряд уточнений как в общие положения кодексов, так и в отдельные составы преступлений, а также дополнить Кодекс некоторыми новыми составами. Была пересмотрена структура Кодекса.

В феврале 1927 г. было издано общесоюзное **Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления)**. В июле 1927 г. было издано новое **Положение о воинских преступлениях**.

Последующим законодательством было серьезно изменено содержание ряда положений уголовного права, создан ряд новых норм. Изменения общих положений уголовного права (Общей части кодексов) связаны главным образом с пересмотром системы и некоторых принципов наказаний и с уточнением субъектов отдельных преступлений.

В 1929 г. изданы постановления об изменении **Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик**. Постановление от 13 октября 1929 г. включило в число признаков,отягчающих преступление и влекущих усиление наказания, повторность совершения преступления, а также совершение преступлений в отношении лиц, которые находились на попечении преступника или в особо беспомощном состоянии (по возрасту, по болезни и др). В то же время предусматривалось применение судом наказания ниже низшего предела, указанного в законе. Суду было предоставлено право вовсе не применять наказание, если к моменту рассмотрения дела само преступление и обвиняемый перестали представлять серьезную опасность. Это давало возможность применять мягкие меры к правонарушителям из трудящихся, совершавшим незначительные преступления по неосознанности.

Постановление от 6 ноября 1929 г. установило вместо одного вида лишения свободы (со строгой изоляцией или без нее) два самостоятельных вида: в исправительно-трудовых лагерях отдаленных местностей на срок от 3 до 10 лет и в общих местах заключения сроком до 3 лет. Соответственно был изменен порядок применения ссылки и высылки.

В связи с переходом ряда специальных служб на военизированное положение субъектами воинских преступлений могли стать работники милиции, военизированной и пожарной охраны, особых отрядов НКПС, исправительно-трудовых лагерей и др.

Гораздо больше изменений произошло в советском уголовном законодательстве по конкретным видам преступлений.

В 1929 г. специальным законом граждане СССР, находившиеся за границей и перебежавшие в лагерь врагов рабочего класса, объявлялись вне закона и в случае их обнаружения и опознания подлежали по приговору Верховного Суда СССР расстрелу в 24 часа, их имущество конфисковывалось. Этому закону была придана обратная сила.

Суровая ответственность устанавливалась Советским государством за ряд преступлений, направленных на подрыв экономической мощи СССР, таких как подделка и сбыт в виде промысла денег, государственных ценных бумаг, нарушение правил ввоза и вывоза валютных, а также фондовых ценностей (контрабанда) и др. Эти преступления карались вплоть до высшей меры наказания. Опасными преступлениями были признаны передача за границу изобретений, сделанных советскими гражданами, и незаконное сообщение о них. Такие действия квалифицировались как шпионаж.

Существенно изменились содержание и признаки состава такого преступления, как спекуляция. Как известно, статьи о спекуляции в уголовных кодексах союзных республик 1922—1928 гг. (в УК РСФСР 1926 г. — ст. 107) карали не вообще скупку и перепродажу товаров, которая была разрешенной формой деятельности частных торговцев, а лишь такую, которая сопровождалась злостным повышением цен, сокрытием или невыпуском товаров на рынок. 22 августа 1932 г. был издан новый Закон **«О борьбе со спекуляцией»**, включенный затем в уголовные кодексы. Спекуляцией по этому закону признавалась скупка и перепродажа частными лицами в целях наживы продуктов сельского хозяйства и предметов массового потребления. Ответственность за это преступление была установлена в виде лишения свободы сроком от 5 до 10 лет.

23.2. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 г.

Исправительно-трудовой кодекс определял организацию и правовой режим содержания осужденных. В Кодексе сочетались цели наказания и воспитания, на первое место ставилось перевоспитание и возвращение преступников к труду. По закону запрещались причинение физических страданий, унижение человеческого достоинства. В исправительно-трудовых учреждениях предусматривалось создание различных производств, обязательными являлись общественно полезный труд и культурно-воспитательная работа. Места заключений устанавливались нескольких видов с разным режимом, в зависимости от тяжести и опасности совершенных преступлений и с учетом социального положения заключенных: для менее опасных преступников из трудящихся режим был менее строгий, чем для особо опасных и классово враждебных преступников.

23.3. Процессуальное право

В Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1923 г. были сформулированы важнейшие принципы советского правосудия: устность судопроизводства, ведение дел на национальном языке, гласность и публичность заседаний (исключения допускались только для дел, содержащих государственную тайну или касающуюся интимных сторон жизни граждан). Закреплялся принцип обязательного участия защиты по делам, по которым выступает прокурор, а также по делам глухонемых, слепых и т.д. Определяя виды и характер доказательств, УПК не ограничивал суд формальными доказательствами, обязывал его исследовать все обстоятельства дела, выяснять объективную истину.

В УПК определялись формы и порядок следствия, содержались специальные гарантии прав обвиняемого. В частности, следователь обязан выяснять и исследовать не только уличающие обвиняемого материалы, но и оправдывающие его. Обвиняемому гарантировалось обжалование действий следственных органов. В Кодексе устанавливались такие важные принципы судопроизводства, как оценка доказательств судьями по своему внутреннему убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела; тайна совещательной комнаты; отмена апелляции и кассационный порядок обжалования приговоров и др. Кодекс подробно регламентировал порядок проведения следствия и судопроизводства во всех инстанциях.

23.4. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР

Данный документ закреплял принципы устности, гласности, публичности производства, ведение дел на национальном языке данной местности. Суд при рассмотрении дела не ограничен доказательствами, представленными сторонами, а обязан выяснить все обстоятельства дела и действительные взаимоотношения сторон. Как и в Уголовно-процессуальном кодексе, в ГПК были закреплены гарантии прав граждан, законно пользовавшихся ими. Это находило свое выражение, в частности, в привлечении специальных представителей (адвокатов) сторонами, в обязанности прокурора вступить в любую стадию процесса, если этого требует охрана интересов государства и трудящихся, и др.

Проведение кодификации законодательства в РСФСР послужило началом и основой широких кодификационных работ во всех советских республиках. Некоторые республики использовали кодексы

РСФСР как основу для разработки самостоятельных кодексов либо основные их положения с учетом специфических национальных особенностей. На Украине, например, был разработан и принят в 1922 г. единственный в СССР Кодекс о просвещении. Другие республики распространяли на своей территории кодексы РСФСР, но с изменением ряда их положений в соответствии с национальными особенностями.

Кодификация законодательства имела большое значение для развития советского права. Она не являлась простой систематизацией ранее изданных законов. При составлении кодексов вырабатывались новые конкретные нормы для каждой отрасли советского права.

Основные положения кодексов 1922—1923 гг. действовали в течение нескольких десятилетий.

23.5. Развитие судебной системы в 1920—1930-е годы

31 декабря 1924 г. II Съездом Советом СССР была одобрена первая Конституция СССР. В ней в седьмой главе впервые были заложены конституционные основы деятельности Верховного Суда СССР.

В целях утверждения революционной законности на территории Союза Советских Социалистических Республик, говорилось в Конституции СССР, при Центральном Исполнительном Комитете Союза Советских Социалистических Республик учреждается Верховный Суд, к компетенции которого относятся:

а) дача верховным судам союзных республик руководящих разъяснений по вопросам общесоюзного законодательства;

б) рассмотрение и опротестование перед Центральным Исполнительным Комитетом Союза Советских Социалистических Республик по представлению прокурора Верховного Суда Союза Советских Социалистических Республик постановлений, решений и приговоров верховных судов союзных республик, по соображениям противоречия таковых общесоюзному законодательству, или посколькy ими затрагиваются интересы других республик;

в) дача заключений по требованию Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик о законности тех или иных постановлений союзных республик с точки зрения Конституции;

г) разрешение судебных споров между союзными республиками;

д) рассмотрение дел по обвинению высших должностных лиц Союза в преступлениях по должности.

В Конституции четко определена структура Верховного Суда СССР. В ней отмечалось, что Верховный Суд СССР действует в составе:

- а) пленарного заседания Верховного Суда Союза Советских Социалистических Республик;
- б) гражданско-судебной и уголовно-судебной коллегий Верховного Суда Союза Советских Социалистических Республик;
- в) военной и военно-транспортной коллегий.

Верховный Суд СССР в составе его пленарного заседания образовывался из 11 членов, в том числе председателя и его заместителя, четырех председателей пленарных заседаний верховных судов союзных республик и одного представителя Объединенного Государственного Политического Управления СССР, причем председатель и его заместитель и остальные пять членов назначались Президиумом ЦИК СССР.

В Конституции 1924 г. был определен также правовой статус такого правоохранительного института, как прокурор Верховного Суда СССР. По Конституции прокурор и его заместитель назначались Президиумом ЦИК СССР. На обязанности прокурора Верховного Суда СССР лежала дача заключений по всем вопросам, подлежащим разрешению Верховного Суда СССР, поддержание обвинения в заседании его и, в случае несогласия с решениями пленарного заседания Верховного Суда СССР, опротестование их в Президиум ЦИКа СССР.

Право направления вопросов на рассмотрение пленарного заседания Верховного Суда СССР может иметь место исключительно по инициативе ЦИК СССР, его Президиума, прокурора Верховного Суда СССР, прокуроров союзных республик и ОГПУ СССР.

Пленарные заседания Верховного Суда Союза образовывали специальные судебные присутствия (составы) для рассмотрения:

- а) уголовных и гражданских дел исключительной важности, затрагивающих по своему содержанию две или несколько союзных республик,
- б) дел персональной подсудности членов Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров СССР. Принятие Верховным Судом СССР к своему производству этих дел могло иметь место исключительно по особым на каждый раз постановлениям ЦИК СССР или его Президиума.

Вторая сессия ЦИК СССР в октябре 1924 г. одобрила **Основы судостроительства и судопроизводства Союза ССР и союзных республик**. Основы сохраняли единство судебной системы, закрепляли создание Верховного Суда СССР, образованного в 1923 г.

В соответствии с проведенным в начале 1930-х годов районированием были созданы в районах **народные суды**, в округах — **окружные**, в областях и краях — **областные и краевые**, в автономных республиках — **главные суды**. При ликвидации округов функции окружных судов и прокуратур были переданы народным судам и районным прокуратурам.

В связи с укреплением территориальных судебно-прокурорских органов ликвидировались некоторые специальные суды: железнодорожные трибуналы, особые сессии судов по трудовым делам и земельные комиссии. Функции этих органов передавались общим судебным органам. В национальных округах и районах, где раньше судебными функциями обладали органы управления, в этот период были созданы окружные суды и прокуратуры.

По Конституции СССР 1936 г. правосудие в СССР осуществлялось Верховным Судом СССР, верховными судами союзных республик и автономных областей, окружными судами, специальными судами СССР, создаваемыми по постановлению Верховного Совета СССР, народными судами. Народные суды избирались гражданами района на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании сроком на 3 года. Все остальные звенья судебной системы избирались соответствующими Советами депутатов трудящихся сроком на 5 лет. Конституция закрепляла весьма важные принципы организации и деятельности судебных органов: рассмотрение дел во всех судах с участием народных заседателей (кроме случаев, специально предусмотренных законом), открытое разбирательство дел (поскольку законом не предусмотрены исключения), обеспечение обвиняемому права на защиту, ведение судопроизводства на языке союзной или автономной республики или автономной области с обеспечением для лиц, не владеющих этим языком, полного ознакомления с материалами дела через переводчика, а также права выступать на суде на родном языке.

Конституция провозглашала принцип независимости судей и подчинения их только закону.

Для контроля за деятельностью судов и улучшения качества их работы в июле 1936 г. создается общесоюзный орган судебного управления — **Народный комиссариат юстиции СССР**. Он должен был осуществлять наблюдение за применением судами уголовного, гражданского и процессуального кодексов, обобщать судебную практику и в случае необходимости разрабатывать изменения и дополнения к законам. НКЮ СССР давал судам общие указания, занимался всеми организационно-хозяйственными вопросами судебных органов, а также осуществлял общее руководство нотариатом и

надзор за его работой. НКЮ осуществлял общее руководство и надзор за деятельностью коллегии защитников (адвокатуры) и организовывал юридическую помощь населению. На НКЮ СССР возлагалось проведение работы по кодификации законодательства СССР, дача юридических консультаций и заключений для СНК СССР. Ему было поручено также ведение судебной статистики и руководство изданием юридической литературы.

Вторая сессия Верховного Совета СССР в августе 1938 г. приняла Закон **«О судеустройстве СССР, союзных и автономных республик»**, в котором нашли свое развитие и конкретизацию принципы организации и деятельности советского суда, зафиксированные в Конституции.

Статья 2 Закона о судеустройстве устанавливала, что: «Правосудие в СССР имеет своей задачей защиту от всяких посягательств:

а) установленного Конституцией СССР и конституциями союзных и автономных республик общественного и государственного устройства СССР, социалистической системы хозяйства и социалистической собственности;

б) политических, трудовых, жилищных и других личных и имущественных прав и интересов граждан СССР, гарантированных Конституцией СССР и конституциями союзных и автономных республик;

в) прав и охраняемых законом интересов государственных учреждений, предприятий, колхозов, кооперативных и иных общественных организаций».

Согласно статье 5 Закона правосудие в СССР осуществляется на началах единого и равного для всех граждан суда, независимо от социального, имущественного и служебного положения граждан, их национальной и расовой принадлежности.

В Законе нашли отражение принципы выборности судей, вовлечения широких масс трудящихся в отправление правосудия, рассмотрения дел в судах с участием народных заседателей.

Система судов была построена применительно к существовавшему политико-административному делению страны: народный суд (в районах), который рассматривал большую часть уголовных и гражданских дел, областной, краевой, окружной суд, суд автономной области и Верховный суд автономной республики. Последние избирались соответствующими Советами сроком на 5 лет. Они рассматривали уголовные и гражданские дела, отнесенные законом к их ведению, а также кассационные жалобы и протесты на приговоры и решения народных судов.

Верховный Суд союзной республики являлся ее высшим судебным органом и избирался Верховным Советом республики сроком

на 5 лет. Он рассматривал особо важные уголовные и гражданские дела, имел право принять к своему производству любое дело, отнесенное к компетенции любого суда на территории данной республики, рассматривал кассационные жалобы и протесты на приговоры и решения областных и соответствующих им судов. Верховный Суд мог пересматривать уголовные и гражданские дела в порядке надзора.

Все перечисленные выше суды входили в судебную систему, которая действовала на территории союзной республики. Общесоюзными судами являлись Военный Суд СССР и подчиненные ему специальные суды.

Верховный Суд СССР по Закону о судоустройстве являлся высшим судебным органом Советского государства и избирался Верховным Советом СССР сроком на 5 лет. На него возлагался надзор за судебной деятельностью всех судебных органов СССР и союзных республик. Он имел право отменять приговор или решение любого суда и давать руководящие разъяснения по вопросам судебной практики.

Специальными судами в рассматриваемый период являлись военные трибуналы, линейные суды железнодорожного и водного транспорта. Эти специальные суды действовали на основе тех же принципов, что и все другие суды СССР.

Вторая сессия Верховного Совета СССР избрала Верховный Суд СССР, и в течение 1938—1939 гг. была перестроена вся судебная система на территории СССР.

В Литовской, Латвийской, Эстонской, Молдавской ССР в соответствии с конституциями этих республик была установлена следующая судебная система: народный суд, уездный суд, Верховный Суд республики.

В соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 5 ноября 1934 г. создается внесудебный репрессивный орган — **Особое совещание при НКВД СССР**, отправлявшее «правосудие» по упрощенной процедуре. В принятом 1 декабря 1934 г. (в день убийства секретаря Ленинградской парторганизации С.М. Кирова) постановлении ЦИК СССР устанавливался следующий порядок ведения дел о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти.

1. Следствие по этим делам заканчивать в срок не более десяти дней.
2. Обвинительное заключение вручить обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела в суде.
3. Дела слушать без участия сторон.
4. Кассационного обжалования приговоров, как и подачи ходатайств о помиловании, не допускать.

5. Приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно по вынесении приговора.

В 1930—1934 гг. были созданы железнодорожные линейные и воднотранспортные суды и соответственно органы прокуратуры.

Кассационной инстанцией для народных судов являлись областные (краевые) суды. В то же время в 1934 г. была расширена подсудность областных судов как судов первой инстанции. В связи с ликвидацией судебной коллегии ОГПУ и передачей ее дел общим судам в областных (краевых) судах были созданы специальные коллегии (из трех постоянных судей) для рассмотрения таких дел.

23.6. Уголовное право и уголовный процесс в период репрессий

В 1930-е годы ужесточается хозяйственное, уголовное законодательство. Так, закон от 7 августа 1932 г. «Об охране социалистической собственности» вводил в качестве меры судебной репрессии за хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества расстрел с конфискацией имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не менее 10 лет с конфискацией имущества, амнистия по делам этого рода запрещалась. Указом от 26 июля 1940 г. самовольный уход с предприятия карался тюремным заключением на срок от 2 до 4 месяцев, прогул без уважительной причины — осуждением к исправительно-трудовым работам по месту работы на срок до 6 месяцев с удержанием до 25% зарплаты и др.

В 1933 г. издается Закон об ответственности служащих государственных учреждений и предприятий за вредительские акты.

Законом от 8 июня 1934 г. установлена ответственность за измену Родине. Действия, совершенные гражданами СССР в ущерб военной мощи, государственной независимости или территориальной неприкосновенности СССР (шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу), квалифицировались как измена Родине.

Измена Родине каралась высшей мерой наказания с конфискацией имущества и лишь при смягчающих обстоятельствах — лишением свободы на 10 лет с конфискацией имущества (для военнослужащих — только высшей мерой наказания). Ответственности подвергались также совершеннолетние члены семьи военнослужащего, если они способствовали совершению преступления или знали о нем, но не довели до сведения властей, а также другие совершеннолетние члены семьи, даже если они не знали о готовящемся преступлении.

Строгая уголовная ответственность была установлена за умышленный убий скота и лошадей, за умышленную поломку и порчу тракторов и сельскохозяйственных машин, совершавшиеся, как правило, кулацкими элементами.

Среди других изменений в советском уголовном праве следует указать на установление ответственности за выпуск недоброкачественной, некомплектной и нестандартной продукции; за обворовывание потребителя и обман Советского государства в виде обмеривания, обвешивания и нарушения розничных цен в торговле; за нарушения должностными лицами правил отчетности; за некоторые воинские преступления, а также за преступления против личности. Среди последних необходимо назвать установление уголовной ответственности за посягательства на ударников и активистов со стороны классово враждебных элементов, усиление ответственности за акты террора со стороны кулаков против крестьян, за некоторые виды убийства, за хранение и сбыт взрывчатых веществ и огнестрельного оружия (кроме охотничьего) и др.

В процессуальной области 1 декабря 1934 г. издается постановление «**О порядке ведения дел в подготовке и совершении террористических актов**», которое ввело исключительный порядок судопроизводства по этим делам, чрезвычайно короткие сроки расследования, невозможность обжалования приговоров и даже неприменение помилования.

В 1930-е годы были изданы систематические собрания действующих законов СССР и ряда союзных республик (РСФСР, УССР, ЗСФСР). Систематизированными актами являлись изданные в эти годы различные Положения, уставы и др. Однако идея об общем Своде действующих законов осуществлена не была.

Судебные органы СССР в период Великой Отечественной войны

24.1. Советское право в период Великой Отечественной войны

Великая Отечественная война не упразднила существовавшую судебную систему, не внесла коренных изменений в правовые основы их организации и деятельности. Продолжали свою работу народные, областные, верховные суды и соответствующие органы прокуратуры. Действовали установленные законом принципы судопроизводства: защита по уголовным делам, гласность, устность, ведение дела на национальном языке; сохранялся порядок пересмотра приговоров и др.

Наиболее серьезные изменения, которые внесла война в судебную систему, заключались в расширении сферы деятельности военно-судебных органов. Организация и деятельность военных трибуналов были определены Указами Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. **«О военном положении», «Об утверждении Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении в районах военных действий».**

Военные трибуналы создавались при военных округах, фронтах и морских флотах, при армиях, корпусах и иных воинских соединениях (гарнизонах, дивизиях, отдельных бригадах) и военизированных учреждениях, а также на железных дорогах, морских и речных бассейнах Главсевморпути и др. Соответственно в годы войны были созданы и военные прокуратуры.

В качестве надзорной инстанции над трибуналами действовали военная коллегия, а также военно-железнодорожная и военная воднотранспортная коллегии Верховного Суда СССР. Право надзора над нижестоящими военными трибуналами было предоставлено военным трибуналам округов и фронтов. Высшими надзорными функциями обладал Пленум Верховного Суда СССР.

Организационное руководство всей системой трибуналов осуществлялось Наркоматом юстиции СССР.

В местностях, объявленных на военном положении, продолжали функционировать и территориальные суды и прокуратуры, хотя объем их деятельности в связи с расширением компетенции органов военной юстиции сократился. В городах и районах, объявленных на осадном положении, территориальные судебно-прокурорские органы преобразовывались в военные. Управление этими трибуналами также находилось в ведении Наркомата юстиции СССР. Для руководства системой трибуналов в Наркомате юстиции были созданы главные управления. Иначе говоря, все военные трибуналы входили в общую систему юстиции, а не находились в ведении военных властей, как это принято в ряде стран.

Никаких особых норм права для трибуналов не существовало. Они пользовались общими для всех судов нормами, применяли те санкции, которые предусмотрены законами. В годы войны Советское государство издало ряд законов, предусматривавших новые составы преступлений, но их применяли все судебные органы, а не только трибуналы.

В период войны остались прежними институты как общей, так и многие разделы особенной части уголовного права.

Наиболее значительные изменения произошли в разделах о контрреволюционных преступлениях, об особо опасных преступлениях против порядка управления, против социалистической собственности и др.

6 июля 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР была установлена ответственность за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу населения в виде тюремного заключения от 2 до 5 лет, если эти действия по своему характеру не влекли более тяжкого наказания. Слухи антисоветского содержания квалифицировались согласно указанию Пленума Верховного Суда СССР как контрреволюционная агитация.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. для фашистских преступников и их пособников — предателей родины — была введена смертная казнь через повешение. В 1943 г. были проведены первые процессы с применением этого Указа.

В годы войны была установлена уголовная ответственность за уклонение от трудовых и иных повинностей, усилена ответственность за спекуляцию и т.д.

В военное время повысилась ответственность за разглашение государственной тайны. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 ноября 1943 г. «**Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну**» установил суровую ответственность за это преступление

должностных лиц в виде лишения свободы до 10 лет, а частных лиц — до 3 лет.

Чрезвычайные условия Великой Отечественной войны поставили новые задачи перед судебными органами. Они сводились к следующему: вести активную борьбу с дезорганизаторами фронта и тыла, принимать решительные меры против нарушителей государственной дисциплины, против халатности и расточительства. В этих условиях особая роль отводилась военным трибуналам¹.

Главным законодательным актом, определившим порядок работы судов в военное время, был Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении», который устанавливал, что в местностях, объявленных на военном положении, все функции органов государственной власти в области обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности принадлежат военным советам фронтов, армий, военных округов. За неподчинение распоряжениям и приказам военных властей, а также за преступления, совершенные в местностях, объявленных на военном положении, виновные подлежали уголовной ответственности по законам военного времени.

Условия военного времени вызвали появление ряда новых нормативных актов. Были приняты Указы Президиума Верховного Совета СССР: от 26 июня 1941 г. — об обязательных сверхурочных работах, от 13 февраля 1942 г. — о мобилизации трудоспособного населения для работы на производстве и строительстве, от 15 февраля 1942 г. — об ответственности за невыполнение колхозниками повышенного обязательного минимума трудодней.

24.2. Расширение подсудности и укрепление системы военных трибуналов

Подсудность дел военным трибуналам в чрезвычайных условиях войны была значительно расширена. На них возлагалось рассмотрение дел о государственных преступлениях, о хищениях государственной и общественной собственности, всех дел о преступлениях, совершенных военнослужащими, дел о разбое, умышленных убийствах, насильственном освобождении из мест заключения и из-под стражи, уклонении от исполнения всеобщей воинской повинности, сопротивлении представителям власти, незаконной покупке, продаже, хранении, а также хищении оружия.

¹ Смыкалин А. Судебная система страны в годы Великой Отечественной войны // Российская юстиция. 2002. № 9.

Военные власти могли передавать на рассмотрение военных трибуналов дела о спекуляции, злом хулиганстве. 6 июля 1941 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения». Дела лиц, обвинявшихся в этом преступлении, также передавались военным трибуналам.

В годы войны была установлена уголовная ответственность за самовольный уход с рабочего места рабочих и служащих предприятий военной промышленности, а также предприятий других отраслей, обслуживающих военную промышленность; он рассматривался как дезертирство и наказывался достаточно сурово — на срок от 5 до 8 лет тюремного заключения.

В связи с расширением подсудности дел военным трибуналам их число значительно увеличилось. Они действовали не только на фронте, но и в тылу. Линейные суды железнодорожного и водного транспорта были реорганизованы в военные трибуналы соответствующих железных дорог и водных путей сообщения. Отмечая особую важность путей сообщения в ходе боевых действий, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 апреля 1943 г. потребовал введения воинской дисциплины на всех железных дорогах. Этим Указом все рабочие и служащие железнодорожного транспорта объявлялись на период войны мобилизованными на железнодорожный транспорт. Все виды ответственности они несли как военнослужащие. Дела о совершенных ими преступлениях рассматривались в военных трибуналах железных дорог по законам военного времени. Позднее — 9 мая 1943 г. — действие этого Указа было распространено на весь морской и речной транспорт.

В первый период Великой Отечественной войны отдельные территории СССР были объявлены на осадном положении, что потребовало перестройки в них судебной системы. Так, по постановлению Военного совета Западного фронта с 25 октября 1941 г. все судебные органы г. Москвы реорганизованы в военные трибуналы. На базе Московского городского суда и народных судов столицы был создан военный трибунал г. Москвы с постоянными сессиями в районах, действовавшими в составе трех постоянных членов военного трибунала. Осуществление надзорных функций за судебной деятельностью этих трибуналов возлагалось на военный трибунал Московского военного округа. Для рассмотрения гражданских дел в каждом районе г. Москвы сохранялся один участок народного суда, действовавший на прежних основаниях.

Замечу, что по мере освобождения временно оккупированных территорий трибуналы вновь преобразовались в обычные суды. В самой

Москве восстановление сети народных судов произошло в августе 1942 г.¹

Итак, основу советской судебной системы в годы Великой Отечественной войны составили военные трибуналы. Их условно можно подразделить на: 1) военные трибуналы Красной (Советской) Армии; 2) военные трибуналы Военно-морского флота; 3) военные трибуналы войск НКВД; 4) военные трибуналы железнодорожного и водного транспорта; 5) военные трибуналы прифронтовых районов.

Вся система военных трибуналов возглавлялась в те годы Верховным Судом СССР. Военная коллегия Верховного Суда СССР действовала как: а) суд первой инстанции по наиболее важным уголовным делам; б) кассационная инстанция для военных трибуналов, где в качестве меры наказания выносился смертный приговор; в) надзорная инстанция по делам всех военных трибуналов, кроме военных трибуналов железнодорожных и водных путей сообщения.

24.3. Развитие судебного права в годы войны

В процессуальном порядке трибуналы от судов отличало следующее. Во-первых, трибуналы до 1943 г. действовали в составе трех постоянных членов, затем в них стали участвовать заседатели. Во-вторых, Положение о военных трибуналах предоставляло им право рассматривать дела по истечении 24 часов после вручения обвинительного заключения, в то время как общим правилом был более длительный срок. Приговоры военного трибунала кассационному обжалованию не подлежали и могли быть отменены или изменены лишь в порядке надзора.

Многие дела рассматривались трибуналами в закрытом заседании, так как были связаны с охраной военной и государственной тайны. Это правило действовало и в мирное время во всех судах. О каждом приговоре к высшей мере наказания военный трибунал должен был немедленно сообщать по телеграфу председателю военной коллегии Верховного Суда СССР и главному военному прокурору армии и флота. Военным советам и командующим округами, армиями, флотами, флотилиями предоставлялось право приостанавливать приговоры военных трибуналов к высшей мере наказания с одновременным сообщением по телеграфу своего мнения для дальнейшего направления дела председателю военной коллегии и главным военным прокурорам по принадлежности. Остальные при-

¹ Смыкалин А. Указ. соч.

говоры трибуналов вступали в законную силу с момента вынесения и немедленно приводились в исполнение.

Особенностью деятельности военных трибуналов в период Великой Отечественной войны являлась широкая подсудность. В соответствии с Указом о военном положении передаче военным трибуналам принадлежали все дела о военнослужащих, дела о наиболее опасных преступлениях, совершенных любыми лицами на территории действия военного трибунала: о государственных преступлениях, о хищениях социалистической собственности, о разбое, об умышленных убийствах, о насильственном освобождении из мест заключения и из-под стражи и др. Военные власти имели право передавать на рассмотрение военных трибуналов дела о спекуляции, злостном хулиганстве и иные дела, если командование признает это необходимым по военным обстоятельствам.

Особые условия войны потребовали значительного сужения процессуальных гарантий прав подсудимого, ускоренного порядка рассмотрения дел. Военным трибуналам было предоставлено право рассматривать дела по истечении 24 часов с момента вручения обвиняемому копии обвинительного заключения.

В первый период войны военные трибуналы в соответствии с Положением о них рассматривали дела в составе лишь трех постоянных членов. Однако Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 июля 1942 г. к участию в судебных заседаниях военных трибуналов вновь были допущены народные заседатели. Они выделялись политическими органами и командованием воинских частей¹. Общая судебная система, за исключением преобразования некоторых народных и краевых (областных) судов в военные трибуналы, осталась неизменной.

Особое место в деятельности военных трибуналов в период войны занимали дела о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и их пособников. Дело в том, что в первые три года войны более 70 миллионов человек попали под жестокий гнет немецко-фашистской оккупации. Часть из них пошла в партизаны, некоторые же стали коллаборационистами, пособниками оккупантов (Сokolov Б.В. Оккупация. М., 2002. С. 1). Более одного миллиона советских граждан работало в качестве переводчиков, старост, бургомистров, обслуживало органы государственного управления Германии на оккупированной территории.

В 1943 г. в связи с начавшимся освобождением советской земли возникла необходимость в принятии специального законодательно-

¹ *История советского государства и права.* Кн. 3 (1936—1945 гг.). М., 1985. С. 234.

го акта для наказания тех, кто в годы оккупации сотрудничал с врагом и, более того, творил злодеяния против советских граждан. 19 апреля 1943 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников». В Указе отмечалось, что к немецко-фашистским преступникам и их пособникам прежде применялась не соответствующая их злодеяниям мера наказания. Отныне немецкие, итальянские, румынские, венгерские и финские фашистские злодеи и шпионы и изменники из советских граждан будут караться смертной казнью через повешение, пособники из местного населения — ссылкой на каторжные работы на 15—20 лет¹.

Проведение настоящего Указа в жизнь было возложено на военно-полевые суды в дивизиях в составе председателя военного трибунала дивизии, начальника особого отдела и заместителя командира дивизии. Указывалось, что в исполнение приговор приводится немедленно и публично, а тела повешенных остаются на виселице в течение нескольких дней². Этот документ выходил за рамки обычного советского уголовного законодательства. И его особая жестокость объяснялась чрезвычайными условиями войны.

В годы войны большую роль в борьбе с преступностью продолжали играть народные суды. Война оказала свое влияние на состояние и динамику преступности. В первые же месяцы военных действий сократилось число поступающих в народные суды дел о хулиганстве, кражах и некоторых других преступлениях. Вместе с тем появились и некоторые другие виды преступлений, не предусмотренные УК РСФСР 1926 г.: нарушение светомаскировки, продажа эвакуированного скота, кража из квартир эвакуированных и др. В местностях, не объявленных находящимися на военном положении, в народные суды поступали главным образом дела о спекуляции, хищении социалистической собственности, растратах, самовольном уходе с предприятия, уклонении от мобилизации в армию или на трудовые работы.

Но вместе с тем необходимо отметить, что в условиях военного времени основная масса уголовных дел проходила через военные трибуналы. Основной контингент следственного аппарата в стране в довоенное время составляли мужчины, которые были призваны в

¹ Смыкалин А. Указ. соч.

² Семиряга М.И. Коллаборационизм: природа, типология и проявление в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 779.

РККА. Следственный аппарат качественно значительно ослаб. Об этом свидетельствует то, что многие дела судами возвращались на доследование. Подготовительными заседаниями верховных судов автономных республик, краевых, областных и окружных судов РСФСР в 1941 г. было возвращено прокуратуре на доследование 3,8% всех поступивших дел, в 1942 г. — 3,8, в 1943 г. — 5,5, в 1944 г. — 7,4 и в 1945 г. — 8,1%¹. Показательна статистика оправдательных приговоров, вынесенных народными судами РСФСР в годы Великой Отечественной войны. В 1941 г. народные суды вынесли оправдательные приговоры в отношении 11,6% всех привлеченных к суду лиц, в 1942 г. — 9,4; в 1943 г. — 9,5; в 1944 г. — 9,7 и в 1945 г. — 8,9% (Там же. С. 334). Эти цифры весьма красноречиво свидетельствуют о том, что вопреки расхожему мнению, имеющему место в юридической литературе, трибуналы и народные суды занимались не только исключительно и бездумно карательной деятельностью².

Верховный Суд РСФСР в годы войны не только рассматривал дела по первой и второй инстанции, но и вел другую разнообразную работу — обобщал судебную практику, вносил предложения в наркоматы юстиции СССР и РСФСР о даче указаний судам, проводил внеплановые ревизии. Члены Верховного Суда выезжали в освобожденные области для оказания помощи в восстановлении судебных органов на местах.

Верховный Суд вел систематическую работу с судьями нижестоящих судов, заботился о повышении квалификации судей.

Таким образом, общая судебная система в основном сохранялась и соответствовала Конституции СССР 1936 г. Не были изменены и основные принципы ее организации и деятельности. В условиях войны сохранялись такие принципы осуществления правосудия, как устность, непосредственность, гласность, право обвиняемого на защиту, независимость судей и подчинение их только закону.

В годы Великой Отечественной войны военные трибуналы широко применяли примечание 2 к ст. 28 УК РСФСР 1926 г., которое гласило, что «приговор, присуждающий в военное время военнослужащего к лишению свободы без поражения прав, может быть по определению суда отсрочен исполнением до окончания военных действий с тем, что осужденный направляется в действующую армию». Эта норма закона вполне оправдала себя в годы войны. 27 февраля 1942 г. она была распространена на ра-

¹ Кожевников М. В. История советского суда. 1917—1956 гг. М., 1957. С. 334.

² Смыкалин А. Указ. соч.

ботников железнодорожного и водного транспорта, осужденных к лишению свободы.

По специальным решениям Государственного комитета обороны в течение 1942—1943 гг. было произведено досрочное освобождение с передачей в ряды Красной Армии 157 000 человек из числа осужденных за незначительные преступления. Всего за три года Отечественной войны было передано на укомплектование Красной армии 975 110 человек. Многие бывшие заключенные, находясь на фронтах, проявили доблесть и героизм, за что были награждены орденами и медалями. Бывшим заключенным: Матросову, Бреусову, Отставному, Сержантову, Ефимову присвоены звания Героев Советского Союза. Подвиг А. Матросова отмечен специальным приказом Верховного Главнокомандующего.

С бывших заключенных, проявивших себя на фронте, снимались судимости и они освобождались от дальнейшего отбывания наказания.

24.4. Судебное управление в годы войны

Война потребовала внести некоторые изменения в систему судебного управления в СССР. Военные трибуналы, как и общая судебная система в республиках, имеющих краевое (областное) деление, были построены по трехзвенной схеме. Первое звено — военные трибуналы армий, корпусов и иных воинских соединений и военизированных учреждений; второе звено — военные трибуналы военных округов, фронтов, военно-морских флотов, третье звено — Верховный Суд СССР (Военная коллегия).

Функции судебного управления в отношении военных трибуналов осуществлялись непосредственно Народным комиссариатом юстиции СССР через Управление военных трибуналов.

Война внесла некоторые изменения в систему управления специальными судами. В 1944 г. структура Народного комиссариата юстиции СССР по управлению специальными судами выглядела так: 1) Главное управление военных трибуналов железнодорожного и водного транспорта; 2) Главное управление военных трибуналов Советской армии и Военно-морского флота; 3) Управление военных трибуналов войск Народного комиссариата внутренних дел СССР. Названные управления контролировали деятельность военных трибуналов путем проведения целевых проверок и ревизий, изучения и обобщения опыта их работы и судебной практики.

Управления ведали организацией и комплектованием военных трибуналов, разрабатывали приказы и инструкции, направленные

на улучшение их деятельности, вели учет и изучение кадров, ведали их подготовкой, переподготовкой и расстановкой. Вопросы комплектования кадрами военных трибуналов действующей армии были одной из важных задач Главного управления военных трибуналов Советской армии и Военно-морского флота. Управление уделяли много внимания вопросам координации деятельности военных трибуналов с органами военной прокуратуры и государственной безопасности, Военной коллегией Верховного Суда СССР.

В годы войны широко практиковались совместные разъяснения и обращения Наркомата юстиции СССР с заинтересованными ведомствами по вопросам применения судебной практики. Например, Нарком юстиции СССР, Прокурор СССР и Председатель Верховного Суда СССР 12 марта 1943 г. разъяснили, что согласно ст. 2-а Постановления ЦИК и СНК СССР от 7 июля 1934 г. «Об организации воднотранспортных судов и воднотранспортной прокуратуры» все дела, подсудные линейным судам водного транспорта, в местностях, поименованных в прилагаемом списке, передаются на рассмотрение соответствующих областных, окружных и народных судов. Рассмотрение этих дел в кассационном порядке и в порядке надзора осуществляется Военной коллегией Верховного Суда СССР. В списке были указаны отдельные районы РСФСР, Казахской, Узбекской и Туркменской ССР.

Народный комиссар обороны СССР и Народный комиссар юстиции СССР дали разъяснения о порядке снятия поражения в правах лиц, отбывших основную меру наказания и призванных в армию.

Народный комиссар юстиции СССР и Прокурор СССР в мае 1943 г. разъяснили порядок привлечения к ответственности работников железнодорожного, морского и речного транспорта и Главного управления Северного морского пути при СНК СССР за преступления по службе в связи с указами Президиума Верховного Совета СССР от 15 апреля и 9 мая 1943 г. (Кожевников М.В. История советского суда. 1917—1956 гг. М., 1957. С. 341).

Немалая по объему и значению работа выполнялась в годы войны и судами общей юрисдикции. Как уже отмечалось, в отдельных районах (Москва, Ленинград и др.) они реорганизовались в военные трибуналы. Но в местностях, не объявленных на военном положении, они рассматривали много дел, связанных с нарушениями трудовой дисциплины, уклонением от военного учета, уплаты налогов или иных повинностей военного времени. За годы войны в общем числе рассмотренных этими судами дел 63,6% составили дела по указам военного времени.

Особо важное значение в условиях войны имела борьба с хищениями и растратами, когда сберегались для нужд фронта каждый рубль, каждый пуд хлеба, каждая единица готовой продукции. Количество рассмотренных дел такого рода в 1942 г. было на 7% больше, чем в 1941 г., а в 1943 г. на 20,5% больше, чем в 1941 г. В целом по сравнению с предвоенными годами число приговоренных за указанные преступления возросло на 18,2%¹.

Значительная работа производилась общими судами по рассмотрению дел о кражах личного имущества, имевших особое распространение в период эвакуации населения.

Вместе с тем в годы войны значительно сократилась судимость за умышленное убийство, особенно в 1942 и 1943 гг. В то же время возросло число осужденных за должностные преступления.

Не прекращалось в годы войны и рассмотрение гражданских дел. Впрочем, необходимо отметить, что число гражданских дел, например исковых, резко сократилось. В 1942 г. их поступило во все суды страны меньше половины против поступивших в 1941 г., а в 1943 г. — меньше, чем в 1942 г.

Большая часть «старых» опытных судей ушла на фронт. Суды пополнялись молодыми юридическими кадрами. Естественно, что в этой ситуации неизбежны были ошибки, выявлением и устранением которых занимались суды кассационной и надзорной инстанций, в том числе и Верховный Суд РСФСР.

В годы войны, как и в предвоенные годы, возглавлял судебную систему Верховный Суд СССР, в составе которого были Судебная коллегия по уголовным делам, Судебная коллегия по гражданским делам, Военная коллегия, Военная коллегия железнодорожного транспорта, Военная коллегия водного транспорта.

Как судебные коллегии, так и Пленум Верховного Суда СССР помогали судам в устранении и предупреждении ошибок в работе. Пленум Верховного Суда СССР помимо рассмотрения надзорных протестов давал судам руководящие указания по вопросам судебной практики. Всего за годы войны было принято 90 постановлений, в которых содержались такие указания. Особенно много их дано в военные месяцы 1941 г. (25) и в 1942 г. (35). Эти постановления касались широкого круга вопросов, возникавших при рассмотрении уголовных и гражданских дел, но не разрешенных законодателем. Среди них (постановлений) весьма специфические, связанные с чрезвычайными условиями войны. Например, в семи постановлениях Пленума Верховного Суда СССР давались указания, касав-

¹ Куликов В.В. Правосудие в СССР в военные годы // Советское государство и право. 1975. № 5. С. 35.

шиеся отсрочки исполнения приговоров на время войны с направлением осужденного в действующую армию. Давались указания и по вопросам, возникающим в практике рассмотрения гражданских дел: о возвращении колхозам и совхозам скота, незаконно отчужденного у них при его эвакуации (1942 г.); о возвращении жилой площади военным и их возвратившимся из эвакуации семьям; о рассмотрении исков в связи с причинением вреда и т.д.

Судьи в период Великой Отечественной войны выполняли не только сложную государственную работу по отправлению правосудия. Немалое число работников военных трибуналов принимали непосредственное участие в боевых операциях Вооруженных сил. Многие из них не вернулись с фронта. Те же, кто работал в тылу, сумели, несмотря на трудности военного времени, обеспечить нормальную деятельность судов общей юрисдикции по разрешению уголовных и гражданских дел, доказали жизнеспособность судебной системы.

Приведем лишь один Указ о награждении. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 марта 1945 г. за успешную работу в органах советской юстиции по укреплению революционной законности и охране интересов государства в условиях Отечественной войны награждены: высшей государственной наградой — орденом Ленина — 15 человек, орденом Отечественной войны 1-й степени — 3 человека, орденом Отечественной войны 2-й степени — 10 человек, орденом Трудового Красного Знамени — 70 человек, орденом Красной Звезды — 34 человека, орденом Знак Почета — 188 человек, медалью «За трудовую доблесть» — 108 человек, медалью «За трудовое отличие» — 53 человека¹.

¹ Смыкалин А. Указ. соч.

Судебная система в СССР во второй половине 1940-х — конце 1980-х годов

25.1. Развитие советского права

В послевоенные годы прежде всего были отменены указы Президиума Верховного Совета СССР об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 июля 1945 г. **«Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией»** освобождались от наказания осужденные к лишению свободы на срок не свыше 3 лет и к более мягким мерам наказания. Лицам, осужденным к лишению свободы на срок свыше 3 лет, неотбытый срок сокращался наполовину. К осужденным за контрреволюционные преступления, хищения социалистической собственности, бандитизм, фальшивомонетничество, умышленное убийство и разбой Указ об амнистии не применялся.

По Указу снималась судимость с лиц, осужденных к лишению свободы на срок не свыше одного года и к более мягким мерам наказания. С граждан СССР снимались все невзысканные административные штрафы и административные взыскания, наложенные в военное время.

26 мая 1947 г. Президиум Верховного Совета СССР принял **указ об отмене смертной казни в мирное время**. В 1950 г. в этот указ были внесены изменения, допустившие применение смертной казни как высшей меры наказания к изменникам Родины, шпионам и подвизникам-диверсантам.

Наказание за хищение личной собственности в послевоенные годы определялось по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. **«Об усилении охраны личной собственности граждан»**, которым было значительно повышено уголовное наказание за этот вид преступления. За хищение личного имущества граждан предусматривалось лишение свободы на срок от 5 до 6 лет, а для лиц, совершивших это преступление воровской шайкой или повторно — от 6 до 10 лет, за разбой — от 10 до 20 лет. Указ устанавливал уголовную ответственность за недоносительство о достоверно известном готовящемся или совершенном разбое.

В целях усиления борьбы с хищениями социалистической собственности Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. **«Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества»** значительно увеличивались наказания за эти виды преступлений. Лица, виновные в краже, присвоении, растрате или ином хищении государственного имущества, наказывались лишением свободы на срок от 7 до 10 лет. За те же преступления, совершенные повторно, а равно совершенные организованной группой (шайкой) или в крупных размерах, сроки лишения свободы устанавливались от 10 до 25 лет. Виновные в недоносительстве о достоверно известном готовящемся или совершенном хищении государственного или общественного имущества карались лишением свободы сроком от 2 до 3 лет или ссылкой на срок от 5 до 7 лет.

Из других важных уголовно-правовых актов, изданных в послевоенный период, следует отметить Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1947 г. **«Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну»**. Этим документом значительно усиливались меры наказания за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну.

Указами Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1949 г. **«Об усилении уголовной ответственности за изнасилование»** и от 7 апреля 1948 г. **«Об уголовной ответственности за изготовление и продажу самогона»** была усилена уголовная ответственность за эти преступления.

В 1950-х годах проводилась большая работа по пересмотру действовавшего советского уголовного законодательства, отмене устаревших и изданию новых уголовно-правовых норм, соответствующих новому периоду развития общества.

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, законы **«Об уголовной ответственности за государственные преступления»** и **«Об уголовной ответственности за воинские преступления»**, принятые на второй сессии Верховного Совета СССР пятого созыва (декабрь 1958 г.) явились крупным этапом в развитии советского уголовного права.

В ст. 1 Основ определена главная задача советского уголовного законодательства — охрана советского общественного и государственного строя, социалистической собственности, личности и прав граждан и всего социалистического правопорядка от преступных посягательств.

Важное принципиальное положение содержится в ст. 3, 6, 7 Основ. Преступным признается лишь общественно опасное деяние, прямо предусмотренное законом, действовавшим в момент совершения преступления. Принцип аналогии, существовавший ранее в советском уголовном праве, отменялся. Закон, устраняющий или смягчающий наказуемость деяния, имел обратную силу. Закон, устанавливающий наказуемость деяния или усиливающий наказание, обратной силы не имел.

Основы полностью восстановили требование об уголовной ответственности только за определенную вину и принцип индивидуализации наказания в зависимости от степени вины.

Ранее действовавшие нормы, предусматривавшие в некоторых случаях применение репрессий к лицам, признанным социально опасными ввиду их прошлой деятельности или в связи с преступной средой, были отменены.

Основы установили ответственность несовершеннолетних с 16-летнего возраста (по ранее действовавшему законодательству — с 14 лет). Уголовная ответственность за совершение некоторых тяжких преступлений (убийство, умышленное уничтожение или повреждение государственного, общественного имущества или личного имущества граждан, изнасилование, кража, умышленное совершение действий, могущих вызвать крушение поезда) наступает с 14-летнего возраста.

Из перечня видов наказания Основы исключили такие меры, как объявление врагом трудящихся с изгнанием из СССР навсегда, удаление из СССР на определенный срок и поражение политических прав по суду, в том числе и избирательных прав.

Следует отметить, что как Основы, так и Законы об уголовной ответственности за государственные и воинские преступления характеризуются, *во-первых*, смягчением уголовной ответственности за преступления, не представляющие большой опасности для государства и общества, т.е. за такие нарушения закона, с которыми можно успешно бороться административными, дисциплинарными и общественными мерами, *во-вторых*, усилением уголовной ответственности за наиболее тяжкие преступления против государства, а также за преступления против жизни и здоровья граждан и усилением борьбы с опасными преступниками-рецидивистами.

Оставляя смертную казнь — расстрел — как исключительную меру наказания, Основы устанавливают, что применение расстрела допускается за определенные, указанные в законе наиболее тяжкие и опасные для Советского государства и жизни граждан преступления (измена Родине, шпионаж, диверсия, террористический акт,

бандитизм, умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах). Максимальный срок лишения свободы определен в 15 лет вместо 25 лет по действовавшему ранее законодательству.

Большие изменения Основы внесли в порядок освобождения от уголовной ответственности и наказания. Суд мог освободить от наказания лицо, совершившее преступление, вследствие изменения обстановки ко времени расследования или рассмотрения дела в суде, в результате которого совершенное виновным деяние потеряло характер общественно опасного или лицо перестало быть общественно опасным. Лицо, совершившее преступление, может быть освобождено от наказания также и в том случае, если будет признано, что в силу последующего безупречного поведения или честного отношения к труду оно ко времени рассмотрения дела в суде не может быть сочтено общественно опасным.

27 октября 1960 г. Верховным Советом РСФСР был принят новый **Уголовный кодекс РСФСР**, разработанный с учетом Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик.

25.2. Кодификация советского законодательства

Работа по кодификации общесоюзного и республиканского законодательства развернулась в конце 1950 — начале 1960-х годов. В 1958—1961 гг. было кодифицировано советское уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, а также законодательство о судостроительстве. На второй сессии Верховного Совета СССР пятого созыва (декабрь 1958 г.) были приняты **Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик**, **Закон об уголовной ответственности за воинские преступления**, **Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик**, **Основы законодательства о судостроительстве Союза ССР и союзных республик**, **Положение о военных трибуналах**.

В соответствии с общесоюзными Основами было кодифицировано и республиканское законодательство. В 1959 г. были приняты уголовные и уголовно-процессуальные кодексы Узбекской ССР и Казахской ССР, а в 1960—1961 гг. — уголовные и уголовно-процессуальные кодексы в других союзных республиках. УК и УПК РСФСР приняты 27 октября 1960 г. В 1959—1961 гг. во всех союзных республиках были приняты законы о судостроительстве.

В 1961—1964 гг. было кодифицировано гражданское и гражданско-процессуальное законодательство. Как известно, Конституция СССР 1924 г. отнесла к ведению СССР издание Основ гражданско-

го законодательства, а Конституция 1936 г. — издание Гражданского кодекса СССР. Однако указанные общесоюзные акты по различным причинам приняты не были.

Работа по подготовке Основ гражданского законодательства возобновилась в 1957 г. На седьмой сессии Верховного Совета СССР пятого созыва (декабрь 1961 г.) были утверждены **Основы гражданского законодательства Союза СССР и союзных республик и Основы гражданского судопроизводства СССР и союзных республик**. Принятие указанных Основ явилось важным событием в истории советского права, так как до этого у нас не было единых кодифицированных общесоюзных законов по этим отраслям права.

В 1963—1964 гг. во всех союзных республиках были приняты гражданские и гражданские процессуальные кодексы. **ГК и ГПК РСФСР были приняты 11 июня 1964 г.**

В 1959 г. кодифицировано финансовое законодательство. Основным законодательным актом явился Закон СССР от 30 октября 1959 г. **«О бюджетных правах Союза ССР и союзных республик»**.

Вопросы кодификации советского законодательства занимали большое место в работе Верховного Совета СССР седьмого созыва (1966—1970 гг.). В июне 1968 г. были приняты **Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье**, в декабре 1968 г. — **Основы земельного законодательства**, в июле 1969 г. — **Основы исправительно-трудового законодательства**, а также **Положение о предварительном заключении под стражу**.

В 1969 г. в союзных республиках приняты кодексы о браке и семье, в 1970 г. — земельные кодексы.

В области правового регулирования трудовых отношений в СССР до 1970 г. не было единого кодифицированного общесоюзного закона о труде. Наряду с многочисленными актами Союза ССР в союзных республиках продолжали действовать, с дополнениями и изменениями, кодексы законов о труде, принятые в 1920-х годах.

В октябре 1969 г. по решению комиссий законодательных предположений палат Верховного Совета СССР был опубликован для обсуждения проект **Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде**. В 1970 г. проект был утвержден Верховным Советом.

На второй сессии Верховного Совета СССР восьмого созыва в декабре 1970 г. были утверждены **Основы водного законодательства Союза ССР и союзных республик**.

Большая работа проведена по кодификации законодательства, относящегося к социальному и культурному строительству. В 1969 г. были приняты **Основы законодательства Союза ССР и союзных рес-**

публик о здравоохранении, в 1973 г. — **Основы законодательства о народном образовании**. В 1976 г. был принят **Закон СССР об охране и использовании памятников истории и культуры**.

Кодифицировано законодательство о недрах и лесах: в 1975 г. утверждены **Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о недрах**, в 1977 г. — **Основы лесного законодательства**.

2 сентября 1976 г. ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР приняли постановление «**О подготовке и издании Свода законов СССР**».

Схема Свода законов включала семь разделов законодательства: 1) об общественном и государственном устройстве; 2) о социальном развитии и культуре; социально-экономических правах граждан; 3) о рациональном использовании и охране природных ресурсов; 4) о народном хозяйстве; 5) о международных отношениях и внешних экономических связях; 6) об обороне страны и охране государственных границ; 7) о правосудии, прокурорском надзоре и охране правопорядка.

Осуществление этой работы планировалось завершить в 1985 г. Однако по ряду причин это не было сделано.

Наряду с кодификацией законодательства проводилась большая работа по его инкорпорации. При инкорпорации отменяются или изменяются те акты, которые противоречат друг другу, либо поглощены последующими актами или утратили силу, устраняется множественность актов по одному и тому же вопросу.

Работу по инкорпорации законодательства до 1970 г. выполняли Юридическая комиссия при Совете Министров СССР и юридические комиссии при Советах Министров союзных республик. После упразднения юридических комиссий эти функции стали выполнять министерства юстиции.

25.3. Перестройка судебной системы

После завершения войны многие чрезвычайные судебные и административные меры были отменены. Например, указом Верховного Совета СССР от 25 мая 1947 г. была отменена смертная казнь. Вновь вводилась выборность судей и судебных заседателей, сокращалось количество трибуналов, которые сохранились после войны в армии, на флоте, в МВД, МГБ и частично на транспорте.

Ряд изменений произошли в послевоенный период и в деятельности судебно-прокурорских органов. В 1948 г. впервые в соответствии с Конституцией 1936 г. были проведены выборы народных судов. В целях усиления роли местных судебных органов в осуще-

ствлении судебного надзора Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 августа 1954 г. были образованы президиумы в составе верховных судов союзных и автономных республик, а также в составе краевых, областных судов и судов автономных областей. Президиумам этих судов предоставлялось право пересматривать в порядке надзора приговоры, решения и кассационные определения по уголовным и гражданским делам по протестам Генерального прокурора СССР, Председателя Верховного Суда СССР, а также по протестам прокуроров и председателей судов соответствующих республик, краев и областей.

В 1956 г. были упразднены управления юстиции при краевых, областных Советах депутатов трудящихся, а часть их функций передана краевым (областным) судам.

Краевым (областным) судам предоставлялось право производить ревизии народных судов и осуществлять контроль за всей их деятельностью, а также осуществлять руководство государственными нотариальными конторами.

Шестая сессия Верховного Совета СССР (февраль 1957 г.) приняла новое **Положение о Верховном Суде СССР**, в котором были закреплены расширение прав союзных республик в области осуществления правосудия и некоторое изменение функций Верховного Суда СССР.

По новому Положению функции Верховного Суда СССР в области осуществления судебного надзора значительно сокращались. Верховный Суд основное внимание сосредоточивал на обобщение судебной практики и усилении руководства всеми судами СССР, а также на анализе судебной статистики и на разъяснении судам по вопросам применения законодательства при рассмотрении судебных дел. Очень важное значение имело предоставление Верховному Суду СССР права входить в Президиум Верховного Совета СССР с представлениями по вопросам, подлежащим разрешению в законодательном порядке, и по вопросам толкования законов СССР.

Принятые Верховным Советом СССР в декабре 1958 г. Основы законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик внесли некоторые изменения в действующую судебную систему. Основы предусматривали упразднение участковой системы народных судов и замену ее единым народным судом района или города. Срок полномочий судей увеличен с 3 до 5 лет. Выборы народных заседателей (сроком на 2 года) проводились, по Основам, на общих собраниях рабочих, служащих, колхозников. Основы установили подотчетность народных судей перед избирателями, а вышестоящих судов — перед соответствующими Сове-

тами, предусматривали образование Пленумов в составе верховных судов союзных республик и возможность образования Президиумов этих судов.

Основополагающие принципы деятельности суда, арбитража прокуратуры, адвокатуры в новых условиях получили закрепление в принятых 30 ноября 1979 г. **Законах о Верховном Суде СССР, о прокуратуре СССР, о государственном арбитраже в СССР, об адвокатуре в СССР**. 25 июня 1980 г. в соответствии с Конституцией СССР были внесены изменения в Основы Законодательства о судостроительстве СССР и союзных республик.

В Конституции СССР 1977 г. и в Законе о Верховном Суде СССР был закреплён правовой статус Верховного Суда СССР как высшего судебного органа Советского государства, который осуществляет надзор за деятельностью судов СССР, а также судов союзных республик в установленных пределах. Он избирается Верховным Советом СССР сроком на 5 лет и не реже одного раза за период полномочий представляет ему отчет о своей деятельности. Определена деятельность Верховного Суда СССР по изучению и обобщению судебной практики, анализу судебной статистики и даче руководящих указаний судам по вопросам применения советского законодательства. В связи с этим в Законе указывается, что руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР обязательны для судов, других органов и должностных лиц, применяющих закон, по которому дано разъяснение.

25.4. Развитие правовой системы в период перестройки

В период перестройки было осуществлено довольно много законодательных изменений. В области государственного строительства наиболее важным новшеством стал **Закон (март 1990 г.) об учреждении поста Президента СССР**. Его положения были включены в Конституцию. Президент избирался на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права. Кандидат, получивший больше половины голосов избирателей, принявших участие в голосовании, считался избранным. Президент представляет Верховному Совету кандидатуры главы Правительства, Генерального прокурора, Председателя Верховного суда, по согласованию с Правительством освобождает и назначает его членов. Президент возглавляет Совет Федерации, в который входят высшие должностные лица союзных республик. При Президенте действует совещательный Президентский Совет. Президент на основе законов издает указы.

В декабре 1990 г. принимается **Закон «О всенародном голосовании (референдуме СССР)»**, предусматривающий новую для нашей страны форму непосредственного участия народа в осуществлении государственной власти. Предметами референдума могли быть принятие новых или изменение действующих законов СССР, выявление общественного мнения по наиболее важным вопросам. Право назначить референдум принадлежало Съезду или Верховному Совету СССР.

В апреле 1990 г. был принят Закон **«О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами Федерации»**, подчеркивающий право союзной республики на выход из СССР, решение о чем может быть принято на референдуме. Права союзных республик (внешнеполитические, экономические и др.) существенно расширились. Функции, не входившие в исчерпывающий перечень исключительных полномочий Союза, считались закрепленными за союзной республикой. Порядок выхода союзной республики из состава СССР регламентирован Законом (апрель 1990 г.) **«О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР»**. Одновременно принимается Закон **«О правовом режиме чрезвычайного положения»**, в котором устанавливался порядок введения чрезвычайного положения, круг органов, имеющих на это право (Президент СССР, верховные советы СССР и республик) и чрезвычайные полномочия на период введения этого положения.

Демократизация общественной жизни отразилась в содержании новых законов **«Об общественных объединениях»** (октябрь 1990 г.) и **«О профессиональных союзах»** (декабрь 1990 г.). К общественным объединениям закон относил политические партии, массовые движения, профсоюзы, женские, ветеранские организации, организации инвалидов, молодежные и детские, научные, технические, культурно-просветительские, физкультурно-спортивные и иные добровольные общества, творческие союзы, землячества, фонды, ассоциации и другие объединения граждан. В законе о профсоюзах наряду с общими правами союзов перечислялись их имущественные права: «как юридические лица они владеют, пользуются и распоряжаются принадлежащими им на праве собственности имуществом и денежными средствами», могут участвовать во внешнеэкономической деятельности, создавать банки, страховые и акционерные общества, совместные коммерческие предприятия, заниматься издательской деятельностью, формировать различные фонды.

Ряд шагов был предпринят в деле обеспечения реальных прав и свобод граждан. В связи с этим в 1988—1990 гг. был принят ряд законов и указов, начата подготовка других.

Среди наиболее важных были: **Закон о праве граждан на судебное обжалование неправомерных решений администрации; Постановление о периодических переаттестациях специалистов; Закон о прессе и средствах массовой информации; Закон об общественных организациях; Закон о въезде и выезде из СССР.** Был начат пересмотр уголовного законодательства (в частности, отменена статья об «антисоветской пропаганде», законодательства в отношении религии т.д.).

Либерализация политического климата ускорила процессы развития и объединения различных общественных организаций. Многие из них объединились в союзы, ассоциации или народные фронты — прообразы политических партий.

III съезд народных депутатов СССР изменил редакцию ст. 6 Конституции СССР, изъяв из нее положение о КПСС как руководящей и направляющей силе общества и ядре политической системы.

Однако основные изменения происходили в регулировании «переходной» экономики.

В 1986 г. был принят Закон СССР «**О бригадном подряде**», в 1987 г. — «**О кооперации в СССР**», в 1989 г. закон об аренде и арендных отношениях, новый Закон «**О государственном предприятии (объединении)**».

В феврале 1990 г. Верховный Совет СССР принял **Основы законодательства СССР и союзных республик о земле**. Определялось, что «земля является достоянием народов, проживающих на данной территории». Граждане получали право приобретать землю в пожизненное наследуемое владение или в аренду. Подробно регламентирован режим предоставления земель физическим и юридическим лицам. Контроль за землепользованием возлагался на местные советы.

В марте 1990 г. был принят Закон «**О собственности в СССР**», в котором перечислялись ее три основные формы: «собственность граждан», коллективная и государственная. Кроме того, допускается существование в СССР собственности иностранных государств, международных организаций, иностранных юридических лиц и граждан. Собственность может быть долевой или совместной (общая собственность нескольких лиц) и смешанной (совместная собственность советских и иностранных субъектов). Формами собственности граждан являются собственность трудового хозяйства, крестьянского и личного подсобного хозяйства. Формами коллективной собственности — собственность арендного предприятия, кооператива, хозяйственного общества, товарищества, акционерного общества, хозяйственной ассоциации, общественной организации и фонда, религиозной организации. Государственная собственность подразделяется на общесоюзную, союзных, автономных рес-

публик, автономных областей и округов, собственность административно-территориальных образований (коммунальная), государственных предприятий, трудовых коллективов, государственных учреждений.

В апреле 1990 г. был принят Закон **«Об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик»**, разграничивающий полномочия Союза и республик в сфере экономики и финансов. В законе закреплялось понятие «общесоюзный рынок», основой формирования и функционирования которого признавалась «самостоятельность предприятий, объединений, организаций и индивидуальных товаропроизводителей», действующих в условиях равноправия и состязательности всех форм собственности и в сфере действия антимонопольного законодательства.

В июне 1990 г. был принят Закон **«О предприятиях в СССР»**, направленный на развитие хозяйственной самостоятельности предприятия и хозяйственного расчета. Перечислялись виды предприятий: индивидуальные, кооперативные, в форме акционерного или иного хозяйственного общества или товарищества, принадлежащие общественным или религиозным организациям. Государственные предприятия делились на союзные, республиканские, областные, окружные и коммунальные. Предполагалось создание совместных предприятий, арендных и малых государственных предприятий. Предприятия могли объединяться в союзы, хозяйственные ассоциации, концерны по отраслевому, территориальному и иным признакам. Чистая прибыль предприятий (после уплаты налогов и других платежей в бюджет) поступала в их полное распоряжение. Основу планов предприятия составляют договоры, заключенные с потребителями, договор стал основой всех отношений, в которые вступало предприятие. Предприятие само устанавливало цены на свою продукцию.

Государство обязано было обеспечивать предприятию независимо от форм собственности равные правовые и экономические условия хозяйствования, способствовать развитию рынка и при регулировании использовать лишь экономические рычаги. Само предприятие несет за все свои действия полную имущественную ответственность.

В декабре 1990 г. Верховным Советом СССР были приняты **Основы законодательства об инвестиционной деятельности в СССР**, перечислявшие в качестве объектов такой деятельности вновь создаваемые и модернизируемые основные фонды и оборотные средства, ценные бумаги, целевые денежные вклады, научно-техническую продукцию, интеллектуальные ценности, имущественные права и

др. Субъектами (инвесторами и участниками) могут быть советские и иностранные граждане, юридические лица, государства.

В области уголовного права внимание законодателя вновь привлекла спекуляция: в связи с усилившимися негативными явлениями на потребительском рынке и использованием этих обстоятельств в целях извлечения незаконных доходов... при переходе к рыночной экономике. Законом СССР (октябрь 1990 г.) под спекуляцией понималась скупка товаров, на которые установлены государственные розничные цены в предприятиях торговли, продажа товаров со складов, баз и т.д. в нарушение установленных правил, сокрытие товаров от покупателей, уклонение от регистрации. Дальнейшее развитие рыночных отношений изменило представления о спекуляции и ее соотношении с легальной торговой деятельностью.

В целом законодательство периода перестройки заложило правовую основу для радикальных социально-экономических преобразований последующих лет. С конца 1989 по 1991 г. было принято более 100 законов, указов, постановлений и т.п. по экономическим вопросам.

Они должны были способствовать и регулировать процесс децентрализации разгосударствления собственности, ликвидации крупных промышленных монополий, создания акционерных обществ, развития мелких предприятий, развертывания свободы хозяйственной деятельности и предпринимательства.

Новый этап в развитии судебной системы начался после распада СССР и возникновения независимой Российской Федерации.

Конституционные основы судебной власти в Российской Федерации

26.1. Институт судебной власти в постсоветской России

Понятие правового института судебной власти в действующем законодательстве раскрывается в главе 7 Конституции РФ 1993 г. Глава характеризуется новым, нетрадиционным подходом к раскрытию сущности названной юридической категории. За органами судебной власти признаются самостоятельность и право действовать независимо от других ветвей власти (ст. 10).

Используемая Конституцией формула «судебная власть» представляет собой краткое выражение политико-правовой доктрины, вытекающей из концепции разделения властей в правовом государстве и устанавливающей место органов правосудия в системе государственного механизма.

Судебную власть в РФ осуществляют судебные органы различной компетенции. Они независимы от других ветвей власти и обладают некоторыми полномочиями по контролю за законностью выполнения отдельных функций субъектами иных ветвей власти. Сказанное не означает, что особое положение судебных органов в правоохранительной системе Российской Федерации исключает взаимодействие установленных Конституцией ветвей власти по ряду направлений.

Закрепление в конституционных нормах и федеральном законодательстве судебной власти как государственно-правового института позволяет выделить его специфические признаки, отметить необходимость утверждения системы гарантий, позволяющих судебной власти осуществлять свои функции и решать поставленные перед ней законом государственные задачи.

Характерными свойствами судебной власти являются самостоятельность, исключительность, подзаконность и полнота. Все эти качества нашли свое отражение в нормах Конституции Российской Федерации.

Назначение судебной власти — защита прав и свобод граждан, конституционного строя Российской Федерации, обеспечение соответствия актов законодательной и исполнительной власти Конституции, соблюдения законности и справедливости при исполнении и применении законов, а также иных нормативных актов. Обеспечение реализации предусмотренных Конституцией прав и свобод человека и гражданина составляет основное содержание деятельности органов судебной власти (ст. 18 Конституции). Судебная власть имеет прямое отношение к гарантированным каждому правам на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, неприкосновенность жилища, тайну переписки, телефонных, почтовых и иных сообщений. Возрастание роли суда в охране прав и свобод граждан прямо вытекает из положений гл. 2 Конституции Российской Федерации.

Исключительность судебной власти заключается в том, что никакой иной орган государственной власти или управления не вправе принимать на себя функции и полномочия, составляющие компетенцию судов. Государство доверяет именно суду право использовать принудительные полномочия государственной власти: в установленном законом порядке признать лицо виновным в совершении преступления, назначить уголовное наказание.

Система федеральных органов судебной власти, определение порядка их организации и деятельности относятся к ведению Российской Федерации. В систему этих судов включаются Конституционный Суд, Верховный Суд, Высший Арбитражный Суд, иные федеральные суды.

Конституция не конкретизирует структуру всей судебной системы, предоставляя решение этого вопроса федеральному конституционному закону, который должен установить соподчиненность звеньев судебной системы, перечень федеральных судов, виды местных судов, их полномочия и структуру.

Полностью исключая возможность создания чрезвычайных судов, федеральное законодательство о судостроительстве допускает известную дифференциацию судебных органов для рассмотрения различных категорий дел, т.е. определяет возможность некоторой специализации судов. Они будут различаться своей предметной подсистемностью и процедурой судопроизводства.

Следует обратить внимание на включение Конституцией в раздел о судебной власти статьи о прокуратуре Российской Федерации. Таким образом была продолжена традиция, содержащаяся и в Конституции СССР 1977 г., в которой глава VII именовалась «Правосудие, арбитраж и прокурорский надзор». Связано это с тем, что осуществ-

ление органами прокуратуры уголовного преследования и поддержание государственного обвинения в судебном разбирательстве — важный элемент функционирования органов судебной власти.

Подзаконность судебной власти проявляется не только в том, что судебные органы и судьи действуют на основе закона, подчиняются только Конституции и федеральным законам, но и в том, что ее носители не вправе отступать в своей деятельности от требований закона.

Законодательной основой функционирования судебной власти являются Конституция, Федеральный конституционный закон о судебной системе, федеральные законы о высших судебных органах Российской Федерации и иных федеральных судах, устанавливающие компетенцию, порядок образования, структуру и основные функции, а также материально-техническое и организационное обеспечение этих судов.

Федеральные законы регулируют различные стороны организации органов судебной власти: судоустройство, уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство, гражданское, гражданско-процессуальное и арбитражно-процессуальное законодательство.

Отдельными федеральными законами регулируются статус судей, особенности деятельности некоторых видов судов (например, военных), различные вопросы обеспечения деятельности судебной власти. Таким образом, единство судебной власти в Российской Федерации обеспечивается совокупностью актов федерального законодательства о судоустройстве и судопроизводстве, единообразным применением их судами (в том числе федерального гражданско-процессуального, уголовно-процессуального, арбитражно-процессуального законодательства) на всей территории России, финансированием судов из федерального бюджета, единым статусом судей.

Стабилизирующее значение для формирования системы судебной власти имеет установление Конституцией единых требований к судебным органам и судьям и соблюдение правовых гарантий в отношении судей. Состояние и качество судейского корпуса впервые регулируются на конституционном уровне. Унификация требований к кандидатам на судебные должности на территории всей России приобретает особое значение при известном отделении судов от системы правоохранительных органов и отнесении вопросов работы с кадрами судебных органов к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов (п. «л» ст. 72).

Федеральным законом установлен единый статус судей Российской Федерации, который не может умаляться, а гарантии деятель-

ности судей подвергаться изъятиям под влиянием местных условий. Жизнь, достоинство, имущество судей и членов их семей должны находиться под особой защитой государства. Конституция утверждает независимость, несменяемость, неприкосновенность носителей судебной власти (ст. 120, 121, 122). Только судам Конституция предоставляет право при рассмотрении дела отказаться от применения актов государственных органов, если они, по их мнению, не соответствуют закону (ч. 2 ст. 120).

Укреплению авторитета носителей судебной власти служит установленный Конституцией порядок назначения на должность судей Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации Советом Федерации по представлению Президента (п. «ж» ч. 1 ст. 102 Конституции) и назначения судей других федеральных судов Президентом Российской Федерации (ч. 2 ст. 128). Укрепление гарантий служебного положения судей в немалой степени зависит от активности органов судейского сообщества, которым федеральным законом предоставлены широкие полномочия в формировании судейского корпуса.

Полнота судебной власти определяется ее объемом, окончательностью решений, принимаемых судебной властью, их обязательностью. Вступившие в законную силу решения судов, а также предусмотренные законом судебные распоряжения, требования, поручения и другие судебные акты должны быть обязательны для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, должностных лиц, граждан и их объединений и подлежат безусловному исполнению на всей территории Российской Федерации.

Неисполнение вступивших в законную силу актов судебной власти, требований и распоряжений судей, вмешательство в законную деятельность судей и аппарата суда (судебных исполнителей), проявление неуважения к суду или судьям влекут установленную законом ответственность (ст. 176-1, 176-2, 176-3, 188-2 УК).

Анализ советского государственного строительства свидетельствует, что отступление от принципа разделения властей ведет к усилению функций исполнительных и распорядительных органов, принижению роли судебной власти и ее зависимому положению, влекущему за собой развитие авторитарности в управлении государством, принижению роли личности и незащищенности прав и свобод граждан. Именно поэтому одной из главных целей демократизации современного общества была провозглашена идея создания правового государства, в котором судебная власть должна стать од-

ним из важнейших элементов структуры государственной власти наряду с законодательной и исполнительной.

Судебная власть в этом отношении имеет собственную специфику, ибо она осуществляет такую особую форму государственной деятельности, которая организационно оформляется в качестве системы правосудия. Особенности данной формы заключаются в следующем.

Во-первых, ее осуществление нацелено на особую сферу деятельности государства, в которой выкристаллизовываются право-защитные, упорядочивающие и правоприменительные элементы содержания власти, устанавливаются основы фактического и правового равенства всех социальных групп и слоев населения, каждого отдельного гражданина перед судом и законом. В силу этого сфера правосудия приобретает самостоятельный характер во всей деятельности государства, чем обусловлено ее закрепление в каждой соответствующей Конституции в качестве отдельного, целостного блока.

Во-вторых, реализация данной формы имеет четкую направленность на осуществление судебной политики в государстве. Возможность вычленения именно судебной политики говорит о ее особом рода воздействии на общество в определенной сфере жизни с целью приведения его к желаемым структурным и функциональным характеристикам. Такое воздействие обеспечивает определенную направленность правоприменения для достижения уголовно-правовой, хозяйственно-правовой, административной, эколого-правовой и прочей охраны прав личности в условиях справедливого устройства общества.

В-третьих, для любой формы государственной деятельности характерно, что через ее посредство происходит осуществление определенных функций государства. Соответственно правосудие тесно связано с реализацией таких государственных функций, которые четко выражают его конкретное назначение.

До недавнего времени считалось, что, участвуя в осуществлении почти всех основных функций Советского государства, суд достигал поставленных перед ним задач благодаря выполнению им правоохранительной государственной функции — наряду с другими органами: прокуратуры, МВД, КГБ, а также некоторыми общественными организациями типа адвокатуры, товарищеских судов и др., которые в целом образуют систему органов охраны правопорядка. В рамках данной единой функции государства определялись и специфические для правосудия функции — в качестве структурных элементов функции охраны правопорядка.

Естественно, подобное растворение функций правосудия в общем объеме целостной функции государства, с одной стороны, лишало их какой-либо специфики в отличие от функций органов прокуратуры, милиции и т.д., с другой же стороны, приписывало правосудию несвойственные ему функции как форме деятельности, которая отнюдь не призвана к охране правопорядка. В правовом государстве такой подход невозможен как в силу независимости суда, который не осуществляет борьбу с преступностью, так и в силу правоприменительного, а не правоохранительного характера его деятельности. Именно в конкретных функциях выражается предметное содержание правосудия как формы государственной деятельности.

Наконец, в-четвертых, осуществление правосудия приобретает качество особой формы государственной деятельности, поскольку оно выражается вовне через соответствующую систему органов государства — судебную систему.

Структура судебной власти наглядно подтверждает, что только целостность и комплексный анализ деятельности всех ее элементов дает возможность выявить ее характер как власти государственной, интегрированной в систему всех ветвей власти и одновременно способной к выделению как часть целого в отдельную ветвь.

И хотя специфический механизм «сдержек» и «противовесов» свойствен взаимодействию всех властей, в том числе законодательной и исполнительной, но именно судебные органы обладают особыми полномочиями конституционного контроля (в частности, над актами законодательной власти, президентской власти), судебного контроля в области управления и т.д. Но главное назначение судебной системы — это осуществление правосудия. Причем правосудие составляет исключительную прерогативу суда, оно «осуществляется только судом» (ч. 1 ст. 118 Конституции, ст. 1 Закона о судостроительстве РФ).

Определяя судебную систему России, Конституция и Федеральный конституционный закон устанавливают исчерпывающий перечень судов, осуществляющих правосудие, указывая тем самым единственное основание учреждения судебных органов — путем конституционного закрепления и исключая даже возможность создания каких-либо чрезвычайных судов (ч. 3 ст. 118 Конституции). Вместе с тем судебная система олицетворяется персональным составом судей и привлекаемых к осуществлению правосудия представителей народа. В соответствии с Законом РФ от 26 июня 1992 г. о статусе судей в РФ судьи выступают как носители судебной власти, они наделяются в конституционном порядке полномочиями

осуществлять правосудие и исполняют свои обязанности на профессиональной основе. При этом полномочия и компетенция судей различных звеньев и видов судов различаются между собой, но статус всех судей России в силу закона является единым.

Качественно новый уровень правосудия связан в настоящее время с противодействием злоупотреблению исполнительной власти, бюрократизму и дегуманизации отношений в обществе с целью надежной защиты прав, свобод и законных интересов граждан.

Дальнейшее развитие институт судебной защиты прав граждан получил после принятия Закона РФ от 27 апреля 1993 г. «Об обжаловании действий и решений, нарушающих права и свободы граждан». В нем расширен круг субъектов, чьи действия (независимо от того, выражены они в решениях или совершены без издания какого-либо акта) подлежат судебному обжалованию. Данный Закон расширил рамки своего функционирования, распространив права судебного обжалования не только на органы управления, но и органы власти в случае издания ими нормативных актов, нарушающих права и свободы граждан. Отмена такого акта при признании судом жалобы обоснованной влечет восстановление прав не только конкретного гражданина, но и широкого круга лиц, подпадающих под его действие. Тем самым впервые суд становится арбитром между гражданином и властью, что служит важным проявлением правовой государственности.

Таким образом, социальная обусловленность сферы осуществления правосудия свидетельствует о ее значительной роли во всем механизме социального управления и конституционного регулирования в стране.

Практическим началом становления судебной власти в современной России является Концепция судебной реформы в Российской Федерации, одобренная Верховным Советом РСФСР 24 октября 1991 г. Главной задачей судебной реформы тогда было признано утверждение судебной власти в государственном механизме как самостоятельной влиятельной силы, независимой в своей деятельности от властей законодательной и исполнительной.

Через 15 лет реализации этой Концепции можно констатировать, что в Российской Федерации утвердилась судебная власть. В стране действует около 17,5 тыс. судей и около 2,5 тыс. судов. Однако территория страны, а точнее схема проживания населения в ее пределах требуют серьезной работы в этом направлении, поскольку делают суды малодоступными для жителей ряда отдаленных территорий. Первые шаги здесь сделаны: в конце 1998 г. учрежден, а с конца 1999 г. практически появился институт мировых

судей. Число действующих мировых судей близко к 2 тыс., а в ближайшие годы в соответствии с подготовленной федеральной программой развития судебной системы их общее число должно достигнуть 5 тыс. Это не только увеличение численности судейского корпуса, но и фактическое приближение суда к конкретному человеку, поскольку география судебных участков мировых судей как раз и призвана «дотянуться» до каждого. С другой стороны, учреждение мировой юстиции позволит разгрузить действующие суды, что также повлияет на соблюдение судебных сроков. Принят ряд основополагающих законов, закрепивших принципы организации и функционирования судебной системы и статус судей. Налажено финансирование и материально-техническое обеспечение деятельности судов. Удалось отстоять концептуальные идеи судебной реформы от попыток пересмотра, сохранить ряд принципиальных позиций, обеспечивающих единство судебной системы, статус судей, формирование судейского корпуса и обеспечение деятельности судов¹.

К числу несомненных достижений реформы нужно отнести создание Судебного департамента при Верховном Суде РФ, который принял на себя функции обеспечения деятельности судов общей юрисдикции, а также реализацию мер по совершенствованию механизма финансирования судебной системы. Он принял на себя широкий круг обязанностей по материально-техническому обеспечению, автоматизации делопроизводства и организации работы судов, обучению персонала, осуществлению внешних связей. Реорганизована служба судебных исполнителей. В системе Минюста России стали работать судебные приставы, что уже привело к росту исполнения судебных решений более чем вдвое (с 25% в 1994 г. до 52% в 1999 г.). Наконец, следует отметить, что органы судейского сообщества — советы и квалификационные коллегии судей — не только встали на ноги, окрепли, но и развиваются вполне динамично.

Качество рассмотрения дел остается стабильным, несмотря на рост объемов поступающих в суды гражданских и уголовных дел при неизменной штатной численности судей. Это дает основания констатировать, что со своими задачами суды общей юрисдикции справляются.

Указом Президента Российской Федерации от 30 декабря 1999 г. штатная численность судей на 2000 г. увеличена на тысячу единиц, или примерно на 7%, и должна составить 16 742 судьи. В связи с увеличением штатной численности судов и предстоящим

¹ Лебедев В. От Концепции судебной реформы к новым идеям развития судебной системы // Российская юстиция. 2000. № 3.

введением института мировых судей приоритетными задачами становятся подбор кадров на судейские должности, совершенствование системы образования судей и повышения их профессионализма, а также подготовка сотрудников аппаратов судов.

Положение дел с охраной помещений судов, обеспечением в них порядка и безопасности как для судей, сотрудников аппаратов судов, так и для лиц, участвующих в судебных делах, и граждан вызывает необходимость принятия дополнительных мер по защите судебной власти и предотвращению любых действий, посягающих на ее самостоятельность. Складывающаяся ситуация дала основания Совету судей РФ и ряду председателей судов поставить вопрос о передаче из Минюста в ведение Судебного департамента при Верховном Суде РФ Службы судебных приставов Министерства юстиции РФ, соответствующей численности Службы судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов¹.

Верховным Судом РФ в порядке законодательной инициативы были представлены предложения о внесении изменений и дополнений в действующее законодательство и принятии ряда новых законов. По внесенным Верховным Судом проектам принято несколько важных законов. Среди них Федеральный конституционный закон «О военных судах Российской Федерации», которым приведены в соответствие с Конституцией РФ и Федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации» порядок создания, полномочия и деятельность военных судов. В январе 2000 г. вступил в действие Федеральный закон «О народных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации».

Вместе с тем в области законотворчества (с точки зрения продвижения судебной реформы) остается значительное число нерешенных проблем. Среди них выделяется вопрос о мировых судьях, учреждение которых является одним из ключевых звеньев судебной реформы. Уже второй год действует Федеральный закон «О мировых судьях в Российской Федерации», но изменения и дополнения в процессуальное законодательство, позволяющие ввести в действие этот институт, не внесены.

Задача сегодняшнего дня состоит в закреплении достижений судебной реформы 1991 г. и продвижении ее дальше, особенно в вопросах расширения доступа граждан к правосудию, приближения судебной защиты к стандартам Европейского суда, в поиске новых возможностей совершенствования судопроизводства.

¹ Лебедев В. Указ. соч.

Прежде всего это касается реализации закрепленных в Конституции РФ положений об аресте и заключении под стражу только по судебному решению, об осуществлении правосудия на основе состязательности и равноправия сторон.

Не обеспечены равные права граждан на рассмотрение дел с участием присяжных заседателей на всей территории страны, хотя суды присяжных вполне оправдали свое предназначение. За шесть лет ими рассмотрено более двух тысяч уголовных дел в отношении около 3,9 тыс. лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений. Эти суды доказали свою состоятельность, жизнеспособность и необходимость. Просматривается четкая тенденция к росту числа ходатайств обвиняемых о рассмотрении их дел с участием присяжных заседателей, а потому есть все основания ставить вопрос о распространении этой формы судопроизводства на всю территорию Российской Федерации¹.

Не реализованы требования закона о рассмотрении соответствующих категорий дел в областных судах коллегиями в составе трех профессиональных судей.

Устаревший ГПК с его излишней формализацией процесса создает немало препятствий для эффективной защиты прав граждан, содержит возможности для злоупотреблений. Ряд его норм противоречит Конституции РФ и некоторым законам. Поскольку процесс подготовки нового ГПК РФ затянулся и пройдет еще немало времени, прежде чем он появится, в качестве выхода из положения целесообразно пойти по пути принятия изменений и дополнений в действующий ГПК отдельными блоками, что позволит оперативно снять многие острые вопросы. Например, нужно дополнить его разделами, регулирующими производство в Верховном Суде РФ, производство у мирового судьи и обжалование его решений, производство по делам о защите избирательных прав граждан и т.д.

Есть необходимость вернуться к рассмотрению проекта федерального конституционного закона «О полномочиях судов общей юрисдикции в Российской Федерации по обеспечению соответствия нормативных правовых актов федеральным законам», который был отклонен Советом Федерации Федерального Собрания РФ. Полномочия судов общей юрисдикции по этому вопросу ограничены, в связи с чем ограничиваются и права граждан на доступ к правосудию. В то же время в субъектах Федерации все еще издается

¹ Лебедев В. Указ. соч.

множество нормативных актов, противоречащих федеральному законодательству и нарушающих конституционные права граждан. В проекте названного федерального конституционного закона, основанного на положениях Конституции РФ, предлагается определить полномочия судов по данному вопросу и установить подсудность такого рода дел.

Представляется оправданной идея создания в системе судов общей юрисдикции административной юстиции для рассмотрения дел об оспаривании законности актов местных органов власти, жалоб на действия должностных лиц, дел о защите избирательных прав граждан, споров, вытекающих из налоговых правоотношений. Это является одной из основных задач в ходе дальнейшего продвижения судебной реформы.

26.2. Развитие законодательства Российской Федерации о судебной системе

Период крупных преобразований в России остро поставил вопрос о новой роли права, об обновлении и развитии законодательства. Действующее законодательство России не является системным. В стране действуют акты и бывшего СССР и Российской Федерации, причем акты разного уровня — законы, указы Президента, Правительства, а также министерств и ведомств. При этом чрезмерно велико число ведомственных актов по важнейшим вопросам. Верховный Совет России стремился активизировать законодательную деятельность, и это привело к резкому увеличению числа законов. Подчас законами регулировались мелкие, незначительные вопросы, для решения которых существует такая форма, как подзаконный акт, например Закон «Об установке кассовых аппаратов на предприятиях торговли». Не обеспечивается строгое соблюдение системы права, что ведет к нарушению внутренней логики отраслей законодательства. Наличие большого числа противоречий, несогласованностей внутри единой системы российского законодательства снижает его эффективность и авторитет.

Одно из главных негативных свойств современного российского законодательства — его нестабильность. Это в значительной мере обусловлено существенными колебаниями в экономическом курсе, бесконечными перестройками госаппарата. Одной из главных причин нестабильности законодательства является чрезмерная роль субъективного фактора. Сильно сказывается влияние отдельных слоев и групп, заинтересованных в принятии конкретных актов или их отмене.

Начавшийся в 1991 г. процесс создания нового российского законодательства развивается под действием ряда объективных обстоятельств. Среди них:

- невозможность применения явно устаревших норм права (республиканского или союзного) к новым складывающимся отношениям;
- правовые проблемы в связи с отсутствием соответствующих отношений;
- отсутствие норм республиканского законодательства при наличии норм бывшего Союза;
- трудности обеспечения преемственности в той или иной сфере.

Тем не менее, за время существования независимой России перемены в законодательстве охватили многие его стороны и почти все отрасли права.

Особенно интенсивно развивается конституционное, гражданское, трудовое, административное законодательство. Это позволило по-новому решить вопросы развития рыночных отношений в России, функционирования высших органов государственной власти, статуса субъектов Федерации, правового положения государственных органов, местного самоуправления, прав и свобод граждан, организовать демократические выборы во все органы власти и т.д.

Тем не менее, в первые годы независимого развития российского права в законодательстве страны продолжали сохраняться существенные недостатки:

- обнаружилась неравномерность развития отраслей, подотраслей, институтов (например, отставание финансового законодательства), не преодолено прежнее превалирование подзаконных актов и давление их на законы, вследствие чего происходит поспешное преобразование актов Президента и правительства и даже ведомственных актов в законодательные (например, в сфере налогового законодательства ряд законов о видах налогов «вырос» из ведомственных инструкций);
- выявились правовые «вакуумы» — крайне недостаточное развитие некоторых отраслей законодательства (банковского, административно-процессуального, информационного, о науке и др.);
- продолжается хаотическое бессистемное развитие законодательства;
- обнаружилось много внутренних противоречий в регулировании тех или иных отношений в сфере приватизации, местного самоуправления и т.д.;
- многие нормы законов по-прежнему характеризуются декларативностью, безадресностью, что затрудняет их понимание и применение.

Немало претензий имеется и к законопроектной деятельности Правительства. Оно пока не стало основным творцом законопроектов, представляемых в Государственную Думу. В то же время процветает закулисное лоббирование тех или иных законопроектов ведомствами. Некоторые из подобных законопроектов противоречат направлениям политики, определяемым Президентом, а также позиции Правительства.

В большой степени несистемность законодательной деятельности обусловлена неясными представлениями о необходимых структуре и содержании российского правового пространства. Отсюда — стихийность появления многих законопроектов. Фактически ни общество, ни государственный аппарат не имеют четкого представления о том, какие сферы общественных отношений в первую очередь следует законодательно регулировать и в каком объеме. Это также задача прежде всего правительственных ведомств.

Программа преодоления этих недостатков изложена в ежегодном, 1997 г. Послании Президента РФ Федеральному Собранию «Порядок во власти — порядок в стране».

В соответствии с этой программой всем ветвям власти совместно следует договориться о формировании небольшого перечня действительно первоочередных законопроектов. Он должен соответствовать приоритетам во внутренней и внешней политике, определяемым Президентом. Целесообразно закрепить в Регламенте Государственной Думы роль Объединенной комиссии в предварительном согласовании программ и планов законотворческой деятельности, концептуальных положений законопроектов на ранних стадиях их разработки.

Значительный эффект в повышении качества законов даст обсуждение законопроектов общественностью. Надо поднять «завесу молчания» прежде всего над базовыми законопроектами. Целесообразно, чтобы эту работу координировала Объединенная комиссия. Порядок в законотворчестве должен быть подкреплен **жесткой дисциплиной ведомственного нормотворчества**. К сожалению, еще сильна инерция прошлого — издание излишних нормативных ведомственных актов. Эта инерция подпитывается тем, что большинство государственных служащих по-прежнему руководствуются не законами, а инструкциями.

Многие ведомственные акты либо повторяют нормы законов, указов Президента и постановлений Правительства, либо противоречат им, извращают их суть. Например, не искоренена практика, когда ведомственными актами вводятся дополнительные обязанности граждан. Появляется основа для ведомственного произвола.

К тому же, как правило, люди узнают о существовании такой инструкции только в кабинете чиновника. Все инструктивные документы должны быть доступны, и отвечать за это должны сами ведомства.

В то же время действительно необходимые инструктивные документы зачастую выходят в свет через несколько месяцев после принятия федерального нормативного акта, предусматривающего их издание.

Одновременно ведомства должны переходить к тематической кодификации своих актов, в том числе принятых совместно с другими государственными органами. Необходимо прийти к такому положению, когда акты, не вошедшие в тот или иной ведомственный или межведомственный «кодекс», например по налогам, по таможенным правилам, считаются недействующими.

Начиная с конца 1980-х годов, в России предпринимались попытки реформирования существовавшей судебной системы. В то время Верховный Совет СССР одобрил 4 августа 1989 г. Закон СССР «О статусе судей в СССР», а 13 ноября 1989 г. — Основы законодательства о судостроительстве Союза ССР и союзных республик. Оба этих закона, как и Закон СССР «О порядке обжалования в суд неправомερных действий органов государственного управления и должностных лиц, ущемляющих права граждан» от 2 ноября 1989 г., а также Закон РСФСР «О судостроительстве в РСФСР» от 8 июля 1981 г. и другие правовые акты содержали ряд прогрессивных норм, но не обеспечили в полной мере процесса реформирования существующей судебной системы. Однако эти законодательные акты в определенной степени послужили основой для разработки задач судебной реформы в России.

В начале 1990-х годов была разработана и одобрена российским парламентом Концепция судебной реформы, целью которой провозглашалось становление судебной власти в России, развитие организационных основ судебной системы, ее кадрового и финансового обеспечения, усиление гарантий самостоятельности и независимости судов и судей. Ставились задачи расширения сфер судебной защиты прав и свобод граждан, совершенствования судопроизводства, приведения российского законодательства в соответствие с современными нормами и принципами международного права.

Решающие шаги в практическом осуществлении судебной реформы были предприняты Верховным Советом РФ незадолго до принятия Конституции РФ 1993 г. В этот период в компетенцию судов общей юрисдикции перешли новые категории дел: налоговые, земельные, пенсионные, о праве на занятие предпринимательской деятельностью, на свободу слова, получение и распространение информации, разрешение конфликтов в сферах административного

регулирования, споров о праве заниматься политической и общественной деятельностью и др. Расширился круг полномочий в сфере уголовного судопроизводства, области контроля за соблюдением законодательства о выборах, трудового законодательства.

Конституция Российской Федерации 1993 г. закрепила основные принципы осуществления государственной власти в Российской Федерации на основе разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, тем самым создав прочную правовую базу для дальнейшего развития судебной реформы.

В соответствии со ст. 118 Конституции РФ *исключительное право на осуществление правосудия* в Российской Федерации *предоставлено судам*. В ч. 2 указанной статьи закреплены четыре формы осуществления судебной власти в виде *конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства*, которые, несмотря на специфику каждой из них, базируются на единых принципах.

Конституция РФ закрепляет главное условие существования самостоятельной и авторитетной судебной власти, способной объективно и беспристрастно осуществлять правосудие, — *независимость судей*, их подчинение только Конституции РФ и федеральному закону. В свою очередь независимость судей обеспечивается их *несменяемостью и неприкосновенностью*.

Основной системообразующий документ, который установил единое правовое пространство для законодательства о судостроительстве, приняла **Государственная Дума второго созыва**. Этим документом стал Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» (31.12.96, № 1-ФКЗ).

За ним последовали другие законы, обеспечивающие дальнейший ход судебной реформы:

Федеральный закон «О судебных приставах» (21.07.97, № 118-ФЗ);

Федеральный закон «Об исполнительном производстве» (21.07.97, № 119-ФЗ);

Федеральный закон «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» (08.01.98, № 7-ФЗ);

Федеральный закон «О мировых судьях в Российской Федерации» (17.12.98, № 188-ФЗ);

Федеральный закон «О финансировании судов Российской Федерации» (10.02.99, № 30-ФЗ);

Федеральный конституционный закон «О военных судах Российской Федерации» (23.06.99, № 1-ФКЗ);

Федеральный закон «Об общем числе мировых судей и количестве судебных участков в субъектах Российской Федерации» (29.12.99, № 218-ФЗ);

Федеральный закон «О народных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» (02.01.2000, № 37-ФЗ).

26.3. Ход судебной реформы России в 2002—2006 гг.

Судебная реформа в начале 2000-х годов происходила в рамках специальной федеральной программы. Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России» на 2002—2006 гг. была разработана во исполнение поручения Президента Российской Федерации и утверждена постановлением Правительства Российской Федерации.

Программа направлена на укрепление судебной власти, ее независимости, самостоятельности, ответственности, а также ее нормативной базы. Программа носит комплексный характер.

Состояние судебной системы на момент подготовки и принятия Программы характеризовалось нерешенностью ряда проблем. В частности проблемы обеспечения эффективной деятельности судебной власти, а также проблемы государственного обеспечения конституционных гарантий реализации права граждан и субъектов предпринимательской деятельности на судебную защиту. Эти проблемы возникали из-за малой численности судей, а в ряде регионов — значительной удаленностью судов.

Надлежащему функционированию судебной системы препятствовал постоянный дефицит финансирования, в результате чего суды были недостаточно обеспечены материально-техническими ресурсами. Это не позволяло судам использовать современные методы ведения делопроизводства и информационные технологии.

Одной из острейших проблем являлась проблема размещения судов. В системе судов общей юрисдикции в 2001 г. из 2717 зданий судов 719 располагались в помещениях, которые не приспособлены для осуществления правосудия. В аварийном состоянии находились 162 здания.

Для реализации *целей и задач Программы* были определены следующие мероприятия:

- увеличение численности судей и работников аппаратов судов, обслуживающего персонала, введение должности помощника федерального судьи судов общей юрисдикции, введение должности помощника судей арбитражных судов, администраторов судов;
- увеличение заработной платы судьям и работникам аппарата Конституционного Суда Российской Федерации, судьям и работникам аппарата Верховного Суда Российской Федерации, судьям и работникам аппарата Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, судьям и работникам аппаратов

судов общей юрисдикции и арбитражных судов, мировым судьям, судьям и работникам аппаратов военных судов, государственным служащим системы Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации;

- строительство, реконструкция и ремонт зданий и помещений судов, строительство (приобретение) жилья для судей и работников аппаратов судов, Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации и его территориальных управлений;
- обеспечение имуществом, необходимым для деятельности судов;
- информационное обеспечение судебной системы.

Общий объем финансирования, предусмотренный по Программе на весь период ее реализации, составил 44865,6 млн руб., в том числе капитальные вложения были предусмотрены в размере 7042,3 млн руб.

Распределение финансовых ресурсов по годам Программы было осуществлено следующим образом:

- в 2002 г. — 7992,0 млн руб., в том числе на капитальные вложения — 1819,2 млн руб.;
- в 2003 г. — 8463,20 млн руб., в том числе на капитальные вложения — 1505,8 млн руб.;
- в 2004 г. — 8387,5 млн руб.; в том числе на капитальные вложения — 1387,4 млн руб.;
- в 2005 г. — 9303,1 млн руб., в том числе на капитальные вложения — 1165,5 млн руб.;
- в 2006 г. — 10719,8 млн руб., в том числе на капитальные вложения — 1164,4 млн руб.

Предусмотренные объемы финансирования по принятому расписанию полностью соответствовали вышеуказанным данным в 2002—2004 гг. В 2005 г. средства на государственные капитальные вложения предусматривались в размере 1828,5 млн руб., в том числе на строительство, реконструкцию и приобретение зданий — 1557,5 млн руб., на строительство и приобретение жилья — 271 млн руб.

В целях повышения эффективности деятельности судебной власти, оптимального организационно-правового и материально-технического обеспечения судебной системы Российской Федерации, Программой предусмотрены расходы на финансирование мероприятий по увеличению заработной платы судей, работников аппаратов судов и государственных служащих системы Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, развитие материально-технического обеспечения судебной системы и увеличение численности судей и работников аппаратов судов.

Объем указанных расходов с 2002 по 2006 г. определен Программой в размере 37823,3 млн руб. При этом наибольший удельный вес этих расходов составляют расходы на увеличение заработной платы — 74,5%.

В целом задача по увеличению заработной платы судьям и работникам судов всех инстанций решена.

Среднюю заработную плату судей Программой было намечено довести к 2006 г. до 28,5 тыс. руб. в месяц. Однако с учетом индексации должностных окладов судей с 2002 по 2005 г. среднемесячная заработная плата судей к концу 2005 г., по информации Минфина России, составит 59,2 тыс. руб. Таким образом, размер увеличения заработной платы судей значительно превышает установленные программные показатели.

Кроме того, в проекте федерального закона «О федеральном бюджете на 2006 год» предусмотрены ассигнования на дальнейшее повышение заработной платы судей с 1 июля 2006 г. на 32%, а в 2007 г. планируется увеличение заработной платы судей еще на 7,5%.

Во исполнение Указа Президента Российской Федерации «О совершенствовании оплаты труда лиц, замещающих отдельные государственные должности федеральной государственной службы» принят Указ Президента Российской Федерации «О совершенствовании оплаты труда Генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации и лиц, замещающих государственные должности федеральной государственной службы в Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации», в соответствии с которым введено ежемесячное денежное поощрение работникам центрального аппарата Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.

Кроме того, Указом Президента Российской Федерации «О совершенствовании оплаты труда лиц, замещающих государственные должности федеральной государственной службы в территориальных органах федеральных органов исполнительной власти, аппаратах некоторых федеральных судов и управлений (отделах) Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в субъектах Российской Федерации» введено ежемесячное денежное поощрение работникам аппаратов федеральных судов и управлений (отделов) Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в размере одного оклада с 1 апреля 2005 г.

Указом Президента Российской Федерации «О совершенствовании оплаты труда лиц, замещающих государственные должности федеральной государственной службы в аппаратах Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации

Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» введено ежемесячное денежное поощрение работникам аппаратов этих судов.

Таким образом, увеличение фонда оплаты труда работников аппаратов судов и системы Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации произведено с учетом изменения порядка его формирования. Это позволило привести условия оплаты труда работников судебной системы в соответствие с условиями оплаты труда других федеральных государственных служащих.

Увеличение заработной платы судей, работников судов и системы Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации осуществлялось на фоне постоянного увеличения их штатной численности.

За период с 2002 по 2006 г. Программой было запланировано введение 5347 единиц судей, в том числе 2097 единиц мировых судей, и 23443 единицы работников аппаратов судов, включая помощников судей Верховного Суда Российской Федерации, федеральных судей судов общей юрисдикции и арбитражных судей, работников аппаратов судов, введение должности администраторов арбитражных судов, а также института присяжных заседателей.

В соответствии с мероприятиями Программы ежегодно вводилась запланированная численность судей и работников аппаратов судов. В 2002 г. был введен суд присяжных заседателей практически во всех субъектах Российской Федерации.

При этом необходимо отметить, что увеличение численности судей и работников аппаратов судов для выполнения функций санкционирования арестов, которое Программой было запланировано на 2003—2006 гг., частично было осуществлено в 2002 г. (2500 единиц судей общей юрисдикции и 4500 единиц работников аппаратов судов) и завершено досрочно в 2003 г.

В 2006 г. к концу срока реализации Программы увеличение численности судей и работников аппаратов судов, завершилось.

Таким образом, в 2002—2005 гг., в определенной степени, задача судопроизводства по своевременному и качественному рассмотрению дел решается за счет увеличения численности судей, работников аппаратов судов, укомплектования в судах должностей помощников судей.

В связи с существенными изменениями законодательства и расширением полномочий судов общей юрисдикции, которые предусматривают передачу суду функций по избранию меры пресечения в виде заключения под стражу и продления сроков содержания обвиняемых под стражей, осуществлено увеличение численности

работников судов. В районных и приравненных к ним судах введено 10 989 единиц должностей помощников судей.

Реализация указанных мероприятий позволила сократить служебную нагрузку судей судов общей юрисдикции. Так, средняя нагрузка на судью сократилась с 45,4 до 23,2 дел в месяц.

Следует отметить увеличение численности работников аппаратов военных судов — на 151 единицу.

Укомплектование должностей администраторов — руководителей аппаратов арбитражных судов составляет 61,1%, что способствует повышению уровня организационного обеспечения деятельности судов.

Практически решена задача становления мировой юстиции. Создание института мировых судей позволило облегчить доступ населения к правосудию и разгрузить районное звено судебной системы.

Назначены и осуществляют правосудие 5977 мировых судей. В 25 субъектах Российской Федерации штат мировых судей укомплектован полностью.

Между тем в последние годы нагрузка на мировых судей возросла в несколько раз, особенно по гражданским делам и делам об административных правонарушениях. Поэтому от большинства субъектов Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации поступают предложения об увеличении численности мировых судей. Однако Программа не предусматривает дальнейшее увеличение численности мировых судей в 2003—2006 гг. и расходы на ее увеличение.

Кроме того, помимо программных мероприятий ежегодно предусматривались средства на реализацию других нормативных правовых актов, связанных с увеличением численности работников судебной системы. С учетом этого к 2006 г. численность судей увеличена еще на 3605 единиц и работников аппаратов судов — на 6558 единиц.

Одними из важнейших мероприятий, реализуемых в рамках Программы, являются строительство, реконструкция зданий и помещений судов.

В части улучшения размещения судов Программой на 2002—2006 гг. предусматривалось выделить государственные капитальные вложения Судебному департаменту при Верховном Суде Российской Федерации на новое строительство, реконструкцию и приобретение зданий судов в объеме 3900,0 млн руб. В рамках предусмот-

ренных Федеральными адресными инвестиционными программами лимитов государственных капитальных вложений на 2002—2005 гг. фактически профинансировано 3897,26 млн руб.

Из этих средств на продолжение строительства (реконструкции) 105 зданий судов, на разработку проектно-сметной документации для 21 и приобретение 22 зданий судов на 2005 г. предусмотрены государственные капитальные вложения в объеме 1013,11 млн руб. Эти работы по состоянию на 30 ноября 2005 г. полностью профинансированы. В 2002 г. Верховный Суд Российской Федерации получил капитальные вложения в размере 599,26 млн руб.

В результате заметно улучшилось положение с обеспечением судебной системы необходимыми помещениями, связанными с реализацией задачи доступности и гласности правосудия.

В 2006 г. планируется направить средства на строительство: здания Дома правосудия в г. Саратове, здания Верховного Суда Республики Татарстан и Управления Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в Республике Татарстан, Верховного Суда Чувашской Республики, Верховного Суда Республики Башкортостан, Краснодарского краевого суда.

В 2006 г. также планируется направить средства на строительство и реконструкцию зданий арбитражных судов Пензенской, Новосибирской, Амурской, Камчатской областей; Республики Бурятия, Республики Тыва, Республики Хакасия, Красноярского края, Приморского края.

Наряду с этим, Программой на 2002—2006 гг. предусмотрены государственные капитальные вложения на жилищное строительство, приобретение жилья для судей в объеме 1120, млн руб.

В то же время остается проблема в обеспечении судей жильем. Так, по состоянию на 1 января 2005 г. 710 судей судов общей юрисдикции и 1410 работников аппаратов судов не имеют жилья, 1521 федеральный судья, 550 мировых судей и 1716 работников аппаратов судов нуждаются в улучшении жилищных условий. Численность судей в системе арбитражных судов, нуждающихся в улучшении жилищных условий по состоянию на 1 сентября 2005 г., составляет 240 человек.

На мероприятия по развитию материально-технического обеспечения судебной системы Программой было предусмотрено выделить с 2002 по 2006 г. 6265,9 млн руб., в том числе:

- на капитальный ремонт зданий судов — 2037,6 млн руб.;
- на текущий ремонт зданий судов — 1200,0 млн руб.;
- на обеспечение предметами снабжения и расходными материалами — 1250,0 млн руб.;
- на информатизацию судебной системы — 1778,3 млн руб.

Фактически, с 2002 по 2005 г. расходы на их обеспечение составили 10142,2 млн руб.

Таким образом, по итогам 2005 г., объемы финансирования материально-технического обеспечения судебной системы превышают программные показатели.

Кроме того, в проектируемых расходах федерального бюджета на 2006 г. на содержание судов сохранены объемы средств, ранее выделенные из федерального бюджета в соответствии с Программой на указанные цели.

С учетом этого, по итогам 2006 г. финансовое обеспечение указанных мероприятий составит 14215,7 млн руб.

Успешно решается задача информатизации судебной системы.

На информатизацию судебной системы по программе было предусмотрено выделить 1778,3 млн руб., фактически за период с 2002 по 2005 г. выделено 1232,8 млн руб., по итогам 2006 г. финансовое обеспечение указанных мероприятий составит 1917,7 млн руб.

Количество автоматизированных рабочих мест, включенных в локальные сети в системе судов общей юрисдикции, увеличилось с 7165 в 2001 г. до 35 549 в 2005 г.; в судах областного звена фактическая обеспеченность компьютерной техникой составляет 90%, а в судах районного звена — 50%.

До конца 2005 г. все суды областного уровня будут оснащены средствами видеоконференцсвязи для проведения кассационных процессов с участием осужденных, содержащихся в следственных изоляторах. Эта работа проводится во взаимодействии с Министерством юстиции Российской Федерации. Все судьи, их помощники имеют доступ к электронным правовым базам данных. Верховные суды республик, краевые, областные и приравненные к ним суды, а также ряд районных судов имеют свои сайты в Интернете.

В системе арбитражных судов количество автоматизированных рабочих мест увеличилось с 4389 в 2001 г. до 10 600 в 2005 г.

Реализация мероприятий Программы позволила повысить эффективность судебной системы.

Важнейшими показателями эффективности реализации Программы является динамика рассмотрения дел судами, которая свидетельствует о позитивных тенденциях в судебной практике судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

Так, число дел, рассмотренных верховными судами республик по первой инстанции с нарушением процессуальных сроков, в 2004 г. снизилось на 26% и составило 500 дел или 4,1% от общего числа дел, оконченных производством. В 2003 г. их количество составляло 685 дел или 6,1%.

Районными судами с нарушением процессуальных сроков рассмотрено 261,3 тыс. гражданских дел или 12,7% от общего числа оконченных производством дел, что на 3,3% меньше, чем в 2003 г. — 343,5 тысяч или 16%.

Наблюдается общее сокращение сроков рассмотрения дел.

Доверие к арбитражным судам и их авторитет в обществе постоянно возрастает. Это наглядно подтверждается данными судебной статистики.

За период с 2002 по 2004 г. количество обращений в арбитражные суды увеличилось на 56,8%. В 2002 г. на рассмотрение в арбитражные суды поступило 854 748 заявлений, в 2003 г. — 951 778, 2004 г. — 1 340 699 заявлений. Сохраняется эта тенденция и в текущем году. За шесть месяцев 2005 г. на рассмотрение в арбитражные суды поступило уже 628 315 заявлений. Это на 14, 5% больше, чем за I полугодие 2004 г. — 548 742.

Качество правосудия определяется, в первую очередь, количеством измененных и отмененных судебных актов. Следует отметить, что на протяжении четырех лет эти показатели достаточно стабильны. Во всех трех инстанциях арбитражных судов, проверяющих законность и обоснованность судебных актов, в 2002 г. было отменено 4,9% решений, вынесенных судами первой инстанции, 2003 г. — 4,5%, в 2004 г. — 3,8%, в I полугодии 2005 г. — 4,0%. При этом доля отмененных судебных актов в апелляционной инстанции составляла в среднем 2,3%, в кассационной инстанции — около 2,0%, в надзорной — менее 1%.

Таким образом, Программа реализуется успешно и завершается в 2006 г. Вместе с тем требуется продолжение работы по дальнейшему совершенствованию судебной системы.

Современный этап социально-экономических преобразований диктует необходимость перехода судов на новый качественный уровень деятельности, ставит новые задачи дальнейшего совершенствования и развития судебной системы.

Это обуславливает необходимость серьезной государственной поддержки судов и применения программно-целевого подхода для привлечения дополнительных ресурсов в целях повышения эффективности их деятельности.

История исполнения судебных актов в России: основные этапы

Исполнительное производство от Русской Правды до Уложения 1649 г.

Одновременно с появлением первых судебных решений возникает необходимость обеспечить возможность принуждения к индивидам, не желающим по каким-либо причинам соблюдать свои действия с принятыми судебной властью решениями.

Несмотря на общепринятое в ранний период развития российского государства понимание исполнительного производства как части гражданского судопроизводства, анализ исполнительного законодательства позволяет прийти к выводу о том, что исполнительные действия, независимо от того, какой исторический этап развития законодательного регулирования подвергается анализу, предполагались настолько простыми, что в большинстве своем поручались не судьям (судам) как органам власти, обладающим специальными качествами, которые необходимы для решения первой задачи, а другим, «низшим» органам (праветчикам, полиции, волостному и сельскому начальству, позднее — судебным приставам, органам милиции и волисполкома, судебным исполнителям). Исключение здесь составляет период с 1261 по 1649 г., когда судьи могли сами исполнять решения по делам о недвижимом имуществе, однако они вправе были поручить совершение исполнительных действий и назначенным ими же самими лицам¹, из чего можно предположить, что судьи вряд ли пользовались правом исполнения.

Исследование исполнительного процесса в этом отношении всегда было делом неблагодарным. С одной стороны, приходилось придерживаться официальной версии о том, что «процесс приведения решения в исполнение является частью общего гражданского судебного процесса, а все действия по исполнению должны совершаться в том же порядке и теми же основными приемами, что и действия самого суда по разбору дела». С другой стороны, нельзя было не заметить, что исполнение решений всегда «находилось в руках менее квалифицированных работников»².

¹ См. по этому поводу: Михайлов М. История образования и развития русского гражданского судопроизводства до Уложения 1649 г. СПб., 1848. С. 120—121.

² См.: Рындзюнский Гр. Исполнение судебных решений. Изд-е 2-е, пересмотр. и исправ. М. Юр. изд-во Наркомюста РСФСР, 1927. С. 3.

В числе первых российских источников права, содержащих нормы исполнительного характера, можно отметить Договор Олега с греками, в котором было установлено, что «с виновного должно взыскать иск вполне, если же он не может заплатить все, то должен отдать все, что имеет, и присягнуть в том, что нет никого, кто бы мог ему помочь в уплате»¹, а также Русскую Правду, где предусматривалась возможность поступать с должником-купцом по «произволу» хозяина погибшего по вине этого купца товара.

Однако «нормами исполнительного права» названные правоположения можно назвать лишь условно. Указанные российские правила практически повторяют положения древнеримского права, по которому сам кредитор при наступлении срока платежа мог арестовать должника и путем продажи его с публичных торгов получить удовлетворение из вырученной суммы либо держать ответчика у себя до полной отработки долга. Таким образом, расправа по обязательствам могла производиться без суда и состязательного или следственного начала. Подобные нормы содержались в договоре Новгорода с немцами 1261 г. По Новгородской Судной грамоте стороне дозволялось получить самостоятельное удовлетворение от должника, но лишь по истечении срока на добровольное исполнение, который в случае спора мог устанавливаться и в судебном порядке². Как видим, исполнительное производство в это время могло существовать совершенно автономно от гражданского процесса, так же как и последний мог обходиться без исполнительного.

С течением времени самовольная расправа (*Selbsthiilfe*) была запрещена, арест стал налагаться только с разрешения судебной власти³. Однако на окраинах Российской Империи вплоть до XVII в. признавались законными действия кредитора, самоуправно заставшего заложным ему должником имуществом после просрочки платежа⁴.

Первая реформа исполнительного производства в России 1261 г. обращает на себя внимание появлением первого законодательно урегулированного способа исполнения судебных решений, получившего название «отдача головою». «Отдача головою» предусматривала лишение несостоятельного должника и членов его семьи (жены, детей) свободы и продажа их в рабство с торгов. Если же взыскатель был в единственном числе, он мог взять должника к

¹ Михайлов М. Указ. соч. С. 118.

² Там же. С. 119—120.

³ См.: Малышев К. Курс гражданского судопроизводства в 3-х томах. СПб., Т. 3. 1879. С. 373—374.

⁴ См.: Там же. Примечание 123. С. 405.

себе в рабы. Чуть позже «вечное рабство» было заменено временной работой, при которой должник либо сам отработывал долг, либо его могли выкупить другие лица. Подобная мера исполнения достаточно привлекательна в силу своей эффективности, но заметим, что эта мера для демократического государства, конституционно не признающего принудительный труд, невозможна.

Реформа 1261 г. интересна и тем, что в ходе ее реализации появились первые должностные лица, специализирующиеся на исполнении судебных решений о взыскании денежных сумм, названные «праветчиками». Задача «праветчиков» состояла в том, чтобы «доправить иск», т.е. реально передать займодавцу присужденное ему с ответчика имущество или денежные средства без лишения свободы должника. Соответственно меры, которые применяли праветчики к должникам, назывались «правежем», а при неэффективности правежа ответчика отдавали займодавцу головой до выкупа. Контроль суда за процессом исполнения по реформе 1261 г. ограничивался реализацией решений о праве собственности на землю, которым в Средние века в России придавалось особое значение. Исполнение таковых решений поручалось особо назначенными в судебном порядке лицами, но могло производиться и самими судьями.

Судебниками 1497 и 1550 гг., а также Уложением 1649 г. начинают разделять три способа исполнения судебных решений: взыскание с имущества должника, правеж и отдача головою. Последний способ применялся только в тех случаях, когда в течение одного месяца правеж не дал желаемых результатов, а должник не имел ни имущества, ни поручителей по оплате долга.

В 1628 г. законодательно закрепляется первый перечень имущества (к такому имуществу были отнесены поместья и вотчины ответчика¹), на которое нельзя обращать взыскание в порядке исполнительного производства, что предопределило впоследствии выделение современного принципа неприкосновенности минимума средств существования должника.

Через два десятилетия начинает определяться принцип неприкосновенности личности должника, но действует этот принцип ограниченно и не распространяет свою силу на лиц, принадлежащих к податному сословию и служилых людей низших чинов, к которым еще применялась такая мера принудительного исполнения, как отдача головою. К лицам прочих званий, а также стрельцам, мог применяться лишь правеж и обращение взыскания на имущество.

В Уложении 1649 г. была предусмотрена и очередность удовлетворения взысканий, если с одного должника подлежало взыскать

¹ См.: Михайлов М. Указ. соч. С. 121.

несколько требований. Установление очередности и исполнительных иммунитетов отражало приоритеты социальной политики государства на конкретном этапе его развития. Долг иностранца по реформе 1649 г. имел преимущество перед взысканиями в пользу русских, казенные долги — перед взысканиями в пользу частных лиц.

Основанием исполнительного процесса до реформы 1864 г. могли служить не только судебные решения, но и другие судебные и нотариальные акты, а в некоторых случаях даже «частные» и «домашние» документы. Порядок исполнительного производства не был четко урегулирован и зависел от местных особенностей и учреждений, занимающихся исполнительными делами.

Но уже в этот период исполнительный процесс стал проходить в более или менее определенном порядке, прослеживались следующие стадии исполнительного производства.

1. *Возбуждение исполнительного производства.* Оно происходило путем подачи кредитором в полицию или суд соответствующей просьбы об исполнении.

2. *Подготовка к совершению исполнительных действий* (она называлась «прелюдией ко взысканию»). На этой стадии присутственное место посылало извещение должнику о необходимости произвести предусмотренный исполнительным актом платеж либо ответить суду в определенный срок. В повестке мог быть назначен день заседания, на котором будут заслушаны объяснения сторон по поводу совершения исполнительных действий. На заседании должник опрашивался прежде всего о подлинности или подложности акта, по которому следовало производить взыскания. По истечении срока на добровольное исполнение или после заседания суд немедленно выносил определение о взыскании, сообщая об этом полиции для исполнения. Если в ходе подготовительных действий в полицию или суд поступали возражения от должника, судья был вправе остановить взыскание, если сочтет возражения доказанными либо признает дело спорным. В остальных случаях исполнение переходило в следующую стадию, а должнику предоставлялось право защищать свои интересы общим судебным порядком (*condictio sine causa*).

3. *Принудительное взыскание*, выражающееся в применении к должнику ареста и других принудительных мер исполнения. До судебной реформы 1864 г. принудительное исполнение бесспорных взысканий по договорным обязательствам было отнесено к компетенции губернских правлений, а впоследствии (с 1775 г.) передано в ведомство подчиненных им полицейских управлений, взыскание же по закладным могли производиться и в судебных местах.

Описанная структура стадийности была настолько идеальной, что сохранилась до настоящего времени практически неизменной.

Исполнительное производство по Уставу гражданского судопроизводства 1864 г.

В Уставе гражданского судопроизводства 1864 г. (с последующими дополнениями) по окончании глав, определяющих судопроизводство в отдельных судебных инстанциях, содержались главы, регулирующие исполнение соответствующих актов¹. Даже институт вступления решения в законную силу (ст. 892 УГС, гл. 1 «О законной силе судебного решения») был в дореволюционной России отнесен к разделу V УГС «Об исполнении судебных решений».

Когда частное лицо обращалось к государственной власти за содействием в осуществлении своих прав, власти предстояло:

- 1) проверить правомерность требования истца,
- 2) осуществить требование, если оно окажется правомерным².

Вторая задача сводилась к применению мер физического принуждения, и подобного рода действия, совершаемые с целью осуществления признанных судом правомерными требований граждан, образовали производство по исполнению судебных решений или исполнительное производство³. Законодательно второй задаче⁴, судя по количеству норм, регулирующих ее правомерное осуществление, придавалось едва ли не большее значение, чем первой. Представители ранней советской правовой науки лукавили, когда писали о том, что Устав содержал 300 статей по вопросу об исполнении,

¹ Глава 9 УГС «Об исполнении решений мировых судей», гл. 10 УГС «О принудительном исполнении по актам», Отделение 3 «Предварительное исполнение судебных решений», раздел V УГС «Об исполнении судебных решений» и др. // Устав гражданского судопроизводства: Свод законов. Т. XVI. Изд. 1882, доп. со всеми продолжениями и позднейшими узаконениями до 15 января 1913 г. Составитель Н. Озерецкий. Изд. юрид. книжного магазина. СПб., 1913.

² См.: *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского процесса. М. 1914. С. 3.

³ См.: *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского процесса. 2-е изд., перераб. М., 1917. С. 367.

⁴ Двойную задачу суда: 1) рассмотрение и разрешение тяжбы и 2) приведение в исполнение собственное решение, отмечали и другие процессуалисты, в частности Л. Камбек в «Опыте начертания гражданского судопроизводства по российским законам». Казань, 1848. С. 4.

однако и это весьма заниженное количество характеризовалось как «мелочная регламентация»¹.

В этой связи невозможно не заметить сходство современной правовой ситуации с российскими реформами XIX в., в особенности в отношении правил исполнения судебных и иных актов, а также контроля суда за исполнительными действиями. Вывод Кронида Малышева, сделанный по результатам изучения деятельности служб приставов, звучит настолько актуально, что трудно поверить, что сделан он был в 1879 г.: «В России ... учреждения судебных приставов настолько новы, что до сих пор еще не успели упрочиться и развить свою исполнительную деятельность»².

По Уставу гражданского судопроизводства 1864 г. выбор способа исполнения (передача имущества натурой, производство за счет ответчика действий и работ, обращение взыскания на движимое и недвижимое имущество) зависел от истца (ст. 935 Устава гражданского судопроизводства) и становился известным суду (председателю суда) от судебного пристава, которому истец и сообщал о своем выборе. Возможно, именно потому взыскатель наряду с судом и судебным приставом считался органом исполнительного производства.

Суд же в исполнительном производстве того времени имел двойственное положение — он считался также обязанным субъектом, так как на основании ст. 893 Устава гражданского судопроизводства решение, вступившее в законную силу, было обязательно не только для самих тяжущихся, но и для суда, его постановившего³.

До Устава основанием предварительного санкционирования судом возникновения исполнительных правоотношений выступала «правежная выпись», которую суд выдавал истцу в целях ее последующего предъявления к исполнению на производство правежа. Отсюда можно сделать вывод о том, что решения суда самого по себе было недостаточно для применения способов принудительного исполнения, исполнительным документом выступало не судебное решение, а правежная выпись, преобразовавшаяся с 1864 г. в российский закон в исполнительный лист.

¹ См.: *Лучанинов В.* Исполнение судебных решений, приговоров и определений судов и бесспорных взысканий. Справочная книжка-комментарий для народных судов, судебных исполнителей, органов милиции и волисполкомов/ Под ред. Ф.И. Вольского. М.: Изд-во Московского губ. суда, 1925. С. 5.

² *Малышев Кронид.* Курс гражданского судопроизводства. Т. 3. СПб.: Типография М.М. Стаполевича, 1879. С. 48.

³ См.: *Гордон В.М.* Устав гражданского судопроизводства по официальному изданию 1892 г., сводному продолжению 1912 г. и позднейшими узаконениями для местностей. СПб.: Изд. Мартынова, 1914. С. 675.

Следует заметить, что предусмотренный Уставом гражданского судопроизводства 1864 г. порядок выдачи исполнительного листа и требования, при выполнении которых этот документ становился легитимным, восприняты современным правом практически в неизменном варианте. Единственное дополнительное действие, совершаемое судом в рамках предварительного санкционирования начала процесса исполнения, — назначение по просьбе взыскателя судебного пристава для приведения решения в исполнение.

Несмотря на то, что за действиями пристава наблюдал взыскатель и официально обязанности контроля за совершением исполнительных действий на суд в силу ст. 925 Устава гражданского судопроизводства не возлагались, объем действий судебного пристава, подлежащих предварительному судебному санкционированию, был гораздо более широким, чем в действующем исполнительном законодательстве. Так, отсрочить исполнительное производство при отсутствии согласия на то взыскателя или расписки взыскателя о получении присужденной суммы судебный пристав мог лишь на основании определения суда. Предварительному судебному санкционированию подлежало совершение самим взыскателем действий, указанных в судебном решении в качестве обязанностей ответчика, когда последний не совершал их после объявления судебного пристава о необходимости совершения действий. В таком случае истец приносил в суд, в округе которого производились исполнительные действия, частное прошение о совершении им самим необходимых действий с последующим взысканием произведенных в связи с этим расходов с ответчика. Данный вид предварительного судебного санкционирования относился к числу необязательных, так как истец мог производить необходимые работы и без разрешения суда, однако такое производство ставило под сомнение возможность взыскания произведенных затрат с ответчика.

Последующий судебный контроль за исполнительными правоотношениями был закреплен в ст. 962—966 Устава гражданского судопроизводства¹ и предполагал возможность подачи жалобы на неправильные действия судебного пристава в течение двух недель с момента совершения оспариваемого действия. При этом жалобу могли подавать не только стороны исполнительного производства, но и посторонние лица, предполагавшие нарушение собственных интересов действиями судебного пристава. Жалоба подлежала рас-

¹ См.: *Устав* гражданского судопроизводства 1864 г.: Свод законов. Т. XVI. Изд. 1882, доп. со всеми продолжениями и позднейшими узаконениями до 15 января 1913 г. Составитель Н. Озерецкий. Изд. юрид. книжного магазина. СПб., 1913. С. 237.

смотрению в том суде, в округе которого исполнялось решение, и не приостанавливала обжалуемое действие, если только о приостановлении исполнительного производства не выносилось судом специального определения.

Между тем регламентация исполнительных правоотношений Уставом гражданского судопроизводства 1864 г., содержала пробелы, на которые обращали внимание ученые-правоведы. Так, Е.А. Нефедьев отрицательно характеризовал отсутствие в Уставе гражданского судопроизводства уголовной ответственности за неподчинение требованиям судебного решения в части совершения действий, противоречащих решению суда. В качестве примера, когда устранения в частном порядке последствий действий ответчика явно недостаточно, необходимо еще и уголовное наказание, Е.А. Нефедьев приводил следующий казус. Ответчик, понизивший в силу вынесенного судебного решения уровень воды в пруду, после окончания исполнительного производства вновь поднял воду до прежнего уровня. Также Е.А. Нефедьев полагал негативной практику возвращения в суд как исполненного исполнительного листа о присуждении ответчика к совершению определенных действий (ст. 957 Устава гражданского судопроизводства) на основании взятой судебным приставом с ответчика подписки о том, что он исполнит судебное решение. Устранить пробел предлагалось введением в Устав гражданского судопроизводства норм, разрешающих устранить в частном порядке действия, препятствующие исполнению решения, или взыскать убытки с ответчика¹.

Таким образом, реформами 1864 г. полицейский, административный порядок взыскания был отменен, и все исковые гражданские дела были отнесены к исковому производству, предваряющему исполнительный процесс. Все встало на свои места: прежде чем осуществить спорное правопритязание принудительным путем, необходимо было проверить судом его правомерность. Взаимоотношение искового и исполнительного процесса лишь к началу XIX в. стало таковым, что первое должно было предшествовать второму и служить для него основой².

Однако пережитки старой судебной системы давали о себе знать. Так, в крестьянском сословии закон поручал сельским старостам понуждать к исполнению условий и договоров с участием крестьян, когда эти договоры не оспаривались самими крестьянами.

¹ См.: *Нефедьев Е.А.* Учебник русского гражданского судопроизводства. М.: Университетская типография, 1904. С. 295.

² См.: *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского процесса. М., 1917. С. 4.

Что касается торговых и вексельных споров, отнесенных к компетенции созданных в 1821 г. коммерческих судов, то согласно Устава судопроизводства в судах коммерческих, подготовленного Сперанским и принятым Государственным Советом Российской Империи в 1832 г., исполнение их решений происходило через полицию¹, а в послереформенный период также через службу приставов. Коммерческий суд не заведовал исполнением своих собственных решений, а лишь выдавал на их основе исполнительные листы². Для усиления надзора за приставами допускалось только в некоторых случаях рассмотрение дел об исполнении решений, вынесенных коммерческими судами, самими коммерческими судами.

Прогрессивные юристы второй половины XIX в. (А.Х. Хохряков, Н.И. Барковский и др.) негативно высказывались по поводу изъятия у некоторых коммерческих судов (в частности, коммерческих судов Варшавского судебного округа) права контролировать исполнение собственных решений посредством разрешения возникших споров по их исполнению. Отрицательную оценку получила и невозможность контроля коммерческого суда за обеспечением исполнения и предварительным исполнением судебных решений исполнительными органами и должностными лицами³. Поставить деятельность органов исполнения под непосредственный контроль суда в конце XIX в. призывал Л. Барсов, полагая, что возможность обжалования действий приставов тяжущимися не достигает цели постоянного и непосредственного наблюдения за законностью действий судебных приставов⁴.

В результате судебной реформы 1864 г., основываясь на Уставе гражданского судопроизводства, были пересмотрены старые способы исполнения решений. К мерам принудительного исполнения стали относить:

- 1) передачу имущества натурой лицу, которому оно было присуждено;
- 2) производство за счет ответчика тех действий или работ, которые должны быть совершены в назначенный судом срок;
- 3) обращение взыскания на имущество должника (движимое и недвижимое).

¹ См.: *Архипов И.В.* Коммерческое судоустройство и судопроизводство России в XIX в. (проблемы модернизации). Саратов, 1999. С. 94.

² См.: *Мальшев К.* Курс гражданского судопроизводства в 3-х томах. Т. 3. СПб., 1879. С. 298.

³ См.: *Архипов И.В.* Указ. соч. С. 59—60.

⁴ См.: *Барсов Л.* Состязательное начало в постановлениях Устава гражданского судопроизводства об исполнении судебных постановлений // Журнал Министерства юстиции. 1897. № 6. С. 184—185.

Что касается последнего способа исполнения решения, то Устав гражданского судопроизводства говорил об обращении взыскания на движимое и недвижимое имущество как об отдельных способах исполнения (ст. 933)¹, тогда как в теории гражданского процессуального права указанные способы не разделялись², что подтверждает тезис о неполном соответствии теории и законодательной практики развития российского исполнительного права.

В этот же период была проведена классификация субъектов исполнительных правоотношений. Участники исполнительного производства делились на государственные (суд, судебный пристав) и частные (стороны: взыскатель и должник, а также третьи лица, если их интересы затронуты процессом взыскания). Взыскателем именовалось лицо, в пользу которого постановлено решение, подлежащее исполнению, а должником — лицо, против которого решение исполняется. Обычно взыскателем являлся истец, выигравший судебное дело, а должником — ответчик. Но бывало и наоборот, когда, например, ответчику были присуждены с истца судебные издержки.

Особый интерес в этот период представляют элементы системы исполнительных правоотношений, так как их кристаллизация произошла именно в конце XIX в. Как основные элементы данной системы выделились две группы: 1) правоотношение взыскатель — судебный пристав и 2) правоотношение судебный пристав — должник. Первое правоотношение формировалось по следующей схеме.

- Судебный пристав был обязан приступить к исполнению решения немедленно по получении исполнительного листа. Сам исполнительный лист выдавался взыскателю по устной или письменной просьбе Председателем суда (ст. 926, 928 Устава), и в нем были указаны стороны, суть дела и резолютивная часть подлежащего исполнению судебного решения (ст. 927 Устава). С назначением судебного пристава Председатель суда передавал исполнительный лист либо сразу приставу, либо тяжущемуся для последующей передачи приставу, последний был обязан доносить Председателю суда обо всех отсрочках по исполнению решения и об избранных способах исполнения (ст. 939, 940 Устава)³.

¹ См.: *Устав гражданского судопроизводства*. Свод законов. Т. 14. Изд. 1892, доп. по всем продолжениям и позднейшим узаконениям до 15 января 1913 г. Составитель Н. Озерский. СПб., 1913. С. 237.

² См.: *Нефедьев Е.А.* Гражданский процесс. М., 1900. С. 383.

³ См.: *Устав гражданского судопроизводства*. Свод законов. Т. 14. Изд. 1892, доп. по всем продолжениям и позднейшим узаконениям до 15 января 1913 г. Составитель Н. Озерский. СПб., 1913. С. 237—240.

- За всеми действиями судебного пристава обязан был наблюдать взыскатель, так как на суд таковой обязанности не возлагалось (ст. 925 Устава)¹.

- Пристав был обязан не только подчиняться требованиям взыскателя, но и проверять их правильность, для чего собирать все необходимые сведения.

- Взыскатель мог присутствовать при действиях судебного пристава по исполнению решения, но не должен был вмешиваться в само исполнение и не вправе был делать распоряжения, принадлежащие к кругу действий самого пристава (ст. 949 Устава)².

- На неправомерные действия судебного пристава взыскатель мог в течение двух недель со дня совершения оспариваемого действия подать жалобу. Жалобы на неправильное исполнение решения и все другие, связанные с исполнением, споры (за исключением споров, касающихся толкования решения) подлежали рассмотрению в суде, в округе которого исполняется решение (ст. 962 Устава). Подача жалобы не приостанавливала действия пристава по исполнению, если только о приостановлении исполнительного производства не последовало специального определения суда (ст. 965 Устава). Споры и жалобы по исполнению решения разрешались в сокращенном порядке, который предусматривал высылку противоположной стороне копии прошения и заслушивание этой стороны, если она явится к назначенному сроку (ст. 966 Устава)³. Правом на жалобу обладали также должник и иные лица, интересы которых могли быть нарушены неправомерными действиями пристава.

Правоотношение судебный пристав — должник развивалось следующим образом.

- Судебный пристав извещал должника о начале исполнительного производства повесткой об исполнении, которая содержала в себе сущность приводимого в исполнение решения, наименование взыскателя, место исполнения и время на добровольное исполнение (ст. 943 Устава)⁴.

- При исполнении решения должник мог воспользоваться следующими правами:

- пригласить для присутствия при исполнении решения одного или двух свидетелей;

¹ См.: *Устав гражданского судопроизводства*. Свод законов. Т. 14. Изд. 1892, доп. по всем продолжениям и позднейшим узаконениям до 15 января 1913 г. Составитель Н. Озерецкий. СПб., 1913. С. 237.

² См.: Там же. С. 242.

³ См.: Там же. С. 244—245.

⁴ См.: Там же. С. 240.

— знакомиться с записями судебного пристава в особый журнал исполнительного производства (ст. 950 Устава)¹, делать выписки из него за установленную плату (ст. 951 Устава)²;

— обжаловать в суд неправомерные действия судебного пристава (ст. 962 Устава)³;

— взыскивать с пристава убытки, причиненные его неправомерными действиями.

- При приведении решения в исполнение должник должен был потребовать расписки и соответствующей отметки от судебного пристава на исполнительном листе, который представлялся в суд, выдавший решение.

Если должник оказывал сопротивление судебному приставу, правоотношение могло дополняться участием полиции и даже военной силы.

Как видим, диспозитивность действий для должника в этот период практически не предусматривалась.

¹ См.: *Устав* гражданского судопроизводства. Свод законов. Т. 14. Изд. 1892, доп. по всем продолжениям и позднейшим узаконениям до 15 января 1913 г. Составитель Н. Озерецкий. СПб., 1913. С. 242.

² См.: Там же.

³ См.: Там же. С. 244—245.

Понудительное исполнение в Российской империи с 1889 по 1917 г.

Основанием возбуждения исполнительного производства в конце XIX — начале XX в. могла выступать резолюция члена окружного суда на «понудительное исполнение» отдельных требований и взысканий. «Понудительное исполнение» было введено в российский гражданский процесс Законом от 29 декабря 1889 г. «О производстве судебных дел у земских начальников и городских судей» с целью упростить и ускорить производство дел, не представляющих трудности при из разрешении. Оказавшись целесообразным и удобным, «понудительное исполнение» в 1912 г. Законом «О реформе местной юстиции» распространилось на общие и мировые судебные учреждения, заменив собой упрощенное производство.

«Понудительное исполнение» дореволюционной России характеризовалось следующими чертами:

- имело своей целью упрощения и ускорения производства по несложным делам;
- просьба об исполнении разрешалась судьей единолично (ст. 365 Устава гражданского судопроизводства);
- ответная сторона в суд не вызывалась (ст. 161⁵ Устава гражданского судопроизводства);
- при отказе в выдаче исполнительного документа или его отмене заявитель мог предъявить то же требование в исковом порядке (ст. 161²¹ Устава гражданского судопроизводства¹).

Таким образом, составляя «комбинацию искового процесса с порядком исполнения решений»², практически по всем признакам «понудительное исполнение» напоминает современное приказное производство.

¹ См.: *Устав гражданского судопроизводства 1864 г.*: Свод законов. Т. XVI. Изд. 1882, доп. со всеми продолжениями и позднейшими узаконениями до 15 января 1913 г. Составитель Н. Озерецкий. Изд. юрид. книжного магазина. СПб., 1913. С. 66—69, 122—123.

² *Васьковский Е. В.* Учебник гражданского процесса. 2-е изд., перераб. М., Издание бр. Башмаковых, 1917. С. 322.

Возражения против взыскания останавливали взыскания тогда только, когда немедленно доказаны или когда дело признано спорным¹.

Если место пребывания должника не было обнаружено и по этой причине повестка не была ему вручена, взыскатель мог просить суд о назначении защитника для охраны (представления) интересов ответчика. Такое право было предоставлено сторонам Законом от 12 марта 1914 г., согласно которому обязанности защитника должника, место пребывания коего не обнаружено, исполнял присяжный поверенный, назначаемый судом (ст. 394 Устава)².

Если назначить в качестве защитника присяжного поверенного было затруднительно, защитником мог быть частный поверенный или один из старших кандидатов на судебную должность. Защитником могло быть назначено также лицо, заведующее имуществом или делами ответчика, либо имеющее доверенность относительно его имущества, либо состоящее поверенным ответчика по делу, вынесенное решение по которому надлежало исполнить (ст. 967³ Устава). Защитник принимал доступные для него меры к розыску места пребывания ответчика и к оповещению его о возникшем производстве (ст. 967⁴ Устава), почитался уполномоченным принимать за ответчика повестку об исполнении, подавать жалобы на совершаемые в процессе исполнения действия, а также иным образом защищать интересы ответчика в исполнительном производстве до вступления в процесс самого ответчика, уполномоченного им поверенного либо до вручения ответчику повестки об исполнении. Единственное ограничение прав защитника — установленное законом запрещение заключать со взыскателем мировое соглашение (ст. 967⁶ Устава)³.

¹ *Малышев Кронид*. Курс гражданского судопроизводства. Типография М.М. Станполевича. Т. 3. СПб., 1879. С. 408—409.

² См.: *В. Гордон*. Устав гражданского судопроизводства по официальному изданию 1892 г., сводному продолжению 1912 г. и позднейшими узаконениями для местностей. СПб., 1914. С. LXXXIII.

³ См.: Там же. С. LXXXV.

Советский период развития исполнительного производства

Октябрьская революция 1917 г. несколько иначе расставила акценты в исполнительном производстве. Многие разработки процессуальной теории и институты права были отвергнуты по причине их «буржуазности». Права, даже признанные судебным решением, предполагалось охранять законом лишь постольку, поскольку их осуществление не входило в противоречие с их социально-хозяйственным назначением¹, а органы исполнения организовывались «волею и революционным творчеством масс»². Исполнительное производство как совокупность общественных действий и правоотношений продолжало и в этот период отражать приоритеты государственной и социальной политики на соответствующем этапе, что особенно ярко проявлялось в регулировании таких институтов, как очередность имущества, на которое налагалось взыскание, и очередность удовлетворения требований различных категорий взыскателей, имущественные и субъектные иммунитеты при денежных взысканиях, возможность и порядок обжалования действий органов исполнения, правосубъектность участников исполнительного производства, исполнительные расходы и ответственность.

Так, Декрет о суде № 2 от 7 марта 1918 г.³ предусматривал, что исполнение решений до избрания новых органов исполнения должно производиться Красной гвардией по установленному ранее порядку. Все решения предполагалось исполнять немедленно, не взирая на возможное обжалование. Инструкция Наркомюста РСФСР от 23 июля 1918 г. «Об организации и действии местных народных судов» ограничила немедленное исполнение решениями по делам, по которым присуждено не более 500 руб.⁴, а Положение о народном суде от 21 октября 1920 г. и вовсе предоставило право решать вопрос о предварительном исполнении решения народному

¹ См.: *Гойхбарг А.Г.* Курс гражданского процесса. М.-Л., 1928. С. 265—266.

² *Валеева Р.Х.* Органы исполнения судебных решений по советскому гражданскому процессуальному праву. Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Л., 1961. С. 5.

³ См.: СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420.

⁴ См.: СУ РСФСР. 1920. № 52. Ст. 589.

суду, вынесшему это решение; все же остальные решения исполнялись лишь по истечении срока на обжалование¹.

Принятый 7 июля 1923 г. первый Гражданский процессуальный кодекс РСФСР, вступивший в силу с 1 сентября того же года², содержал специальный пятый раздел, где находились нормы, регулирующие исполнительное производство. Исполнение судебных решений было предоставлено сторонам. И только в случае отказа от добровольного исполнения взыскатель мог просить суд, вынесший решение, о принудительном исполнении последнего и о выдаче исполнительного листа. Целью исполнительного производства стало «быстрое, удобное и дешевое исполнение требований кредитора... и сохранение должника как хозяйственной, как рабочей силы»³.

Приставы, полиция, красногвардейцы как органы исполнения ушли в небытие, органами исполнения судебных решений стали судебные исполнители, которые состояли при судах вплоть до реформы исполнительного производства 1997 г. Кроме судебных исполнителей особым Циркуляром Наркомюста и НКВД от 12 февраля 1925 г. № 48/75 допускалось исполнение судебных решений органами милиции и волисполкомов (как правило, начальниками района рабоче-крестьянской милиции или председателями волисполкомов), которые действовали по тем же правилам, что и судебные исполнители. Для возбуждения исполнительного производства на основании исполнительного листа взыскатель должен был обратиться к указанным лицам с устным или письменным заявлением. Повестка о возбуждении исполнительного производства доставлялась судебным исполнителем должнику немедленно после получения исполнительного листа (кроме случаев, когда исполнялось определение суда об обеспечении иска).

Срок на добровольное исполнение устанавливался обычно в самом судебном решении. Если же судья не указывал в решении конкретного срока, его мог установить судебный исполнитель, но не более семи дней по обычным взысканиям. Однако при взыскании заработной платы срок на добровольное исполнение не мог превышать трех дней, а при взысканиях с государственных предприятий он, наоборот, удлинялся и составлял от двух недель до одного месяца. Таким образом, в законодательном регулировании исполнительного производства проявлялась доминирующая роль государственных интересов над частными и особое покровительство государства трудовых интересов и прав работников и служащих.

¹ См.: СУ РСФСР. 1920. № 83. Ст. 407.

² См.: *Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1923 г.* С изм. и доп. до 1 мая 1928 г. М.: Юриздат, 1928.

³ *Гойхбарг А.Г.* Курс гражданского процесса. М.-Л., 1928. С. 266.

Реформой 1923 г. была законодательно установлена очередность удовлетворения взысканий, которая также несла в себе отражение приоритетов государственной охраны отдельных прав и защищаемых законом интересов. Вне очереди удовлетворялись расходы по исполнительному производству, очевидно, по той причине, что их нес государственный бюджет. Попытка преемственности данной нормы современным законодателем не увенчалась успехом: пункт 1 ст. 77 Федерального закона «Об исполнительном производстве», на основании которого из денежной суммы, взысканной судебным приставом-исполнителем, в первую очередь оплачивался исполнительный сбор, а требования взыскателя удовлетворялись в последнюю очередь, был признан Конституционным Судом РФ не соответствующим ст. 18, 19 (ч. 2 и 3), 45 (ч. 1) и 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации¹. Судебная практика, в силу которой предполагалось правомерным применение штрафной ответственности к руководителям банков и иных кредитных учреждений за взыскание исполнительного сбора в третью очередь, была исправлена Верховным судом Российской Федерации в 2002 г.²

Первоочередными по ГПК РСФСР 1923 г. признавались взыскания по заработной плате рабочим и служащим, по социальному страхованию и алиментным платежам. Во вторую очередь удовлетворялись требования о взыскании недоимок по налогам и сборам, в третью очередь — претензии государственных органов, вытекающих из договоров подряда и поставки. Четвертую очередь составляли претензии, обеспеченные залогом в отношении заложенного имущества. В пятую очередь удовлетворялись оставшиеся претензии государственных учреждений и предприятий, учреждений сельскохозяйственного кредита, кооперативных организаций и акционерных обществ (акционерами которых являлись только государствен-

¹ См.: *Постановление Конституционного Суда РФ от 30 июля 2001 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности положений подп. 7 п. 1 ст. 1, п. 1 ст. 7 и п. 1 ст. 81 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в связи с запросами Арбитражного суда Воронежской области, Арбитражного суда Саратовской области и жалобой открытого акционерного общества «Разрез "Изынский"»* // Собрание законодательства РФ. 2001. № 32. Ст. 3412.

² См.: *Определение Судебной Коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 15 февраля 2002 г. по протесту заместителя Генерального прокурора Российской Федерации об отмене определения Печорского городского суда, определения судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Коми и постановления президиума Верховного Суда Республики Коми, отказавших в удовлетворении жалобы директора Печорского филиала ОАО Комирегионбанка «Ухтабанк» П. на постановление судебного пристава-исполнителя от 21 февраля 2000 г. о наложении штрафа* // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2002. № 9. С. 8—9.

ные и кооперативные учреждения и предприятия), в шестую — претензии остальных кредиторов.

Жалобы на действия судебного исполнителя можно было подавать народному судье в течение семи дней со дня совершения обжалуемого действия или со дня, когда о его совершении стало известно жалобщику. Постановления, вынесенные по вопросу жалобы народным судьей, являлись окончательными и дальнейшему обжалованию не подлежали.

За исполнением решений арбитражных комиссий, созданных в России в 1922 г. и действовавших до учреждения в 1931 г. Государственного арбитража, которые рассматривали споры имущественного характера между государственными предприятиями и организациями, надзирали члены этих комиссий. Они же руководили действиями судебного исполнителя в данной области. Если учитывать, что арбитражные комиссии создавались, как правило, при совнаркомках и областных экономических совещаниях, а Высшая арбитражная комиссия — при Совете труда и обороны, то нет ничего удивительного в том, что деятельность этих комиссий носила больше административный, чем судебный характер.

Законом ограничивался перечень имущества, на которое можно обратить взыскание, особенно широкий перечень был установлен в отношении имущества крестьянского двора¹. Что касается взысканий с государственных учреждений, находящихся на государственном бюджете, то тут и вовсе был установлен «исполнительный иммунитет»: на принадлежащее им имущество ни при каких условиях обратить взыскание было нельзя, можно было лишь жаловаться на это учреждение в административном порядке.

При обращении взыскания на заработную плату за работником или служащим в любом случае после всех удержаний должно было остаться не менее 50% заработка (ст. 289 ГПК РСФСР 1923 г.).

На имущество должника взыскание обращалось путем составления описи и ареста имущества, при этом были установлены особые правила обращения взыскания на строения, права застройки, денежные суммы и имущества, находящиеся у третьих лиц². Продажа арестованного имущества осуществлялась с публичного торга или, с согласия взыскателя и должника, через биржевого маклера на товарной бирже. Срок между арестом и продажей арестованного имущества не мог быть менее семи дней (за исключением скоропортящихся товаров) и не более одного месяца. Сроки в большинстве случаев соблюдались.

¹ См.: *Гойхбарг А.Г.* Курс гражданского процесса. М.—Л., 1928. С. 274—275.

² См.: Там же. С. 279.

После принятия Конституции СССР 1936 г. многие отрасли российского права подверглись реформированию, целью которого было показать успехи социалистического государства и победу социализма в нашей стране. Не избежало этой участи гражданское процессуальное право и его институты, одним из которых считалось исполнительное производство. Нормативным актом, являющимся основой для развития исполнительного производства в этот период, стала Инструкция Наркомюста СССР от 28 сентября 1939 г. «О порядке исполнения судебных решений». Исполнению судебных решений стало придаваться особое значение как «важному средству укрепления социалистической законности..., пресечения и предупреждения правонарушений, ... воспитания граждан в духе неуклонного соблюдения советских законов и уважения правил социалистического общежития»¹. Инструкция подробно регламентировала порядок применения различных мер принудительного исполнения решения, делопроизводство и отчетность судебных исполнителей, обжалование их действий и призвана была способствовать реальному осуществлению прав участвующих в деле лиц, установленных и подтвержденных судебными решениями². Однако Инструкция, как, впрочем, и все другие нормативные акты по исполнению, изданные ранее и позднее, не смогла в полной мере достичь своей цели, так как менее чем через два года после ее издания в связи с началом Великой Отечественной войны Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 30 августа 1941 г. было указано судам на необходимость приостановления исполнения вступивших в законную силу судебных решений по гражданским делам, ответчиками по которым являлись лица, состоящие в действующих частях Красной Армии и Военно-морского флота, за исключением дел о взыскании алиментов³. Это, по сути, остановило исполнительное производство по большей части исполнительных документов, так как основная часть мужского населения и значительная часть женщин находились на фронте.

Многочисленные случаи утраты материалов исполнительных производств в связи с военными действиями вызвали необходимость в детальном урегулировании вопросов, связанных с выдачей дубликата исполнительного листа. Это было сделано Инструкцией Наркомюста СССР от 22 апреля 1942 г. «О порядке выдачи дубли-

¹ См.: СЗ СССР. 1939.

² См.: *Курс советского гражданского процессуального права* в 2-х томах. Т. 2 (автор главы 29 — А.А. Мельников). М., 1981. С. 456.

³ См.: *Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР, 1941 год*. М., 1947. С. 20.

катов исполнительных листов в случае утраты по обстоятельствам военного времени судебного или исполнительного производства»¹.

Приоритет государственных интересов над интересами личности в тот период особенно наглядно проявляется при анализе Инструкции Наркомюста СССР № 7 от 1 февраля 1945 г. «О порядке рассмотрения судами дел о взыскании недоимок по обязательным натуральным поставкам, налогам, обязательному окладному страхованию, самообложению и не внесенных в срок штрафов». Инструкция предусматривала немедленное исполнение решений по делам о недоимках по государственным и местным налогам, по обязательному страхованию и самообложению, по недоимкам и штрафам по поставкам сельскохозяйственной продукции государству с колхозных дворов и единоличных хозяйств, а также по штрафам, наложенным в административном порядке в части описи имущества, независимо от их обжалования². Исполнительные листы на взыскание административных штрафов выписывались и передавались для немедленной описи имущества оштрафованного в день вынесения решения (но само имущество могло быть изъято лишь по истечении 10 дней, если за это время должник не уплатит наложенного штрафа).

Исполнительные листы о взыскании с предприятий, учреждений и организаций при сумме взыскания от 500 руб. (одногородних должников от 250 руб.) направлялись судом непосредственно истцу. Истцы-организации в таких случаях сами предъявляли исполнительные листы в учреждения Государственного банка. При меньших суммах исполнительные листы выдавались истцу или передавались судебному исполнителю по требованию истца. Исполнительные листы на взыскание с одних граждан в пользу других граждан (кроме алиментных платежей) выдавались взыскателям по их просьбе.

Ст. 255¹ ГПК РСФСР устанавливала срок предъявления исполнительного листа к исполнению для организаций — 1 год, для граждан — 3 года. Срок исчислялся со дня вступления решения или приговора суда в законную силу, а по периодическим платежам — со дня окончания срока, на который присуждены платежи. При пропуске срока истцу отказывалось в выдаче исполнительного листа, но этот срок мог быть восстановлен судом. Определение суда по вопросам восстановления данного срока обжаловалось в вышестоящий суд в течение 5 дней (ст. 249 ГПК РСФСР).

¹ См., подробнее: *Курс советского гражданского процессуального права* в 2-х томах. Т. 2. (автор главы 29 — А.А. Мельников). С. 463.

² См.: *Сборник приказов и инструкций Министерства юстиции СССР*: 1936—1948 гг. М., 1949. С. 316—319.

Особо охраняемыми в исследуемый период в связи с социальной политикой государства по охране материнства и детства и повышению уровня рождаемости предполагались алиментные правоотношения, в связи с чем исполнительный лист по делам о взыскании алиментов направлялся по месту работы должника не позднее следующего дня после вынесения судебного решения. По требованию взыскателя исполнительный лист о взыскании алиментов мог быть выдан ему на руки (ст. 75 Инструкции Министерства юстиции СССР по делопроизводству в народном суде от 31 августа 1949 г.). По данной категории дел взыскатель не был обязан подчиняться правилам территориальной компетенции: независимо от того, в каком суде рассматривалось дело об алиментах, где находятся взыскатель и должник, судья или судебный исполнитель, к которому обратилась женщина-мать, был обязан направить для взыскания исполнительный лист по месту работы ответчика¹.

Исполнительное производство предполагалось бесплатным для взыскателя². Очевидно, предпосылкой такого положения выступало то обстоятельство, что исполнительное производство считалось частью, стадией гражданского судопроизводства, за осуществление которого в доход государства уже поступила государственная пошлина. Судебный исполнитель не имел права взыскивать с истца или ответчика какие-либо сборы за исполнение решения. Все средства он получал от суда, а затем судья выносил определение об утверждении расчета исполнителя по расходам и о взыскании этих расходов с должника.

Советский суд осуществлял функцию контроля правильности и своевременности исполнения решений судов и других органов, когда решения последних исполнялись судебными исполнителями. Закон возлагал ответственность за правильное и своевременное исполнение решений на судью или председателя того суда, при котором состоит судебный исполнитель³.

¹ См.: *Лисковец Б.А., Чугунов Г.В.* Исполнение судебных решений. М., 1952. С. 11—13.

² Постепенный переход к бесплатному процессу исполнения наметился практически сразу после Октябрьской революции. Учреждения, лица, за которыми судом было признано право бедности, и некоторые другие категории взыскателей изначально освобождались от уплаты гербового сбора за заявление в порядке исполнительного производства, а для других лиц этот сбор был равен 1 руб. (для сравнения — именно столько стоил цитируемый комментарий объемом 340 страниц). См.: *Лучанинов В.* Исполнение судебных решений, приговоров и определений судов и бесспорных взысканий. Изд-во Московского губ. суда. Справочная книжка-комментарий для народных судов, судебных исполнителей, органов милиции и воисполкомов. Под ред. Ф.И. Вольского. М.: 1925. С. 91.

³ *Лесницкая Л.Ф., Филатова Л.В., Юков М.К.* Исполнительное производство: Учебник/ Отв. ред. Л.Ф. Лесницкая. М.: Юр. лит., 1983. С. 4.

Инструкция о порядке исполнения судебных решений 1973 г.¹ в советском праве стала прообразом двух постсоветских источников исполнительного права — Федеральных законов «Об исполнительном производстве» и «О судебных приставах», так как регулировала вопросы назначения и освобождения от должности судебных исполнителей, руководство их деятельностью, а также непосредственно исполнительные действия и условия их совершения.

Впервые в советском праве правовую природу исполнительного производства фундаментально разработал М.К. Юков, придя к выводу, что исполнительное производство является самостоятельным производством, а регулирующие его нормы образуют самостоятельную комплексную отрасль права — исполнительное право.

Незадолго до реформы гражданского судопроизводства 1995 г. в теории процессуального права появились предложения предоставить суду самому право возбуждать исполнительное производство и даже исполнять собственные решения по отдельным категориям дел и при определенных условиях. В.В. Худенко в 1992 г. ратовал за то, чтобы право возбуждения исполнительного производства было предоставлено судье². С.Л. Симонян в 1994 г. «в целях повышения эффективности судебного решения» предлагала дать суду право исполнять собственное решение по жалобе гражданина, «когда решение вопроса не зависит от усмотрения административной власти»³. Таким образом, предлагалось решить вопросы неисполнения судебных актов через тезис: «не можешь заставить — делай сам».

Законодательное закрепление в результате реформы исполнительного производства получила впоследствии совершенно противоположная позиция. В современной судебной политике, как указывает судья Верховного Суда Российской Федерации Н.А. Колоколов, одной из главных идеологических задач судебной власти является последовательное отграничение функций судебной власти от смежных направлений деятельности других управленческих структур⁴.

¹ См.: *Инструкция* о порядке исполнения судебных решений: Утверждена приказом Министра юстиции СССР от 24 апреля 1973 г. № 7. См.: *Комментарий* к Инструкции о порядке исполнения судебных решений/ Под ред. Г.П. Батурина, Н.И. Башкатова. М.: Юр. лит., 1981. С. 4.

² См. *Худенко В.В.* Участники исполнительного производства. Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Саратов, 1992. С. 18.

³ *Симонян С.Л.* Проблема обжалования в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан. Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Саратов, 1994. С. 19—20.

⁴ См.: *Колоколов Н.А.* Судебная власть в государственном управлении: некоторые проблемы текущей политики и фундаментальной науки. Курск, 2001. С. 17.

Реформа принудительного исполнения 1997 г.

Во время первой постсоветской реформы гражданского судопроизводства и второй реформы арбитражного процесса 1995 г. стали звучать активные призывы разделить предмет регулирования исполнительного и смежных отраслей российского права. А.К. Сергун указывала на необходимость отдельного федерального закона об исполнительном производстве, в котором должны быть определены собственно исполнительные действия, а в процессуальном кодексе должны остаться вопросы, разрешение которых отнесено к компетенции самого суда¹.

Однако при реформировании гражданского судопроизводства в 1995 и 2000 гг., когда было изменено значительное количество гражданских процессуальных норм и введены новые институты процессуального права, оставались без какого-либо внимания реформаторов раздел V ГПК РСФСР «Исполнительное производство» и Приложение № 1 к ГПК РСФСР, включающее Перечень видов имущества граждан, на которое не может быть обращено взыскание по исполнительным документам.

Многие из норм V раздела ГПК РСФСР «Исполнительное производство» регулировали правоотношения в сфере исполнительного производства практически до 1 февраля 2003 г. в части, не урегулированной и не противоречащей Федеральному закону «Об исполнительном производстве»² от 21 июля 1997 г. До вступления в силу 6 ноября 1997 г. Федеральных законов «О судебных приставах»³ и «Об исполнительном производстве» исполнительное производство практически целиком регулировалось гражданским процессуальным законодательством (V разделом ГПК РСФСР) и считалось частью гражданского процесса, его заключительной стадией.

Указанные законы в 1997 г. подорвали устоявшееся за многие десятилетия в российском праве о том, что исполнение судебных решений и иных юрисдикционных актов — завершающая, заклю-

¹ См.: *Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации*/ Под ред. В.Ф. Яковлева, М.К. Юкова и В.В. Похмелкина. М.: КОНТРАКТ, 1995. С. 405 (автор комментария к ст. 197 АПК РФ — А.К. Сергун).

² См.: *Собрание законодательства РФ*. 1997. № 30. Ст. 3590.

³ См.: *Собрание законодательства РФ*. 1997. № 30. Ст. 3591.

чительная стадия гражданского процесса¹. Их принятие подтвердило юридическое своеобразие исполнительного права как отраслевого структурного подразделения российского права, добавив к уже имеющимся двум признакам структуризации системы права С.С. Алексеева и его последователей (особые регулятивные свойства, т.е. метод, и интеллектуально-волевое содержание — принципы, общие положения) третий — внешнюю форму права, известную обособленность в законодательстве².

Исполнительные органы в связи с проведенной на основе Федеральных законов «Об исполнительном производстве» и «О судебных приставах» реформой были не только переименованы, превратившись из судебных исполнителей, подчиненных судам, в судебных приставов-исполнителей, судебный контроль за которыми ограничивается предусмотренной законом возможностью обжалования в судебном порядке их действий (как и действий любых других должностных лиц в Российской Федерации), но и получили совершенно новое качество.

Заметим, что Федеральные законы «Об исполнительном производстве» и «О судебных приставах» более 5 лет находились в противоречии с основным кодифицированным источником гражданского процессуального права не только в отношении отдельных правил исполнительного производства, но даже в наименовании органов принудительного исполнения и их подчиненности.

Только ГПК РФ 2002 г., вступивший в силу с 1 февраля 2003 г., отказавшись от непосредственного регулирования собственно исполнительных действий, оставил в рамках гражданского судопроизводства лишь вопросы исполнительного процесса, непосредственно связанные с процессуальной деятельностью суда — судебным санкционированием и судебным контролем (гл. 45 «Признание и исполнение решений иностранных судов и иностранных третейских судов (арбитражей)», гл. 47 «Производство по делам о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов» и раздел VII «Производство, связанное с исполнением судебных постановлений и постановлений иных органов»).

¹ См.: *Гринько Ю.И.* Исполнение судебных решений. Казань, 1969. С. 3; *Курс советского гражданского процессуального права* в 2-х томах. Отв. ред. А.А. Мельников. Т. 2. М.: Наука, 1971. С. 321; *Советский гражданский процесс*/ Под ред. Н.А. Чечиной и Д.М. Чечота. Л., 1984. С. 332—333 (автор главы — С.М. Пелевин); *Советский гражданский процесс: Учебник*/ Под ред. М.К. Треушников. М.: МГУ, 1989. С. 349—350; *Гражданское процессуальное право России: Учебник для вузов*/ Под ред. М.С. Шакарян. М., 1996. С. 303 (автор главы — А.К. Сергун); *Гражданский процесс: Учебник для вузов*/ Под ред. Ю.К. Осипова. М.: 1996, С. 387 (автор главы — Воложанин В.П.) и др.

² См.: *Алексеев С.С.* Структура советского права. М.: Юр. лит., 1975. С. 22.

Современное состояние законодательного
регулирующего исполнительного
производства и возникших из него дел
по ГПК РФ 2002 г.
и ФЗ «Об исполнительном производстве»
2007 г.

В 2001 г. первые установки в отношении кодификации исполнительного производства были даны в журналах «Законодательство» и «Хозяйство и право»¹, где была опубликована первая концепция структуры предполагаемого Исполнительного кодекса Российской Федерации.

Практически в это же время прозвучал призыв к созданию Европейского кодекса исполнительного производства, в котором «можно было бы учесть наработанный различными государствами опыт и положения соответствующих международных конвенций»². Данное предложение, озвученное представителем Департамента внешних связей Министерства юстиции России В.П. Зиминым на 24-й конференции европейских министров юстиции, проходившей в Москве 4—5 октября 2001 г., напоминало скорее попытку научить всю Европу делать то, чего сами никогда не умели и пока еще не умеем. В этой связи заслуживают приведения в силу неутраченной актуальности слова российского правоведа Л.М. Зайцева, написанные почти столетие назад: «Выработка общих законодательных норм и международных соглашений, определяющих отношение России ко всем другим государствам на почве взаимного признания действительности и исполнимости

¹ См.: *Игнатенко А.А., Кириленко И.В., Матвеев А.В., Шерстюк В.М., Ярков В.В.* К разработке проекта Исполнительного кодекса Российской Федерации // *Законодательство*. 2001. № 8. С. 81—87; *Игнатенко А.А., Кириленко И.В., Матвеев А.В., Шерстюк В.М., Ярков В.В.* К разработке проекта Исполнительного кодекса Российской Федерации // *Хозяйство и право*. 2001. № 10. С. 55—61.

² См., по этому поводу: *Материалы 24-й конференции европейских министров юстиции*. Москва. 4—5 октября 2001. С. 4, а также *Чугунова Е.И., Еременко М.С.* К вопросу об эффективности исполнения по гражданским делам (по материалам 24-й конференции министров юстиции стран Европы) // *Защита прав и законных интересов граждан и организаций: Материалы международной научно-практической конференции*. Краснодар — Сочи, 23—26 мая 2002 г. Сочи: Кубанский государственный ун-т, 2002. Ч. 1. С. 174.

иностранных судебных решений, может представиться особенно сложным в виду ее зависимости от соответствующих изменений и координации положений законодательства целого ряда государств»¹.

Мы не ставим под сомнение необходимость соответствия внутригосударственного законодательства международным актам, но о каком Европейском исполнительном кодексе можно вести речь, если в самой Российской Федерации до сих пор нет кодифицированного источника исполнительного права, а сама мысль о существовании отрасли исполнительного права до недавнего времени признавалась в теории гражданского и арбитражного процесса крамольной? Уже в ХХI в. защищаются кандидатские диссертации, в которых роль исполнительного производства опять, как в советский период, сводится к стадии гражданского и арбитражного процесса².

Несмотря на то, что кодификация исполнительного законодательства была окончена представлением для обсуждения проекта Исполнительного кодекса Российской Федерации, разработанного рабочей группой под руководством В.М. Шерстюка³, вместо ожидаемого кодекса в 2007 г. появился и с 1 февраля 2008 г. вступил в силу Федеральный закон «Об исполнительном производстве».

В качестве задач исполнительного производства в настоящее время обозначено правильное и своевременное исполнение судебных актов, актов других органов и должностных лиц, а в предусмотренных законодательством Российской Федерации случаях исполнение иных документов в целях защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан и организаций.

Между тем если задачи исполнительного производства, хотя и в несколько иной редакции, были установлены и ранее действующим ФЗ «Об исполнительном производстве» от 21 июля 1997 г., то новеллой действующего Закона явилось перечисление в ст. 4 принципов исполнительного производства. До этого времени выделяемые учеными принципы исполнительного права были доктринальными. Теперь прямо законодательно закреплены принципы: законности; своевременности совершения исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения; уважения чести и достоинства гражданина; неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования

¹ См.: *Зайцев Л.М.* Взаимное исполнение иностранных судебных решений и русско-германский торговый договор. Киев: Типография А.И. Гросмана, 1914. С. 5.

² См., в частности: *Бочарова С.Н.* Совершенствование прокурорского надзора в исполнительном производстве: проблемы теории и практики. Автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2002. С. 8; *Фролова О.В.* Проблемы исполнения судебных решений в России. Автореф. дис. ... канд. юр. наук. СПб., 2000. С. 6.

³ См.: *Проект Исполнительного кодекса Российской Федерации*. Краснодар; СПб., 2004. С. 254 (В.М. Шерстюк, В.В. Ярков и др.).

должника-гражданина и членов его семьи; соотносимости объема требований взыскателя и мер принудительного исполнения.

Специалистам в области исполнительного права предполагается продолжать споры по вопросам количественного и качественного состава тех принципов, которые не названы в ст. 4 ФЗ «Об исполнительном производстве», а выводятся из общего смысла исполнительного законодательства (диспозитивности, равенства, доступности, реальности оказания юридической помощи и т.п.), потому как после ст. 4, перечисляющей принципы исполнительного производства, ни одна норма современного исполнительного законодательства не содержит термина «принцип исполнительного производства» или близких ему по смыслу.

Принцип своевременности совершения исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения означает, что содержащиеся в исполнительном документе требования должны быть исполнены судебным приставом-исполнителем своевременно, т.е. по общему правилу, в двухмесячный срок со дня возбуждения исполнительного производства. Из этого правила есть исключения. Так, если срок исполнения содержащихся в исполнительном документе требований установлен федеральным законом или исполнительным документом, то требования должны быть исполнены в срок, установленный соответственно федеральным законом или исполнительным документом. Если же исполнительным документом предусмотрено немедленное исполнение содержащихся в нем требований, то их исполнение должно быть начато не позднее первого рабочего дня после дня поступления исполнительного документа в подразделение судебных приставов. Содержащиеся в исполнительном документе требования о восстановлении на работе незаконно уволенного или переведенного работника должны быть исполнены не позднее первого рабочего дня после дня поступления исполнительного документа в подразделение судебных приставов.

Требования, содержащиеся в исполнительном листе, выданном на основании определения суда об обеспечении иска, должны быть исполнены в день поступления исполнительного листа в подразделение судебных приставов, а если это невозможно по причинам, не зависящим от судебного пристава-исполнителя, — не позднее следующего дня. В таком же порядке исполняется постановление судебного пристава-исполнителя об обеспечительных мерах, если самим постановлением не установлен иной порядок его исполнения.

Вместе с тем, в срок своевременного исполнения не включаются многие периоды, например, время, в течение которого исполнительные действия не производились в связи с их отложением, когда исполнительное производство было приостановлено, время отсрочки или рассрочки исполнения исполнительного документа, промежуток вре-

мени со дня объявления розыска должника-организации, а также имущества должника до дня окончания розыска, время со дня обращения взыскателя, должника, судебного пристава-исполнителя в суд, другой орган или к должностному лицу, выдавшим исполнительный документ, с заявлением о разъяснении положений исполнительного документа, предоставлении отсрочки или рассрочки его исполнения, а также об изменении способа и порядка его исполнения и т.д., и т.п.

Указанное время, как и совершаемые в нем действия, с точки зрения законодателя не нарушают принципа своевременности совершения исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения, даже если выходят за пределы срока совершения исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения. Однако именно это время может затянуть процесс исполнения так, что в выполнении задач исполнительного производства уже не будет особого смысла. Искать самого должника или его имущество можно бесконечно долго, да и не слишком рьяно, ведь все время розыска вплоть до его окончания с точки зрения законодателя не влияет на своевременность исполнения. Так это для органов принудительного исполнения, но не для взыскателей.

Положительным же моментом является то, что срок совершения исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения не пресекательный, следовательно, его истечение не будет основанием для прекращения или окончания исполнительного производства.

Особым, исполнительному производству свойственным, выступает *принцип уважения чести и достоинства гражданина*, ранее называемый принципом неприкосновенности личности должника, означающий, что судебный пристав-исполнитель обязан не допускать в своей деятельности ущемления чести, прав и охраняемых законом интересов граждан. Нельзя умалять достоинство личности должника, унижать его.

Принимая во внимание, что основой *принудительного* исполнения выступает метод *принуждения*, в исполнительном производстве мы говорим лишь об одном виде физического принуждения, а именно направленного на материальную сферу должника, но ни в коем случае не о непосредственном воздействии на личность (ко второму виду физического принуждения в теории права относят телесные наказания, лишение свободы и др., непосредственно направленное на личность). При исполнении юрисдикционных актов следует учитывать конституционное право граждан не только на уважение непосредственно чести и достоинства, но и на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этих прав согласно ст. 23 Конституции РФ допускается только на основании судебного решения.

В отличие от судебных приставов, обеспечивающих порядок деятельности судов, судебный пристав-исполнитель не применяет физическую силу, специальные средства или огнестрельное оружие. Однако если судебному приставу-исполнителю препятствуют в совершении исполнительных действий или их жизни либо здоровью угрожает опасность, то содействие судебному приставу-исполнителю в исполнении ими служебных обязанностей в соответствии со ст. 62 ФЗ «Об исполнительном производстве» оказывают сотрудники органов внутренних дел в пределах предоставленных им федеральными законами прав. Сотрудники органов внутренних дел также могут привлекаться для обеспечения правопорядка на месте совершения исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения, уважая при том честь и достоинство граждан.

Принцип неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования должника-гражданина и членов его семьи, действует в исполнительном производстве только в отношении физических лиц. Этот принцип гарантирует сохранение должнику возможности обеспечивать собственную жизнедеятельность и содержать нетрудоспособных иждивенцев после того, как исполнительные действия в отношении него достигли своей цели. Устанавливает перечень неприкосновенного имущества не законодательство об исполнительном производстве, а ст. 446 ГПК РФ, хотя указанные в ней виды имущества применяются к исполнению всех, в том числе несудебных исполнительных документов.

Что касается должников — юридических лиц, то по общему правилу на основании ст. 94 ФЗ «Об исполнительном производстве» в исполнительном производстве взыскание может быть обращено на любое имущество, принадлежащее указанной организации на праве собственности, праве хозяйственного ведения или праве оперативного управления (за исключением имущества, на которое в соответствии с законодательством Российской Федерации не может быть обращено взыскание), независимо от того, где и в чьем фактическом пользовании оно находится. Если для граждан основная часть имущественных иммунитетов установлена независимо от каких-либо обстоятельств, то для юридических лиц перечень не подлежащего взысканию имущества предусмотрен отдельными законодательными актами (например, п. 7 ст. 37 ФЗ от 8 декабря 1995 г. «О сельскохозяйственной кооперации») в отношении конкретных субъектов. Неприкосновенность минимума средств для осуществления деятельности должников — юридических лиц является не принципом, а, наоборот, исключением из общих правил исполнительного производства.

Таким образом, два принципа современного исполнительного производства из пяти — принцип уважения чести и достоинства гражданина и принцип неприкосновенности минимума имущества,

необходимого для существования должника-гражданина и членов его семьи — оказываются ограниченными по субъектам действия, являясь основными правилами исполнительного производства с участием должников-граждан, но не организаций.

Принцип соотносимости объема требований взыскателя и мер принудительного исполнения представляет собой отраслевой принцип, характерный только для исполнительного производства. Этот принцип призван, во-первых, оградить должника от несоразмерных долговым и иным обязательствам выплат и, во-вторых, защитить права взыскателей при множественности требований и недостаточности денежных средств и имущества должника для удовлетворения всех кредиторов.

Так, в силу ст. 98 ФЗ «Об исполнительном производстве» при исполнении одного или нескольких исполнительных документов с должника-гражданина может быть удержано не более пятидесяти процентов заработной платы и иных доходов. При взыскании алиментов на несовершеннолетних детей, возмещении вреда, причиненного здоровью, возмещении вреда в связи со смертью кормильца и возмещении ущерба, причиненного преступлением, размер удержания из заработной платы и иных доходов должника-гражданина не может превышать семидесяти процентов. Из денежных средств, поступивших на счет подразделения судебных приставов при исполнении содержащихся в исполнительном документе требований имущественного характера, всегда в первую очередь удовлетворяются в полном объеме требования взыскателя, в том числе возмещаются понесенные им расходы по совершению исполнительных действий, затем возмещаются иные расходы по совершению исполнительных действий, и только после полного погашения указанных обязательств из полученных сумм взыскивается исполнительский сбор, погашаются штрафы, наложенные судебным приставом-исполнителем.

При недостаточности взысканной с должника денежной суммы для удовлетворения всех требований по исполнительным документам, эта сумма распределяется между взыскателями по правилам, установленным ст. 111 Федерального закона «Об исполнительном производстве», отражающим, как и в прошлые века, приоритеты социальной политики государства, протекционирующего определенным, требующим на данном историческом этапе наибольшей защиты правоотношениям и вытекающим из них требованиям. Исходя из того, что в первую очередь на современном этапе удовлетворяются требования по взысканию алиментов, возмещению вреда, причиненного здоровью, возмещению вреда лицам, понесшим ущерб в результате смерти кормильца, а также требования о компенсации морального вреда, можно сделать вывод о том, что государство предоставляет определенные привилегии наименее соци-

ально защищенным лицам — детям, сиротам, инвалидам, а также тем, кто понес нравственные и физические страдания.

Во вторую очередь удовлетворяются требования, так или иначе связанные с оплатой труда: требования по выплате выходных пособий и оплате труда лиц, работающих (работавших) по трудовому договору, а также по выплате вознаграждений авторам результатов интеллектуальной деятельности. Данное правило в отношении второй очереди представляется наследством социалистического правопорядка, где практически единственным допустимым источником существования советских граждан трудоспособного возраста являлась заработная плата (плата за труд). До настоящего времени, возможно, по инерции, либо из-за боязни социального конфликта, государство продолжает покровительствовать работникам, отдавая приоритеты защите трудовых прав, в особенности праву на оплату труда. В качестве примера особой государственной защищенности интересов работников можно привести также немедленное исполнение исполнительных документов о восстановлении на работе, о выплате работнику заработной платы в течение трех месяцев (ст. 211 ГПК РФ).

Конституционно же такие приоритеты не установлены. Право на труд и получение за него вознаграждения не ниже установленного законом минимального размера оплаты труда (ст. 37 Конституции Российской Федерации) провозглашается наравне с другими правами, например, правом на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной экономической деятельности (ст. 34 Конституции Российской Федерации), правом частной собственности и его охраны, правом наследования (ст. 35 Конституции Российской Федерации) и т.д.

В третью очередь удовлетворяются требования по обязательным платежам в бюджет и во внебюджетные фонды, затем — все остальные. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в исполнительном производстве неоправданный приоритет отдается интересам государства и его фондов. При этом несколько игнорируется конституционная норма о том, что высшей ценностью являются права и свободы человека (ст. 2 Конституции РФ). Представляется, что государство вправе определять приоритеты в защите отдельных, наиболее значимых прав социально слабо защищенных граждан (получающих алименты, потерявших кормильца или получивших вред здоровью), как это происходит при взысканиях первой очереди, но вряд ли допустимо законодательно устанавливать приоритеты для взыскателя — государства, его органов и фондов.

Если взысканная с должника денежная сумма недостаточна для удовлетворения требований одной очереди в полном объеме, то они

удовлетворяются пропорционально причитающейся каждому взыскателю сумме, указанной в исполнительном документе.

Что же касается вопросов стадийности современного исполнительного производства, то стадия исполнительного производства и сегодня представляет собой совокупность определенных процессуальных действий, совершаемых судебным приставом-исполнителем или судом, объединенных единой целью и, в совокупности, направленных на решение задач исполнительного производства.

В действующем исполнительном производстве возможно выделить следующие стадии: возбуждение исполнительного производства; осуществление принудительного исполнения; окончание исполнительного производства. Между тем в отношении стадий исполнительного производства принципиальных отличий действующее законодательство об исполнительном производстве от предшествующего не содержит. Как и прежде, в законе не выделяется Особенная часть, нормы об особенностях исполнения различных исполнительных документов разбросаны по всему закону, а исполнительное производство считается оконченным не только исполнением требования содержащегося в исполнительном документе, но и, в частности, его возвращением из-за невозможности установить местонахождение должника и его имущества, если у должника отсутствует имущество, на которое может быть обращено взыскание и т.п. Во всех подобных случаях задачи исполнительного производства не решаются, цель не достигается, что отрицательно сказывается на уважении граждан к государству, которое вместо обеспечения реального исполнения обеспечивает высокие показатели по оконченным исполнительным производствам. Без всякого сомнения, указанные проблемы нуждаются в решении, в том числе посредством принятия кодифицированного источника исполнительного права.

Перспектива же принятия Исполнительного кодекса РФ в обозримом будущем все же сохраняется и определена Распоряжением министра юстиции Российской Федерации В.В. Устиновым от 24 января 2006 г. № 2 «О создании межведомственной рабочей группы по разработке проекта Исполнительного кодекса Российской Федерации»¹.

¹ В состав Межведомственной рабочей группы по разработке проекта Исполнительного кодекса Российской Федерации входит и автор данного раздела — О.В. Исаенкова.

Библиографический список

1. 80 лет Верховному Суду Российской Федерации / В.А. Бобренев, В.В. Ершов, В.М. Лебедев; Под общ. ред. В.М. Лебедева. М., 2003.
2. *Абдулин Р.С.* Судебная власть России: традиции и современность (историко-правовой аспект): Монография. Курган, 2005.
3. *Абросимова Е.Б.* Судебная власть в Российской Федерации: система и принципы. М., 2002.
4. *Абросимова Е.Б.* Федеральный конституционный закон «Об административном судопроизводстве»: Общая часть. Инициативный проект / Е.Б. Абросимова, Н.Г. Салищева. М., 2002.
5. *Абушенко Д.Б.* Судебное усмотрение в гражданском и арбитражном процессе. М., 2002.
6. *Авакьян С.А.* Библиография по конституционному и муниципальному праву России. М., 2002.
7. *Аверин А.В.* Судебная достоверность (Постановка проблемы). Владимир, 2004.
8. Актуальные проблемы развития мировой юстиции в России: Материалы научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 12 ноября 2004 г.) / Отв. ред. В.В. Гриб. М., 2005.
9. *Акулов И.А.* За перестройку и улучшение работы суда и прокуратуры / И.А. Акулов, А.Я. Вышинский. М., 1934.
10. *Александров А.И.* Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы. СПб., 2003.
11. *Александров А.С.* Введение в судебную лингвистику. Н. Новгород, 2003.
12. *Александров А.С.* Народное обвинение в уголовном суде: Учебное пособие / А.С. Александров, В.Е. Гуцев. Н. Новгород, 1998.
13. *Александров А.С.* Субсидиарный уголовный иск / А.С. Александров, В.Е. Гуцев. Н. Новгород, 1999.
14. *Александров М.* Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. СПб., 1910.
15. *Алексеев А.* Безответственность монарха и ответственность правительства. М., 1907.
16. *Алексеев А.* К вопросу о юридической природе власти монарха в конституционном государстве. М., 1910.
17. *Алексеев А.* К учению о юридической природе государства и государственной власти. М., 1884.
18. *Алексеев А.* Русское государственное право. 2-е изд. М., 1892.
19. *Алексеев Н.Н.* Идея государства. СПб., 2001.
20. *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. М., 2000.

21. *Алексеев Ю.Г.* Псковская судная грамота. Текст. Комментарий. Исследование: к 600-летию первой редакции Псковской судной грамоты и к 150-летию первой полной публикации. Псков, 1997.
22. *Алексеева Л.Б.* Судейская власть в правовом государстве. М., 1991.
23. *Алексеева Л.Б.* Предупреждение судебных ошибок, обусловленных обвинительным уклоном в деятельности судов первой инстанции: Пособие для судей / Л.Б. Алексеева, Н.В. Радутная. М., 1989.
24. *Андреев Б.В.* Прокуратура в политической системе современной России (состояние, проблемы, перспективы) / Б.В. Андреев, В.Г. Бесарабов. М., 1999.
25. *Андреевский И.* Русское государственное право. СПб., 1896. Т. I.
26. *Архипов И.В.* Коммерческое судоустройство и судопроизводство России в XIX веке: проблемы модернизации. Саратов, 1999.
27. *Аффольтер А.* Основные черты общего государственного права. Казань, 1895.
28. *Бабенко В.Н.* Судебная система России: История и современность. М., 2005.
29. *Бабенко В.Н.* История суда России (IX—начало XXI в.): Монография / В.Н. Бабенко, И.П. Слободянюк. М., 2005.
30. *Бабич М.В.* Государственные учреждения XVIII в.: Комиссии петровского времени. М., 2003.
31. *Бабурин С.Н.* Мир империй: Территория государства и мировой порядок. СПб., 2005.
32. *Бабурин С.Н.* Территория государства: правовые и геополитические проблемы. М., 1997.
33. *Баглай М.В.* Конституционное право Российской Федерации: Учебник. М., 2001.
34. *Баглай М.В.* Конституционное право Российской Федерации: Учебник для вузов / М.В. Баглай, Б.Н. Габричидзе. М., 1996.
35. *Байтин М.И.* Государство и политическая власть. Саратов, 1972.
36. *Байтин М.И.* Сущность и основные функции социалистического государства. Саратов, 1979.
37. *Байтин М.И.* Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001.
38. *Байтин М.И.* Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. М., 2005.
39. *Барак А.* Судейское усмотрение. М., 1999.
40. *Баренбойм П.Д.* 3000 лет доктрины разделения властей. Суд Сьютера. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2003.
41. *Баренбойм П.Д.* Первая конституция мира. Библейские корни независимости суда: Учебное пособие. М., 1997.
42. *Барнашов А.М.* Теория разделения властей: становление, развитие, применение. Томск, 1988.
43. *Башмаков А.* Народовластие и государева воля. Опыт догматического построения. СПб., 1890.
44. *Беляев В.П.* Контроль и надзор в Российском государстве: Монография / Науч. ред. А.В. Малько. М., 2005.

45. *Беляев И.Д.* История русского законодательства. Серия: Мир культуры, истории и философии. СПб., 1999.
46. *Бердяев Н.А.* Русская идея. Париж, 1971.
47. Библиография по конституционному правосудию / Автор-составитель М.А. Митюков, вступительная статья О.Г. Румянцева, Б.А. Страшуна. М., 2008.
48. *Блок А.* Последние дни императорской власти. М., 2005.
49. *Бойков А.Д.* Опасность негативного правотворчества: Научный доклад. М., 2000.
50. *Бойков А.Д.* Третья власть в России. Книга вторая: Продолжение реформ. М., 2002.
51. *Бойков А.Д.* Третья власть в России: Очерки о правосудии, законности и судебной реформе 1990—1996 гг. М., 1997.
52. *Бойков А.Д.* Проблемы развития правового статуса российской прокуратуры (в условиях переходного периода) / А.Д. Бойков, В.П. Рябцев, К.Ф. Скворцов. М., 1998.
53. *Бойцова В.В.* Административная юстиция: К продолжению дискуссии о содержании и значении / В.В. Бойцова, В.Я. Бойцова // Государство и право. 1994. № 5.
54. Большой юридический энциклопедический словарь. М., 2000.
55. *Бондарев И.М.* Система международных судебных учреждений: Учебное пособие. М., 2004.
56. *Бондарь Н.С.* Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. М., 2005.
57. *Боннер А.Т.* Правосудие как вид государственной деятельности: Лекция. М., 1973.
58. *Боннер А.Т.* Судебный контроль в области государственного управления / А.Т. Боннер, В.Т. Квиткин. М., 1973.
59. *Босхолов С.С.* Основы уголовной политики: Конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. М., 1999.
60. *Босхолов С.С.* Основы уголовной политики: Конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. 2-е изд., перераб. М., 2004.
61. *Брусицын Л.В.* Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: российский, зарубежный и международный опыт XX в. (процессуальное исследование). М., 2001.
62. *Брынец В.Д.* Организация деятельности судов на региональном уровне. Киев, 2003.
63. *Брынец В.Д.* Судебная власть (правосудие): Пути реформирования в Украине. Харьков, 1998.
64. *Буянский С.Г.* Прокуратура в условиях административно-правовой реформы: Монография. М.: Издательский дом «Буковед», 2006.

65. Валаамская беседа. Памятник русской публицистики середины XVI в. М., 1958. С. 178—190.
66. *Валиханов Ч.* Записка о судебной реформе / Вступление и примечание С.Ф. Ударцева. Алматы, 1999.
67. *Ванеева Л.А.* Реализация конституционного права граждан СССР на судебную защиту в гражданском судопроизводстве. Владивосток, 1988.
68. *Верещагин А.Н.* Судебное правотворчество в России. Сравнительно-правовые аспекты. М., 2004.
69. *Викторский С.И.* Русский уголовный процесс: Учебное пособие. М., 1997.
70. *Виленский Б.В.* Подготовка Судебной реформы 20 ноября 1864 г. в России. Саратов, 1963.
71. *Виленский Б.В.* Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969.
72. *Витрук Н.В.* Конституционное правосудие в России (1991—2001 гг.): Очерки теории и практики. М., 2001.
73. *Витрук Н.В.* Конституционное правосудие. Судебное конституционное право и процесс: Учебное пособие для вузов. М., 1998.
74. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. М., 2005.
75. *Власов В.И.* История судебной власти в России. Книга первая (1019—1917). М., 2003.
76. *Власов В.И.* История судебной власти в России. Книга вторая (1917—2003). М., 2004.
77. *Волкова Н.С.* Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и парламент / Н.С. Волкова, Т.Я. Хабриева. М.: Норма, 2005.
78. *Волоцкий Иосиф.* Послание Ивану III о еретике Кленове. Послание Иосифово к великому князю Ивану Васильевичу на еретика Кленова. Второе послание князю Юрию Ивановичу. Послание Иосифово князю Юрию Ивановичу о принятии нищих во времена глада. М.; Л., 1956. С. 175—179, 183—185, 187—208.
79. *Воскобитова Л.А.* Судебная власть: возникновение, развитие, типология: Учебное пособие. Ставрополь, 2001.
80. *Воскобитова Л.А.* Сущностные характеристики судебной власти. Ставрополь, 2003.
81. *Временник Ивана Тимофеевича.* М.; Л., 1951.
82. *Высший судебный орган ПМР* / Под ред. О.Д. Ивановой. Тирасполь, 2002.
83. *Вышинский А.* Суд и прокуратура. М., 1937.
84. *Вышинский А.А.* Беспощадно карать дезорганизаторов тыла. М., 1941.
85. *Вышинский А.А.* Вредители электростанций перед пролетарским судом: Речь государственного обвинителя, прокурора республики. М., 1933.
86. *Вышинский А.А.* За качество: Декрет 8 декабря. Задачи органов юстиции, с приложением методического письма «Расследование дел о выпуске недоброкачественной продукции». М., 1934.

87. *Вышинский А.Я.* Итоги и уроки шахтинского дела. М.; Л., 1928.
88. *Вышинский А.Я.* Марксистско-ленинское учение о суде и советская система. М., 1934.
89. *Вышинский А.Я.* О революционной законности и задачах работников юстиции. Воронеж, 1932.
90. *Вышинский А.Я.* Обвинительная речь на процессе троцкистско-зиновьевского террористического центра: Стенограмма речи государственного обвинителя, прокурора СССР А.Я. Вышинского, произнесенной в судебном заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР 22 августа 1936 г. М., 1936.
91. *Вышинский А.Я.* Советский суд. Социалистическое правосудие. М., 1938.
92. *Вышинский А.Я.* Суд и карательная политика советской власти. Л., 1925.
93. *Вышинский А.Я.* Судебные речи (1923—1938 гг.). 4-е изд. М., 1955.
94. *Вышинский А.Я.* Судостроительство в СССР. Прокуратура. М., 1934.
95. *Вышинский А.Я.* Суды общественной самодеятельности. М., 1934.
96. *Вышинский А.Я.* Теория судебных доказательств в советском праве. 3 изд., доп. М., 1950.
97. *Вышинский А.Я.* Уголовный процесс в СССР. М., 1927.
98. *Вышинский А.Я.* Курс уголовного процесса / А.Я. Вышинский, В.С. Ундревич. М., 1936. Т. 1: Судостроительство.
99. *Галай Ю.Г.* Суд и административно-полицейские органы в пореформенной России (1864—1879 годы): Монография. Н. Новгород, 1999.
100. *Гегель Г.-В.Ф.* Философия права. М., 1990.
101. *Гессен В.М.* Теория правового государства. СПб., 1905. Т. I.
102. *Гессен В.М.* Современные конституции / В.М. Гессен, Б.Э. Нольде. СПб., 1907.
103. *Головкин Л.В.* Альтернативы уголовному преследованию в современном уголовном праве. СПб., 2002.
104. *Горский Г.Ф.* Научные основы организации и деятельности следственного аппарата в СССР. Воронеж, 1970.
105. *Градовский А.* Начала русского государственного права. СПб., 1875, 1881, 1883. Т. 1: О государственном устройстве; Т. 2: Органы управления.
106. *Грибовский В.* Государственное устройство и управление Российской Империи. Одесса, 1912.
107. *Григонис Э.П.* Государственный механизм России: история и современность. СПб., 1999.
108. *Гродзинский М.М.* Кассационное и надзорное производство в советском уголовном процессе. М., 1953.
109. *Грошевой Ю.М.* Профессиональное сознание судьи и социалистическое правосудие. Харьков, 1986.
110. *Гузь Л.Е.* Апелляционное и кассационное производство. Теория, проблемы и практика применения судами первой, апелляционной и кассационной инстанций. Харьков, 2003.
111. *Гук П.А.* Судебный прецедент как источник права. Пенза, 2003.
112. *Гумплович Л.* Общее учение о государстве. СПб., 1910.

113. *Гурвич Г.Д.* Философия и социология права: Избранные сочинения. СПб., 2004.
114. *Давыдов В.А.* Пересмотр в порядке надзора судебных решений по уголовным делам: производство в надзорной инстанции: Научно-практическое пособие. М., 2006.
115. *Даневский В.П.* Наше предварительное следствие: его недостатки и реформа. Киев, 2003.
116. *Демичев А.А.* Институт присяжных заседателей в России: проблемы становления и развития: Монография. Н. Новгород, 2003.
117. *Демичев А.А.* История российского суда присяжных (1864—1917 гг.). Н. Новгород, 2002.
118. *Демичев А.А.* Теоретико-методологические проблемы изучения российского суда присяжных: Монография / А.А. Демичев, О.В. Исаенкова. Н. Новгород, 2005.
119. *Демченко В.Г.* Историческое исследование о показаниях свидетелей как доказательстве по делам судебным, по русскому праву до Петра Великого. Киев, 1959.
120. *Демченко В.Г.* Судебный прецедент. Варшава, 1903.
121. *Десницкий С.Е.* Представление об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи. СПб., 1905.
122. *Джаншиев Г.А.* Основы судебной реформы: Сборник статей (Судебная реформа в России). М., 2004.
123. *Дженкинс Э.* Происхождение верховной власти. СПб., 1907.
124. *Дорошков В.В.* Мировой судья. Исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности. М., 2004.
125. *Дорошков В.В.* Руководство для мировых судей. Дела частного обвинения. М., 2001.
126. *Дорошков В.В.* Частное обвинение: правовая теория и судебная практика. М., 2000.
127. *Дьяк Б.* Ограничена ли власть монарха по законам Российской Империи. СПб., 1907.
128. *Дьяконов М.* Власть московских государей. СПб., 1889.
129. *Дьячан В.* Участие народа в верховной власти в славянских государствах до изменения их государственного устройства в XIV и XV в. Варшава, 1882.
130. *Дювернуа Н.* Источники права и суд в Древней России: Опыты по истории гражданского права. СПб., 2004.
131. *Евреинов Г.* Реформа высших государственных учреждений России и народное представительство. 2-е изд. СПб., 1905.
132. *Елистратов А.* Государственное право. М., 1912.
133. *Еллинек Г.* Конституции, их изменения и преобразования. СПб., 1907.
134. *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. СПб., 2004.
135. *Ермошин Г.Т.* Правовой статус судьи Российской Федерации: Учебное пособие. М., 2004.
136. *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. 2-е изд., испр. и доп. М., 1968.

137. *Ершов В.В.* Статус суда в правовом государстве: Монография. М., 1992.
138. *Ефремова Н.Н.* Министерство юстиции Российской Империи 1802—1917 (историко-правовое исследование). М., 1983.
139. *Ефремова Н.Н.* Судоустройство в России в XVIII — первой половине XIX в. (Историко-правовое исследование). М., 1993.
140. *Ефремова Н.Н.* Судоустройство Российской Империи XVIII — начала XX в. М., 1996.
141. *Завидов Б.Д.* Комментарий к закону о статусе судей в Российской Федерации. М., 2003.
142. *Загайнова С.К.* Судебный прецедент: проблемы правоприменения. М., 2002.
143. *Зайчук В.И.* Советская судебная система и ее демократическая сущность. Киев, 1977.
144. *Закомлистов А.Ф.* Судебная этика. СПб., 2002.
145. Законодательство императора Павла I / Составитель, автор предисловия и биографического очерка В.А. Томсинов. М., 2008.
146. *Зандер А.* Исторический очерк развития Самодержавной Верховной Власти в России. Вильно, 1910.
147. *Заточник Д.* Послание (Моление) Данила Заточника // Памятник древнерусской литературы. Л., 1932. Вып. III.
148. *Захаров Н.А.* Система русской государственной власти. М., 2002.
149. *Звягинцев А.Г.* Жизнь и деяния генерал-прокуроров России в сценах и зарисовках / А.Г. Звягинцев, Ю.Г. Орлов. М., 2001.
150. *Звягинцев А.Г.* Заложники вождей. Советские российские прокуроры. XX век, 1954—1992 / А.Г. Звягинцев, Ю.Г. Орлов. М., 2006.
151. *Звягинцев А.Г.* Российские юристы: Краткий биографический словарь / А.Г. Звягинцев, Ю.Г. Орлов. М., 2004.
152. *Звягинцев А.Г.* «Балтийская голгофа» или Как узаконили беззаконие / А.Г. Звягинцев, А.В. Сапсай. СПб., 2003.
153. *Звягинцев А.Г.* От первого прокурора России до последнего прокурора Союза / А.Г. Звягинцев, Ю.Г. Орлов. М., 2001.
154. *Золотарев В.В.* К вопросу о судебной реформе и контрреформе в России в 1850—1880 г. М., 2001.
155. *Золотых В.В.* История судов на Дону. Ростов-н/Д, 2004.
156. *Ивановский В.В.* Русское государственное право. Казань, 1895. Т. I.
157. *Ивановский В.В.* Учебник государственного права. Казань, 1910.
158. *Ивановский И.А.* Учебник государственного права. 2-е изд. СПб., 1912.
159. *Изварина А.Ф.* Мировые судьи России начала XXI в.: Учебное пособие. Серия: Россия и власть. Ростов-н/Д, 2002.
160. *Изварина А.Ф.* Судебная власть в Российской Федерации: содержание, организация, формы. Ростов-н/Д, 2005.
161. *Иларион.* Слово о Законе и Благодати / Пер. В.Я. Дерягина; реконструкция древнерусского текста Л. Жукловской. М., 1994. С. 29—41.
162. *Ильин И.А.* О сопротивлении злу силой. М., 1995.
163. *Ильин И.А.* Теория права и государства / Под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М., 2003.

164. Императрица Екатерина Вторая. Наказ, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / Под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. Библиография: профессора У.Э. Батлера. М., 2008.
165. История судебных учреждений России: Сборник обзоров и рефератов / Главн. ред. Ю.С. Пивоваров. М., 2004.
166. *Казанский П.Е.* Власть всероссийского императора: Очерки действующего русского права. Одесса, 1913.
167. *Кареев Н.И.* Происхождение современного народно-правового государства: Исторический очерк конституционных учреждений и учений до середины XIX в. СПб., 1908.
168. *Карнеев Н.* Происхождение современного народно-правового государства. СПб., 1908.
169. *Карнозова Л.М.* Возрожденный суд присяжных. Замысел и проблемы становления. М., 2000.
170. *Карпец И.И.* Дело, которому мы служим (размышления юриста). М., 1989.
171. *Карпец И.И.* Сыск (записки начальника уголовного розыска). М., 1994
172. *Катков М.* О самодержавии и конституции. М., 1905.
173. *Кащенко П.П.* Суд в Московском государстве. М., 1920.
174. *Кистяковский Б.А.* Государственное право (общее и русское): Лекции. М., 1908—1909.
175. *Китаев Н.Н.* Неправосудные приговоры к смертной казни: Системный анализ допущенных ошибок. СПб., 2004.
176. *Клеандров М.И.* Арбитражные суды Российской Федерации: Учебное пособие. М., 2001.
177. *Клеандров М.И.* Очерки российского судоустройства: Проблемы настоящего и будущего / Под ред. В.В. Лаптева, В.Ф. Яковлева. Новосибирск, 198.
178. *Клеандров М.И.* Статус граждан, участвующих в осуществлении правосудия. М., 1999.
179. *Клеандров М.И.* Статус судьи: Учебное пособие. Новосибирск, 2000.
180. *Клеандров М.И.* Судебная система современной России. Тюмень, 2002.
181. *Клеандров М.И.* Судебные системы государств — участников СНГ: законодательное обеспечение. М., 2002.
182. *Клеандров М.И.* Судья — центральное звено судебной системы. Тюмень, 1999.
183. *Клеандров М.И.* Экономическое правосудие в государствах — участниках СНГ: законодательное обеспечение. М., 2003.
184. *Клеандров М.И.* Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее. М., 2006.
185. *Князьков С.* Самодержавие в его исконном смысле. СПб., 1906.
186. *Кобзарев Ф.М.* Прокуратура и суд в уголовном процессе: условия и формы взаимодействия. М., 2005.
187. *Кобзарев Ф.М.* Проблемы взаимодействия прокуратуры и суда в сфере уголовного судопроизводства: Монография. М.: Институт повышения квалификации руководящих кадров Генеральной прокуратуры РФ, 2006.

188. *Кобликов А.С.* Избранное: Юридическая этика. Военные суды России. М., 2005.
189. *Ковалевский М.* Из истории государственной власти в России. М., 1905.
190. *Ковалевский М.* Очерки по истории политических учреждений России. СПб., 1908.
191. *Кожевников М.В.* История советского суда, 1917—1947 гг. М., 1948.
192. *Кожевников М.В.* История советского суда. М., 1957.
193. *Кожевников Ф.И.* Русское государственное право (до XX в.). М., 2006.
194. *Козловский А.Ф.* Прокурорский надзор в Российской Федерации: Учебное пособие. Екатеринбург, 1994.
195. *Кокошкин Ф.Ф.* Лекции по общему государственному праву / Под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М., 2004.
196. *Кокошкин Ф.Ф.* Русское государственное право. М., 1912.
197. *Колоколов Н.А.* Роль судебной власти в организации социального и государственного управления // Становление гражданского общества в России: личность, самоуправление, власть: Монография / Под ред. проф. Т.Д. Зражевской. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2002. С. 240—254.
198. *Колоколов Н.А.* Формы реализации судебной власти в стадии предварительного расследования преступлений: Монография. М.: Издательская группа «Юрист», 2004.
199. *Колоколов Н.А.* Судебная власть: о сущем феномена в логосе: Монография. М.: Издательская группа «Юрист», 2005.
200. *Колоколов Н.А.* О праве, суде и правосудии: Избранное. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2006.
201. *Колоколов Н.А.* Роль суда в механизме государственного управления: Монография. М.: Издательская группа «Юрист», 2006.
202. *Колоколов Н.А.* Правоохранительная и судебная системы Курской губернии (1917—1928 гг.): Монография / Н.А. Колоколов, В.В. Максимова. М.: Издательская группа «Юрист», 2006.
203. *Колоколов Н.А.* Теория судебных систем: особенности конституционного регулирования, судебного строительства и организации судебной деятельности в федеративном государстве: Монография / Н.А. Колоколов, С.К. Павликов. М.: Юрлиинформ, 2007.
204. *Колоколов Н.А.* Судебная реформа: некоторые проблемы судостроительства, уголовного права и процесса: Сборник статей. Курск: ГУИПП «Курск», 1999.
205. *Колоколов Н.А.* Судебная реформа: некоторые проблемы криминологии, судостроительства и уголовного процесса: Сборник статей. Курск: ГУИПП «Курск», 2000.
206. *Колоколов Н.А.* Судебная власть: природа, сущность, содержание и некоторые проблемы реформирования российской судебной системы // Социально-экономические и правовые аспекты государственной и муниципальной службы: Ежегодник 2000. Курск: «Курская городская типография», 2000.

207. *Колоколов Н.А.* Судебная власть в государственном управлении: некоторые проблемы текущей политики и фундаментальной науки: Сборник статей. Курск: ГУИПП «Курск», 2001.
208. *Колоколов Н.А.* Судебная власть: некоторые проблемы реформирования: Сборник статей. Курск: ГУИПП «Курск», 2002.
209. *Колоколов Н.А.* Судебная власть: становление правоприменительной практики в переходный период: Сборник статей. М.: Издательская группа «Юрист», 2005.
210. *Колоколов Н.А.* Мировая юстиция важная форма стабилизации отношений в гражданском обществе // Мировая юстиция: проблемы правоприменительной практики: Научно-практическая рекомендация / Под ред. Т.П. Захаровой, А.В. Чупровой, И.В. Михеевой. Нижний Новгород: Издательство «Литера», 2005.
211. *Колоколов Н.А.* Мировые судьи России в 2004 г. // Мировая юстиция: проблемы правоприменительной практики: Научно-практическая рекомендация / Под ред. Т.П. Захаровой, А.В. Чупровой, И.В. Михеевой. Нижний Новгород: Издательство «Литера», 2005.
212. Комментарий к постановлениям Конституционного Суда Российской Федерации / Отв. ред. Б.С. Эбзеев: В 2 т. М., 2001. Т. 2: Защита прав и свобод граждан.
213. *Кони А.Ф.* Отцы и дети Судебной реформы: К пятидесятилетию Судебных уставов (Судебная реформа России). М., 2003.
214. Конституционные основы правосудия в СССР / Под ред. В.М. Савицкого. М., 1981.
215. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / Под ред. Б.А. Золотухина. М., 2001.
216. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / Составитель С.А. Пашин. М., 1992.
217. *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. СПб., 2003.
218. *Коркунов Н.М.* Русское государственное право. СПб., 1909. Т. I; Т. II.
219. *Коркунов Н.М.* Сравнительный очерк государственного права иностранных держав. СПб., 1890.
220. *Коркунов Н.М.* Указ и закон. СПб., 1894.
221. *Коротких М.Г.* Самодержавие и судебная реформа 1864 г. в России. Воронеж, 1989.
222. *Корф С.* История русской государственности. СПб., 1908. Т. I.
223. *Косолапов М.Ф.* Судебная власть в конституционном строе России. Саратов, 2005.
224. *Котляревский С.А.* Власть и право. М., 1915.
225. *Котляревский С.А.* Конституционное государство. М., 1907.
226. *Котляревский С.А.* Конституционное государство. Юридические предпосылки русских Основных Законов / Под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М., 2004.
227. *Котляревский С.А.* Юридические предпосылки русских Основных Законов. М., 1912.
228. *Кох Г.* Очерки по истории политических идей и государственного управления. СПб., 1892.

229. *Кременецкий П.* Христианское учение о Царской власти и об обязанностях верноподданных. Мысли, вкратце извлеченные из проповедей Филарета, митрополита Московского. М., 1888.
230. Крестьянское правосудие. Обычное право российского крестьянства в XIX — начале XX в. / А.А. Никишенков, Ю.И. Семенов. М., 2003.
231. *Крыленко Н.В.* Основы судостроительства СССР и союзных республик: Учебное пособие. М., 1927.
232. *Крыленко Н.В.* Суд и право в СССР. М., 1927.
233. *Крыленко Н.В.* Судостроительство. М., 1924.
234. *Кряжков В.А.* Конституционное правосудие в субъектах Российской Федерации (правовые основы и практика). М., 1999.
235. *Кряжков В.А.* Конституционная юстиция в Российской Федерации / В.А. Кряжков. Л.В. Лазарев. М., 1998.
236. *Ксюнин Ал.* Что такое Государственная Дума? Конституционная монархия. СПб., 1907.
237. *Кудрявцев В.* Политическая юстиция в СССР / В. Кудрявцев, А. Трусов. М., 2000.
238. *Кудрявцев В.Н.* Стратегии борьбы с преступностью. М., 2003.
239. *Куницын А.* Историческое изображение древнего судопроизводства в России. СПб., 1843. IV.
240. *Куплевский Н.* Исторический очерк преобразований государственного строя в царствование Императора Николая II. СПб., 1912.
241. *Куплевский Н.* Русское государственное право. 2-е изд. Харьков, 1902. Т. I.
242. *Курбский А.М.* История о великом князе Московском. СПб., 1913.
243. Курс советского уголовного процесса: Общая часть. М., 1989.
244. *Кутафин О.Е.* Судебная власть в России: история, документы: В 6 т. / О.Е. Кутафин, В.М. Лебедев, Г.Ю. Семигин. М., 2003. Т. 1: Начала формирования судебной власти.
245. *Кутафин О.Е.* Судебная власть в России: история, документы: В 6 т. / О.Е. Кутафин, В.М. Лебедев, Г.Ю. Семигин. М., 2003. Т. 2: Период абсолютизма.
246. *Кутафин О.Е.* Судебная власть в России: история, документы: В 6 т. / О.Е. Кутафин, В.М. Лебедев, Г.Ю. Семигин. М., 2003. Т. 3: От Свода законов к судебной реформе 1864 г.
247. *Кутафин О.Е.* Судебная власть в России: история, документы: В 6 т. / О.Е. Кутафин, В.М. Лебедев, Г.Ю. Семигин. М., 2003. Т. 4: На рубеже веков: эпоха войн и революций.
248. *Кутафин О.Е.* Судебная власть в России: история, документы: В 6 т. / О.Е. Кутафин, В.М. Лебедев, Г.Ю. Семигин. М., 2003. Т. 5: Советское государство.
249. *Кутафин О.Е.* Судебная власть в России: история, документы: В 6 т. / О.Е. Кутафин, В.М. Лебедев, Г.Ю. Семигин. М., 2003. Т. 6: Российская Федерация.
250. *Лазарев Л.В.* Правовые позиции Конституционного Суда России. М., 2003.

251. *Лазарев Л.В.* Правовые позиции Конституционного Суда России. М., 2006.
252. *Лазарев Л.В.* Правовые позиции Конституционного Суда России. М., 2008.
253. *Лазарева В.А.* Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе. Самара, 1999.
254. *Лазаревский Н.* Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1910.
255. *Ланге О.Ф.* Древнее русское уголовное судопроизводство (XIV, XV, XVI, половина XVII в.). СПб., 1884.
256. *Ларин А.М.* Уголовный процесс России: Лекции-очерки / А.М. Ларин, Э.Б. Мельников, В.М. Савицкий. М., 1997.
257. *Латкин В.Н.* Учебник истории русского права периода империи (XVIII—XIX вв.) / Под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. Серия: Русское юридическое наследие. М., 2004.
258. *Лафитский В.И.* Позция права: страницы правотворчества от древности до наших дней. М., 2003.
259. *Лебедев В.М.* Становление и развитие судебной власти в Российской Федерации. М., 2000.
260. *Лебедев В.М.* Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития. СПб., 2001.
261. *Лебедев В.М.* Судебная защита свободы и личной неприкосновенности граждан на предварительном следствии: Учебное пособие. М., 2001.
262. *Ленин В.И.* Государство и революция // Полн. собр. соч. Т. 33.
263. *Ленин В.И.* О взаимоотношении партийных и судебно-следственных органов // Полн. собр. соч. Т. 44.
264. *Ленин В.И.* Очередные задачи советской власти // Полн. собр. соч. Т. 36.
265. *Лешков В.Н.* Русский народ и государство: История русского общественного права до XVIII в. СПб., 2004.
266. *Ливеровский А.А.* Правовые проблемы регулирования создания и деятельности конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации. СПб., 2001.
267. *Линский Б.* Голос и воля народа в государстве. СПб., 1905.
268. *Лист Ф.* Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление. М., 2004.
269. *Локк Дж.* Два трактата о правлении. Соч.: В 3 т. М., 1998.
270. *Ломан А.* Современное учение о государственной власти. СПб., 1896.
271. *Ломброзо Ч.* Политическая преступность и революция по отношению к праву, уголовной антропологии и государственной науке / Ч. Ломброзо, Р. Ляски. СПб., 2003.
272. *Лопухин А.П.* Законодательство Моисея. Исследования о семейных, социально-экономических и государственных законах Моисея. Суд над Иисусом Христом, рассматриваемый с юридической точки зрения. Вавилонский царь правды Аммураби и его новооткрытое законодательство в сопоставлении с законодательством Моисеевым / Под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. Серия: Русское юридическое наследие. М., 2005.

273. Лукашук И.И. Глобализация, государство, право, XXI век. М., 2000.
274. Лукашук И.И. Международное право в судах государства. М., 1993.
275. Луман Н. Власть / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2001.
276. Луман Н. Общество как социальная система / Пер. с нем. А. Антоновского. М., 2004.
277. Любашиц В.Я. Государственная власть: Введение в общую теорию / В.Я. Любашиц, А.Ю. Мордовцев, А.Ю. Мамычев. Ростов-н/Д, 2003.
278. Люблинский П.И. Право амнистии. СПб., 1907.
279. Люблинский П.И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса / Под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. Серия: Русское юридическое наследие. М., 2004.
280. Магазинер Я. Самодержавие народа. СПб., 1905.
281. Магазинер Я. Чрезвычайно-указное право России. СПб., 1911.
282. Мадьярова А.В. Разъяснения Верховного Суда Российской Федерации в механизме уголовно-правового регулирования. СПб., 2002.
283. Маньков А.Г. Уложение 1649 г. Кодекс феодального права России. Л., 1980.
284. Мартынич Е.Г. Авторитет советского суда. Кишинев, 1991.
285. Мартынич Е.Г. Национальная конституционная юстиция. Проблемы теории и практики. Кишинев, 2000.
286. Мартынич Е.Г. Судебная власть в Молдове. Создание и функционирование. Часть первая: Историко-правовые очерки. Кишинев, 1999.
287. Марченко М.Н. Источники права: Учебное пособие. М., 2005.
288. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права: Учебник. М., 2001.
289. Марченко Н.М. Судебное правотворчество и судебское право. М., 2007.
290. Машкин В.А. Конституционная юстиция в совершенной России: Монография. М., 2003.
291. Медведев И.Р. О науке гражданского процесса: эссе; Ответственность сторон за ложные объяснения в суде: научное исследование. М., 2006.
292. Мелешко Н.П. Уголовно-правовые системы России и зарубежных стран (криминологические проблемы сравнительного правоведения, теории, законодательная и правоприменительная практика) / Н.П. Мелешко, Е.Г. Тарло. М., 2003.
293. Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция: Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии: Учебное пособие. М., 2000.
294. Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция охранительная и восстановительная: Учебное пособие / Э.Б. Мельникова, Л.М. Карнозова. М., 2002.
295. Менгер А. Новое учение о государстве. М., 1905.
296. Мигунова Т.Л. Право, администрация и суд в реформах Екатерины Великой. СПб., 2002.
297. Мигунова Т.Л. Российский суд во второй половине XVIII в. / Науч. ред. В.Б. Романовской. Н. Новгород, 2001.
298. Мизулина Е.Б. Технология власти: уголовный процесс. Ярославль, 1992.
299. Мизулина Е.Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства. Тарту, 1991.

300. *Миллюков П.* Исконные начала и требования жизни в русском государственном строе. Ростов-н/Д, 1905.
301. *Мировая юстиция в России. Оценка независимости и эффективности.* Казань, 2004.
302. *Мировая юстиция: проблемы правоприменительной практики: Научно-практическая рекомендация / Под ред. Т.П. Захаровой, А.В. Чупровой, И.В. Михеевой.* Н. Новгород, 2005.
303. *Митюков М.А.* Очерки конституционного правосудия (сравнительно правовое исследование законодательства и судебной практики) / М.А. Митюков, А.М. Барнашов. Томск, 1999.
304. *Мономах Владимир.* Поучения Владимира Мономаха. Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. 1: Лаврентьевская летопись.
305. *Монтескье Ш.Л.* Избранные произведения. М., 1955.
306. *Москвич Л.Н.* Статус судов: теоретический и сравнительно-правовой анализ: Монография (на украинском языке). п. г. т. Белозерка Херсонской области, 2004.
307. *Москвич Л.Н.* Статус судей: проблемы теории и практики: Монография (на украинском языке) / Л.Н. Москвич, С.В. Подкопаев, С.В. Прилуцкий. Харьков, 2004.
308. *Музыченко П.П.* История государства и права Украины: Учебное пособие. 5-е издание, испр. и доп. 2007. Киев.: Знание.
309. *Мурадян Э.М.* Истина как проблема судебного права. М., 2002.
310. *Муратова Н.Г.* Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики. Казань, 2004.
311. *Немытина М.В.* Российский суд присяжных: Учебное пособие. М., 1995.
312. *Немытина М.В.* Суд в России: вторая половина XIX — начало XX в. Саратов, 1999.
313. *Николин Н.* Государственное устройство России и Государственная Дума. СПб., 1906.
314. *Никольский Д.* Государственное право. СПб., 1895.
315. *Нольде Б.* Очерки русского конституционного права. СПб., 1911.
316. *Общая теория государства и права: Академический курс: В 2 т.* М., 1998.
317. *Общая теория государства и права: Академический курс: В 3 т.* 2-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2002. Т. 1; Т. 2; Т. 3.
318. *Овсепян Ж.И.* Становление конституционных и уставных судов в субъектах Российской Федерации (1990—2000). М., 2001.
319. *Омельченко О.В.* Власть и Закон в России XVIII в.: Исследования и очерки. М., 2004.
320. *Организация деятельности судов: Курс лекций для вузов / Отв. ред. Н.А. Петухов.* М., 2005.
321. *Организация судебной власти в Украине: Первый анализ нормативного смысла Закона Украины «О судоустройстве Украины» / А. Селиванов, Е. Фесенко, Н. Рудюк.* Киев, 2002.

322. *Осакве К.* Сравнительное правоведение в схемах: Общая и Особенная части: Учебно-практическое пособие. М., 2000.
323. *Осакве К.* Сравнительное правоведение в схемах: Общая и Особенная части: Учебно-практическое пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002.
324. *Осакве К.* Сравнительное правоведение: систематический комментарий. М., 2008.
325. *Отенский З.* Посланная грамотка от старца Зиновия Отенского Монастыря ис пустыни к государеву Великому князю диаку Якову Шишкину // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1961. Т. XVII.
326. *Павликов С.Г.* Конституционно-правовой статус судов субъектов Российской Федерации: Монография. М., 2004.
327. *Павликов С.Г.* Организация и деятельность местных судов: российский и зарубежный опыт: Аналитический обзор. М., 2005.
328. *Павликов С.Г.* Становление и развитие судов субъектов Российской Федерации: Монография. М., 2005.
329. *Палиенко Н.* Основные законы и формы правления в России. Харьков, 1910.
330. *Пальховский А.М.* О праве представительства на суде. СПб., 1876.
331. *Папкова О.А.* Усмотрение суда. М., 2005.
332. *Пахоленко Н.Б.* Из истории конституционных проектов в России. М., 2000.
333. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993.
334. *Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Серия: Мир культуры, истории и философии. СПб., 2000.
335. *Петрухин И.Л.* Правосудие: время реформ. М., 1991.
336. *Петрухин И.Л.* Теоретические основы правосудия / И.Л. Петрухин, Г.П. Батунов, Т.Г. Морщакова. М., 1979.
337. *Петухов Н.А.* История военных судов России. М., 2003.
338. *Пискотин М.И.* Россия в XX веке: неоконченная трагедия. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004.
339. *Победоносцев К.П.* Судебное руководство (судебная реформа в России). М., 2004.
340. *Познер Р.А.* Экономический анализ права: В 2 т. СПб., 2004. Т. 1; Т. 2.
341. *Познышев С.В.* Элементарный учебник русского уголовного процесса. М., 1913.
342. Политический режим и преступность / Под ред. В.Н. Бурлакова, Ю.Н. Волкова, В.П. Сальникова. СПб., 2001.
343. *Полудняков В.И.* Современная российская судебная реформа: На пути в мир правосудия. СПб., 2002.
344. *Полянский Н.Н.* Очерк общей теории уголовного процесса. М., 1927.
345. *Полянский Н.Н.* Правда и ложь в уголовной защите. М., 1927.
346. *Полянский Н.Н.* Уголовный процесс. Уголовный суд, его устройство и деятельность: Лекции. М., 1911.
347. *Попова А.Д.* «Правда и милость да царствуют в судах» (Из истории реализации Судебной реформы 1864 г.) Рязань, 2005.

348. Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951.
349. *Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве. М., 1951.
350. Право в средневековом мире: Сборник статей. СПб., 2001. Вып. 2—3.
351. Правовая реформа, судебная реформа и конституционная экономика: Сборник статей / Сост. П.Д. Баренбойм. М., 2004.
352. Правоохранительные органы в СССР / Под ред. К.Ф. Гуценко. М., 1991.
353. Правоохранительные органы Российской Федерации / Под ред. В.П. Божьева. М., 1996.
354. Престиж органов прокуратуры (социально-психологические аспекты): Научно методическое пособие. М., 2001.
355. Проблемы совершенствования прокурорского надзора (к 275-летию Российской прокуратуры): Материалы научно-практической конференции. М., 1997.
356. Проблемы судебно-правовой реформы в России: история и современность: Сборник трудов. Самара, 1999. Вып. 6.
357. Прокуратура в правовом государстве: Материалы Международной научно-практической конференции Совета Европы совместно с Генеральной прокуратурой РФ. М., 1997.
358. Прокуратура и правосудие в условиях судебно-правовой реформы: Сборник научных трудов. М., 1997.
359. Прокуратура Российской Федерации. Концепция развития на переходный период / Под ред. Ю.И. Скуратова. М., 1994.
360. *Проценко В.П.* Генезис антисистемы в праве. Уголовно-процессуальный и нравственный аспекты. Краснодар, 2003.
361. Путь к закону (исходные документы, пояснительные записки, материалы конференций, варианты проекта ГПК, новый ГПК РФ) / Под ред. М.К. Треушников. М., 2004.
362. *Рабцевич О.И.* Право на справедливое судебное разбирательство: международное и внутригосударственное правовое регулирование. М., 2005.
363. *Радченко В.И.* Судебная реформа в Российской Федерации. Некоторые теоретические и практические проблемы. М., 1999.
364. *Радченко В.И.* Судебная реформа в Российской Федерации: Сборник статей. М., 2005.
365. Разделение властей: Учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2004.
366. *Рахунов Р.Д.* Независимость судей в советском уголовном процессе. М., 1972.
367. *Рейнгард Н.* Радикальный переворот в русском государственном строе. СПб., 1907.
368. *Рейснер М.* Государство: Пособие к лекциям по общему учению о государстве. СПб., 1911.
369. *Рейснер М.* Разложение абсолютизма. Политический строй современных государств. СПб., 1905.
370. *Рененкампф В.* Правовое государство и народный суверенитет. Одесса, 1909.

371. *Ржевский В.А.* Судебная власть в Российской Федерации: конституционные основы организации и деятельности / В.А. Ржевский, Н.М. Чепурнова. М., 1998.
372. *Розожин Н.А.* Судебная практика и ее роль в регулировании предпринимательской деятельности. М., 2004.
373. *Рожков Н.* Происхождение самодержавия в России. М., 1906.
374. *Розанов В.* О подразумеваемом смысле нашей монархии. СПб., 1912.
375. *Романовский-Славатинский.* Система русского государственного права. Киев, 1886.
376. *Рулан Н.* Историческое введение в право: Учебное пособие для вузов. М., 205.
377. *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М., 1969.
378. *Рязановский В.А.* Единство процесса: Пособие / Вступ. ст. М.К. Треушникова. М., 1996.
379. *Савельева Т.А.* Судебная власть в гражданском процессе: Учебное пособие. Саратов, 1997.
380. *Савицкий В.М.* Организация судебной власти в Российской Федерации: Учебное пособие для вузов. М., 1996.
381. *Савицкий В.М.* Государственное обвинение в суде. М., 1971.
382. *Савицкий В.М.* Прошу у суда защиты! Защита прав человека в современном мире. М., 1993.
383. Самостоятельность и независимость судебной власти / Под ред. В.В. Ерошова. М., 2006.
384. *Свешников М.* Русское государственное право. СПб., 1897.
385. *Северин Ю.Д.* Организационные основы правосудия. Проблемы и опыт в канун судебной реформы. М., 2003.
386. *Селезнев Н.В.* Конституционный Суд Российской Федерации в системе судебной власти. М., 1998.
387. *Семенов В.И.* Суд и правосудие в СССР. М., 1976.
388. *Семенов П.* Самодержавие как государственный строй. СПб., 1906.
389. *Семигин Г.Ю.* Российские политико-правовые доктрины. М., 2005.
390. *Сергеев В.И.* Адвокатура. Гражданское общество. Государство. М., 2002.
391. *Сергеевич В.И.* Древности русского права: В 3 т. М., 2006. Т. 1: Территория и население; Т. 2: Вече князь; Советники князя; Т. 3: Землевладения. Тягло. Порядок обложения.
392. *Сергеевич В.И.* Лекции и исследования по древней истории русского права / Под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. Серия: Русское юридическое наследие. М., 2004.
393. *Сидорова Н.В.* Апелляция в системе производств в суде второй инстанции в уголовном процессе России. Томск, 2006.
394. *Слободянюк И.П.* Верховный уголовный суд над декабристами: Монография. М., 2005.
395. *Слободянюк И.П.* Суд и закон в Российской империи (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.): Монография. М., 2005.
396. *Слонимский Л.* О монархии. СПб., 1907.
397. Служение Истине: Научное наследие Л.Д. Кокорева: Сборник статей. Воронеж, 1997.

398. *Смирнов А.В.* Состязательный процесс. СПб., 2001.
399. *Смирнов Н.Г.* Репрессивное правосудие. М., 2001.
400. Совершенствование законодательства о суде и правосудии. М., 1985.
401. *Сокольский В.* Русское государственное право. Одесса, 1890.
402. *Сорокин П.* Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб., 1999.
403. *Сорский Н.* Послания Нила Сорского // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1974. С. 136—143.
404. *Сочинения И.* Пересветова. М.; Л., 1956.
405. Сочинения князя М.М. Щербатова. СПб., 1886. Т. 1: Политические сочинения.
406. *Спекторский Е.* Государственное право. Варшава, 1913.
407. *Сперанский М.М.* Юридические произведения / Под редакцией и с биографическим очерком В.А. Томсинова. М., 2008.
408. *Сталин И.В.* Соч. М., 1954. Т. 5.
409. Становление судебной власти в обновляющейся России / Отв. ред. Б.Н. Топорнин. М., 1997.
410. Старец Филофей и его послания. Киев, 1901.
411. *Старилов Ю.Н.* Административная юстиция: Проблемы теории. Воронеж, 1998.
412. *Старилов Ю.Н.* Административная юстиция: Теория, история, перспективы. М., 2001.
413. *Старилов Ю.Н.* Административные суды в России: новые аргументы «за» и «против». М., 2004.
414. *Стефанюк В.* Судебная система Украины и судебная реформа. Киев, 2001.
415. *Стецовский Ю.И.* Судебная власть: Учебное пособие. М., 1999.
416. *Строгович М.С.* Избранные труды. М., 1990. Т. 1: Проблемы общей теории права.
417. *Строгович М.С.* Избранные труды. М., 1992. Т. 2: Гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве.
418. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса.
419. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. М., 1970. Т. 2: Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву.
420. *Строгович М.С.* Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955.
421. *Строгович М.С.* Основные вопросы советской социалистической законности. М., 1966.
422. *Строгович М.С.* Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М., 1951.
423. *Строгович М.С.* Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / М.С. Строгович, Л.Б. Алексеева, А.М. Ларин. М., 1979.

-
424. *Ступин М.* Основы государственного устройства России и государственные права русского народа. СПб., 1905.
 425. Суд и права личности: Сборник статей / Под ред. Н.В. Давыдова, Н.Н. Полянского. М., 2005. Кн. 4: Судебная реформа в России.
 426. Суд и правосудие в СССР / Под ред. Б.А. Галкина. М., 1981.
 427. Суд и правосудие в СССР / Под ред. М.П. Шаламова. М., 1974.
 428. Суд и применение закона / Редколлегия Келина С.Г. и др. М., 1982.
 429. Суд и судьи в избранных фрагментах из Дигест Юстиниана / Пер. с лат. М., 2006.
 430. Суд присяжных в России: Громкие уголовные процессы, 1864—1917 гг. / Сост. С.М. Казанцев. М., 1991.
 431. Судебная власть / Под ред. И.Л. Петрухина. М., 2003.
 432. Судебная власть в России. Роль судебной практики: Учебное пособие / Сост. Ю.А. Тихомиров. М., 2002.
 433. Судебная власть, прокурорский надзор и проблемы уголовного судопроизводства: Сборник научных трудов. М., 2001.
 434. Судебная защита органов местного самоуправления в Российской Федерации: Сборник решений федеральных судов / Сост. Л.Е. Лаптева, А.Л. Алферов. М., 1998. Вып. 2.
 435. Судебная практика в советской правовой системе / Под ред. С.Н. Братуся. М., 1975.
 436. Судебная практика как источник права. М., 1997.
 437. Судебная практика как источник права. М., 2000.
 438. Судебная реформа в России: пределы и возможности: Цикл публичных дискуссий «Россия в глобальном контексте». М., 2001. Вып. 5.
 439. Судебная реформа в России: проблемы совершенствования процессуального законодательства: По материалам научно-практической конференции, Москва, 28 мая 2001 г. М., 2001.
 440. Судебная реформа в Украине: проблемы и перспективы: Материалы научно-практической конференции 18—19 апреля 2002 г. Харьков (на украинском языке). Харьков, 2002.
 441. Судебная реформа и проблемы уголовного судопроизводства: Сборник научных трудов. М., 1995.
 442. Судебная реформа: проблемы и перспективы / Отв. ред. Б.Н. Топорнин, И.Л. Петрухин. М., 2001.
 443. Судебная система России: история и современность (К 130-летию со дня введения Судебных уставов 20 ноября 1964 г. в Терской и Кубанской областях): Материалы региональной научно-практической конференции. Ставрополь, 2001.
 444. Судебные системы европейских стран: Справочник / Пер. с фр. Д.И. Васильева, с англ. О.Ю. Кобякова. М., 2002.
 445. Судебный контроль и права человека: Материалы Российско-Британского семинара 12—13 сентября 1994 г. М., 1996.
 446. *Сырых В.М.* Н.В. Крыленко идеолог советского правосудия. М., 2003.
 447. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право: Лекции. Часть общая: В 2 т. М., 1994. Т. 1.

448. *Тальберг Д.Г.* Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII в. М., 1912.
449. *Тальберг Д.Г.* Русское уголовное судопроизводство. Киев, 1889.
450. *Тамаш А.* Судья и общество. Диалектика правового сознания и правоприменения. М., 1980.
451. *Тарановский Ф.В.* История русского права / Под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. Серия: Русское юридическое наследие. М., 2004.
452. *Тарасенко Т.Г.* Судебная власть в Российской Федерации: теоретико-правовой и институциональный анализ: Монография. М., 2000.
453. *Тахтарев К.* От представительства к народовластию. СПб., 1907.
454. *Телятников В.И.* Убеждение судьи. СПб., 2004.
455. *Тилле А.А.* Советский социалистический феодализм 1917—1990. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2000.
456. *Тихомиров Л.* Верховная Власть и Основные Законы 1906 г. М., 1909.
457. *Тихомиров Л.* Единоличная власть как принцип государственного строения. М., 1897.
458. *Тихомиров Л.* Представительство народа при Верховной Власти. М., 1910.
459. *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. СПб., 1992.
460. *Тогоева О.И.* «Истинная правда»: языки средневекового правосудия. М., 2006.
461. *Токвиль А. де.* Демократия в Америке / Пер. с фр.; Предисл. Гарольда Дж. Паски. М., 1999.
462. *Томин В.Т.* Избранные труды. СПб., 2004.
463. *Томсинов В.А.* История русской политической и правовой мысли X—XVIII веков. М., 2003.
464. *Троцина К.* История судебных учреждений России. СПб., 1851.
465. *Трубецкой Е.Н.* Смысл жизни. Берлин, 1922.
466. *Трубецкой Е.Н.* Энциклопедия права. СПб., 1999.
467. *Трубникова Т.В.* Теоретические основы упрощенных судебных производств. Томск, 1999.
468. *Трусевич К.* К реформам в России. М., 1905.
469. *Уортман Р.С.* Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. М., 2004.
470. *Упоров И.В.* Пенитенциарная политика России в XVIII—XX в.: Историко-правовой анализ тенденций развития. СПб., 2004.
471. *Устинов В.* Идея национального государства. Харьков, 1906.
472. Ученые-юристы МГУ о современном праве / Под ред. М.К. Треушникова. М., 2005.
473. Учреждение судебных установлений / Сост. А.И. Люблинский. 2-е изд. П., 1915.
474. *Филиппов М.А.* Судебная реформа в России. СПб., 1871. Т. 1. Ч. 1.
475. *Филиппов П.М.* Судебная защита и правосудие в СССР. Саратов, 1987.
476. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства: В 2 т. СПб., 1996. Т. 1; Т. 2.
477. *Фойницкий И.Я.* Учение о наказании в связи с тюремоведением. М., 2000.

478. Характеристика осужденных к лишению свободы: По материалам специальной переписи 1999 г. / Под ред. А.С. Михлина. М., 2001.
479. Характеристика подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах: По материалам специальной переписи 1999 г. / Под ред. А.С. Михлина. М., 2000.
480. *Хохлов Д.В.* Доступность правосудия. М., 2002.
481. Хрестоматии по уголовному процессу России / Авт.-сост. Э.Ф. Куцова. М., 1999.
482. *Чеглоков П.* Об органах судебной власти в России от основания государства до вступления на престол Алексея Михайловича. Казань, 1855.
483. *Чекунов Н.А.* Судебная реформа 1922 г. СПб., 2004.
484. *Чельцов-Бебутов М.А.* Курс уголовно-процессуального права: Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995.
485. *Чельцов-Бебутов М.А.* Советский уголовный процесс. Харьков, 1928. Вып. I.
486. *Чепурнова Н.М.* Конституционные принципы судебной власти и проблемы формирования судебной системы в субъектах Российской Федерации. Ростов-н/Д, 1999.
487. *Чепурнова Н.М.* Судебный контроль в Российской Федерации проблемы методологии, теории и государственно-правовой практики. Ростов-н/Д, 1999.
488. *Черемных Г.Г.* Судебная власть в России. М., 1998.
489. *Черепанов В.А.* Теория российского федерализма: Учебное пособие. М., 2005.
490. *Черников В.В.* Правовой механизм управления органами внутренних дел. М., 1984.
491. *Черняев Н.* Необходимость самодержавия для России. Харьков, 1901.
492. *Черняев Н.* О русском самодержавии. М., 1895.
493. *Честнов И.Л.* Актуальные проблемы теории государства и права. Эпистемология государства и права: Учебное пособие. СПб., 2004.
494. *Честнов И.Л.* Краткий очерк основ теории государства: Учебное пособие. СПб., 1995.
495. *Честнов И.Л.* Правопонимание в эпоху постмодерна // Правоведение. 2002. № 3.
496. *Честнов И.Л.* Социально-правовые основания гражданского общества // Гражданское общество: истоки и современность / Под ред. И.И. Кальной, В.В. Лопушанского. 2-е изд. СПб., 2002.
497. *Честнов И.Л.* Теория государства и права как наука // Проблемы теории государства и права: Курс лекций / Под ред. В.П. Сальникова. СПб., 1999. Т. 1.
498. *Чижов Н.* Записки по государственному праву. Одесса, 1899.
499. *Чичерин Б.* О народном представительстве. М., 1886.
500. *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки. М., 1894. Ч. 1. Общее государственное право.
501. *Чичерин Б.Н.* Общее государственное право. М., 2006.
502. *Шарпанов С.* Самодержавие и самоуправление. Берлин, 1899.

503. *Шарапов С.* Царь и народ. М., 1908.
504. *Шаргородский М.Д.* Избранные труды. СПб., 2004.
505. *Шаргородский М.Д.* Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. М., 1957. Ч. 1.
506. *Швенебах П.* О народном представительстве. Киев, 1909.
507. *Шевцов В.С.* Право и судебная власть в Российской Федерации. М., 2003.
508. *Шевцов В.С.* Разделение властей в Российской Федерации. М., 2004. Ч. 2: Разделение властей «по вертикали».
509. *Шевцов В.С.* Разделение властей в Российской Федерации. М., 2004. Ч. 1: Разделение властей «по горизонтали».
510. *Шейфер С.А.* Понятие судебной власти / С.А. Шейфер, В.А. Яблоков // Проблемы судебной и правовой реформы в России: история и современность: Сборник трудов. Самара, 1999. Вып. 6.
511. *Шилов Н.* Власть Самодержавного Царя как основа финансового благосостояния России. СПб., 1913.
512. *Шихата И.* Правовая реформа. Теория и практика: Учебное пособие. М., 1998.
513. *Шмавонян Г.А.* Конституционное правосудие в системе разделения властей. М., 2001.
514. *Эбзеев Б.С.* Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2005.
515. *Экимов А.И.* Интересы и право в социалистическом обществе. Л., 1984.
516. *Элон М.* Еврейское право. СПб., 2002.
517. Энциклопедия государства и права. М., 1939. Т. 3.
518. Энциклопедия государственного управления в России: В 4 т. / Под общ. ред. В.К. Егорова; Отв. ред. И.Н. Барциц. М., 2004. Т. 1.
519. Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1975. Ч. 1; Ч. 2.
520. Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев: В 2 т. М., 1975.
521. *Юдельсон К.С.* Избранное: Советский нотариат. Проблема доказывания в советском гражданском процессе. М., 2005.
522. *Юдин Ю.А.* Конституционное правосудие в федеративном государстве. Сравнительно-правовое исследование / Ю.А. Юдин, Ю.Л. Шульженко. М., 2000.
523. Юридические записки. Воронеж, 1994. Вып. 1: Проблемы судебной реформы.
524. Юридические записки. Воронеж, 1995. Вып. 2: Жизнь в науке: к 100-летию со дня рождения М.С. Строговича.
525. Юридические термины и выражения: Краткий латинско-русский, русско-латинский словарь. 2-е изд., исправленное и дополненное. М., 2004.
526. Юридический процесс: реформа процедур управления законодательной деятельности и судебной власти. Воронеж, 1996.
527. *Юрков Б.Н.* Судебное обеспечение законности деятельности административных органов. Харьков, 1987.

-
528. *Якушкин В.* Государственная власть и проекты государственной реформы в России. СПб., 1906.
529. *Яртых И.С.* Адвокатура и власть. М., 2003.
530. Peter H. Solomon, Jr. and Todd S. Foglesong. Courts and Transition in Russia. The Challenge of Judicial Reform. Published in 2000 in the United State of America by Westview Press, Inc., 5500 Central Avenue, Colorado 80301, and in the United Kingdom by Westview Press, Inc., 36 Lonsdale Road, Summertown, Oxford OX2 7EW. 222 p.
531. Научные статьи
532. *Андреева И.* Власть сильная и независимая? // Вестник Верховного Суда СССР. 1991. № 6.
533. *Анохин В.С.* Судебная реформа и проблемы организации, деятельности арбитражного суда // Юридические записки. Воронеж, 1994. Вып. 1: Проблемы судебной реформы.
534. Атака Госдумы на независимость суда отбита: Редакционная статья // Российская юстиция. 1998. № 1.
535. *Баренбойм П.* «И судили они народ во всякое время...» // Российская юстиция. 1997. № 3.
536. *Баренбойм П.* Божественная природа судебной власти. Три тысячелетия доктрине разделения властей: от Ветхого Завета до наших дней // Российская юстиция. 1996. № 1.
537. *Баренбойм П.* Первая конституция мира. И изложил Самуил всему народу права царства, и написал в книгу, и положил пред Господом // Российская юстиция. 1997. № 7.
538. *Белкин А.А.* Тезисы доклада «О проекте закона Санкт-Петербурга "Об уставном суде Санкт-Петербурга"» // Вестник Законодательного собрания Санкт-Петербурга. 1997 (26 июня). № 7.
539. *Бобров М.* Становление судебной власти // Вестник Верховного Суда СССР. 1991. № 7.
540. *Божьев В.* «Тихая революция» Конституционного Суда в уголовном процессе Российской Федерации // Российская юстиция. 2000. № 10.
541. *Божьев В.* Прокуратура России: какой ей быть? // Российская юстиция. 1995. № 9.
542. *Бойков А.* Выступление в дискуссии // Прокуратура в правовом государстве. Многосторонняя встреча, организованная Советом Европы совместно с Генеральной прокуратурой Российской Федерации. М., 1997.
543. *Бойков А.* Конституционные проблемы судебной власти // Вестник Верховного Суда СССР. 1990. № 7.
544. *Бойков А.* Проблемы судебной реформы // Государство и право. 1991. № 11.
545. *Бойков А.* Суд народный // Вестник Верховного Суда СССР. 1991. № 1.
546. *Бойков А.* Проблемы развития правового статуса российской прокуратуры (в условиях переходного периода) / А. Бойков, К. Скворцов, В. Рябцев // Уголовное право. 1999. № 3.
547. *Бойков А.Д.* В дебрях судебно-правовой реформы // Законность. 1993. № 3.

548. *Бойков А.Д.* Законность в правоохранительной деятельности (Российская Федерация периода 1990—1994 гг.): Научный доклад // Судебная реформа и проблемы уголовного судопроизводства: Сборник научных трудов. М., 1995.
549. *Бойков А.Д.* Защита жертв преступлений в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Правовые и социальные проблемы защиты жертв преступлений: Сборник научных трудов и нормативных материалов. М., 1997.
550. *Бойков А.Д.* К изучению эффективности уголовно-процессуального закона // Ученые записки ВНИИСЗ. М., 1969. Вып. 18.
551. *Бойков А.Д.* Роль суда в формировании и реализации государственной политики борьбы с преступностью // Судебная власть, прокурорский надзор и проблемы уголовного судопроизводства: Сборник научных трудов. М., 2001.
552. *Бойков А.Д.* Судебная реформа: обретения и просчеты // Государство и право. 1994. № 6.
553. *Бойков А.Д.* Сущность социалистического правосудия и его виды // Вопросы борьбы с преступностью. 1982. № 37.
554. *Бойков А.Д.* О законотворчестве, судебной власти и правосудии / А.Д. Бойков, И.И. Карпец // Государство и право. 1992. № 11.
555. *Боннер А.Т.* Некоторые проблемы социалистического правосудия // Труды ВЮЗИ. 1971. Т. 17.
556. *Борзов В.* Контрольная функция суда // Российская юстиция. 1996. № 11.
557. *Борзов В.* Суд не обвиняет. Суд не защищает. Суд разрешает дело // Российская юстиция. 1995. № 9.
558. *Братусь С.* О судебной власти // Вестник Верховного Суда СССР. 1991. № 8.
559. Верховный Суд. Интервью первого заместителя Председателя Верховного Суда СССР Гусева С.И. журналу «Огонек» // Огонек. 1989. № 8 (февраль).
560. *Ветрова Г.Н.* Нужны ли правосудию народные представители? // Государство и право на рубеже веков. Криминология. Уголовное право. Судебное право: Материалы Всероссийской конференции 2—4 февраля 2000 г.). М., 2001.
561. *Витрук Н.В.* Доступ граждан к судебной власти // Граждане и органы государственной власти. Доступ, информирование, обжалование. М., 2001.
562. *Вицин С.* Концепция 1991 г. положила начало формированию правового государства в России // Российская юстиция. 2001. № 11.
563. *Власов В.* У прокурора и судьи разные функции // Российская юстиция. 1996. № 9.
564. *Вормс А.* Крестьянский суд и судебно-административные учреждения / А. Вормс, А. Паренаго // Суд и права личности: Сборник статей / Под ред. Н.В. Давыдова, Н.Н. Полянского. М., 2005.

-
565. *Гаджиев Г.А.* Веру в справедливый суд должны восстанавливать сами судьи // Известия. 2004. 4 ноября.
566. *Дмитриев Ю.А.* Защита конституционных прав граждан в уголовной и конституционной юстиции // Государство и право. 1999. № 6.
567. *Дмитриев Ю.А.* Проблемы контроля и ответственности в деятельности органов государственной власти / Ю.А. Дмитриев, Ф.М. Измайлова // Государство и право. 1996. № 4.
568. *Дмитриев Ю.А.* Разделение властей и природа органов прокуратуры / Ю.А. Дмитриев, Г.Г. Черемных // Юрист. 1997. № 6.
569. *Дмитриев Ю.А.* Судебная власть в механизме разделения властей и защите прав и свобод человека / Ю.А. Дмитриев, Г.Г. Черемных // Государство и право. 1997. № 8.
570. *Дорошков В.В.* Идеи становления и развития судебной власти в ежегодных посланиях Президента России // Федеральный справочник: политика, экономика, управление. Москва: АНО «ФС: политика, экономика, управление, 2007.
571. *Ефремова Н.Н.* Генезис судебной власти в России // Государство и право. 2005. № 11.
572. *Ефремова Н.Н.* Судоустройство и процесс по Судебнику 1497 г. // Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI—XIX вв. М., 2000.
573. *Зорькин В.Д.* Отстаивать авторитет судебной власти можно, только сказав правду // Известия. 2004. 29 октября.
574. *Кобликов А.* Судебная власть и правовые гарантии // Вестник Верховного Суда СССР. 1991. № 8.
575. *Кобликов А.* Судебная реформа и новые проблемы правосудия // Советская юстиция. 1990. № 6.
576. *Коврига З.Ф.* Идеи, на которых мы воспитывались // Юридические записки. Воронеж, 1995. Вып. 2: Жизнь в науке: к 100-летию со дня рождения М.С. Строговича.
577. *Коврига З.Ф.* Нравственно-правовая ответственность судьи за нарушение закона при отправлении правосудия // Юридические записки. Воронеж, 1994. Вып. 1: Проблемы судебной реформы.
578. *Кокарев Л.Д.* Судебные реформы под влиянием идей М.С. Строговича // Юридические записки. Воронеж, 1995. Вып. 2: Жизнь в науке: к 100-летию со дня рождения М.С. Строговича.
579. *Кокорев Л.Д.* Кодекс чести... для судьи? // Служение Истине: Научное наследие Л.Д. Кокорева: Сборник статей. Воронеж, 1997.
580. *Кокорев Л.Д.* Проблемы защиты общества от преступлений и развития гарантий справедливости правосудия // Служение Истине: Научное наследие Л.Д. Кокорева: Сборник статей. Воронеж, 1997.
581. *Кокорев Л.Д.* Суд в механизме государственной власти // Служение Истине: Научное наследие Л.Д. Кокорева: Сборник статей. Воронеж, 1997.
582. *Кокорев Л.Д.* Судебная реформа: идеи и реальность // Служение Истине: Научное наследие Л.Д. Кокорева: Сборник статей. Воронеж, 1997.

583. *Кокорев Л.Д.* Судебная реформа: идеи и реальность // Юридические записки. Воронеж, 1994. Вып. 1: Проблемы судебной реформы.
584. *Кокорев Л.Д.* Судебные реформы под влиянием М.С. Строговича // Служение Истине: Научное наследие Л.Д. Кокорева: Сборник статей. Воронеж, 1997.
585. *Кокорев Л.Д.* Теория концепции и практика законов / Служение Истине: Научное наследие Л.Д. Кокорева: Сборник статей. Воронеж, 1997.
586. *Кокорев Л.Д.* Три кита правосудия // Служение Истине: Научное наследие Л.Д. Кокорева: Сборник статей. Воронеж, 1997.
587. *Кони А.Ф.* Нравственные начала в уголовном процессе // Сборник. Избранные произведения. М., 1956.
588. *Костанов Ю.* О судебской независимости и прокурорском надзоре // Вестник Верховного Суда СССР. 1991. № 4.
589. *Краснов М.* У судебной власти есть только один защитник общество // Российская юстиция. 2003. № 6.
590. *Лебедев В.* Судебная власть // Международный фонд информационных технологий // Эксперт. 2001. № 38 (298).
591. *Лебедев В.* Судейская беспристрастность и социальный контроль за судом // Российская юстиция. 2001. № 7.
592. *Лебедев В.М.* Итоги работы судов в 1998 г. // Российский судья. 1999. № 1.
593. *Лебедев В.М.* Становление судебной власти и судебной системы России: проблемы, достижения, перспективы // Судебная реформа: итоги, приоритеты, перспективы: Материалы конференции. М., 1997.
594. *Мартыничук Е.* Прецедентное право: от советской идеологии к международной практике / Е. Мартыничук, Э. Колоколова // Российская юстиция. 1994. № 12.
595. *Мельник В.В.* Социальная ценность, духовный и правозащитный потенциал суда присяжных // Политика и право. 2000. № 7..
596. *Мельникова Э.Б.* Ювенальная юстиция: специфика реализации судебной власти // Государство и право на рубеже веков. Криминология. Уголовное право. Судебное право: Материалы Всероссийской конференции 2—4 февраля 2000 г. М., 2001.
597. *Мизулина Е.Б.* Независимость суда еще не гарантия правосудия // Советское государство и право. 1992. № 4.
598. *Мирза Л.С.* Доступ к правосудию и доверие граждан суду // Российский судья. 2005. № 10.
599. *Морщакова Т.* Судебная защита основных прав граждан в общем и конституционном производстве: соотношение и особенности // Судебный контроль и права человека: Материалы Российско-Британского семинара 12—13 сентября 1994 г. М., 1996.
600. *Морщакова Т.Г.* Некоторые вопросы конституционного правосудия в системе процессуальных норм // Журнал российского права. 2001. № 12.
601. *Морщакова Т.Г.* Разграничение компетенции между Конституционным Судом и другими судами Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда РФ. 1996. № 6.

602. *Наумов А.* Суд как орган борьбы с преступностью, а прокуратура как институт общего надзора // Российская юстиция. 2002. № 1.
603. *Пашин С.А.* Реформа российского уголовно-процессуального права // Судебная реформа: итоги, приоритеты, перспективы: Материалы конференции. М., 1997.
604. *Петрухин И.* Реальная власть суда // Вестник Верховного Суда СССР. 1991. № 8.
605. *Петрухин И.* Судебная власть, раздавленная полицейским сапогом // Российская юстиция. 2000. № 2.
606. *Петрухин И.Л.* О реформе уголовного судопроизводства // Судебная реформа: проблемы и перспективы. М., 2001.
607. *Петрухин И.Л.* Правовое государство и судебная власть // Научная информация по вопросам борьбы с преступностью. М., 1993. № 144.
608. *Петрухин И.Л.* Системный подход к изучению эффективности правосудия // Советское государство и право. 1976. № 1.
609. *Петрухин И.Л.* Состязательность основа правосудия // Государство и право на рубеже веков. Криминология. Уголовное право. Судебное право: Материалы Всероссийской конференции 2—4 февраля 2000 г. М., 2001.
610. *Петрухин И.Л.* Судебные гарантии прав личности в уголовном процессе // Актуальные вопросы борьбы с преступностью в России и за рубежом. М., 1992. Вып. 3.
611. *Полянский Н.* Мировой суд // Суд и права личности: Сборник статей / Под ред. Н.В. Давыдова, Н.Н. Полянского. М., 2005.
612. *Полянский Н.Н.* К вопросу частных лиц на субсидиарное обвинение // Юридический вестник. 1914. Кн. VI (II).
613. *Полянский Н.Н.* К вопросу о юридической природе обвинения перед судом // Известия вузов. Серия: Правоведение. 1960. № 1.
614. Президент поддержал авторитет суда и отклонил закон, ущемляющий права граждан: Редакционная статья // Российская юстиция. 1997. № 7.
615. *Путин В.В.* Мы все хотим, чтобы наш суд был «скорым, правым и справедливым» // Журнал российского права. 2001. № 1.
616. *Путин В.В.* Сегодня нам крайне необходима судебная реформа // Российская юстиция. 2001. № 5.
617. *Радченко В.И.* «Большой комбинат по рассмотрению дел» // Политический журнал. 2004. № 2.
618. *Радченко В.И.* Доступное правосудие // Человек и закон. 1990. № 4.
619. *Радченко В.И.* Закон, с которого начиналась судебная реформа // Федеральный справочник: Сборник общественно-политических материалов. 2002. Вып. 12.
620. *Радченко В.И.* Наше больное правосудие // Человек и закон. 1998. № 6.
621. *Радченко В.И.* Не оставлять пепелище... О путях судебной реформы размышляет первый заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации Владимир Радченко // Человек и закон. 1995. № 3.
622. *Радченко В.И.* О судебной системе Российской Федерации: Комментарий к Федеральному конституционному закону. М., 2002.

623. *Радченко В.И.* Резоны для скептиков. Некоторые рассуждения о том, как укрепить власть судебную // Советская Россия. 1990. 24 апреля.
624. *Радченко В.И.* Судебная реформа продолжается // Отечественные записки. 2003. № 2.
625. *Радченко В.И.* Судебная реформа: состояние перспективы // Право и экономика. 2003. № 4.
626. *Радченко В.И.* Судебную власть в центр правовой реформы // Российская юстиция. 1999. № 10.
627. *Радченко В.И.* Уголовное судопроизводство России основное направление судебно-правовой реформы // Право и экономика. 2003. № 3.
628. *Руденко Н.* Прокуратура и положения новой Конституции Украины // Законность. 1997. № 1.
629. *Савицкий В.* Роль суда в отношениях человек — государство // Права человека. История теории и практика: Учебное пособие / Отв. ред. Б.Л. Назаров. М., 1995.
630. *Савицкий В.М.* Российские суды получили реальную возможность контролировать исполнительную власть // Судебный контроль и права человека: Материалы Российско-Британского семинара 12—13 сентября 1994 г. М., 1996.
631. *Савицкий В.М.* Трудный путь становления судебной власти // Судебная власть: надежды и реальность: Сборник научных статей. М., 1993.
632. *Савицкий В.П.* Традиционен в лучшем смысле слова // Судебная реформа: итоги, приоритеты, перспективы: Материалы конференции. М., 1997.
633. *Сенякин И.Н.* Судебное усмотрение в частном праве // Вестник Саратовской государственной академии права. 2002. № 3.
634. *Синюков В.Н.* К вопросу о российской правовой доктрине в XXI веке / В.Н. Синюков, Т.В. Синюкова // Вопросы теории государства и права: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. М.И. Байтина. Саратов, 2000. Вып. 2 (11).
635. *Скитович В.В.* Правосудие по делам, возникающим из административно-правовых отношений: Исторический опыт и перспективы // Государство и право. 1995. № 8.
636. *Скитович В.В.* Судебная власть и принцип разделения властей // Вестник Московского университета. Серия: Право. 1994. № 3.
637. *Скитович В.В.* Судебная власть как системное образование // Известия вузов. Серия: Правоведение. 1997. № 1.
638. *Скуратов Ю.* Концептуальные вопросы развития прокуратуры в период правовой реформы в Российской Федерации (Выступление Генерального прокурора РФ) // Законность. 1997. № 3.
639. *Скуратов Ю.* Разрушать или реформировать? // Российская Федерация. 1995. № 7.
640. *Скуратов Ю.И.* Судебно-правовая реформа и вопросы борьбы с преступностью // Прокуратура и правосудие в условиях судебно-правовой реформы: Сборник научных трудов. М., 1997.
641. *Смоленцев Е.* Проблемы становления судебной власти // Вестник Верховного Суда СССР. 1991. № 6.

-
642. *Смыкалин А.* Зарождение судебной системы русского государства // Российская юстиция. 2000. № 10.
643. *Смыкалин А.С.* Централизация судебных органов в период сословно-представительной монархии // Российская юстиция. 2000. № 11.
644. *Смыкалин А.С.* Этапы конституционного строительства в дореволюционной России // Государство и право. 2004. № 3.
645. *Спасов Б.П.* Контроль за конституционностью правовых актов в Болгарии // Вопросы социалистической конституции / Науч. ред. В.Ф. Коток, Б.П. Спасов. София, 1969.
646. *Старилов Ю.Н.* Административная юстиция в России: Место в структуре административного права, проблемы теории и развития // Институты административного права России. М., 1999.
647. *Старилов Ю.Н.* Административная юстиция в России: Место в структуре административного права, проблемы теории и развития // Административное право Российской Федерации: Материалы конференций. Великий Новгород, 1999.
648. *Старилов Ю.Н.* Административная юстиция и правовая конфликтология // Правовая наука и реформа юридического образования: Сборник научных трудов. Воронеж, 2002. Вып. 13: Правовая конфликтология: Теоретические проблемы междисциплинарного юридического исследования.
649. *Старилов Ю.Н.* Административная юстиция: Судебный контроль, административный иск или административное судопроизводство (право-судие)? // Правовая наука и реформа юридического образования: Сборник научных трудов. Воронеж, 1999. Вып. 7: Государство, право, управление.
650. *Старилов Ю.Н.* Административное судопроизводство в России: Перспективы развития // Российская юстиция. 1998. № 8.
651. *Старилов Ю.Н.* К вопросу о новом понимании административной юстиции // Правоведение. 2000. № 2.
652. *Старилов Ю.Н.* О сущности и новой системе административного права: Некоторые итоги дискуссии // Государство и право. 2000. № 5.
653. *Старилов Ю.Н.* Российская административная юстиция в системе административного права // Российское государство и правовая система: Современное развитие, проблемы, перспективы / Под ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж, 1999.
654. *Старилов Ю.Н.* Современные проблемы российского административного процесса // Российское государство и правовая система: Современное развитие, проблемы, перспективы / Под ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж, 1999.
655. *Старилов Ю.Н.* Судебная власть в России: модель конституционно-правового регулирования // Российское государство и правовая система: Современное развитие, проблемы, перспективы / Под ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж, 1999.
656. *Старилов Ю.Н.* Управленческий процесс, административные процедуры и административное судопроизводство в системе современного административного права // Правовая наука и реформа юридического

- образования: Сборник научных трудов. Воронеж, 2002. Вып. 14: Актуальные проблемы современного российского права.
657. *Страшун Б.А.* Научно-практическая конференция «Судебный конституционный контроль в России: уроки, проблемы и перспективы»: Обзор // Государство и право. 1997. № 5.
658. Судебная реформа: итоги, приоритеты, перспективы: Материалы конференции. М., 1997.
659. *Сухарев А.Я.* Правосудие и преступность // Прокуратура и правосудие в условиях судебно-правовой реформы: Сборник научных трудов. М., 1997.
660. *Темушкин О.П.* Творец судебной реформы // Юридические записки. Воронеж, 1995. Вып. 2: Жизнь в науке: к 100-летию со дня рождения М.С. Строговича.
661. *Топорнин Б.* Суд и разделение властей // Вестник Верховного Суда СССР. 1991. № 6.
662. *Тушина Г.М.* Человек перед судом в средневековом Провансе XIII—XIV вв.: источники и современные исследования // Право в Средневековом мире: Сборник статей. СПб., 2001. Вып. 2—3.
663. У отечественной фемиды плохая репутация в народе // Независимая газета. 1997. 8 августа.
664. *Феофанов Ю.* Почему суд не становится «третьей властью»? // Вестник Верховного Суда СССР. 1991. № 1.
665. *Чайка Ю.* Ветви власти должны найти баланс интересов и консолидировать свои усилия: Материалы V Всероссийского съезда судей // Российская юстиция. 2001. № 3.
666. *Шейфер С.* Взаимодействие судебной и обвинительной властей // Вестник Верховного Суда СССР. 1991. № 8.
667. *Шейфер С.А.* Понятие и взаимоотношение судебной, прокурорской и следственной властей // Уголовная ответственность: основания и порядок реализации. Самара, 1991.
668. *Шейфер С.А.* Понятие судебной власти и ее функции / С.А. Шейфер, В.А. Яблоков // Проблемы судебно-правовой реформы в России: история и современность: Сборник трудов. Самара, 1999. С. 192. Вып. 6.
669. *Шихата И.* Теория и практика правовой и судебной реформы // Российская юстиция. 1997. № 10.
670. Авторефераты и диссертации
671. *Абросимова Е.Б.* Судебная власть: конституционно-правовые аспекты: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1998.
672. *Абушенко Д.Б.* Судебное усмотрение в гражданском процессе: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1998.
673. *Аверченко Д.Г.* Специализированные суды в системе органов судебной власти (Теоретико-правовое исследование): Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2002.
674. *Акопов Л.В.* Демократический контроль как государственно-правовой институт (теоретический аспект): Дис... канд. юрид. наук. М., 1997.
675. *Акопов Л.В.* Контроль в управлении государством (конституционно-правовые проблемы): Дис... д-ра юрид. наук. Ростов-н/Д, 2002.

-
676. *Албаков Д.Х.* Развитие конституционных основ организации и деятельности судебной власти: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2005.
677. *Александров А.С.* Язык уголовного судопроизводства: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2003.
678. *Алехина О.М.* Арбитражные суда в механизме современного государства (теоретико-правовой аспект): Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2004.
679. *Анисимов П.В.* Теоретические проблемы правового регулирования защиты прав человека: Дис... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2005.
680. *Анишина В.И.* Запрос суда в Конституционный Суд Российской Федерации о проверке конституционности закона: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д, 2001.
681. *Анишина В.И.* Конституционные принципы как основа самостоятельности судебной власти: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. М., 2006.
682. *Антонов И.А.* Место и роль прокуратуры Российской Федерации в системе контрольной власти (конституционно-правовой аспект): Дис... канд. юрид. наук. М., 2003.
683. *Апостолова Н.Н.* Мировые судьи в Российской Федерации: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Краснодар, 1998.
684. *Арутюнян Г.Г.* Конституционный суд в системе государственной власти (сравнительный анализ): Автореф. дис... д-ра юрид. наук. М., 1999.
685. *Афанасьев С.Ф.* Проблема истины в гражданском судопроизводстве: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Саратов, 1998.
686. *Байдуков В.А.* Обеспечение судебной власти в деятельности районного суда: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1998.
687. *Белякова С.В.* Правовой статус органов судебной власти в механизме Российского государства: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Саратов, 2004.
688. *Бендюрина С.В.* Федеральный парламентский контроль в Российской Федерации (конституционно-правовое исследование): Дис... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003.
689. *Болдырева Р.С.* Разделение властей: теоретико-правовые аспекты: Дис... канд. юрид. наук. М., 1998.
690. *Боровский М.В.* Суды общей юрисдикции в Российской Федерации: Проблемы и перспективы: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2000.
691. *Бузмакова О.Г.* Судебная власть в Сибири в конце XIX — начале XX в.: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Томск, 2004.
692. *Бурдина Е.В.* Организация арбитражных судов субъектов Российской Федерации, ее правовая основа, перспективы развития: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Саранск, 2000.
693. *Бушуев И.И.* Разделение властей в федеральном государстве: Дис... канд. юрид. наук. М., 1997.
694. *Быкова Е.В.* Судебный контроль за предварительным расследованием преступлений во Франции: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1996.
695. *Вершинин А.П.* Содержание гражданских процессуальных правовых отношений: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Л., 1986.

696. *Виноградов И.П.* Место и роль российской прокуратуры в механизме разделения властей (теоретико-правовое исследование): Дис... канд. юрид. наук. Коломна, 2000.
697. *Вицын А.И.* Третейский суд по русскому праву. Историко-догматическое рассуждение: Дис... магистра гражданского права. М., 1856.
698. *Воскобитова Л.А.* Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. М., 2004.
699. *Вулах Г.М.* Арбитражный суд как участник арбитражного судопроизводства: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Саратов, 2005.
700. *Вяткин М.Ф.* Конституционно-правовое регулирование судебной власти в Российской Федерации: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004.
701. *Гайдук В.В.* Разделение государственной власти в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: Дис... канд. юрид. наук. М., 2002.
702. *Галиева Л.Ш.* Разделение власти в субъектах Федерации: историко-теоретическое исследование: Дис... канд. юрид. наук. Уфа, 2002.
703. *Ганиева Т.И.* Правовые вопросы судебной власти и ее осуществление в Кыргызстане: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003.
704. *Гапеев В.Н.* Сущность арбитражной формы защиты права: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д, 1971.
705. *Глазунов А.Р.* Конституционный Суд Российской Федерации (Практика и перспективы): Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2003.
706. *Головинская И.В.* Уголовное судопроизводство у мирового судьи: Дис... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2003.
707. *Гудков А.И.* Государственная власть в современной России: становление и основные тенденции развития: Дис... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 1998.
708. *Гущев В.В.* Сравнительно-правовое исследование мирового суда в России (история и современность): Автореф. дис... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2005.
709. *Демичев А.А.* Сравнительно-правовое исследование суда присяжных в России (история и современность): Дис... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2003.
710. *Дмитриев Ф.М.* История судебных инстанций гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника от Уложения о губерниях: Дис... магистра гражданского права. М., 1859.
711. *Дунаев И.И.* Институт мировых судей Нижегородской губернии во второй половине XIX — начале XX в. (по материалам Нижегородской губернии): Дис... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2003.
712. *Дювернуа Н.Л.* Источники права и суд в древней России. Опыты по истории русского гражданского права: Дис... магистра гражданского права. М., 1869.

713. *Евстифеева Т.И.* Гражданские процессуальные правоотношения: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Саратов, 1999.
714. *Едидин Б.А.* Суд в системе органов государственной власти России: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2005.
715. *Ершов В.В.* Судебная власть в правовом государстве: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. М., 1992.
716. *Зимин А.В.* Конституционный контроль в системе разделения властей (теоретико-правовые аспекты): Дис... канд. юрид. наук. М., 2002.
717. *Кавелин К.Д.* Основные начала русского судоустройства и гражданского судоустройства в период времени от Уложения до Учреждения о губерниях: Дис... магистра гражданского права. М., 1844.
718. *Карпов Д.В.* Проблемы конституционно-правового гарантирования правозащитной функции судебной власти в Российской Федерации: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2000.
719. *Кладий Е.В.* Судебная власть в системе государственной власти Российской Федерации: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2002.
720. *Клеандров М.И.* Разрешение хозяйственных споров в агропромышленных и территориальных производственных комплексах: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. М., 1987.
721. *Кобзарев Ф.М.* Проблемы теории и практики процессуальных и организационных отношений прокуратуры и суда в сфере уголовного судопроизводства: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. М., 2007.
722. *Ковтун Н.Н.* Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: понятие, сущность, формы: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2002.
723. *Колоколов Н.А.* Судебный контроль в стадии предварительного расследования преступлений: важная функция судебной власти: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1998.
724. *Колоколов Н.А.* Судебная власть как общеправовой феномен: автореф. дис... докт. юрид. наук. Нижний Новгород. 2007.
725. *Кондратенко Н.А.* Конституционно-правовые основы формирования и деятельности арбитражных судов в Российской Федерации: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2003.
726. *Кононенко В.И.* Мировой суд, опыт становления и развития (Уголовно-процессуальный аспект): Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2003.
727. *Корнилаева А.А.* Теория парламентского контроля в контексте принципа разделения властей: Дис... канд. юрид. наук. Уфа, 2002.
728. *Коротких М.Г.* Судебная реформа 1864 г. в России (Сущность и социально-правовой механизм формирования): Автореф. дис... д-ра юрид. наук. Л., 1990.
729. *Косолапов М.Ф.* Суд в системе государственной власти в Российской Федерации: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Саратов, 2001.
730. *Кряжкова О.Н.* Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: вопросы теории и практики: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2004.

731. *Куденеев С.В.* Актуальные вопросы обеспечения законности на муниципальном уровне (на примере Республики Мордовии): Дис... канд. юрид. наук. М., 2005.
732. *Кузнецов А.В.* Парламентский контроль в субъектах Российской Федерации: Дис... канд. юрид. наук. М., 2002.
733. *Кучерена А.Г.* Административная юстиция в механизме защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1998.
734. *Лебедев В.М.* Проблемы становления и развития судебной власти в Российской Федерации: Автореф. дис... д-ра юрид. наук М., 2000.
735. *Лебедев В.М.* Судебная власть на защите конституционного права граждан на свободу и личную неприкосновенность: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1998.
736. *Лонская С.В.* Мировой суд в России (1964—1917). Историко-правовое исследование: Автореф. дис... канд. юрид. наук. СПб., 1998.
737. *Лусегенова З.С.* Теоретико-правовые основы судебной власти в Российской Федерации: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2000.
738. *Мадатов Г.А.* Советское правосудие по гражданским делам в борьбе с пережитками капитализма в сознании людей: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Баку, 1960.
739. *Максимович А.Я.* Арбитраж в системе министерства, комитета, ведомства: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1884.
740. *Масленников М.Я.* Деятельность народных судов СССР по применению мер административного принуждения: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Одесса, 1974.
741. *Масликов И.С.* Судебная власть в государственном механизме Российской Федерации: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1997.
742. *Машкин В.А.* Конституционный Суд как институт российского правового государства: становление и развитие: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Орел, 2002.
743. *Мизулина Е.Б.* Уголовный процесс: концепция самоограничения государства: Дис... д-ра юрид. наук. Ярославль, 1997.
744. *Милованова Е.В.* Высший Арбитражный Суд Российской Федерации в системе государственных органов России: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2000.
745. *Митина М.Г.* Принципы арбитражного судоустройства: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001.
746. *Михайлов М.М.* История образования и развития системы русского гражданского судопроизводства до Уложения 1649 г.: Дис... магистра гражданского права. СПб., 1948.
747. *Михайлов М.М.* Русское гражданское судопроизводство в историческом его развитии от Уложения 1649 г. до Свода законов: Дис... д-ра юрид. наук. СПб., 1956.
748. *Мозолин В.П.* Гражданско-процессуальное отношение по гражданскому праву: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1954.

-
749. *Молотов А.В.* Абстрактный и конкретный нормоконтроль в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Тюмень, 2003.
750. *Невский И.А.* Исполнимость постановлений судов общей юрисдикции и арбитражных судов в контексте задач гражданского судопроизводства: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Саратов, 2005.
751. *Немытина М.В.* Суд в России: Вторая половина XIX — начало XX века: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. М., 1999.
752. *Несмеянова С.Э.* Правовые проблемы становления специализированного конституционного контроля в Российской Федерации: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1994.
753. *Нефедова И.И.* Суд как объект правоприменительной деятельности в Российской Федерации: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2004.
754. *Носырева Е.И.* Альтернативное разрешение гражданско-правовых споров в США: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001.
755. *Овчинников В.А.* Конституционный принцип разделения властей в современной России (проблемы теории и практики): Дис... канд. юрид. наук. СПб., 2002.
756. *Орлова Ю.О.* Средства массовой информации в деятельности по формированию авторитета судебной власти: Автореф. дис... канд. политол. наук. М., 2004.
757. *Павличенко Н.М.* Принцип разделения властей в конституционном регулировании Российской Федерации: Дис... канд. юрид. наук. М., 1999.
758. *Павловский В.Л.* Организация обеспечения деятельности судебной власти в Российской Федерации: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2003.
759. *Пасечник Н.В.* Политические аспекты судебной власти в современной России: Автореф. дис... канд. политол. наук. М., 2005.
760. *Перфильев В.М.* Прокурорский надзор за законностью деятельности органов, разрешающих гражданско-правовые споры и правах и интересах граждан: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Свердловск, 1965.
761. *Петлюра В.И.* Институты российской судебной власти в правовом регулировании политических конфликтов: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д, 2005.
762. *Петрова И.В.* Конституционный Суд орган конституционного контроля в Российской Федерации: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2004.
763. *Петровский С.А.* О Сенате в царствование Петра Великого: Историко-юридическое исследование: Дис... магистра государственного права. М., 1875.
764. *Петрухин И.Л.* Теоретические проблемы эффективности правосудия (по уголовным делам): Дис... д-ра юрид. наук. М., 1997.
765. *Петухов Н.А.* Социальные и правовые проблемы становления, развития и функционирования системы военных судов России: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. М., 2003.

766. *Пилипенко Ю.С.* Судебная система Швейцарии: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2001.
767. *Пинтус С.А.* Проверка конституционности законов по запросам судов: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004.
768. *Пирумова Ю.А.* Место и роль арбитражных судов в системе организации судебной власти в России: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2005.
769. *Побирченко И.Г.* Хозяйственные споры и формы их разрешения: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. Харьков, 1971.
770. *Прокошенкова Е.Е.* Разделение властей как принцип механизма осуществления государственной власти в Российской Федерации: Дис... канд. юрид. наук. М., 2003.
771. *Ракитская И.А.* Формы парламентского контроля в скандинавских странах и Финляндии: Дис... канд. юрид. наук. М., 2001.
772. *Савельева Т.А.* Судебная власть в гражданском процессе: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Саратов, 1996.
773. *Саленко А.В.* Федерализм в России и Германии: сравнительный анализ: Автореф. дис... канд. юрид. наук. СПб., 2002.
774. *Саттаров В.С.* Судебная система в триаде власти современного российского государства (Социологический анализ): Автореф. дис... канд. социол. наук. М., 2004.
775. *Селезнев Н.В.* Конституционный Суд и уголовное судопроизводство: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1999.
776. *Соловьева А.К.* Административная юстиция в России: Проблемы теории и практики: Автореф. дис... канд. юрид. наук. СПб., 1999.
777. *Степанков В.Г.* Правовая позиция: общетеоретические и прикладные аспекты: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003.
778. *Тарасенко Т.Г.* Судебная власть в Российской Федерации: теоретико-правовой и институциональный анализ: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2000.
779. *Тарло Е.Г.* Проблемы профессионального представительства в судопроизводстве России: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. М., 2004.
780. *Татаринев С.А.* Вопросы конституционного законодательства в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации (1992—2001 гг.): Автореф. дис... канд. юрид. наук. Тюмень, 2003.
781. *Телегина В.А.* Правосудие как социально-правовая ценность (вопросы теории): Автореф. дис... канд. юрид. наук. Саратов, 2006.
782. *Терхин В.А.* Судебная власть в государственно-правовом механизме обеспечения прав и свобод граждан (вопросы теории и практики): Дис... канд. юрид. наук. Саратов, 2001.
783. *Токарева М.Е.* Современные проблемы законности и прокурорский надзор в досудебных стадиях уголовного процесса: Дис... д-ра юрид. наук. М., 1997.
784. *Тришина Е.Г.* Проблема судебного контроля в гражданском судопроизводстве: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Саратов, 2000.

-
785. *Трофимова Н.Н.* Мировая юстиция Центрально-промышленного района России в 1864—1889 гг.: генезис, региональные особенности судостроительства и деятельности: Дис... канд. юрид. наук. Владимир, 2004.
786. *Трубников П.Я.* Советский суд в борьбе с гражданскими правонарушениями: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1953.
787. *Усанов В.Е.* Институт административной юстиции в системе административного права: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1999.
788. *Устюжанинов В.А.* Институт мировых судей: вопросы правовой регламентации: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1999.
789. *Фахрашуи Т.И.* Судебная система Российской Федерации (Современное состояние и некоторые направления совершенствования): Автореф. дис... канд. юрид. наук. Тверь, 1998.
790. *Филиппов Е.И.* Проблемы правового регулирования общественно-товарищеского судопроизводства в СССР: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1981.
791. *Хегай А.В.* Федеральная судебная власть в системе конституционного права: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д, 2004.
792. *Химичева О.В.* Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. М., 2004.
793. *Худойкина Т.В.* Юридический конфликт (теоретико-прикладное исследование): Автореф. дис... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002.
794. *Цыхоцкий А.В.* Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. Новосибирск, 1998.
795. *Ченцов Н.В.* Защита государственных интересов в гражданском судопроизводстве (Теоретические проблемы): Автореф. дис... д-ра юрид. наук. М., 1990.
796. *Чепурнова Н.М.* Судебная власть в Российской Федерации: проблемы теории и государственно-правовой политики: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. Саратов, 1999.
797. *Честных В.И.* Суд присяжных в России как комплексный правовой институт: теория, история, современность: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2003.
798. *Шавров А.В.* Сенат в системе юридических учреждений Российской империи (1861—1904 гг.): Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1987.
799. *Шакарян М.С.* Субъекты советского гражданского процессуального правоотношения: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. М., 1972.
800. *Шатовкина Р.В.* Организация и деятельность мировых судей в Российской Федерации: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2002.
801. *Шахназаров И.Я.* Концепция создания и становление советской судебной системы на региональном уровне: 1917 — конец 1920-х гг.: На материалах Пензенской губернии: Автореф. дис... канд. истор. наук. Пенза, 2003.

802. *Шевчук В.Б.* Реформирование судебной системы России во второй половине XIX — начале XX в. (Историко-правовое исследование): Автореф. дис... канд. юрид. наук. СПб., 2004.
803. *Шеменева О.Н.* Рассмотрение гражданских дел мировыми судьями: проблемы совершенствования процессуальной формы: Дис... канд. юрид. наук. Саратов, 2005.
804. *Щеглов В.Н.* Гражданское процессуальное правоотношение: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. Томск, 1965.
805. *Юков М.К.* Структурно-сложное содержание гражданских процессуальных правоотношений: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Свердловск, 1972.
806. *Яблоков В.А.* Реализация судебной власти на досудебных стадиях уголовного процесса России: Дис... канд. юрид. наук. Самара, 2001.
807. *Яртых И.Г.* Проблемы взаимодействия адвокатуры и государственной власти: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2003.
808. *Яшникова Т.А.* Конституционный Суд Российской Федерации: анализ деятельности и проблемы: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1994.

Оглавление

Введение	3
Раздел I. Судебная власть: история возникновения и развития	9
Глава 1. Суд, судебная власть: генезис и эволюция	10
Глава 2. Судебная власть: понятие, сущностные характеристики	28
Глава 3. Судебно-властное отношение: критерии эффективности	58
Глава 4. Историография древнерусского судебного права	75
4.1. Основные источники древнерусского судебного права	75
4.2. Историография древнерусского судебного права XVIII — начала XX в.	90
4.3. Историография древнерусского судебного права советского периода	102
4.4. Современная историография древнерусского судебного права	110
Раздел II. Курс лекций по истории правосудия России	117
Глава 1. Судебные органы в Древнерусском государстве	118
1.1. Восстановления нарушенных прав на Руси в период возникновения государственности	118
1.2. Судопроизводство в Древнерусском государстве	123
Глава 2. Особенности суда в Новгороде и Пскове	131
2.1. Судные грамоты Новгорода и Пскова	131
2.2. Изменение Псковской судной грамоты	136
2.3. Структура судебных органов в Новгороде и Пскове	136
2.4. Суд веча	137
2.5. Совет господ	138
2.6. Суд князя и посадника	139
2.7. Князь	140

2.8. Посадник	143
2.9. Тысяцкий	143
2.10. Суд владычня или епископского наместника	144
2.11. Архиепископ	144
2.12. Суд братчины	145
Глава 3. Судебная власть в Московском государстве	146
3.1. Развитие права в Московском централизованном государстве	146
3.2. Соборное уложение 1649 г.	153
Глава 4. Система судебных органов в Московском царстве	156
4.1. Боярская дума и Расправная Палата	156
4.2. Приказы	158
4.3. Территориальные судебные приказы	160
4.4. Земский приказ	161
4.5. Владимирская четверть	161
4.6. Галицкая четверть	161
4.7. Новгородская четверть	162
4.8. Костромская четверть	162
4.9. Устюжная четверть	162
4.10. Смоленский приказ	163
4.11. Сибирский приказ	163
4.12. Приказ Казанского дворца	163
4.13. Литовский приказ	164
4.14. Приказ лифляндских дел	164
4.15. Малороссийский приказ	164
Глава 5. Сословные приказы	165
5.1. Большой Дворец	165
5.2. Дворцовый судный приказ	165
5.3. Посольский приказ	165
5.4. Большая казна или Приказ большой казны	166
5.5. Казенный приказ	166
5.6. Аптекарский приказ	167
5.7. Ямской приказ	167
5.8. Разрядный приказ	167
5.9. Иноземный и Рейтарский приказы	168
5.10. Стрелецкий приказ	169
5.11. Пушкарский приказ	169
5.12. Казачий приказ	170

Глава 6. Судебные приказы для отдельных групп населения	171
6.1. Холопий суд или приказ	171
6.2. Челобитный приказ	171
6.3. Поместный приказ	172
6.4. Разбойный приказ	172
Глава 7. Церковный суд	174
7.1. Сущность церковного правосудия	174
7.2. Патриарший разряд или приказ	175
7.3. Патриарший двор	175
7.4. Монастырский приказ	175
Глава 8. Судебный процесс в Московском государстве	177
8.1. Организация судопроизводства	177
8.2. Подсудность	178
8.3. Суд	178
Глава 9. Судебные доказательства	181
9.1. Послушество	181
9.2. Суды Божии	182
9.3. Письменные акты	182
9.4. Сила судебных решений	183
Глава 10. Розыск	184
10.1. Стороны	184
10.2. Средства розыска	184
10.3. Приговор и его исполнение	186
10.4. Вотчинные суды	189
10.5. Участие населения в суде	190
10.6. Инстанции	191
Глава 11. Судебные органы Российской империи в XVIII — первой половине XIX в.	192
11.1. Судебные учреждения России в период Петровских преобразований (конец XVII — первая четверть XVIII в.)	192
11.2. Высшие судебные учреждения	193
11.3. Центральные судебные учреждения	195
11.4. Местные судебные учреждения	199
11.5. Особенности Петровских реформ	202

Глава 12. Развитие судебной системы во второй половине XVIII — начале XIX в.	215
Глава 13. Идеи судебной реформы М.М. Сперанского	230
Глава 14. Великая судебная реформа в 60-х годах XIX в.	236
14.1. Проекты реформы суда	236
14.2. Реорганизация следствия	237
14.3. Судоустройство в Российской империи по законам 1864 г.	242
14.4. Институт судей	244
14.5. Судебные приставы	247
14.6. Институт присяжных заседателей	247
Глава 15. Торговое право и судопроизводство в России	249
Глава 16. Развитие уголовного права и процесса в России во второй половине XIX в.	253
16.1. Законодательная база уголовного судопроизводства	253
16.2. Уложение об уголовных и исправительных наказаниях	253
16.3. Уголовный процесс	256
Глава 17. Особенности производства в суде с участием присяжных заседателей	259
17.1. Устройство суда присяжных	259
17.2. Судопроизводство с участием присяжных заседателей	266
Глава 18. Судебная система России в начале XX в.	278
18.1. Совершенствование законодательства в начале XX в., новые организационные формы правосудия	278
18.2. Разработка нового Уголовного уложения	279
18.3. Уголовное уложение 1903 г.	280
18.4. Положение о военно-полевых судах	281
18.5. Попытка восстановления института мировых судей	283
18.6. Воссоздание военно-полевых судов	284
Глава 19. Российский суд в феврале — октябре 1917 г.	286
Глава 20. Реформирование судебной системы после Октября 1917 г.	288
20.1. Создание основ советского права	288
20.2. Ликвидация старой системы судопроизводства и создание новой	289
20.3. Стихийное возникновение революционных судов	290
20.4. Декрет о суде № 1	291
20.5. Декрет о суде № 2	295
20.6. Декрет о суде № 3	295

Глава 21. Развитие советского права в период Гражданской войны	300
21.1. Общие тенденции в становлении советского права	300
21.2. Уголовное право	301
Глава 22. Судебная система Советского государства в 1920—1930-е годы	303
22.1. Судебная реформа 1922 г.	303
22.2. Новая судебная система	304
22.3. Судейские кадры	304
22.4. Специальные сессии суда	307
22.5. Губернские суды	308
22.6. Создание советской прокуратуры	309
22.7. Становление советской адвокатуры	310
Глава 23. Развитие советского права в 1920—1930-е годы	312
23.1. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г.	312
23.2. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 г.	315
23.3. Процессуальное право	316
23.4. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР	316
23.5. Развитие судебной системы в 1920—1930-е годы	317
23.6. Уголовное право и уголовный процесс в период репрессий	322
Глава 24. Судебные органы СССР в период Великой Отечественной войны	324
24.1. Советское право в период Великой Отечественной войны	324
24.2. Расширение подсудности и укрепление системы военных трибуналов	326
24.3. Развитие судебного права в годы войны	328
24.4. Судебное управление в годы войны	332
Глава 25. Судебная система в СССР во второй половине 1940-х — конце 1980-х годов	336
25.1. Развитие советского права	336
25.2. Кодификация советского законодательства	339
25.3. Перестройка судебной системы	341
25.4. Развитие правовой системы в период перестройки	343
Глава 26. Конституционные основы судебной власти в Российской Федерации	348
26.1. Институт судебной власти в постсоветской России	348
26.2. Развитие законодательства Российской Федерации о судебной системе	358
26.3. Ход судебной реформы России в 2002—2006 гг.	363

Раздел III. История исполнения судебных актов в России: основные этапы	371
Глава 1. Исполнительное производство от Русской Правды до Уложения 1649 г.	372
Глава 2. Исполнительное производство по Уставу гражданского судопроизводства 1864 г.	376
Глава 3. Понудительное исполнение в Российской империи с 1889 по 1917 г.	384
Глава 4. Советский период развития исполнительного производства	386
Глава 5. Реформа принудительного исполнения 1997 г.	394
Глава 6. Современное состояние законодательного регулирувания исполнительного производства и возникших из него дел по ГПК РФ 2002 г. и ФЗ «Об исполнительном производстве» 2007 г.	396
Библиографический список	404